

И С Т О Р И Я
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

И С Т О Р І Я
НАРОДОВЪ и РЕСПУБЛИКЪ
ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ,

изложенная

Константиномъ Арсеньевымъ.

„Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зеркало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣщъ предковъ къ потомству; доислѣженіе, изъясненіе наслоящаго и примѣръ будущаго.“

Карамзинъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

содержащая въ себѣ времена отъ первыхъ извѣстій о Грекахъ до конца войны Пелопонезской.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1825.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ пѣтъ, чптобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. Пешербургъ, 20 Апрѣля 1825 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

ИМПЕРАТОРУ

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ

САМОДЕРЖЦУ ВСЕЯ РОССІИ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Дерзаю украсить Высочайшимъ Именемъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА слабое произведеніе усерднаго труда моего; приношу къ подножію освященнаго Трона ВАШЕГО жертву ничтожную, но искреннюю и благоговѣйную. Исторія Древнихъ Грековъ, народа просвѣщеннаго и образованнаго, кому можетъ быть посвящена, ГОСУДАРЬ, какъ не ВАМЪ, Просвѣтителю своихъ подданныхъ, ВАМИ счастливыхъ, Образователю своей великой державы, ВАМИ возвеличенной и благоденствующей?

Преподавая Исторію Народовъ и Царствъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ, состоящихъ подъ высокимъ покровительствомъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ

ВЫСОЧЕСТВЪ ГОСУДАРЕЙ Великихъ Князей НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА, я стараюсь въ сердцахъ будущиѣхъ воиновъ, защитниковъ Трона и Отечества, поселить благоговѣйную преданность къ Высочайшей Власти, Провидѣніемъ поставленной надъ народами, внушить имъ правила истинной терести, любовь къ добродѣтели и рвеніе къ общему благу; стараюсь великими образцами вѣковъ минувшихъ воспламенить въ душахъ юныхъ слушателей моихъ стремленіе къ совершенію предстоящаго имъ служенія ко славѣ МОНАРХА, къ пользѣ отечественной и къ терести ихъ собственной. Въ прохожденіи обязанностей, на меня возложенныхъ, я руководствуюсь одною мы-

слю: исполнить въ точности волю моего
Натальства, своимъ усердіемъ заслужить
милостивое вниманіе ИХЪ ИМПЕРАТОР-
СКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ, и явить по силамъ
моимъ вѣрноподданническую ревность къ
службѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕ-
ЛИЧЕСТВА.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Константинъ Арсеньевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Удостоенный чести преподавать Исторію Народовъ и Царствъ въ Главномъ Инженерномъ и Артиллерійскомъ Училищахъ и въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ я считалъ моимъ долгомъ сославить руководство по сей наукѣ, сообразное лѣтамъ, понятіямъ и образованію моихъ слушателей, которые имѣютъ болѣе или менѣе достаточныя предварительныя свѣдѣнія въ Исторіи, и которые слѣдственно въ правѣ ожидать отъ меня пополненія только и распространенія ихъ познаній въ сей только обширной и важной части познаній человеческихъ. Не смѣю думать, чтобы я вполне оправдалъ ихъ ожиданія.

Бесѣдуя по обязанности моей о великихъ произшествіяхъ свѣта съ людьми, еще мало знакомыми со свѣтомъ, юными по лѣтамъ и по

II

опышамъ жизни, сильными въ дарахъ воображенія и памяти, но не совсемъ еще богатыми умствен-нымъ развитіемъ силъ своихъ, я обращалъ преимущественно вниманіе ихъ на то, чшобы они постигали причины важнѣйшихъ событій, познавали постепенный ходъ оныхъ и открывали слѣдствія благодѣшельныя или вредныя, отъ нихъ произшедшія для народовъ, чшобъ они — будущіе воины—пораженные не обыкновенными подвигами героевъ древности, увлеченные высокостію ихъ чувствованій, величіемъ характеровъ и выпренностію добродѣшелей привыкали съ юныхъ лѣтъ своихъ готовить себя къ снѣжанію подобной славы на предлежащемъ имъ военномъ поприщѣ, чшобы проникнутые гнусностію пороковъ и злодѣйствъ, передаваемыхъ намъ безприсрастно и не лицепріятною Исторіею, они поставили се-

бѣ неизмѣннымъ правиломъ жизни слѣдовать всегда путемъ чести и добродѣтели. Я старался содѣлать для моихъ слушателей *Исторію свидѣтельницаю временъ, свѣтомъ истинны, наставницею жизни*, какъ ее называешь Цицеронъ; сообщая имъ всѣ превращенія вѣковъ прошедшихъ я желалъ, чѣмъ они не увлекаясь обманчивою прелестію прошедшаго чувствовали и цѣнили свое счастье въ настоящемъ и пишались сладостнымъ упованіемъ на благоденствіе въ будущемъ для себя и для цѣлаго человѣчества.

Желаю, чѣмъ мое сочиненіе удостоено было вниманіемъ не только учащагося юношества, приобретающаго еще познанія въ школахъ, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, но и вниманіемъ людей наставленныхъ уже въ школѣ жизни и свѣта, и посвящающихъ досуги свои наукамъ изъ любви къ онымъ. Это былобы для меня

IV

высочайшею наградою за труды мои.

Съ благодарностію приму благонамѣренныя замѣчанія знашковыхъ на издаваемые мною книги; знаю обширность и трудность поприща, на которомъ дерзнулъ я испытать Историческій палантъ мой, знаю, что сіе сочиненіе мое недоспаточно, можетъ быть, во многомъ; но рѣшаясь предсавишь оное на вниманіе и на судъ просвѣщенной публики я ободряюсь пою мыслию, что трудъ благонамѣренный, предпринимаемый на пользу общую, не заслуживаетъ большаго порицанія, скольбы онъ ни былъ далекъ отъ совершенства. Дальнѣйшими моими изданіями буду стараться приобретать болѣе правъ на вниманіе публики, и на признательность учащихъ. *On doit tendre à la perfection sans y prétendre* — великое правило славнаго Фоншенеля, ко-

порымъ я руководствуюсь во всѣхъ моихъ начинаніяхъ.

По оппечашаніи Греческой Испоріи будешь печашашься немедленно Римская Испорія и Испорія Азіатскихъ и Африканскихъ народовъ; сія послѣдняя въ крапкомъ общемъ обзорѣніи съ предварительными поняшїями объ Испоріи вообще. Испорія Среднихъ Вѣковъ, большею частію уже окончанная, сосшавилабы продолженіе моего Испорическаго курса, который посшараюсь снабдить Географическими Каршами, необходимыми для лучшаго уразумѣніа Древней и Средней Испоріи.

ИСТОРИЯ ГРЕЦИИ.

Вступленіе.

Азія, объявая нынѣ мертвымъ сномъ единообразія и неизмѣняемости, была колыбелью первыхъ народовъ и царствъ на землѣ; Африка, по малозначительности Полипической, мало уваженная народами новѣйшими, только періодически и ненадолго обращала на себя вниманіе и древняго просвѣщеннаго свѣта; Европаже была въ древности, оспаеясь и доселѣ жилищемъ народовъ образованнѣйшихъ и доблесивенныхъ, и метрополією царствъ успроенныхъ, цвѣтущихъ и счастливыхъ. Исторія передаетъ намъ вѣрныя свѣдѣнія о многихъ народахъ въ древности существовавшихъ на пространствѣ сихъ прехъ часпей земнаго шара, или всей шогда извѣстной вселенной; памяшь о нихъ сохранилась чрезъ цѣлыя пышящельпія въ насшавленіе временъ насшоящихъ; но изъ всѣхъ народовъ древнихъ Греки

наиболѣе увлекающъ вниманіе наше; ни одинъ народъ никогда не являлъ такого разнообразнаго, богатаго развитія и въ нравственней, и въ гражданской жизни. Не спраснію къ завоеваніямъ, не ужасами бранными, не спременіемъ къ незаконному владычеству надъ народами, но высокою образованностію, чувствомъ къ изящному, любвию къ свободѣ, ненавистию къ пираниіи иноземной, опличнымъ успройствомъ гражданскимъ Греки спяжали себѣ первенство надъ всѣми народами и древняго, и новѣйшаго міра; по справедливости считающся они истинными наспавниками всего просвѣщеннаго свѣта.

Исторія сего народа образуешь прекрасное цѣлое, во всѣхъ частяхъ своихъ совершенное. Ежели жизнь народовъ можно уподобить жизни челоѣка, въ особеннсти взяшаго; то кромѣ Грековъ нѣтъ народа, которагобы существованіе такъ ясно предспавляло всѣ возрасты жизни; самое младенчество Грековъ занимательно; и здѣсь уже усмапривающся хотя слабые, но замѣтные для наблюдателя порывы къ будущей полнотѣ, силѣ и совершенству; юношеской возрастъ ихъ подобень прелестному, восходящему солнцу, во всемъ бле-

скѣ доспигающему благословеннаго полудня; возраситъ зрѣлости совершенной, возраситъ мужества Грековъ, подобно свѣшлomu дню, озаренъ необыкновенною славою дѣлъ великихъ; подвиговъ чудесныхъ; въ своей спарости и въ политической смерти своей Греки оставляютъ слѣды, никогда не изгладимые. На классической землѣ Греціи и доселѣ находимъ мы развалины минувшаго величія, копорья напоминаютъ намъ славу древнихъ ея обитателей.

Исторія Грековъ по существу событій можетъ быть раздѣлена на четыре періода:

Первый Періодъ заключаетъ въ себѣ младенчество сего народа, закрытое отъ насъ завѣсою баснословія и героизма; онъ продолжается отъ 1800 до 1000 л. до Р. Х., или отъ первыхъ извѣстій о Грекахъ до образованія республиканскаго правленія въ Греціи или до произхожденія первыхъ усироенныхъ республикъ.

Второй Періодъ—юность Грековъ—ознаменованъ славою законодательства и заключаетъ въ себѣ время отъ 1000 до 500 л. до Р. Х., или отъ образованія республикъ въ Греціи до Персидскихъ войнъ.

Третій Періодъ — мужество Грековъ—есть время воинскихъ подвиговъ и высочайшей образованности Греческой націи; онъ простирается отъ 500 до 362 л. до Р. Х., или отъ Персидскихъ войнъ до битвы Мантинейской.

Четвертый Періодъ—старость и политическая смерть Грековъ—идеть отъ 362 до 146 л. до Р. Х., или отъ битвы Мантинейской до разрушенія Коринѳа и покоренія Греціи Римлянами; онъ содержитъ время чужеземнаго владычества въ Греціи, послѣдней борьбы Грековъ за свободу, и причины ихъ паденія.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ

Отъ первыхъ извѣстій о Грекахъ до образованія республиканскаго правленія въ Греціи. (1800—1000).

Взглядъ на землю Греціи.

Греки занимали юговосточной край Европы. Греція, величиною своею менѣ четвертой части Франціи, ровная Таврической Губерніи, заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ 2000 миль; она образуетъ полуостровъ омываемый съ трехъ сторонъ водами Ионическаго, Среди-

земнаго и Эгейскаго морей, а съ четвершой стороны отдѣленный опъ прочаго Конпинна Европы горами Камбунскими.

Сама природа, казалось, благоприятствовала возвеличенію Грековъ. Они жили подъ опкрытымъ, всегда свѣтлымъ, яснымъ небомъ, пользовались умѣреннымъ, счастливымъ климатомъ, не подверженные ни нестерпимымъ зноямъ южной Азіи, ни жестокой стужѣ сѣверной Европы; опъ пого въ Греціи нѣтъ ни излишняго обилія спранъ пропическихъ, ниже чрезмѣрной скудости земель полярныхъ; Греки не могли ослабѣть опъ нѣги и излишества, но за шо не перѣли и крайностей нужды неодолимой; они поощрялись къ дѣятельности, къ трудолюбію, а дѣятельность есть жизнь народовъ, первое средство къ ихъ счастью и благоденствию.

Дѣятельность Грековъ естественнымъ образомъ направлена была къ портовымъ связямъ. Воды морскія, ее окружающія, вливающя далеко во внутренность земли и образуютъ многіе большіе заливы; по берегамъ морей и заливовъ находились усвоенныя природою приспани и бухты, способныя ко вмѣщенію большого числа кораблей; во всѣ сто-

роны отъ Греціи лежатъ многочисленныя группы острововъ, служація мѣспомъ роздыха кораблямъ, плавающимъ по морю. Греція съ береговъ своихъ смотрится, пакъ сказать, въ Испанію, Малую Азію и Африку. Какое удобство для связей съ народами иноплеменными, какая легкость въ оборотахъ товаровъ, идей, открытій, изобрѣшеній и познаній всякаго рода!

Въ горахъ, пресѣкающихъ по разнымъ направленіямъ всю Грецію, заключается большое количество рудъ и полезныхъ минераловъ; оплогоспи ихъ покрыты густыми лѣсами корабельными; на проспранспвѣ между горъ разшилились обширныя долины съ плодородною почвою и привольными пасбищами; земледѣліе и скотоводство могли доставлять и доставляли не исчислимыя запасы къ торговлѣ и богатству жителей разныхъ областей Греціи.

Первые обитатели Греціи.

Нѣсколько вѣковъ прошло прежде, нежели Греки познали богатство природы своей, прежде нежели они содѣлались богаты, просвѣщенны и знамениты. Въ глубокой древности Греція наполнена была лѣсами и хищными звѣ-

рями, въ нихъ обитавшими, была необработана и населена варварскими племенами народовъ чуждыхъ, вошедшихъ сюда, вѣроятно, изъ Азіи. *Пеласги*, сами себя Авпохтонами именовавшие, первые поселенцы въ Греціи, пришедшіе, какъ полагаютъ, съ береговъ Малой Азіи, заняли очень рано, около 1800 л. до Р. Х., всю южную часть Греціи. Инакомъ называютъ перваго ихъ предводителя. Аргосъ и Сикіонъ, древнѣйшіе города въ Греціи, Пеласгамъ одолжены произхожденіемъ своимъ. Пеласги пѣнулись по пространству Греціи съ юга на сѣверъ и нашли себѣ сопровивниками, *Эллиновъ*, новыхъ пришельцовъ, поселившихся въ Греціи съ сѣвера на югъ; около 200 лѣтъ (1700—1500 до Р. Х.) продолжалась борьба сихъ народовъ, первоначально производившихъ безъ сомнѣнія отъ одного корня. Наконецъ *Эллины* подъ предводительствомъ *Девкалиона* воспоржесествовали надъ Пеласгами, которыхъ одна часть нашла бѣдное убѣжище въ ущельяхъ горъ Аркадіи и Эпира, а другая оставя Грецію спаслась въ Италіи подъ руководствомъ вождей своихъ Энопра и Певцепія. Оба сіи народа были, подобно дикимъ Новаго Свѣта, совершенные варвары; не имѣя понятія о гра-

жданскихъ связяхъ, не разумѣя даже священ-
ныхъ узъ брака они блуждали по лѣсамъ, одѣ-
тые въ звѣриныя кожи и пишаясь древесными
плодами и кореньями и непрерывно воюя ме-
жду собою.

По одолженіи Пеласговъ Элмины остались
одни властелинами во всей Греціи. Послѣ Дев-
каліона извѣстнѣйшій вождь ихъ былъ *Элминъ*,
кого именемъ назвался весь народъ. Онь его
сыновей и внуковъ, *Дора*, *Эола*, *Ахая* и *Иона*,
произошли чепыре разныхъ племені: Доряне,
Эоляне, Ахайцы и Ионяне. Долго племя Ахай-
цовъ превосходило прочихъ славою и могуще-
ствомъ; безсмертный Омеръ подъ именемъ
Ахайцовъ не рѣдко разумѣеть всѣхъ вообще
Грековъ. Въ послѣдствіи времени продолжи-
тельнѣйшую и прочнѣйшую знаменитость
приобрѣли Доряне и Ионяне; спрогость ха-
рактера, варварство и свирѣпая жестокость,
приверженность ко всему старому, благого-
вѣйное уваженіе обычаевъ своихъ предковъ,—
вошь свойства Дорянъ; пламенное воображе-
ніе, предприимчивость, живость, непоспоян-
ство и легкомысліе, склонность ко всему
чрезвычайному, спрасъ къ новизнѣ, и любовь
свободы и равенства—вошь характеръ Ионянъ!

Первые были счастливы подъ правленіемъ Аристокраціи — вторые желали всегда Демокраціи. Попомки Дорянъ были Спаршанцы; опть Іонянъ производили Аѳиняне.

Въ печеніи двухъ вѣковъ (1400 — 1200 до Р. Х.) Элліны распроспранились изъ Тессаліи, первоначальнаго ихъ жилища, по всѣмъ прочимъ частямъ Греціи. Селенія, основанныя въ разныхъ спранахъ чепшырьмя племенами Элліинскими, положили начало многимъ городамъ и республикамъ; полько примъчательнѣйшія изъ нихъ Спаршанская и Аѳинская имѣють испинно Историческій интересъ; судьба всѣхъ прочихъ Грековъ сопряжена необходимо съ жизнію Спаршанцовъ и Аѳинянъ; эпо два великіе попока, поглощающіе въ своемъ печеніи всѣ прочія Греческія племена, кои подобно небольшимъ ручьямъ изливаются въ оныя. Сіи полько два народа должны обратишь на себя все наше вниманіе; но чпобы не бышь во все чужду въ разсужденіи всего состава древней Греціи, предспавимъ въ краткомъ обзорѣнн всѣ области ея и опишемъ дѣла, коими онѣ ознаменованы были въ мрачный періодъ баснословія и героизма.

Ч А С Т И Г Р Е Ц І И.

Древняя Греція соспохла изъ чепырехъ главныхъ частей: Тессаліи и Эпира на сѣверѣ—Элады въ срединѣ—и Пелопонеса на югѣ.

А. Т Е С С А Л І Я.

Тессалія сѣверовоспочная часть Греціи, есть проспранная, плодоносная и живописная долина, замкнушая со всѣхъ споронъ горами. *Камбунской* хребетъ на сѣверѣ опдѣляетъ ее отъ Македоніи; *Олимпъ*, на вершинахъ коего обипали безсмершныи Боги Греціи, *Осса*, опдѣляемая отъ Олимпа долиною Темпейскою, и *Пеліонъ* вѣнчали Тессалію на воспокъ пуская опрасли свои въ видѣ холмовъ и мысовъ до самыхъ береговъ моря Эгейскаго и *Термайскаго* залива; гора *Эта* соспавляла еспешивенную ограду Тессаліи на югѣ; между улесами сей горы и моремъ находипся узкой проходъ *Термопиль*, коего имя возбуждаешъ великія воспоминанія. Гора *Пиндъ*, жилище девяти Музъ Греческихъ, распилалась съ своими опраслями по западной границѣ Тессаліи опдѣляя ее отъ Эпира. По проспранспву Тессаліи капиль сребриспья волны свои *Пеней*, рѣка, осѣняемая

вѣшисными деревьями, благоухающая ароматами, во множествѣ распушими по берегамъ ея, и орошающая прелестнѣйшую въ мѣрѣ долину *Телпейскую*, на которой самъ Аполлонъ, сошедъ съ высотъ Олимпа, пасъ стада, долину, на которой Греки полагали Елисейскія поля свои или жилище праведныхъ.

Во внутренности Фессалии въ ея долинахъ находились привольные луга и превосходныя пастбища, на коихъ паслись многочисленныя стада живошныхъ. Скоповодство было главнымъ занятіемъ Фессалійцевъ; они были Номады, ежели не всѣ, по крайней мѣрѣ обитатели внутреннихъ странъ Фессалии. Любимыми живошными ихъ были кони. Фессалійцы славилась искусствомъ въ управленіи конями и въ обузданіи самыхъ неукротимыхъ, свирѣйшихъ. Фессалійская конница была знаменипа даже и въ послѣднія времена независимаго существованія Грековъ. На семь-по, вѣроятно, основалась басня о шакъ называемыхъ *Центаврахъ*, людяхъ, имѣвшихъ нижнія части конскія, а верхнюю-человѣческую; не трудно опгадать, что это были всадники Фессалійскіе.

Вообще въ Мифологіи и въ героической Исторіи Грековъ Фессалия естъ земля примѣча-

пельнѣйшая. Здѣсь скончался доблеспвенный Геркулесь, здѣсь родились и царспвовали славный Девкаліонъ и неодолимый Ахиллесь, здѣсь родились Орфей и Линъ, здѣсь жили Филокшентъ, Пирипой и Хиронъ. Все сіе указываетъ на раннюю знаменитость Эссалии и весьма раннее ея образованіе, которое однакожъ не достигло здѣсь всей полноты своей. Эссалия состояла изъ пяти областей, каковы: а) *Фтиотида* на юговостокъ, съ городами: *Трахинъ*, *Малей*, *Ламія* и *Фере*, б. *Магнезія*, занимающая восточный мысъ, съ приморскимъ городомъ *Магнезією*, и знаменитою гаванью *Юлкосъ*; с. *Пеласгиотида*, съверовосточный край Эссалии, съ городами: *Ларисою* и *Элатеєю*, д. *Эстіэотида*, на съверозападъ, съ главнымъ городомъ *Гомфи*, и е. *Эссалиотида*, лежащая во внутрренности; здѣсь находился славный въ послѣдствіи городъ *Фарсалъ*. На югозападъ Эссалии обитали народы *Эніаны*, а на самомъ съверѣ *Перребы* и н. д. коихъ Греки не признавали единоплеменными себѣ.

Эссалийцы, раздѣленные на различныя поколѣнія, образовали въ глубокой древности многія независимыя владѣнія подъ управленіемъ избранныхъ спарѣйшинъ, копорые увеличивая

болѣе и болѣе власшь свою и содѣлавъ ее наслѣдственною угнѣшали народъ бременемъ самовласція и деспотизма. Всѣ порывы къ независимости, всякое стремленіе народа къ свободѣ подавляемо было ихъ тиранніею. Опъ сего часто происходили возстанія народа противъ своихъ спарѣйшинъ или Князей; часто свирѣпствовали въ Фессаліи войны одного племени съ другимъ. Для опвращенія бѣдспвій, опъ того происходящихъ, учреждено было около 1500 до Р. X. въ сей спранѣ Судилице, знаменитѣйшее въ древности, благодѣтельное для Фессаліи и попомъ для цѣлой Греціи, судилище, извѣстное подъ именемъ Амфиктіонскаго Собранія. Здѣсь въ семъ собраніи, наспавипельномъ и для народовъ новѣйшихъ, рѣшаемы были распри различныхъ племенъ Греческихъ; здѣсь поспановляемы были мѣры для сохраненія безопасности и внутренней, и внешней. Всѣ члены Амфиктіонскаго Собранія кляпвенно обязывались исполнять въ точности всѣ опредѣленія онаго. Фессалія по справедливости гордится симъ учрежденіемъ; толико славнымъ; оно здѣсь воспріяло свое начало, и производилось сперва въ Фессаліи въ городѣ Анпелѣ близъ Фермопиль, а попомъ въ Фокидѣ въ городѣ Дельфахъ. Ос-

новашелемъ Амфикціонскаго Собранія считающу обыкновенно Амфикціона, сына Девкалионова, правителя некопорой часи Эссалии; другіе же полагаютъ Акризія, Царя Аргоскаго, учредившемъ или преобразовавшемъ сего судилища.

Эссалийцы, благопріятствуемые счастливымъ положеніемъ земли своей при берегахъ моря Эгейскаго, обладая богатымъ запасомъ даровъ природы, успокоенные наконецъ подъ кровомъ успроеннаго правленія, рано приучились къ шорговль, рано начали плавать вдоль береговъ своего опечеснва и достигали Македоніи съ одной, и Эллады съ другой стороны. Гавань *Толкосъ* была удобнѣйшимъ мѣстомъ для вмѣщенія судовъ и для опправленія ихъ въ море. Сія гавань за тринадцать почти вѣковъ до Р. Х. ознаменовалась уже славнымъ въ древности событіемъ; здѣсь построены были большей величины суда, нежели какія до тѣхъ поръ были извѣсны; опсюда предприняты походы, извѣстный подъ именемъ *похода Аргонавтовъ*; это былъ первый и счастливый опытъ Грековъ на опасномъ поприщѣ шорговли и мореплаванія.

Язонъ, знамениаго рода, племянникъ одного изъ владѣтелей Эссалійскихъ, мужъ, славный умомъ, воинскими подвигами и предприимчивостію, начерпалъ планъ смѣлый къ опдаленному путешествію по морямъ. Цѣлю сего путешествія было спяжати славу и приобрѣсти богатія сокровища, незнаемыя еще Грекамъ и не открытыя въ нѣдрахъ самой Греціи. Язонъ хотѣлъ проникнуть въ землю, лежащую на восточной сторонѣ Понпа Эвксинскаго, въ *Колхиду* (Мингрелію), тогда богатую и славную, нынѣ малозначущую, бѣдную область великой Имперіи Россійской. Тамъ находилось Золотое Руно, спрегомое чудовищными Драконами, и доставлявшее золотую волну, богатившую жителей сей страны. Похитить сіе Руно—вопъ предметъ предначертанія Язона!—Язонъ ишелъ себѣ въ своихъ сопещественникахъ множество храбрыхъ сопутниковъ, рѣшившихся пренебречь всѣми опасностями подѣ руководствомъ знамениаго вождя своего. Каспоръ и Помуксъ, славные воители Греческіе, поставленные въ сонмъ Полубоговъ, Пелей, опецъ Ахиллеса, Нелей, родитель Нестора, сладковучный Орфей, мощный Геркулесъ—вопъ знаменившіе сопутники Язона! Язонъ вспомо-

щеспивуемый Медесю, дочерию Царя Колхидскаго, одолѣлъ всѣ затрудненія и достигъ цѣли своихъ желаній. Подъ сею Мифою сокрыта историческая испинна. Походъ Аргонавтовъ или спранспивованіе Язона было первое коммерческое предіріяніе Грековъ. Руно Золотое есть символъ богатства, приобретаемаго торговлею; драконы суть опасности, преперѣвныя ими на длинномъ пути по морямъ, имъ неизвѣстнымъ. Аргонавты отправившись около 1250 л. до Р. Х. изъ гавани Іолкосъ оупъ юговоспочныхъ спранъ Тессалии шли по Эгейскому морю въ Гелеспонгъ, оспуда чрезъ Пропониду и Босфоръ Тракійской въ Понгъ Эвксинскій; здѣсь держались они береговъ Малой Азіи по направленію оупъ запада на воспокъ до Колхиды. Слѣдствіемъ сего похода было знакомство съ спранами оупдаленными, и съ народами чуждыми, и учрежденіе съ ними торговыхъ связей. Имя Язона сдѣлалось въ послѣдующихъ вѣкахъ сполько славнымъ, и дѣла его считались споль чудными, что оупъ поставленъ въ рядъ величайшихъ Героевъ Греціи, а Экспедиція его признана баснословною. Во время сего похода Греки въ первой разъ уз-

наюпъ Тролицовъ—знакомство роковое для сихъ послѣднихъ.

В. Э П И Р Ъ.

На западъ отъ Фессаліи по ту сторону Пинда лежить *Эпиръ*, царство тьмы, страна находившаяся, по мнѣнію первыхъ Грековъ, на оконечностяхъ свѣта, земля, въ которой Греки полагали шарипаръ. Горами Пиндомъ и Керраунскими, заливомъ Амвракійскимъ и моремъ Ионическимъ отдѣлялся Эпиръ отъ всѣхъ странъ, съ нимъ соедѣленныхъ. Осирали горныя проходы и повнуиренности сей земли; пошому Эпирошны лишенные удобствъ сообщенія ни когда не были ни просвѣщенны, ни славны сполько, какъ прочія Греческія племена. Большая часть обитателей страны сей были не Греческаго произхожденія, отъ шого Греки собственные именовали ихъ варварами. Только одно царствующее племя *Закидовъ* было уважено, племя, производившее отъ Ахилеса или сына его Пирра. *Оеспроты* и *Молосы* были самыя многочудныя и сильныя племена, жившія въ Эпирѣ. Ни однимъ знаменнымъ событіемъ не ознаменовали себя въ древности жители Эпира. Впрочемъ въ самыя

опдаленныя времена Эпиръ имѣлъ для Грековъ нѣчто священное—тамъ находился храмъ Богу Зевесу въ рощахъ города Додоны, туда привлекало многочисленныя толпы пришельцовъ изъ всѣхъ краевъ Греціи *Додонское прорицалище*. Городъ *Додона*, благоденствовавшій отъ сосѣдства съ Оракуломъ, находился между оплогоспями горы *Томара* и озеромъ *Ахерузией*, изъ коего изливались спремившіяся на югозападъ рѣки *Коцитъ* и *Ахеронъ*, поелику извѣстные въ баснословіи. Додонской Оракулъ, основанный, вѣроятно, Египетскими плѣнными, былъ первое учрежденіе въ семь родъ для Грековъ, и процвѣталъ дополь, пока новый, въ позднѣйшія времена возникшій оракулъ Дельфійскій совершенно зашмиль его своею славою и подорвалъ довѣріе къ Богу Додонскому, и жрецамъ его. Кромѣ Додоны находился въ Эпирѣ важный городъ *Амвракія*, содѣлавшійся примѣчательнымъ въ послѣдующія времена.

На западъ отъ Эпира на морѣ Ионическомъ лежишь оспровъ *Корцира*, славный своими портами, кораблями и шорговлею. Въ позднія времена Греціи онъ содѣлается знаменитымъ по вліянію своему на судьбу Греціи.

С. Э Л Л А Д А.

Эллада, средняя часть Греціи, лежитъ въ центрѣ оной, примыкаясь къ сѣверу къ Фессаліи и Эпиру, и соединяясь на югѣ съ Пелопонесомъ посредствомъ *Истма* или перешейка Коринѣскаго; съ прочихъ сторонъ она омывается водами морей и заливовъ. Сія часть Греціи, достопамятнѣйшая въ летописяхъ древности, состояла изъ многихъ областей, болѣе или менѣе знаменитыхъ, таковы по направленію оныя запада къ востоку: Акарнанія, Эполія, Локрида, Дорида, Фокида, Віошія и Аллѣика:

I. А К А Р Н А Н І Я.

Акарнанія, самая западная страна Эллады, населенная народомъ Эллинскаго племени, не имѣетъ никакого участія въ славу Греціи: Акарнанійцы, одни изъ всѣхъ народовъ Греческихъ, не видѣли свѣта Иліона, не участвовали въ войнѣ Троянской. Морскіе грабежи составляли главное занятіе жителей; грубость и нечестиво были всегдашнимъ ихъ удѣломъ. Древнѣйшими владѣтелями сей земли именуютъ *Алкмеона* и сына его *Акарнана*, по имени коего и вся страна получила свое названіе:

Городъ *Аргосъ*, главный въ Акарнаніи, поспроенъ, какъ полагаютъ, вскорѣ послѣ войны Троянской *Амфилохомъ*, сыномъ Амфіараа, Князя Аргоскаго въ Пелопонесѣ.

Близъ береговъ Акарнаніи находящіяся острова *Левкада* и *Итака*. Первый прославленъ въ послѣдствіи времени именами Сафо, безсмертной пѣнопѣвицы Греціи, и Артемизы, Царицы Карійской, съ великимъ мужествомъ дѣйствовавшей въ великой битвѣ Саламинской. Обѣ онѣ нашли себѣ здѣсь смерть ввергшись въ море со скалы Левкадской. Ипака царство знаменитаго Улисса.

2. Этолія.

Этолія отдѣляется отъ Акарнаніи рѣкою *Ахелоемъ*, величайшею во всей Элладѣ. *Этолъ*, современникъ Пелопса, предводительствуя Эолянами выгналъ Куреповъ, первобытнихъ жителей сей страны, овладѣлъ оною и даровалъ ей свое имя. Этолійцы прославились въ войнѣ Троянской своимъ мужествомъ подъ управленіемъ знаменитаго вождя своего Діомеда. Подобно Акарнанійцамъ они были и оспались навсегда ниже прочихъ Грековъ въ образованіи своемъ. Любовь къ свободѣ и ненависть къ

спиранин чужеземной были опличительнымъ характеромъ Эполійцевъ; сей характеръ сохранили они до времени позднѣйшихъ, даже и во время всеобщаго порабощенія Грековъ игу Македонявъ и Римлянъ.

3. Локрида.

Локрида, проспиранившаяся оупъ залива Коринтскаго съ югозапада на сѣверовоспокъ, находилась между Эполіею, Доридою, Фокидою, Тессалиею и Віотіею до пролива, отдѣляющаго Грецію оупъ острова Эвбеи. Предѣломъ сей обласни на сѣверовоспокъ служатъ славныя *Термопилы*, а на югозападѣ гавань *Навпактѣ*, сохранившій доселѣ славу свою подъ именемъ Лепанна. Жители Локриды, раздѣлявшіеся на *Озольскихѣ*, *Опутскихѣ* и *Эпикнеидскихѣ* Локрянъ не ознаменовали себя ничѣмъ великимъ. *Алфиктіонѣ* былъ первымъ и знаменитѣйшимъ правителемъ въ сей обласни. Владѣтель Локридскій *Алексѣ* меньшій спяжалъ себѣ безсмертіе въ войнѣ Троянской. —

4. Дорида.

Дорида, меньшая изъ всѣхъ обласней Элады, лежитъ при подошвѣ Эпы между Эполі-

ею, Эссалиєю и Локридою, населена народомъ изъ племени Дорянъ, кои вмѣстѣ съ попомками Геркулеса или Иракла-Ираклидами-произвели великой переворотъ во всей Греціи, и особенно въ Пелопонесѣ.

5. Ф о к и д а.

Фокида, область, священная въ глазахъ Грековъ, замкнута на западѣ *Парнасомъ*, горою, на коей Спихосворцы получали вдохновеніе Боговъ, на сѣверѣ *Этою*, а на востокъ горою *Геликономъ*, на высотахъ коей воздвигнутъ былъ храмъ Музамъ и Аполлону. Рѣка *Цефизъ* напаяетъ водами своими всю Фокиду протѣкая поперегъ оной отъ запада на востокъ. Сія страна можетъ гордиться великими воспоминаніями. Здѣсь на вершинѣ Парнасса Девкаліонъ за 1500 л. до Р. Х. во время опустошительнаго попопа, поглотившаго почти всю Эссалию и нѣкоторую часть другихъ Греческихъ областей, спасся отъ гибели; здѣсь могущіе и мудрые Амфиктіоны рѣшали участь народовъ Греческихъ; здѣсь Пифія сидя на своемъ преножникѣ надъ пропастями или излучищами разщелинами Парнасса, принимая дары народовъ и Царей, отъ имени Бога Аполл:

лона изрѣкала будущее величіе и славу Греціи, благоденствіе или опасности ея обещавшей; здѣсь въ честь Богу Аполлону совершались Дельфійскія игры, блескомъ и спеченіемъ народа успунавшіе только Олимпійскимъ; здѣсь Поэты Греціи, напоенные спружми водъ Каспальскихъ, пѣли величіе своего Бога, славу опечесива и счасніе собравшихся на игры согражданъ своихъ.

6. В і о т і я.

Віотія (въ древности Кадмеидою именовалась), обласнь проспиравшаяся опъ *Алціонскаго* залива до пролива *Эвбейскаго*; окружена опраслями горъ *Парнасса*, *Геликона*, *Киверона* и *Птоаса*. Средина ея была обширная равнина, орошаемая множеспвомъ ручьевъ и рѣчекъ, капившихся съ высотъ горныхъ, и изливавшихся или въ море, или въ большое озеро *Копайду*, соединяющееся съ моремъ посредспвомъ подземныхъ каналовъ. Рѣка *Азонъ* несетъ волны свои въ море, а рѣки *Цефизъ* и славный *Пермесъ* въ *Копайду*.

Віопія, коея жипели считались слабоумнѣйшими прошивъ всѣхъ прочихъ Грековъ, вѣрошно, опъ сгущеннаго и влажнаго воздуха,

была классическою спраною самыхъ древнѣйшихъ преданій и Мифологическихъ и Историческихъ, колыбелію первой жизни Грековъ и гробомъ ихъ свободы.

Финикійская колонія, предводимая *Кадмомъ*, сыномъ Агенора, положила начало образованію сей спраны. Кадмъ съ нѣсколькими изъ своихъ соопечесивенниковъ прибывъ около 1500 л. до Р. Х. въ Віопію посипроилъ селеніе—*Кадмею*—, содѣлавшееся въ послѣдствіи знаменитымъ городомъ—*Фивы*. Онъ научилъ природныхъ обипателей обработанію земли, познакомилъ ихъ съ употребленіемъ металловъ, укронилъ жестокіе ихъ нравы, сообщилъ имъ драгоцѣннѣйшее изобрѣтеніе ума человѣческаго—писмена, безъ коихъ народы никогдабы не возвысились на степень наспоящаго образованія и упонченія. Жизнь Кадма облечена Мифами и украшена разнообразными вымыслами Пэшовъ Греціи. Віопія въ Мифологіи есть главный шеазиръ походовъ Кадма, Семелы, его дочери, Бахуса, прекрасной Антіопы, ея сладкозвучнаго сына Амфіона и несчастной его супруги Ніобы, Амфинріона съ Алкменою, родителями Геркулеса, препрославленного, величайшаго изъ всѣхъ героевъ Греціи. Фивы, глав-

изъ городъ *Віопіи*, въ самой глубокой деревоспи содѣлались однимъ изъ самыхъ сильныхъ и цвѣтущихъ городовъ Греціи. Кромѣ *Фивъ* въ позднѣйшія времена приобрѣли великую знаменитость города: *Танагра*, *Платея*, *Феспія*, *Коронея*, *Херонея*, *Левктры* и *Орхоленъ*. За тринадцать вѣковъ до Р. Х. городъ *Фивы* имѣлъ особенныхъ Царей, изъ коихъ *Лай* съ супругою его *Иокастою* есмь извѣстнѣйшій. *Эдипъ*, сынъ ихъ, по предопредѣленной будности волѣ Боговъ и по неоправимому предрѣченію оракула совершилъ ужаснѣйшія злодѣянія. Содѣлавшись убійцею отца своего и супругомъ своей матери онъ представилъ свѣту умилипельнѣйшій примѣръ раскаянія. Оставивъ всѣхъ и всѣми оставленный онъ спрдалъ безропотно, упѣшаемый въ несчастіяхъ и спрдаціяхъ своихъ одною *Антигоною*, своею дочерью. Престоль *Фивскій* достался двумъ его сыновьямъ *Этеоклу* и *Полинику*, которые, по волѣ отца ихъ и матери *Эвригани*, должны спвоавали править *Фивами* погодно; но *Этеоклъ* подспрѣкаемый честолюбіемъ и желаніемъ власпвоавать безъ раздѣла, изгналъ своего брата изъ опечеспва, и чрезъ то возжегъ въ 1230 г. до Р. Х. убійспвенную войну, опустошавшую большую часть *Греческихъ* об-

ласпей. Полиникъ нашелъ себѣ покровитель-
ство и помощь въ царствѣ Аргоскомъ. *Ад-
растѣ*, повелипель Аргивцовъ, возбудилъ, въ
пользу Полиника, шесть другихъ Князей Гре-
ческихъ (а). Въ сей войнѣ оба брата пали по-
раженные ударами одинъ другаго. Шестъ сое-
диненныхъ Князей погибли въ сей жестокой
брани. Послѣ продолжительнаго боя *Терсандръ*,
сынъ Полиника, вспунилъ за 1210 л. до Р. Х.
на престолъ Фивскій, дымившійся кровію по-
ликаго числа Грековъ. Сія война представляеть
намъ первой примѣръ соединенія Греческихъ
владѣтелей къ единой, общей цѣли. Около
1120 л. до Р. Х. Царское достоинство оп-
мѣнено въ Віопіи, и многіе города ся обра-
зовали независимыя республики, состоявшія
подъ главнымъ вѣдѣніемъ высокихъ правите-
лей съ титуломъ Віоарховъ.

7. А Т Т И К А.

Аттика, въ глубокой древности Аксеею
именовавшаяся, важнѣйшая изъ всѣхъ обласпей

(а) Князья Греческіе, дѣйствовавшіе проптивъ Фивъ, были:
Полиникъ, Тидей, Амфіарай, Капаней, Гиппомедонъ, Пар-
тенопей и Адраспъ—одинъ только послѣдній избѣгнулъ
гибели.

Элады и цѣлой Греціи, образуешь собою полуостровъ, около 15 Нѣмецкихъ миль длиною, и до 6 шириною, прилежащій на сѣверъ Віотіи, а на западъ соединяющійся посредствомъ Истма съ Пелопонесомъ. Заливъ *Саронической* и проливъ *Эвбейской* омываютъ берега Аппики; проливъ Эвбейской имѣетъ свое названіе отъ *О-ва Эвбеи*, величайшаго изъ всѣхъ острововъ на Эгейскомъ морѣ; въ заливъ Сароническомъ лежатъ острова *Эгина* и *Саламинъ*, богатые великими воспоминаніями. Аппика во внутренности представляетъ большую равнину, на оконечностяхъ коей возвышаются горы: пустынной *Киверонъ* на сѣверозападъ, богатый мраморомъ *Пентеликъ*, съ вершины коего видѣнь у береговъ моря Эвбейскаго *Мараѳонъ*, и гора *Гиметъ*, обильная медомъ; съ сей горы обширнѣйшій горизонтъ—Аѳины и вся Аппика какъ въ Панорамѣ; на югъ Аппическаго полуострова высится гора *Лаврія*, въ нѣдрахъ коей получалось серебро; сія гора оканчивалась на самой южной оконечности Аппики утесистымъ мысомъ *Суннійскилъ*, на коемъ попомъ знаменитый *Платонъ* бесѣдовалъ съ учениками своими о высокихъ пайнахъ пворенія и о судьбѣ народовъ. Рѣки *Аттигескій Цефизъ* и *Илиссъ*

съ *Эриданомъ* извѣстны не столько обиліемъ водъ своихъ, сколько живописными видами справъ по берегамъ ихъ. Аппика примѣчательна не богатствомъ природы—она бѣднѣ другихъ обласней Эллады—не разнообразіемъ произведеній естественныхъ—она терпѣла недоспашокъ даже въ хлѣбъ—но доспопашна славою ея обитателей.

Первоначально и они были грубы и невѣжественны, блуждали разсыянно, безъ всякихъ связей взаимныхъ, безъ понятій о гражданственности. *Кекропсъ* первой соединилъ ихъ, далъ имъ новую жизнь. Онъ считаеся первымъ царемъ Аппики. Преданія о какомъ-то *Огигестѣ*, царствовавшемъ здѣсь будтобы еще за 17 столѣтіемъ до нашей Эры, не заслуживаютъ ни вѣры, ни вниманія. *Кекропсъ* прибылъ за 1555 л. до Р. Х. изъ Саиды въ Аппику съ Египетскою колонією и обезпечилъ сію землю отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ, жищелей Віоніи. Онъ старался смягчить нравы обитателей Аппики, научилъ ихъ обработанію земли, сажденію маслинъ и нѣкопорымъ другимъ полезнымъ занятіямъ, ввелъ почипаніе Боговъ, предписалъ законы на счетъ брака, копорый считалъ онъ узами священ-

выми, и поспановилъ воздавать умершимъ погребеніе. При склонѣ горы Гимета онъ заложилъ селеніе, по его имени названное *Кекропиею*, и обнесъ оное крѣпкою оградою; изъ сего селенія, въ началѣ малозначущаго, возникъ потомъ городъ, быспро возрасшавшій и въ населеніи, и въ богатствѣ, и въ могуществѣ, городъ, ввѣренный жителями покровительству Богини Минервы или Афины, и отъ того прозванный *Афинами*, городъ, препрславленный въ лѣтописяхъ древняго міра, откуда разливался благодѣтельный свѣтъ просвѣщенія на всѣ земли и на всѣхъ народовъ. Athenæ . . . omnium doctrinarum inventrices, in quibus summa dicendi vis et inventa est et perfecta. *Кранай* и *Амфиктионѣ* продолжали начашое Кекропсомъ. Народонаселеніе Аппики увеличивалось болѣе и болѣе отъ иноземныхъ поселенцовъ. *Эрихтоній* изъ Египта и *Эвмолпѣ* изъ Фракіи основались съ многочисленными спутниками въ Аппикѣ, Эрихтоній въ Кекропій, Эвмолпѣ въ Елевзисѣ. Семь Царей управляли одинъ за другимъ послѣ Кекропса въ Аппикѣ до тѣхъ поръ, какъ *Эгей* наследовалъ престолю Афинскій послѣ отца своего, Пандіона. Царствованіе Эгея и его преемниковъ есть періодъ начинающейся славы

Аѳинскаго народа; но дѣла сихъ государей одѣяны покровомъ паниспвенныхъ Миѳъ, изъ подъ конхъ мерцають свѣтъ испинны, едва видимый, едва замѣнный наблюдашелоу.

Эгей, борясь съ возмущеніями и непоспоянспвомъ народа, спрашился будущей судьбы своего царства; спрашился, что послѣ его кончины Аѳины будутъ жерпивою кровавыхъ междуусобій и добычею алчнаго честплюбца; Эгей былъ бездѣпенъ; два брака его были бесплодны; для того оставивъ Аѳины онъ отправился въ Дельфы спросить Оракула о будущей судьбѣ своего народа и умолять Боговъ о дарованіи ему преемника на престоу. Испоняпный, паниспвенный опѣвъ прорицалища исполкованъ былъ благопріятно для Эгея Пиемъ, владыцелемъ Трезены, который опдалъ ему дочь свою *Эпру*, содѣлавшуюся пайною супругою Эгея. Опъ сего союза родился славный *Тезей*, провозглащенный сыномъ Бога Посидона или Нептуна, върояшно, для сокрыпій пайнаго союза Эпры съ Эгемъ. Дѣла Тезея описаны Плущархомъ-доказашельство, что онъ есть лице, испинно Испорическое, не смопря на множество баснословныхъ вымысловъ, коими украшена жизнь его. Тезей, воспитанный

въ Трезенѣ подѣ руководствомъ мудраго дѣда своего Писѣя, по достиженіи совершеннаго возраста предпринять путь изъ Арголиды въ Аппику, дабы предстать взорамъ Эгея, отца своего. Путь моремъ, безопаснѣйшій и кратчайшій, отвергнувъ Тезеемъ. Предпримчивый духъ его, искавшій повсюду опасностей и славы, вдохнулъ въ него мысль, явиться къ отцу ознаменовавшись геройскими подвигами; для того онъ принялъ переездъ сухопутный. Эпидаврскія горы, Коринѣскій перешеекъ, и окрестности Кромміона видѣли славу Тезея; онъ поразилъ Перифета и Симмиса, очистилъ Аппику отъ грозныхъ враговъ и чудовищъ; опустошавшихъ оную, и явился къ Эгею вѣнчаный лаврами героя, благодѣтеля земли его; величайшаяже услуга, оказанная Тезеемъ Аппикѣ, было освобожденіе оной отъ постыдной дани, наложенной на нее Царемъ Критскимъ Миносомъ, справедливо раздраженнымъ на Эгея за умерщвленіе сына его Андрогейя, вѣроломно падшаго отъ рукъ убійцъ, подкупленныхъ Эгеемъ. Аѣины опустошены Миносомъ; пѣни несчастнаго Андрогейя принесены кровавыя жертвы; Аѣиняне покорились могущественному врагу своему, и въ доказательство своей покорнос-

ши обязались посылать ежегодно и посылали въ Критъ семь юношей и столькоже юныхъ дѣвъ. Сіе послѣднее обязательство бременило народъ, и уничижило Эгея въ глазахъ его подданныхъ. Тезей желая уничтожить всякую зависимость Аѳинянъ отъ Крита добровольно внесъ себя въ списокъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ будиобы не съденіе чудовищу Миношавру, охранявшему Лабиринтъ Критскій. Своимъ умомъ и великими качествами Тезей умѣлъ примирить Миноса съ опцемъ своимъ, приобрѣсть дружбу его, и такимъ образомъ даровать Аѳинянамъ полное освобожденіе отъ дани, ямъ ненавистной. Сіе происшествіе праздновано было и во времена позднѣйшія, какъ событіе самое счастливое для Аѳинъ; Тезей воспламенилъ къ себѣ всеобщій Энтузіазмъ въ своихъ согражданахъ, Энтузіазмъ признавательности, любви и удивленія. Проницательный Минось видѣлъ въ Тезеѣ будущаго героя Греціи, и явиль шоржественно свое уваженіе къ нему предъ лицомъ своего народа—содѣлавъ его своимъ зятемъ. Федра, дочь Миноса, была супругою Тезея.

По смерти Эгея въ 1255 г. до Р. Х. Тезей вспушилъ на опеческій пресполь съ живѣйшими изъявленіями восшорговъ цѣлаго народа.

Безпрестанный въ битвахъ, мужественный и великій на поприщѣ бранномъ онъ явилъ себя мудрымъ въ дѣлахъ управленія, искуснымъ въ наукѣ царствованія. Царствованіе Тезея ознаменовано многими мудрыми и благодѣтельными для народа постановленіями, которыя и безъ воинскихъ подвиговъ, имъ совершенныхъ ко славѣ народа, моглибы увѣковѣчить имя сего Государя.

Кекропсъ раздѣлялъ Аппику на двѣнадцать участковъ, управлявшихся независимыми одинъ отъ другаго начальниками; Тезей сосредоточилъ все управленіе Аппики въ одномъ городѣ—Аѳинахъ, и для большаго соединенія всѣхъ жителей своего царства онъ связалъ ихъ узамъ религіи; онъ постановилъ, чѣобы общапели Аппики, кромѣ поклоненія частнымъ божествамъ своимъ, кромѣ шоржествъ отправлявшихся въ каждомъ участкѣ порознь, собирались въ Аѳины на общее празднество для жершвоприношеній Богинѣ Минервѣ, на празднество, названное *Панаѳенгею*. Сіи собранія и празднества поселяли въ жителяхъ чувства единства и согласія; здѣсь Царь являлся посреди народа, какъ отецъ посреди многочисленныхъ чадъ своихъ.

Въ концѣ жизни своей Тезей измѣнился къ народу; можешь бышь, въ старости своей опъльпъ и изнеможенія онъ содѣлался суровымъ и даже жестокомъ; можешь бышь неблагодарность и легкомысліе Аѳинянь раздражали его; позднѣйшіе годы его царствованія ознаменованы умобродствомъ, жестокостями и пираниею. Народъ забылъ прежнія услуги Тезея, не помнилъ благодарностей, имъ оказанныхъ цѣлому царству, видѣлъ въ немъ только своего успѣшника; онъ изгнанъ изъ Аѳинъ, и умеръ на островѣ Скіросѣ въ удаленіи опъ своего царства. Престоль его достался *Менестею*, который во время войны Троянской велъ дружины Аѳинскія подъ спѣны Иліона съ другими Царями Греціи.

Д. П Е Л О П О Н Е С Ъ.

На югозападѣ опъ Аппики находится полуостровъ, омываемый водами моря Средиземнаго и Ионическаго, и на одной сѣверной части соединяющійся съ оспальнойю Греціею Испмомъ или Коринескимъ Перешейкомъ—полуостровъ *Пелопонесъ*. Внутренность или середина онаго представляеть большую возвышен-

носпь, копорая спускается къ морю и на оконечностяхъ полуострова образуетъ мысы, изъ коихъ примѣчательнѣйшіе своею величиною супь: *Хелонитесъ* на западѣ, *Акритасъ*, *Тенаръ* и *Малея* на югѣ, и *Силлей* на востокѣ. Съ сей возвышенности спремятся многія рѣки, пекуція по всѣмъ направлѣніямъ, и способствующія плодоносію и богатству спранъ, ими орошаемыхъ. Сей полуостровъ заключаетъ въ себѣ многія области, болѣе или менѣе извѣсныя въ Исторіи Греціи, таковы: Коринѣъ, Сикіонъ, Ахаія, Элида, Мессенія, Лаконія, Аркадія и Арголида.

г. К о р и н ѣ ъ.

Коринѣъ есть почка соединенія Пелопонеса съ Эладою. Горами Гераніенскими отдѣляется сія область отъ *Мегакиды*, югозападной части Аппики, земля несравненная по превосходному положенію своему, отменно выгодному для шорговли. Съ горы, у копорой построень около 1400 л. до Р. Х. городъ Коринѣъ славнымъ Сизифомъ, сыномъ Эола, видны два залива, своими водами какъ будто подмывающіе основанія оной; на вершинѣ сей горы находилась знаменитѣйшая крѣпость *Акро-Ко-*

ринѣ; отсюда видъ очаровательный, одинъ изъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ. Синющіеся верхи Геликона и Парнасса, пвердыни Сикіона, скала Суннійская и въ пемной дали блестящія великолѣпнѣе Аѳины представляются взору. При подошвѣ Акро-Коринеа спруинился источникъ *Пиренѣ*, гдѣ Беллерофонъ, какъ полагаютъ, нашелъ крылатаго Пегаса. Съ восточной споронѣ изъ залива Сароническаго Коринѣяне свободно могли соединяться съ Азіею и съ островами моря Эгейскаго—въ семь заливѣ находилась удобная гавань Коринеская—гавань *Кенхрея*; на западной споронѣ въ заливѣ Коринескомъ или Криссѣ Коринѣяне имѣли другую гавань—*Лехею*; отсюда они плавали до Сициліи и Италіи. Западная Азія и южная Европа были данницами Коринеа.

Коринѣяне сперва управлялись Царями; самые древнѣйшіе изъ нихъ: *Сизифѣ*, *Главкѣ* и *Беллерофонѣ*. Потомки Сизифа, перваго основателя Коринескаго царства, управляли сею землею до 1100 лѣтъ до Р. X. или до шѣхъ поръ, какъ Доряне подъ предводительствомъ Ираклида Алета овладѣли Коринѣомъ. Династія Алетова царствовала до 800 лѣтъ до Р. X. Въ шеніи сего времени Коринѣъ усилился населе-

ніемъ и могуществомъ, и набогатилися опшъ обширной порговли, производимой его жипшелями. Богатый Коринѣ желалъ свободы, и сдѣлался около 770 л. до Р. Х. республикою подъ руководствомъ своихъ *Притановѣ*. Подъ благотворнымъ вліяніемъ благоразумной вольности Коринѣ достигъ высокаго образованія, учинился *totius Græciæ lumen*.

2. Сикіонъ.

Сикіонѣ, самая меньшая изъ всѣхъ обласпей Греціи, гордится своею древностию. За 18 вѣковъ до Р. Х. сія обласпь была населена, процвѣпала богатствомъ, и повиновалась Инаху, родоначальнику всѣхъ Пелопонескихъ власпипшелей. До войны Троянской Сикіонъ имѣлъ независимыхъ Государей; во время нашествія Ираклидовъ Тизамень, попомокъ Апридовъ, изгнанный изъ Ароса, нашелъ себѣ здѣсь и убѣжище, и новое царштво. Жипшели сей спраны спяжали славу на поприщѣ изящныхъ искусствъ.

3. Ахлія.

На западъ опшъ Сикіона вдоль берега Коринескаго залива проспирается обласпь *Эгі-*

алосѣ, называвшаяся такъ въ глубокой древности по имени Эгіала, сына Инахова или Форонеева, область извѣстная попомъ подъ названіемъ *Іоніи*, и наконецъ *Ахаіи*. Ахаія была счастлива подъ кровомъ неизвѣстности, и законовъ мудрыхъ. Ни великіе полководцы, ни знаменитые Поэты не прославили сію землю своими дѣлами или пѣснопѣніями. Только въ позднѣйшія времена, когда умирала уже свобода Греціи, Ахаія возвеличилась союзомъ городовъ своихъ, усиліями ихъ воскресить свободу. Усилія напрасныя—Ахайской союзъ былъ послѣдняя, слабая искра совершенно погасавшаго уже огня независимости и свободы народовъ и республикъ Греческихъ.

4. Элида.

Западный берегъ Пелопонеса занимаетъ *Элида*, орошаемая рѣками *Пенеемъ* и *Алфеемъ*; отъ Ахаіи отдѣляетъ ее не большая рѣка *Лариссѣ*, а отъ Мессеніи рѣка *Неда*. На границахъ съ Аркадіею находящіяся отъ высокихъ горъ. Ионическое море образуетъ здѣсь два залива: *Килленскій* и *Хелонитскій*. *Элій*, сынъ Пропогеніи, дочери Девкаліона, поселился въ Элидѣ съ Элинами, покоривъ своей вла-

спи первобытныхъ обитателей сей страны—*Кавконовъ*. Славный въ Мифологіи *Эндиміонъ* былъ сынъ Эпілія; опъ *Элея* сына Эндиміонова вся земля сія получила названіе Элиды.

Очень рано Элида раздѣлилась на многія мелкія владѣнія, соспоявшія подъ владычествомъ особенныхъ Государей. Владѣтели Пизы извѣстнѣе прочихъ. *Эномай*, Царь Пизскій, даровалъ приспанище, и попомъ съ рукою дочери своей Гипподаміи и престоль своего царства *Пелопсу*, пришельцу изъ Фригіи, по имени коего весь полуостровъ южной Греціи проименованъ былъ Пелопонесомъ. Южная часть Элиды или *Трифилія* подпала въ зависимость *Нестору*, руководившему всѣхъ Царей Греческихъ мудрыми своими совѣтами во время войны Троянской. Впрочемъ не только въ мрачныя, баснословныя времена первобытнаго соспоянія Греціи, но и въ вѣки послѣдующіе, Исторія Элиды не открываетъ ничего насъпавительнаго. Величайшую знаменитость получила въ послѣдствіи Элида опъ игръ Олимпійскихъ, здѣсь каждое чепырехлѣтне опсправлявшихся.

5. Мессенія.

Мессенія, югозападная область Пелопонеса, сопредельна Элидѣ и Аркадіи на сѣверѣ, и Лаконіи на воспокоѣ. Рѣка *Памизѣ* орошаетъ ея внутренность. *Мессенскій* заливъ и Ионическое море омываютъ берега ея. Мессенія опличалась своимъ плодоносіемъ; она была житницею Пелопонеса.

Въ Полипическомъ отношеніи она никогда не играла важной роли между прочими областями Греціи. *Поликаонѣ*, сынъ *Лелекса*, считается основателемъ Мессенскаго царства, названнаго такъ въ честь супруги его *Мессены*. Долгое время управляли имъ потомки его. По пресѣченіи рода *Поликаонова* *Періерѣ*, сынъ *Эола*, возсѣлъ на престола Мессеніи; въ царствованіе сына его *Афарей* прибылъ изъ *Фессаліи* съ многочисленною полпою *Пеласговъ* изгнанный опшуда *Нелей*, внукъ *Эоловъ*; подъ кровомъ родственнаго ему Царя *Афарей* нашель онъ себѣ безопасное убѣжище и получилъ значительной учаспокъ земли въ свое распоряженіе. Сынъ *Нелей*, славный *Несторѣ* распроспранилъ свои владѣнія такъ, что при началѣ войны *Троянской* вся Мессенія прина-

лежала мудрому Неспору; въ Пилосѣ была его резиденція. Во времена позднѣйшія Мессенія приобрѣла несчастную знаменитость своими войнами съ Лаконією или съ Спаршанцами.

6. Л А К О Н І Я .

Лаконія, опечесство Героевъ, классическая спрана воинскихъ доблестей и гражданскихъ добродѣтелей, жилище свободы и жесточайшаго рабства, есть обласъ Греціи, кошорая вмѣстѣ съ Аппикою будетъ занимать насъ исключительно до самаго конца полипической жизни Греческихъ республикъ и народовъ. Лаконія заключаешся на самомъ юговоспокѣ Пелопонеса; заливъ *Лаконскій* раздѣляетъ ее на югъ на два полуострова, изъ коихъ одинъ, западный, кончится мысомъ *Тенарѣ*, а другой, восточный,—мысомъ *Малея*. На югъ отъ сего мыса лежишь о-въ *Цитера*, жилище Паеоской Богини. Грозный *Тайгетѣ* вѣнчаешъ Лаконию на сѣверѣ и западѣ отдѣляя ее отъ Аркадіи и Мессеніи; но безопасносъ Лаконіи ограждалась не швердынями горы сей, но неборимымъ мужесствомъ ея обитателей. По всему пространству сей земли отъ сѣверозапада на югъ пропекалъ быспрый, свѣпый *Эвротасѣ*, рѣ-

ка, берега коей осѣнялись лаврами, никогда не увядавшими, падшихъ героевъ Спаршы.

Кпо сниметь завѣсу, закрывающую ошь насъ начало царства и народа Спаршанскаго? Первобышное соспоянiе Лаконiи и древнѣйшая Испорiя ея облечены не изьяснимыми Миѣами. Полагають, чпо *Лелексѣ*, вѣроятно Египциянинъ, былъ первымъ Царемъ въ сей спранѣ. По имени *Эвротаса*, одного изъ преемниковъ Лелекса, наименована знаменишѣйшая рѣка Лаконiи; дочь Эвротаса, *Спарта*, основала городъ, славный подъ симъ именемъ не въ одномъ Пелопонесѣ, но въ цѣлой Греци; какой-то *Лакедемонѣ*, сынъ Юпитера и попомокъ Океана, былъ супругомъ Спаршы. Вся сiя Миѣа, вымышленная безъ сомнѣнiя во времена позднѣйшiя, не можетъ ли служить намъ доказательствомъ того только, чпо сами Греки ничего не знали вѣрнаго о вѣкахъ раннихъ, и чпо Лаконiя и населилась, и управлялась народами пришлыми, выходцами изъ спранѣ опдаленныхъ и не извѣстныхъ.

Въ вѣки героическiе извѣстны особенно въ Лаконiи Спаршанской Царь *Гиндарей* и его супруга *Леда*. Сыны ихъ *Касторѣ* и *Поллуксѣ* поспавмены Греками въ сонѣ полубоговъ и

считались невидимыми вождями Греческой рати пропивъ враговъ—водили Грековъ къ побѣдамъ. Дочери Тиндаря, *Клитемнестра* и *Елена*, были славны, первая своими злодѣянiями, вторая своею красою. Клитемнестра была супругою Агамемнона, Царя Аргоскаго, сильнѣйшаго между властителями Греціи, главнаго предводителя въ войнѣ Троянской; Елена, супруга брата Агамемнонова, Менелая, Царя Спартанскаго, была виновницею сей жестокой, десятилѣтней войны, сокрушившей гордость Трои и измѣнившей состояніе всей Греціи.

7. А Р К А Д І Я .

Аркадія, центръ Пелопонеса, Греческая Швейцарія, есть долина замкнутая оплсводу высочайшими въ Греціи горами (а), долина, обильная пастбищами, населенная народомъ крошкимъ, ведущимъ пастушескую жизнь. Въ долинахъ Аркадіи раздавались пріятные звуки свирѣли Бога Пана, покровителя сей страны. Аркадія препрославлена въ пѣсняхъ Поэтовъ Греческихъ, какъ земля прекраснѣйшая, какъ райское жилище.

(а) Гора *Киллене* имѣеть опъ 15 до 20 стадій въ высоту или до 500 футовъ надъ поверхностію моря, и есть самая высокая гора во всей Греціи.

Пеласгѣ, предводителю племенъ по его имени называвшихся, считаеся первымъ Царемъ Аркадіи. *Ликаонѣ* былъ сынъ и преемникъ Пеласга; опъ *Аркаса*, внука Ликаонова, сія спрана получила названіе Аркадіи. Аркасъ можетъ назваться Нумою Аркадскимъ—онъ съ мудрою своею супругою *Эратою* приучилъ своихъ подданныхъ къ земледѣлію, ввелъ между ними правильнѣйшее понятіе о божествѣ или даровалъ имъ религію и поселялъ въ нихъ вкусъ къ музыкѣ. Вопъ темныя преданія о временахъ неизвѣстныхъ, сохранившіяся въ памяти объ Аркадіи. Рано населилась она,—и богатая дарами природы своей дѣлилась оными и избыткомъ своего населенія съ спранами опдаленными. Изъ Аркадіи шли многочисленныя поселенія въ Италію подъ предводителствомъ *Энотра* и *Певцетія*, и попомъ еще подъ руководствомъ *Эвандра*. Въ послѣдующія времена жили Аркадіи, многочислнѣйшій народъ въ Пелопонесѣ, или вовсе не принимали, или очень мало, участія въ дѣлахъ прочихъ Грековъ. Можетъ быть, увѣренность въ своей безопасности и чувства миролюбія опклоняли ихъ опъ предпріяшій дерзновенныхъ. Только Тегейне любили враждовать съ Спарпанцами.

Аркадія часто была театромъ знаменитыхъ битвъ, рѣшительныхъ для судьбы цѣлой Греціи и ея народовъ; но ни одного человѣка истинно великаго не возспало между Аркадянами. Только въ вѣки позднѣйшіе, когда Греція опжила уже свое счастіе, вышли изъ нѣдръ Аркадіи *Филопемѣнъ* и *Поливій*. Городъ *Мегалополь*, основанный Эпаминондомъ, былъ родиною сихъ двухъ великихъ Аркадянъ.

8. А Р Г О Л И Д А.

Опъ Аркадіи на юговостокъ идетъ внутрь моря Эгейскаго полуостровъ, окруженный съ одной стороны заливомъ *Аргоскимъ*, съ другою *Сароническимъ*. Почти за 18 вѣковъ до нашей Эры основался здѣсь городъ Аргось, опъ коего и весь полуостровъ получилъ названіе *Арголиды*. Изъ всѣхъ обласпей Греческихъ Арголида естъ самая важнѣйшая, самая примѣчательная для временъ глубокой древности, для вѣковъ баснословія и героизма. *Инахъ*, жившій около 1800 л. до Р. Х. считается первымъ царемъ сей страны; онъ или *Фороней*, его преемникъ, основалъ Аргось, древнюю столицу царства Аргоскаго. Потомки Фороней владѣли болѣе 200 лѣтъ сею страню безъ

пользы для царства, безъ славы для себя. Последній въ династїи Инаховой былъ царь *Геланоръ*. Въ его царствованіе многочисленныя выходцы изъ Египта всступили (1500 л. до Р. Х.) на землю Аргоскую подъ предводительствомъ *Даная*.

Данай, набогащенный познаніями своего опечесства, подарилъ Аргивцамъ многія свѣдѣнія драгоценныя, имъ до полѣ неизвѣсныя; онъ сочпелъ благошворилелемъ земли и провозглашенъ царемъ Аргоса; Геланоръ покорился опредѣленію народа, народъ волю пришельца *Даная*. *Данай* правилъ царствомъ Аргоскимъ около 50 лѣтъ—сыновей не имѣлъ онъ; потомки его по женской линїи царствовали въ Аргосѣ до 200 лѣтъ. *Линцей*, супругъ *Ипермнеспры*, дочери *Даная*, низвергъ его съ престола; похищенное содѣлалось добычею похищителя. *Линцей* былъ также Египтянинъ, слѣдственно земля Аргоская перешла изъ рукъ одного чужеземца въ руки другаго. *Акризій*, внукъ *Линцея*, возвеличилъ сіе царство новыми присоединеніями, и утвердилъ оное соединивъ разныя враждующія племена узами единства и согласія; всѣ жители Аргоса сославились единый народъ. *Акризію* приписываютъ нѣкоторыя Ис-

порики учрежденіе или преобразованіе и лучшее устройство славнаго Амфипріонскаго суда. *Данал*, дочь *Акризія*, и мать знаменишаго *Персея*, была родоначальницею славнаго племени *Персидовъ*. Къ сему племени принадлежишь и *Геркулесъ*. *Электріонъ*, опецъ *Алкмены*, былъ сынь, а *Амфипріонъ*, опецъ *Геркулеса*, былъ внукъ *Персея*.

Персей, сынь *Данаи*, взошелъ (1400 л. до Р. Х.) на спупени прона *Аргоскаго*, дымившіяся кровію *Акризія*, умерщвленнаго по его повелѣнію. Цѣною злодѣянія ужаснаго купилъ онъ себѣ владычество надъ *Аргосомъ*. *Персей* считаешся спарѣйшиною въ сонмѣ героевъ *Греческихъ*; онъ прославилъ свое царствование многими великими подвигами воинскими—но могли ли сіи подвиги изгладить память о пресупленіяхъ, имъ учиненныхъ? Изъ *Государей*, современныхъ *Персею*, одинъ *Пелопсѣ* могъ равняться съ нимъ славою дѣлъ своихъ; *Пелопсѣ*, сынь *Таншала*, Царя *Фригійскаго*, оспавилъ свое опечесство, прибылъ къ берегамъ югозападной *Греціи* и поселился въ *Элидѣ*, въ кошорой управлялъ *Эномай*; своимъ умомъ приобрѣлъ онъ довѣренность сего послѣдняго, соединился съ нимъ

узами родства, и послѣ его смерти сдѣлался Царемъ Элиды; мудростию своею водворилъ онъ золотый вѣкъ въ сей странѣ. Персей искалъ дружбы и союза съ Пелопсомъ. Уваженіе, пишаемое взаимно однимъ къ другому, скоро сблизило ихъ. *Спенелей*, сынъ Персея, вступилъ въ супружество съ Аспидаміею, дочерію Пелопса. Спенелею, царствовавшему въ Аргосъ послѣ Персея, наследовалъ сынъ его *Эвристей*, пламенѣвшій во всю свою жизнь чрезвычайно злобою къ Геркулесу и его потомкамъ. Сіи послѣдніе изгнаны были имъ изъ Пелопонеса, и нашли себѣ убѣжище подъ кровомъ великодушныхъ Аѣинянъ. Эвристей, не укротимый въ гнѣвъ своемъ, преслѣдовалъ Ираклидовъ даже и въ предѣлахъ Аппики. Аѣины угрожаемы были многочисленными полчищами Аргивцовъ. Ираклиды, вспомошествоваемые Аѣинянами, рѣшились опразить врага своего, начали бой подъ стѣнами города, воспоржествовали силою мужества своего, подкрѣпляемаго опчаяніемъ, и Эвристей палъ въ семь сраженій жертвою лютой своей злобы. Съ смертію Эвристея пресѣкъ славный, но преступный родъ Персея. Пелопиды

или попомки Пелопса сдѣлались могущеспвеннѣйшими власнителими въ Пелопонесѣ.

Атрей, дядя Эвриспея и попомокъ Пелопса, върочно сынъ его, управлялъ Аргосомъ во время онсущствія Эвриспея; послѣ его смерти онъ сдѣлался непрекословно Царемъ. Владѣнія Персидовъ и Пелопидовъ соединились чрезъ то въ одно огромное цѣлое, въ единое царство, доставшееся послѣ смерти Атрея сыну или внуку его *Агамемнону*, могущеспвеннѣйшему и несчастнѣйшему изъ Государей Греціи, вождю Грековъ въ войнѣ Троянской. Сія славная война есть блистательнѣйшая Эпоха въ баснословной Исторіи Греческой, есть такое событіе, въ которомъ Греки явили чудеса героизма. Сею войною мы заключимъ героическіе вѣки Греціи, вѣки прелесные для воображенія, мало наставительные для ума. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію важнѣйшаго въ войнѣ сей, надобно познакомиться съ землями, бывшими или шапромъ, или свидѣтельницами сей брани.

Е. ГРЕЧЕСКІЕ ОСТРОВА.

На воспокъ и юговоспокъ оупъ Греціи разсыяны группы острововъ по всему простран-

спиву Эгейскаго моря—можетъ быть, это оспанки маперой земли (*Лектоніц?*), поглощенной водою; можетъ быть, югозападная часть Азии нѣкогда соединена была съ юговосточнымъ концемъ Европы. Самой большой и знаменитѣйшей изъ сихъ оспрововъ есть *Критъ*, *Creta*, *Jouis magni magno jacet insula ponto*;
Mons Idæus ubi et gentis cunabula nostræ.

Centum urbes habitant magnas, uberrima regna — такъ говоритъ о семъ оспровѣ Римскій пѣснопѣвецъ *Виргилій*. Критъ, средоточіе между Европою, Азією и Африкою, былъ мѣспорожденіе Юпитера, опечесство *Миноса* и *Радаманта*, колыбель перваго законодательсва Грековъ, ужасъ оспрововъ и земель сосѣдственныхъ, часно подвергавшихся владычеству *Крипянь*. Къ сѣверу оспъ *Крипя* лежатъ двѣ лиши оспрововъ, изъ коихъ одна примыкается къ берегамъ Европы, другая къ берегамъ *Малой Азии*. Группа оспрововъ примыкавшихся къ Европейскому берегу извѣсна была подъ именемъ *Цикладъ*, группа у береговъ Азии расположенная называлась *Спорадами*. *Мелосъ*, *Наксосъ*, *Паросъ*, *Делосъ*, *Теносъ*, *Андросъ* и *Скиросъ* извѣснѣйшіе въ ряду Европейскихъ оспрововъ; каждый изъ нихъ имѣетъ право на

знаменитость; каждый гордился славными воспоминаніями. Родосъ, Косъ, Самосъ, Хиосъ, Лесбосъ и Лемносъ сушь знаменитѣйшіе изъ острововъ вѣнчающихъ Азію. Жители сихъ острововъ, вѣроятно, одного происхожденія съ Греками, не находя или не умѣя находить дома доспапочныхъ средствъ къ своему пропитанію, развѣзжали по морю нападая на прибрежныя земли — производили морскіе грабежи, — обыкновенное и ни сколько не постыдное по тогдашнимъ временамъ занятіе. Въ школѣ морскаго наѣздничества и разбоевъ морскихъ первобытные Греки испытывали свою храбрость, и оплотившіеся наиболѣе вѣнчались славою Героевъ. Опъ сихъ разбоевъ спрадала Греція; Крипскіе наѣзники обложили Афинянъ позорною данью; Тезей, укротившій ихъ, прославленъ благопворнымъ Геніемъ, Спасителемъ земли своей. Малая Азія, плодоноснѣйшая спрана древняго свѣта, опустошаема была болѣе, нежели прочія земли, неисповыми островищянами. Обитатели Малой Азіи, не смотря на выгоду сушь жилищъ при морѣ, оставляли прибрежныя спраны и искали себѣ убѣжища, безопаснаго опъ морскихъ грабителей, или въ самой внупренности полуострова, или

на высотахъ горъ. Такимъ-то образомъ образовались нѣкопорыя Государства Малоазійскія внутри гораздо ранѣе, нежели близъ береговъ Эгейскаго моря; такимъ образомъ, полагаюпъ, не на берегу моря, а въ отдаленіи отъ онаго, на высотахъ горы Иды, основалось царство Троянское около четырнадцати вѣковъ до Р. Х.

Троянское Царство.

Дарданъ считается первымъ основателемъ сего царства. Не большое селеніе послужило началомъ онаго, селеніе, по имени правителя названное *Дарданією*. Съ вершины горы *Иды*, на которой оно находилось, видны были Гелеспонтъ на сѣверъ, и Эгейское море на юго-западъ. По подошвѣ горы распилалась пространная долина, напаяемая водами *Симоиса* и *Скамандра*. Сія долина, богатая превосходными лугами, питала многочисленныя стада, главное богатство поселенцовъ. *Эрихтоній*, сынъ и преемникъ Дардана, славился своимъ могуществомъ и слылъ богатѣйшимъ владѣтелемъ своего времени. Обширное скопководство, и огромные шабуны красивыхъ коней—вопъ въ чемъ состояло и его могущество, и его богатство. *Тросъ*, сынъ Эрихтонія, распростра-

нилъ владѣній Дарданцовъ; опъ него вся земля получила славное названіе *Трои* или *Троады*. Разпростираненіе владѣній доставило жителямъ новые испочники къ ихъ набогащенію; съ умноженіемъ богатства умножалось и населеніе. *Иль*, сынъ Троса, принявъ престоль увидѣлъ себя обладаемъ обширнаго царства и властиемъ богатаго и сильнаго народа. Троянцы не спрашились уже иноземныхъ враговъ; Иль сошелъ съ вершины горы, и не опасаясь никакихъ нападеній создалъ при склонѣ оной на опкрышомъ мѣстѣ городъ, увѣковѣченный въ несравненныхъ пѣснопѣніяхъ *Омера*, городъ, по имени зиждителя названный *Иліоноль*, но намъ болѣе извѣстный подъ обыкновеннымъ его именемъ — *Троя*. Иль къ своему прискорбію усмотрѣлъ, что опкрышное мѣстоположеніе сего города подвергало его частымъ нападеніямъ народовъ сосѣдственныхъ. Сіи нападенія часто повпорядились, и всегда съ болшею яростію. *Лаомедонъ*, сынъ Ила, оградилъ Трои, для обезпеченія оной опъ враговъ, пвердыми стѣнами опмѣнно укрѣпленными, сполько неборимыми, что онѣ считались дѣломъ Боговъ. Подъ сими-шо стѣнами въ царствованіе *Пріама*, сына и наслед-

ника Лаомедонова, зряпъ Троянцы враговъ шьмочисленныхъ, цѣлую Грецію ополчившуюся прошивъ нихъ.

Троянская война. 1194 — 1184 г. до Р. Х.

Причины сего всеобщаго возстанія Грековъ прошивъ Троянцовъ, сей десятилѣтней войны надобно искать въ возникавшемъ соперничествѣ сихъ народовъ, въ духъ тогдашняго времени и въ характеръ Грековъ, спраспныхъ къ приключеніямъ необыкновеннымъ и увлекавшихся спремленіемъ къ славъ воинской. Похищеніе Елены Парисомъ было шолько ближайшимъ поводомъ къ брани. Вѣроятно, и безъ Париса любви dospойнаго, но легкомысленнаго, и безъ прекрасной, но вѣроломной Елены, война Троянская воспламенилась бы, шолько, можетъ бытъ, позже и иначе, съ инаковыми намѣреніями, или для инаковой цѣли.

Пріамъ началъ свое царспвованіе подъ самыми счастливыми предзнаменованіями; Троянское царспво разпроспранилось при немъ и по шу спорону Геллеспонна; оспровъ Лесбось, богатый населеніемъ, поргвлею и по-

люженіемъ природы своей, соснавяля чась Мошархіи Пріамовой; во внушренности Фригій многія племена народовъ повиновались скинепру Троянскаго повелителя; власпители Ассиріи чествовали пословъ Троянскихъ и уважали союзомъ съ Троею. Троянское царство было въ зенитѣ своего могущества и славы; династія Дардана, казалось, была вѣковою, пронь Пріама казался незыблемымъ; многочисленное семейство, его окружавшее, утверждало преемничество власпи въ его родѣ на многія спольпія. *Гекторъ* возвеличивалъ блескъ его короны своими доблестями, *Парисъ* веселилъ его своею любезностію.

Парисъ, или увлекаемый любопытствомъ видѣть чуждыя земли, или желая прославиться на поприщѣ морскаго хищничества, оставилъ кровь опеческій, и вспунилъ на землю Греціи. Съ уваженіемъ и гостепріимствомъ, сполько свойственнымъ народамъ необразованнымъ, Парисъ принятъ былъ при дворѣ Царя Спарпанскаго Менелая. Очарованный прелестями Елены, супруги его, онъ похитилъ ее, неизвѣстно почно, силою или коварствомъ, измѣною или предательствомъ. Сіе по-

хищеніе было яблокомъ раздора между Греками и Троянцами.

Тиндарей, опецъ Елены, прѣбаваль опть всѣхъ домогавшихся руки ея обязательствѣ, въ случаѣ ея похищенія, употребилъ всѣ усилія для испорженія ея изъ рукъ похитителя и для возвращенія въ нѣдро семейства. Менелай считаль долгомъ исполнить прѣбываніе родителя Елены, и священною обязанностію опмстивъ вѣроломному Парису за его неблагодарность. Подкрѣпляемый могущеслвеннымъ брапомъ своимъ, Агамемнономъ, Царемъ Аргоскимъ, онъ возбудилъ всѣхъ Грековъ къ мести. Обида, нанесенная Менелая, казалась поруганіемъ общимъ для всего народа Греческаго. Агамемнонъ и Менелай прѣбавали опть Пріама возвращенія Елены и полного, совершеннаго удовлетворенія за обиды Парисомъ нанесенныя въ лицѣ Менелая всѣмъ Князьямъ Греческимъ. Пріамъ оптвергнулъ сіи прѣбыванія—и война возгорѣлась. Вся Греція въ движеніи. Греки, движимые героизмомъ и воспламененные злобою, составили многочисленнѣйшее ополченіе; 1200 судовъ вмѣщаютъ около 100,000 вооруженныхъ воиновъ. Агамемнонъ провозглашенъ главою всего воинства. Его высокія ка-

чества содѣлывали его достойнымъ сей чести. Дѣяпелный, искусный во брани, честлюбивый, храбрый, великодушный, кропкій, рѣшительный онъ былъ способенъ къ совершенію великихъ дѣлъ. Мудрый *Несторъ*, владѣтель Пилоса, хитрый *Улиссъ*, Царь Ипакскій, грозный и непобѣдимый *Ахиллесъ*, повелитель Тесалійцовъ, краса героевъ и вождей Греческихъ,—мужественный *Патроклъ*, достойный дружбы Ахиллеса,—неукротимый *Аяксъ* Саламинскій,—пламенный *Діомедъ*, Князь Аргоскій, и *Идомей*, храбрый царь Крипскій,—вопъ славнѣйшіе спутники Агамемнона, управлявшіе отдѣльными дружинами различныхъ племенъ Греческихъ!—одни Акарнанійцы не участвовали въ славѣ и ужасахъ сей войны. Городъ *Авлида* въ Віотіи назначенъ сборнымъ мѣстомъ для Греческихъ силъ. По умилоствленіи гнѣвныхъ Боговъ (Агамемнонъ готовъ былъ пожертвовать своею дочерію *Ифигенію*) флотъ выступилъ изъ гавани, разсѣкъ волны моря Эгейскаго и благополучно приспалъ къ берегамъ Малой Азіи. Успрашенные Троянцы, слабѣйшіе числомъ войска, не смѣя прошивоспалъ Грекамъ на открытомъ полѣ, заключились въ стѣнахъ Трои, города, укрѣпленнаго башнями,

окопами и насыпями. Армія Троянская предводима была Гекторомъ доблеспвеннымъ, знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ вождей Троянскихъ. Греки вели войну наступательную, Троянцы оборонительную; щещно нападали первые на не оборимыя стѣны Трои; съ успѣхомъ защищались послѣдніе. Безпрерывныя спычки упомляли объ споронъ; Троянцы сильными вылазками разносили ужась и гибель въ спанѣ Греческомъ. Греки всего болѣе шерпѣли ошъ недоспанка въ средспвахъ къ своему содержанию; всѣ окрестности Трои и береговыя спраны Малой Азіи были опуспошены; одна Фракія, воздѣльваемая Греческими воинами, снабжала Грековъ необходимымъ. Удивительнo, какимъ образомъ Греки удаленные ошъ своего опечесства, бѣдные въ пособіяхъ къ продолженію войны, борющіеся съ неприятелями ошчаянными, могли держаться цѣлыя го лѣтъ въ спранѣ изнуренной, подѣ стѣнами неприспунными? Не посшижимо, какъ Троянцы замкнушые со всѣхъ споронъ, видѣшые гибель болшыей часпи храбрыхъ своихъ воиновъ, опуспѣніе своего царспва, уменьшеніе своего населенія, могли шакъ долго защищать свою независимоспъ, драгоценную для нихъ и въ са-

момъ разрушеніи, и среди ужасовъ опчаянія? Гекшоръ былъ единственною надеждою и опорю Троянцовъ, сильнымъ и достойнымъ сопровивникомъ Ахиллеса; наконецъ Гекшоръ погибъ опъ сильной мышцы сего послѣдняго, и трупъ его, привязанный къ шоржеспивенной колесницѣ побѣдшпеля, влачимъ былъ предъ стѣнами изумленной Трои, въ виду опчаяннаго Пріама и его подданныхъ. Смершь Гекшора была провозвѣспницею неминуемаго паденія Трои—она пала послѣ 10 несчастныхъ лѣтъ жеспкой брани, и послѣ 200 лѣтъ своего существованія. Кто безъ особеннаго чувства могъ читашь въ Иліадѣ разрушеніе царства, нѣкогда богапнаго, сильного и славнаго? Кто могъ оспашься равнодушнымъ читая описаніе всѣхъ бѣдспвій, постигшихъ несчастную Трою? Городъ, дымящійся кровію тысячи жерпвъ, поражаемыхъ ударами мечей непршпельскихъ, Пріамъ поверженный мерпвымъ при подножіи олпарей Боговъ своихъ, *Гекуба*, добродѣшпельная его супруга, безушпшная *Андромаха*, супруга Гекшора, зловѣщная *Кассандра*, дочь Пріама и множество другихъ знаменшпыхъ Троянцовъ, влекомые въ цѣпяхъ, подъ нго пляжкой неволи—вошъ зрѣлища ужаснаго,

доказательства непреложныя превратности судьбы человеческой, свидетельства дикости и варварства тогдашнихъ временъ. Троя взята не силою оружія Греческаго, но хитростию. *Улиссъ*—повѣспивуетъ *Омеръ*—придумалъ средство къ овладѣнію городомъ; конь, посланный Греками въ Трою, означаетъ, вѣроятно, не что другое, какъ подкупъ и измѣну—средства обыкновенныя во все вѣки и у всехъ народовъ, средства руководящія не рѣдко и нынѣ къ успѣшному достиженію цѣли предположенной. *Антеноръ* и *Эней* предали отечество свое во власть Грековъ, злобныхъ враговъ Трои. Исторія сохранила имена ихъ къ вѣчному посрамленію. Non modo Antenorem, sed etiam ipsum Aeneam proditorem patriæ fuisse.

Троянская война есть первое великое происшествіе, въ которомъ все Греки, раздѣленные до полѣ частными интересами, соединились къ одной цѣли; сія война примиривъ все частныя вражды и распри одушевила ихъ одною мыслию—мстить общему врагу цѣлой Греціи; здѣсь только подъ стѣнами Трои и на ея развалинахъ положенъ первый камень будущей знаменитости Греческихъ племенъ и ихъ національности; здѣсь на цвѣтущихъ поляхъ Малой

Азіи они научились уважать и гордиться именем Грековъ.

Въ продолжительный періодъ десятилѣтнихъ усилій Греки необходимо, но для нихъ самихъ незамѣтно, приобрѣли почтѣйшія познанія о Малой Азіи, землѣ, имъ до сего времени мало извѣстной; они познакомились съ новою жизнію, видѣли инаковой порядокъ вещей, узнали дары природы, имъ прежде незнаемыя, узнали новыя нужды и новыя наслажденія. Все сіе расширило кругъ идей ихъ, доставило имъ новыя познанія и положило въ нихъ сѣмена къ будущей лучшей, и гораздо совершеннѣйшей жизни гражданской.

Долго однакоже зрѣли сѣмена сіи; земля Греціи должна была увлажниться кровію Грековъ, прежде нежели произрастятъ благодѣтельные плоды мира и счастія, прежде нежели послѣ войны Троянской и послѣ бурь за нею послѣдовавшихъ наступилъ свѣтлый день всеобщаго благоденствія и свободы.

Ближайшія слѣдствія Троянской войны были гибельны для народовъ, и особенно для Государей Греческихъ. Конецъ ихъ подвиговъ былъ началомъ спраданий и жестокихъ междоусобій. Побѣда надъ Троянцами куплена до-

рогою цѣною для Грековъ. Цари ихъ, при управленіи въ походъ, не сдѣлали никакихъ прочныхъ постановленій для управленія своими землями въ ихъ отсутствіи; они увѣрены были, что война не продолжится, и обманулись въ томъ. Десятилѣтнее ихъ отсутствіе подвергло народы всѣмъ ужасамъ безначалія, всеобщій безпорядокъ потрясъ Грецію; явились честолюбцы, присвоившіе себѣ незаконно верховную власть. Не многіе изъ Героевъ, раповавшихъ подъ Троею, могли успокоиться въ опечесствѣ на лаврахъ ими спяжанныхъ, не многіе получили обратно и престоль, и владѣнія свои. Возвращеніе Улисса изъ подъ Трои, его несчастія и спранспвованія составляютъ достойный предметъ Одиссеи, впрочемъ пворенія великаго Омера. Самъ Агамемнонъ, вождь Героевъ, нашелъ себѣ смерть по своемъ возвращеніи на землю Аргоса. Жестокая Клипемнеспра, предавшая и себя, и престоль ненавистному *Эгисту*, родственнику Агамемнона, вѣроломнымъ образомъ умерщвила своего супруга. Друзья Агамемнона съ сыномъ его *Орестомъ* спаслись однимъ бѣгствомъ отъ угрожавшей всѣмъ имъ гибели. Послѣ семилѣтняго изгнанія Орестъ съ помощію Аѳинянъ

возвратился въ *Микены*, столицу отца своего. Клишменестра пала отъ руки своего сына. Пресполь сильныхъ нѣкогда Апридовъ, обогранный кровію, колебался въ своемъ основаніи и склонялся къ паденію. Въ непродолжительное время уничтожилась большая часть царственныхъ домовъ шѣхъ владыкелей Греческихъ, кои разрушили царство Пріама. Цѣлыя 80 лѣтъ Греція представляла зрѣлище ужасныхъ переворошевъ, низпровергшихъ наконецъ прежній порядокъ вещей.

Нашествіе Ираклидовъ.

Спустя 80 лѣтъ послѣ раззоренія Трои, слѣдственно около 1100 л. до Р. Х. новая пуча разразилась надъ Греціею. Попомки великаго Геркулеса или Иракла, Ираклиды, овладѣвають большею частію Пелопонеса. Геркулесь, ведшій родъ свой, подобно Акризію и Персею, отъ Даная, Царя Аргоскаго, былъ гонимъ Эвриспемъ, которой, какъ было сказано, выпѣснилъ его попомковъ изъ Аргоса и изъ всего Пелопонеса. Защищенные отъ преслѣдованій Эвриспеша Аѳинянами Ираклиды удалились въ Дориду, гдѣ вождь ихъ, *Гиллѣ*, сынъ Геркулеса, почтенъ былъ дружбою *Эпалія*, правителя сей

области, и послѣ его кончины сдѣлался Царемъ Дориды. Сія страна, весьма не обширная по положенію, не удовольствована честлюбія потомковъ Геркулеса. Ираклиды простирали виды свои далѣе; нѣсколько разъ они покушались возвратиться въ Пелопонесъ; но доколѣ Априды были могущественны, доколѣ всѣ усилія Ираклидовъ овладѣвъ Пелопонесомъ оставались тщетными. Война Троянская поколебала силу владыцелей Аргоса; ихъ жестокости и беспорядочное управленіе лишили ихъ уваженія и любви народовъ имъ подвластныхъ. Такимъ расположеніемъ умовъ воспользовались Ираклиды, и подкрѣпленные Дорянами и Эпюлійскимъ владыцею, *Оксилломъ*, ринулись на Пелопонесъ подъ предводительствомъ трехъ братьевъ, *Темена, Кресфонта, и Аристодема*, правнуковъ Гилла. Весь полуостровъ наводнился ихъ многочисленными дружинами; всѣ области Пелопонеса, исключая Аркадію и Ахайю, сдѣлались ихъ добычею. *Тизаменъ*, сынъ и преемникъ Ореспа, выгнанъ изъ Аргоса и укрылся въ Ахайю сохранивъ для себя владычество надъ одною сею областію. Аркадія защищенная своими горами осталась независимою. Ираклиды видя себя спокойными обладателя-

ми всѣхъ прочихъ частей Пелопонеса раздѣлили между собою свои добычи. Темъ же получили наслѣдіе славнаго Агамемнона или царство Аргосское; Кресфонту досталась Мессенія; *Эвристенъ* и *Проклѣ*, сыновья Аристодема, скончавшагося въ началѣ похода, получили въ удѣлъ Лаконію, а *Оксилъ*, сподвижникъ *Ираклидовъ*, — Элиду. Доряне, соучастниковавшіе симъ вождямъ въ походѣ на Пелопонесъ, требовали себѣ должнаго за то воздаянія. Владѣтели уважая ихъ услуги раздѣлили между ними большую часть полуострова. Прегніе жители или были истреблены совершенно, или видя повсюду опустошенія и гибель своей независимости искали себѣ убѣжища по ту сторону Эгейскаго, Ионическаго и Средиземнаго морей. Съ сихъ поръ начались переселенія изъ Греціи на берега Малой Азіи, Италіи, Сициліи и даже въ Африку. Сии переселенія почти безпрерывно производились въ теченіи 500 лѣтъ отъ 1100 до 600 до Р. Х. Эллинскія племена, истребимыя въ опустошеніи или своимъ многочисленіемъ, или междуусобіями, плыли въ страны чуждыя и полагали тамъ основаніе цвѣтущимъ колоніямъ. Во избѣжаніе частыхъ повпороженій мы назовемъ здѣсь важнѣйшія Греческія

колоніи не въ порядкѣ ихъ поспешеннаго произхожденія, но въ совокупной нераздѣльности по странамъ, въ коихъ онѣ основались.

Греческія колоніи.

Живописныя, богатыя страны *Малой Азіи* приняли въ нѣдра свои множество поселенцовъ Греческихъ. Весь берегъ Эгейскаго моря отъ Геллеспонга и отъ развалинъ Трои до острова Родоса и области Ликии усѣянъ былъ Греческими городами. *Эоляне*, предводимые потомками Ореспа, заняли пространство плодотворной *Мисии*, коей югозападная часть получила отъ сихъ поселенцовъ названіе *Эолии*. Двѣнадцать городовъ сей области, заселенные Греками, блюли свою свободу до временъ Кира. Городъ *Митилене* на островѣ *Лесбосѣ*, важнѣйшій изъ всѣхъ, процвѣталъ обширную торговлю и ужасалъ огромнымъ флотомъ соседственныя страны. Островъ *Лесбосъ* славился прекраснымъ виномъ, прелестными женщинами и усладительными пѣснями своихъ Поэтовъ.

На югъ отъ поселеній *Эолянъ* основали свои жилища *Ионяне* въ прибрежныхъ странахъ роскошной *Лидіи*, копорымъ они даровали свое

имя—*Іонія*. И здѣсь возникли двѣнадцать новыхъ городовъ Греческихъ; изъ нихъ богатѣйшіе: *Милетъ*, достойный соперникъ Тира и Карфагена, опецъ многочисленныхъ колоній, основанныхъ имъ въ разныхъ частяхъ и Европы, и Азій; *Эфесъ* съ дивнымъ храмомъ Діаны, и *Фокса*, мать знаменитой Массилии. Ионянеже заселили и украсили острова *Хіосъ* и *Самосъ*, прилежащіе къ берегамъ Іоніи.

Отъ Іоніи далѣе къ югу до Родоса распространились въ области Каріи *Доряне*, не довольные раздѣломъ Пелопонеса и также сюда переселившіеся; и они построили шесть городовъ, никогда однакожь не равнявшіеся ни богатствомъ, ни могуществомъ съ поселеніями или городами Эолянъ и Іонянъ. *Книдъ* и *Галикарнасъ* приобрѣли впрочемъ знаменитость. О-ва *Косъ* и *Родосъ* заселены также Дорянами. Греческими поселеніями наполнились берега *Фракіи* и *Македоніи*. *Византія*, *Перинѣъ*, *Ираклея*, *Амфиполь*, *Олинѣъ* и *Потидея* одолжены своимъ первоначальнымъ произхожденіемъ Грекамъ, копорые въ сихъ пусныхъ земляхъ находили спасеніе отъ бѣды опечесшвенныхъ.

И море Адриатическое покрылось бѣглецами Греческими, плывшими съ надеждою въ душѣ на противоположный берегъ онаго. *Италія* Южная приняла множество новыхъ обитателей. Греки, распространившіеся здѣсь, дали сей странѣ названіе Великой Греціи. Города *Кротона*, *Сибарисъ*, *Регій*, *Кумы* и *Неаполь*, славившіеся очень рано и населеніемъ, и богатствомъ, основались иные вскорѣ, а другіе долго спустя послѣ нашествія Праклидовъ на Пелопонесъ.

Сицилія, дополнѣ бѣдная жипелями, наполнилась Греческими колоніями. *Мессана*, *Агригентъ* и могущественныя *Сиракузы*, города, заселенные Греками, дали новую жизнь Сициліи и возвеличили оную своимъ богатствомъ и славою. Италійскія и Сицилійскія колоніи прославились въ послѣдствіи мудрыми законами *Харонда* и *Залевка*, много содѣйствовавшими къ благоденствію обитателей. Сии законы, вмѣстѣ съ *Ликурговымъ* и *Солоновымъ* законоположеніями, составляютъ драгоценный памятникъ древности.

Даже пустынные страны сѣверной *Африки* оживились пришельцами Греческими. Область *Киренаика* не могла предсказать имъ споль-

ко средствъ къ набогащенію, какъ Сицилія или Малая Азія, но дѣятельность Грековъ содѣлала и сію страну примѣчательною въ древнемъ свѣтѣ, сполько плодоносною, что Пиндаръ въ своихъ Одахъ пѣлъ богатство и красоты Киренаики.

Всѣ сіи колоніи не зависѣли отъ своей метрополіи, сохраняли однакожъ дружественныя съ нею связи. Греки переселенцы были естественными союзниками единоплеменнымъ имъ Грекамъ Эллады и Пелопонеса. Большая часть Греческихъ поселеній славились обширною торговлею и богатствомъ, нѣкоторыя изъ нихъ содѣлались даже могущественны сполько, что имѣли сильный вѣсъ въ дѣлахъ тогдашняго свѣта. Не подвластные чуждому властительству, храня спокойствіе внутреннее, наслаждаясь миромъ извнѣ, Греки переселенцы ранѣ начали благоденствовать, нежели обитатели собственной Греціи. Въ колоніяхъ Греческихъ, особенно Малоазійскихъ, гораздо ранѣ родилась Поэзія, первый шагъ народовъ на поприщѣ просвѣщенія. Здѣсь на берегахъ Малой Азіи пѣлъ безсмертный Омеръ, здѣсь родился Гезіодъ, здѣсь процвѣтали Алкей и Сафо; отсюда разпространилось и на Метрополию то Эстетическое

высокое образованіе, копорымъ по справедливости славился Греческая нація.

Произхождение республиканскаго правленія въ Греціи.

Инакъ ужасы, причиненные Ираклидами, и междуусобія всегда почти потрясавшія Грецію, положили начало къ улучшенію Грековъ, пустили зародышь новой жизни. Благоденствіе колоній Греческихъ, болѣе и болѣе возрасшавшее, оплавалось и на метрополию, съ копорою онѣ соединены были священными узами единоплеменничества. Многіе города въ собспивенной Греціи обратили вниманіе свое на торговлю и на мореплаваніе, какъ главныя средства къ приобрьшенію богатствъ. Богатство привело ихъ къ мысли о свободѣ, и Греки рѣшились на мѣсто Монархическаго образа правленія ввести республиканское. Монархіи Греческія были слишкомъ малы, и опъ того слабы; бывъ раздѣлены въ своихъ интересахъ онѣ никогда не могли получить продолжительной прочности. Въ теченіи чепырехъ вѣковъ, опъ 1000 до 600 л. до Р. Х., Греки образовали изъ своихъ городовъ свободныя, независимыя республики. Въ продолженіи чепырехъ вѣковъ на всемъ пространствѣ Греціи опмѣняется Монархія. Сія перемѣна, начавшаяся въ Элладѣ, произведена во всемъ Пелопонесѣ и на островахъ Греческихъ; только

въ Фессаліи и Эпирѣ сохранились слѣды Монархизма, не смотря на стремленіе обитателей къ свободѣ. Греческія республики были не что иное, какъ города съ ихъ небольшими округами; одна область Греціи вмѣщала въ себѣ нѣсколько шаковыхъ республикъ; каждая республика имѣла особенную форму своего существованія, особенное гражданское постановленіе; иныя управлялись не многими, избраннѣйшими, лучшими гражданами — Аристокрація; въ другихъ позволялось участіе въ дѣлахъ правленія многимъ или большей части народа — Демокрація; были въ Греціи республики, въ коихъ постановлено благоразумное смѣшеніе Аристокраціи съ Демокраціею, и даже оставлены нѣкоторыя слѣды Монархіи. Вообще въ Греціи развились и образовались почти всѣ видоизмѣненія республиканизма, или всѣ роды свободныхъ образцовъ правленія почти такъ, какъ на Вавлонѣ въ огромныхъ царствахъ Азіи можно было явственно видѣть всѣ формы деспотіи. Въ Греціи было почти столько отдѣльныхъ Государствъ или республикъ, сколько считалось городовъ примѣчательныхъ. Не смотря однакожъ на такую раздѣльность обитатели Греціи едина-

вляли одинъ народъ въ смыслѣ полиплическомъ; всѣ Греки считали себя кровными брапьями, чадами одного великаго семейства. При самомъ раздѣлѣ Греческихъ племенъ и республикъ, при совершенномъ, наружномъ различіи оныхъ въ постановленіи или устройствѣ, онѣ сопряжены были между собою крѣпчайшими узами единства.

Причины національности Грековъ.

Многія обшюпшельства содѣйствовали національности Грековъ или соединенію ихъ въ одинъ народъ не взирая на ихъ раздѣльность :

І. Одинаковость языка.

Дитя знакомится полько съ тѣми, любящъ тѣхъ полько, коихъ оно понимаетъ, кои говорятъ однимъ съ нимъ языкомъ. Тоже замѣчаемъ мы и съ народами. Тѣхъ, кои одного съ ними племени; и говорятъ однимъ языкомъ, называющъ они своими—; тѣхъ же, коихъ не разумѣютъ, именуютъ чужими — неприязненными; сіе очень натурально, ибо они не въ состояніи будучи изъяснить имъ своихъ мыслей не могутъ увѣришься, что тѣ не же-

лаютъ имъ зла. Неприязнь отъ разности въ языкахъ замѣтна наиболѣе у народовъ младенческиствующихъ; отъ того Греки всѣхъ народовъ иноплеменныхъ называли варварами — своими врагами. Одинаковость языка есть вѣрное доказательство единообразія и сродства въ образъ мыслей и чувствованій. Греки при всей ихъ раздѣльности и разсѣянности племенъ ихъ говорили однимъ языкомъ, и какимъ же языкомъ? Омеръ, любимецъ Музъ, вдохновенный Богами, пѣлъ на ономъ свои божественныя пѣнопѣнія, которыми около 3000 лѣтъ услаждаютъ и слухъ и умъ людей всѣхъ націй и всѣхъ возрастовъ, и возбуждаютъ благоговѣнное удивленіе къ имени и памяти сего несравненнаго, величайшаго пѣвца всѣхъ вѣковъ. Безъ Омера Греція никогда бы не содѣлалась тѣмъ, чѣмъ она была въ послѣдствіи. Творенія Омера возбудили въ Грекахъ стремленіе ко всему благородному, прекрасному и великому; сіи творенія, читанныя повсюду, пѣтыя народомъ въ собраніяхъ, при жертвоприношеніяхъ, на играхъ публичныхъ, напоминали равно всѣмъ Грекамъ, обитавшимъ въ Элладѣ, въ Малой Азіи, въ Сициліи и Италіи, что они родные между собою, что они кро-

вные брашья. Инакъ одинаковый языкъ, и драгоценнѣйшее достояніе сего языка—Иліада и Одиссея — были такими узами, копорья сохраняли національность Грековъ, во всей неизмѣняемости поддерживали ихъ *Грегество*, препяпспивовали распорженію связей единства между ними, и совершенное опчужденіе Греческихъ племень, одно опъ другаго, дѣлали не возможнымъ; по крайней мѣрѣ на долго. Греки гордились симъ языкомъ, сохраняли его во всей чистотѣ, какъ драгоценную собственность, общую всѣмъ племенамъ Греческимъ, блюли его, какъ величайшее національное благо, залогъ ихъ счастья и славы.

2. Одинаковость Религіи.

Единоверные соспавляютъ одно согласное, единоедушное семейство, въ коемъ одинаковое просвѣщеніе, одинаковыя мысли. Одинаковую идею о Богѣ почищаютъ они священнымъ для себя союзомъ, каковымъ она и въ самомъ дѣлѣ есть. Единообразныя понятія о существѣ верховномъ, единообразное Богопочитаніе есть твердѣйшій союзъ, соединяющій народы между собою. Природа Греціи разнообразна; явленія физическія по разности

положенія ея различны, племена народовъ обитавшихъ по всему пространству Греціи многочисленны, и попому мифнія о Божествѣ и преданія о Богахъ были также разнообразны и несходны въ началѣ; но когда сіи племена во время своихъ переселеній, странствованій и завоеваній смѣшались между собою, разныя нарѣчія ихъ слились въ одинъ языкъ, по и Богословія, или лучше, Мифологія Грековъ образовала нѣчто единое, общее, совершенно схожее въ главной идее. Мифологія Греческая есть живая, прелестная, хотя и обманчивая, картина природы и вселенной, испорія ихъ ранняго бытія, изліяніе свободное богатой фантазіи Грековъ и ихъ ума.

Изъ всѣхъ отраслей язычества, изъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ древности извѣстныхъ, религія Грековъ наиболѣе способна была къ подкрѣпленію узъ единства и согласія между разными племенами Греческими. Всѣ дѣянія ихъ начинались и сопровождались религіозными обрядами, повсюду порожествовались празднества, отправлялись молебны и курились жертвы Богамъ при спеченіи многочисленныхъ народовъ Греціи. Великолѣпные храмы, воздвигнутые въ разныхъ странахъ, населен-

ныхъ Греками, заповѣдныя, Богамъ обреченныя рощи, и оракулы считались святынею общою для всѣхъ Грековъ. Храмы въ Олимпіи, Дельфахъ, Книдѣ, и на островѣ Делосѣ по справедливости должны были признаны національными храмами. Здѣсь Греки Пелопонезскіе привѣщивали съ любовію Грековъ Малоазійскихъ, и Греки островитяне всѣхъ своихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Элады, Беессалии и Италіи. Здѣсь предъ жертвенниками Боговъ своихъ они забывали частныя вражды свои, и воодушевлялись мыслію единого ошечества, начерпавали планы ко всему великому, производимые въ дѣйство только соединенными силами всѣхъ племенъ.

3. О Р А К У Л Ы .

Народы не образованные или зараженные суевѣріемъ, не постигали опредѣленій Всевышняго, управляющаго вселенною, но поражаясь дѣйствіемъ, для нихъ не понятнымъ, различныхъ явленій природы увлекающихся несомненно все ихъ вниманіе, употребляютъ въ невѣдніи своемъ множеству нелѣпыхъ средствъ къ тому, дабы открыти волю Божественную, проникнуть тайну судебъ и снять завѣсу съ не-

проницаемаго будущаго. Въ глубокой древно-
спии составилось особенное искусство—позна-
вать будущее чрезъ вдохновеніе, по движенію
сѣвниль небесныхъ, по внутренностямъ жи-
вотныхъ, приносимыхъ въ жертву, по полету
птицъ и пр. Сіе искусство находилось въ осо-
бенномъ уваженіи народовъ, считалось священ-
нымъ и производимо было жрецами въ хра-
махъ. Многіе храмы у Грековъ славились сво-
ими прорицалищами или *оракулами*; но са-
мые знаменитѣйшіе были Додонскій и Дель-
фійскій.

О происхожденіи *Додонскаго оракула* расска-
зывается слѣдующее: Греки производившіе
морскіе грабежи достигли чрезъ Средиземное
море до устьевъ рѣки Нила въ Египтъ; под-
нимаясь вверхъ по сей рѣкѣ они прибыли въ
сповратныя Фивы, бывшія центромъ Египет-
скаго Богослуженія; набогатившись здѣсь до-
бычею, они возвратились въ Грецію влеча съ
собою множество плѣнныхъ Египтянъ, копо-
рыхъ они продали въ неволю. Между сими плѣн-
ными находилась жрица Египетская, посвящен-
ная во всѣ таинства религіи своей и богатая
познаціями. Пользуясь невѣжествомъ Грековъ
она успѣла облегчить судьбу свою; распростра-

нивши о себѣ молву, что ей открыто будущее, она привлекла тысячи любопытныхъ и спяжала чрезвычайное уваженіе легковѣрныхъ. По ея волю сооруженъ въ городѣ Додонѣ въ области Эпирѣ храмъ въ честь Бога Зевеса. Греки, покрывавшіе все таинственною завѣсою Миаѣ, объявили послѣ, будиобы одна голубица, прилетѣвшая изъ Египта, вѣщала голосомъ человѣческимъ волю Боговъ основашъ въ Эпирѣ оракуль въ честь Зевеса. Сія Миаѣ, сколько она ни нелѣпа, подшверждаешъ очевидно прежнее предположеніе. Какое бы впрочемъ ни было начальное произхожденіе Додонскаго оракула, онъ скоро сдѣлался славнымъ во всей Греціи, и храмъ Додонскій набоганился дорогими приношеніями спекавшихся къ Оракулу Грековъ изъ всѣхъ странъ. Сіѣ прорицалище долго пользовалось своею знаменитостію, пока другіе Оракулы не подорвали его вліянія и не уменьшили уваженія къ нему.

Дельфійскій Оракулъ зашмилъ своею славою и Додонское прорицалище, и всѣ другіе оракулы сущесшвовавшіе въ Греціи. Начало его перяешъ во мракъ время опдаленныхъ глубокой древности. Парнассъ, при подошвѣ кой

онъ былъ основанъ, имѣлъ многія пещеры и разсѣлины, изъ коихъ выходяшъ вредныя испаренія. Живописныя и даже люди приближавшіеся къ симъ разсѣлинамъ и обьявныя испареніями обнаруживали ужасныя судорожныя движенія, и люди перья упопребленіе памяти и ума произносили невнящныя слова и не связныя рѣчи. Суевѣрные Греки полагали, что въ сихъ мѣстахъ обитаютъ Боги, и что путь должно соорудитъ храмъ. Вотъ начало Дельфійскаго храма! Въ срединѣ онаго надъ опверспіемъ горы поставленъ былъ шреножникъ, на копорой жрецы сажали двѣ цвѣтущихъ лѣтъ и не порочнаго нрава—это была Пиеія или Пипонисса, имя извѣстное и славное въ лѣтописяхъ Греціи. Пиеія, сидя на шреножникѣ, одымленная парами, опнимаемыми у ней и чувство, и разумокъ, произносила невразумительныя слова, безъ связи, безъ порядка; она представляла собою зрѣлище ужасное. Сипно невразумительныя слова признавались изрѣченіями самихъ Боговъ, получали опредѣленный смыслъ и исполковывались жрецами, которые уже передавали ихъ народу. Сими изрѣченіями руководствовались и частные люди, и Цари, и цѣлыя народы, признавая ихъ не

предложною волею Боговъ. Сохраненіе храма и Оракула Дельфійскаго ввѣрено было Амфикипіонскому собранію. Фемида и Непшунъ или Посейдонъ, Юнона и Аѳина или Минерва попеременно чествовались въ семь храмъ; но величайшую славу приобрѣлъ сей Оракуль съ ихъ поръ, какъ Аполлоу содѣлался главнымъ божествомъ и храма, и оракула Дельфійскаго. Съ сего времени несмѣшныя сокровища шекли въ казну храма; превосходные намятники украшали и внутренность, и портики онаго; и цари, и народы приносили драгоценнѣйшія жертвы. Городъ Дельфы содѣлался въ послѣдствіи столькоже богатымъ и славнымъ, какъ Коринтъ и Аѳины.

Жрецы долго умѣли поддерживать славу Дельфійскаго Оракула; всякое счастливое предрѣченіе громогласно объявляемо было повсюду; не удачный отвѣтъ, предрѣченіе не сбывшееся оставались въ тайнѣ; опасно и богопреступно было бы обнародывать оныя; впрочемъ изрѣченія оракула всегда были двусмысленны, подлежали различному толкованію—и Пифія всегда была права.

Оракулы, знаменитыя, испинно національныя учрежденія Греціи, имѣють въ глазахъ Историка великую важность не какъ свидѣ-

пелъства суевѣрія Грековъ, не какъ полезныя орудія въ рукахъ жрецовъ, но какъ дѣйстви- тельнѣйшее и превосходное средство, ко- торымъ располагали правители и законодаптели народовъ къ достиженію благодѣтельныхъ цѣ- лей для всей Греціи. Тамъ, гдѣ доводы ума и власпи были не достапчны, изрѣченія ора- кула служили непреложнымъ закономъ для всѣхъ и каждаго; тогда, какъ неисповые воп- ли черни заглушали слабый голосъ благоразу- мія, когда благороднѣйшіе между Греками из- немогали въ борьбѣ съ невѣжесвомъ, тогда они обращались къ оракулу — и его изрѣче- нія пресѣкали всѣ волненія и вопли народ- ной полны; суевѣріе владычеспвовало съ не- одолимою силою. Безъ помощи оракула Ли- кургъ не преобразилъ бы Спарты и Темис- токлъ не спасъ бы Греціи. Вліяніе оракуловъ кончилось, когда на развалинахъ суевѣрія въ Греціи водворилось невѣріе, когда власпители оной не имѣли уже нужды въ помощи Бо- говъ, когда они овладѣли преддѣвіями храма и могли повелѣвать жрецами—тогда Пиеія начала *филлпствовать*, и наконецъ смолкла совершенно, тогда Греки не связуемые уже

узами единства и согласія подверглись игу чуждаго повелителя.

4. ИГРЫ.

Каждый народъ имѣеть свои народныя увеселенія, свои игры; но только Греческія отличались высокимъ достоинствомъ полипическимъ и производили споль сильное вліяніе на гражданъ, чпо Греки безъ своихъ игръ никогда не достигли бы той высоты и совершенства, копорыя и досель изумляютъ насъ. Онѣ важны въ отношеніяхъ религіозномъ, военномъ, коммерческомъ и Государственномъ; онѣ были дѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ возбужденію въ Грекахъ благороднаго соревнованія, къ образованію ихъ и къ соединенію всѣхъ племенъ Греческихъ крѣпчайшими узами національности. Четыре рода игръ признаются въ Греціи главными и заслуживаютъ мѣсто въ Испоріи: Олимпійскія, Пифійскія, Испмійскія и Немейскія; онѣ производились каждая черезъ четыре года, и при томъ пакъ, чпо въ продолженіи четырехлѣшняго срока Греки праздновали всякой годъ особенныя игры; первыя, ш. е. Олимпійскія, несравненно блистатель-

нѣе прочихъ и сушь учрежденія препрослав-
ленные и знаменитѣйшія въ семь родѣ.

Олимпійскія игры учреждены, говорящъ, перво-
начально Юпитеромъ или Зевесомъ, желавшимъ
чрезъ шо увѣковѣчить побѣду свою надъ Титан-
нами. Геркулесъ считаеяся истиннымъ первымъ
основателемъ оныхъ; онъ отправлялся у города
Олимпіи въ области Элидъ подъ главнымъ вѣдѣ-
ніемъ жипелей сей области; долго оспавались
онъ безъ особеннаго вліянія на Грековъ; въ самомъ
началѣ успановленія своего онъ имѣли самую ог-
раиченную цѣль: кромѣ религіозныхъ церемоній
тамъ производились гимнастическія упражненія,
состоявшія въ борьбѣ, бѣганіи въ запуски, и въ
ѣздѣ на колесницахъ. Сія игры съ теченіемъ
времени пренебрежены и были вовсе оспавле-
ны. Греки забыли о нихъ заняшы будучи без-
прерывными войнами междуусобными. Въ про-
долженіи цѣлыхъ вѣковъ Пелопонесъ раздира-
емъ былъ мяшежами; Элида состояла подъ
правленіемъ попомковъ Оксилла; благоденствіе
было чуждо и сей странѣ. Къ счастью оби-
тателей Элиды за 900 л. до Р. Х. вступилъ
на престоль сей земли знаменитый *Ифитъ*,
Государь достойнѣйшій въ династіи Оксилла.
Желая воспановить спокойствіе въ своемъ цар-

ствѣ Ифипъ совѣщался съ Богами, вопрошалъ Дельфійское прорицалище о средспвахъ къ по-
му. Оракуль, вѣроятно, по внушенію самаго
Ифипа, повелѣлъ возобновить учрежденіе Гер-
кулеса, объявляя при томъ, что уничтоже-
ніе или пренебреженіе онаго навлекло на Гре-
ковъ гнѣвъ Зевеса. Жители Элиды и всего
Пелопонеса прекрапили свои убійственныя
брани, и приступили немедленно къ восстано-
вленію учрежденія своихъ предковъ. Такимъ
образомъ подкрѣпляемый оракуломъ и пользу-
ясь покорностію Пелопонезсцовъ Ифипъ около
885 л. до Р. X. положилъ прочное основаніе
тому установленію, которое въ послѣдствіи
прошло такой свѣтъ на Греческую Исторію,
имѣло такое великое вліяніе на Эстетическое
образованіе и усовершеніе Греческой націи.

Сии игры содѣлались испинно національнымъ
установленіемъ, не вдругъ, но мало по малу;
постепенно расширялся кругъ дѣйствія сихъ
игръ на Грековъ. Сно восемь лѣтъ спустя послѣ
Ифипа или за 777 лѣтъ до Р. X., Олимпійскія
игры приняны опъ Грековъ за національную
ихъ Эру, опъ которой они вели свое лѣпо-
счисленіе; время четырехлѣтія проходившее
между играми извѣстно было подъ именемъ

Олимпіады. Особенно важными сіи игры учились съ того времени, когда къ пѣлеснымъ состязаніямъ присоединились состязанія умственныя, когда на аренѣ Олимпіи вѣчались наградами не одни атлеты, но и мужи сильные дарованіями фантазіи и ума, когда Греки рукоплескали твореніямъ и подвигамъ Продопа, Омиспокла, Платона, Зевкиса, и Пиндара, болѣе, нежели дѣламъ Главка, Теагена, и Милона. Побѣдители на Олимпійскихъ играхъ увѣчывались масличными коронами.

Пиѣійскія игры совершались въ городѣ Дельфахъ въ честь Бога Аполлона; назначеніе оныхъ было одинаковое съ Олимпійскими, но главнымъ предметомъ здѣсь поставлялись состязанія музыкальныя; здѣсь оцѣнивались и награждались таланты Поэтовъ, пѣвцовъ и музыкантовъ Греціи. Побѣдители на играхъ Пиѣійскихъ украшались вѣнками изъ лавровъ или изъ пальмъ соплешенными. Дельфійцы председательствовали на оныхъ.

Истмійскія игры, учрежденныя, какъ полагаютъ, Тезеемъ, праздновались на Коринѣскомъ перешейкѣ въ честь Бога Нептуна. Пиндаръ прославилъ оныя своими поржественными гимнами, въ коихъ славилъ онъ героевъ, вѣчван-

ныхъ на сихъ играхъ; большая часть побѣдителей, воспѣваемыхъ Пиндаромъ, были Панкратиасты—доказательство того, что на Истмійскихъ играхъ главнымъ дѣломъ была гимнастика: бѣганье, борьба и кулачной бой — *sæstus*. Побѣдители вѣнчались сосновою короною—*corona pinea*. Коринтяне и Афиняне первенствовали на сихъ играхъ.

Немейскія игры управлялись въ городѣ Немеѣ въ области Арголидѣ. Первоначальное назначеніе оныхъ было торжественное погребальное празднество въ память какого-то Офельпа или Архемора, умерщвленного чудовищнымъ Дракономъ. Гераклъ по поражении Немейскаго Льва далъ имъ опредѣленную форму и посвятилъ Богу Зевесу. Въ послѣдствіи здѣсь чествовалась Богиня Юнона, главная покровительница сихъ игръ. Устройство своимъ онѣ сходны съ Олимпійскими; назначеніе ихъ было—производить состязанія и гимнастическія, и музыкальныя. Состязатели и присудовавшие являлись облеченные въ праурныя плащя; отличавшіеся на сихъ играхъ награждаемы были вѣнцами изъ зеленого плюща; первенствовали на сихъ собраніяхъ жители Аргоса, Сикіона и Коринѣа.

Всѣ сіи игры были учрежденія испинно національныя; только Греки могли учаспвовапъ въ оныхъ, только избраннѣйшіе, лучшіе изъ Грековъ могли вѣнчаться на нихъ вѣнцами побѣдными. Даже Цари и Герои гордились наградами на играхъ полученными, и по справедливости—ихъ награждала цѣлая Греція. Гелонъ и Геронъ, Цари Сиракузскіе, Павзаній, Царь Спартанскій и Клисѣенъ, Царь Сикіонскій, увѣнчанные коронами Олимпійскими, поспавляли ихъ превыше своихъ вѣнцовъ Царскихъ. Оемиспокль, Герой Саламинскій, награжденный въ Олимпіи, считалъ себя блаженнѣйшимъ изъ людей; день имъ памъ проведенный былъ, по его собспвенному признанію, счаспливѣйшимъ, золопымъ днемъ въ его жизни. Эпо одно должно дапъ намъ самую высокую идею объ играхъ Греческихъ. Онѣ воспламеняли чувспва чеспи и спремленіе къ славъ; онѣ возбуждали благородное соревновапіе на поприщѣ образованія; онѣ породили великое число пворческихъ произведеній Геніевъ во всѣхъ родахъ изящныхъ искусствъ; онѣ поощряя дарованія были вмѣспъ и средспвами къ набогащенію Грековъ служба общими и обширными щоржищами всей Греціи, на копо-

рья привозимы были произведенія всѣхъ спиранъ и передаваемы изъ рукъ въ руки; онѣ начина-
 ясь и оканчиваясь жершвоприношеніями и моль-
 бами Богамъ сохраняли между Греками един-
 ство и цѣлосшь религіи; вообще онѣ соеди-
 няли всѣ Греческія племена не разрывными
 узами согласія, брашства. И что, какъ не
 честь и слава, можетъ такъ крѣпко связы-
 вать народы, граждански и политически раз-
 дѣленные? Честь, оспашься побѣдителейъ на
 играхъ, считали Греки верховнымъ для се-
 бя благомъ; слава, здѣсь спяжанная, осіява-
 ла не только чело побѣдителя, но его оше-
 чественный городъ, всю его область. Побѣди-
 тель везомъ былъ съ игръ въ пріумфъ, ему
 воздвигались памятники, онъ содержимъ былъ
 на общеспвенномъ иждивеніи, на войнѣ имѣлъ
 онъ мѣсто подлѣ Царя (въ Спаршѣ). Какія вы-
 сокія награды! И не по справедливости ли
 Греки испощали всѣ силы ума своего, чшобы
 быть достойными оныхъ? Какой народъ —
 эти Греки! невольно скажешь съ Трипанше-
 хмомъ, припомня бесѣду сего Перса о Грекахъ
 съ Мардоніемъ.

5. АМФИКТИОНСКОЕ СОБРАНИЕ.

Амфикиѳіонское собраніе, объ учрежденіи, началѣ и цѣли коего мы замѣтили выше, состояло изъ двѣнадцати главнѣйшихъ племенъ Греческихъ. Каждое племя имѣло два голоса въ собраніи, и большинствомъ голосовъ рѣшались дѣла всего союза. Опредѣленія Амфикиѳіоновъ были непреложны и служили закономъ для всѣхъ соединенныхъ племенъ; нарушители сихъ опредѣленій подвергались суду членовъ собранія, и въ случаѣ виновности,—наказанію. Месты за оскорбленія, хотябы одному Амфикиѳіону нанесенныя, пославлялась самою святою обязанностию всѣхъ и cadaго. Величайшими же преступленіями въ глазахъ Амфикиѳіоновъ были насильственное распорженіе мирныхъ договоровъ, возбужденіе мятежей и крамоль, и святопапашественное прикосновеніе къ сокровищамъ храмовъ и Оракуловъ. За таковыя преступления должна была мстить цѣлая Греція открытою войною и опустошеніями земель и владѣній преступниковъ, должна была карать ихъ, по словамъ Эсхина, и словомъ, и дѣломъ. Ипакъ Амфикиѳіонское собраніе противопоставляло насилію справедливость, влас-

полюбію и пиранію—умѣренность и благо-
 разумное равенство правъ; оно впечатлѣвало и
 поддерживало въ сердцахъ Грековъ тѣ драго-
 цѣнныя для народовъ догматы народнаго пра-
 ва, коими держался царства и республики;
 оно предузнавало нѣкопорымъ образомъ важ-
 ность существованія того Политическаго
 равновѣсія, подъ эгидою коего благоденству-
 ютъ государства нынѣшней Европы; долго
 было оно гениемъ хранителемъ безопасности,
 тишины, согласія и единства Греческихъ на-
 родовъ. Вліяніе сего собранія было велико и
 благотѣтельно до того времени, пока Гречес-
 кія республики были почти всѣ равносильны
 и по пространству и по средствамъ своимъ;
 но когда однѣ содѣлались могущественнѣе дру-
 гихъ, когда Гегемонія или первенство была
 постоянно то у Аѳинянъ, то у Спартанцовъ,
 когда сіи двѣ республики подвергли своему влі-
 янію всѣ прочіе народы Греціи, тогда Амфи-
 кіонское собраніе сдѣлалось шѣломъ безъ души,
 лишилось всякаго уваженія, и было игрищемъ
 въ рукахъ хитраго честолюбца. Сильные не
 знаютъ никакого другаго права, кромѣ права
 силы, и слабые содѣлываются жертвами деспотизма. Голосъ Амфикіонцевъ заглушенъ

былъ воплями неистовой тиранніи иноземной,— и свобода Греціи исчезла навсегда.

ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ

Опшъ образованія республиканскаго правленія въ Греціи до Персидскихъ войнъ (1000—500).

Все сказанное доселъ долженствовало предсказать намъ картину всей вообще Греціи, всѣхъ ея обитателей и важнѣйшихъ событій, ознаменовавшихъ сію землю въ древнія, первобытныя времена ея; все наше вниманіе усмремлено было доселъ на то, чтобы всмотрѣться во всѣ черты общей фізіономіи Грековъ и узнать сходство различныхъ племенъ между собою, разность оныхъ, и разные пути, по которымъ Греки шли къ единой метѣ своей—къ своему возвеличенію и славѣ; доселъ Историческое спространствованіе наше по пространству Греціи опуманено было мрачными облаками баснословія и героизма, украшеннаго вымыслами Поэзіи. Времена Героизма прошли— война Троянская была блистательнѣйшее, а опустошительныя подвиги Ираклидовъ послѣднее явленіе сихъ временъ.

Около 1000 лѣтъ до Р. X. горизонтъ проявлялся—и на землѣ Греціи, въ двухъ облас-

шихъ ея, Лаконіи и Ашпикъ, видимъ мы, насаждающіяся прекрасныя сѣмена, произраспившія попомъ возделенныя плоды могущеслва и славы двухъ Греческихъ республикъ, Спаршанской и Аѳинской. Съ сихъ поръ всѣ земли Греціи будущъ вращаться около сихъ двухъ знаменитыхъ республикъ, какъ темныя спутники около своихъ солнцевъ. Судьба всей Греціи тѣсно сопряжена съ судьбою Спаршы и Аѳинъ, и попому съ сихъ поръ все наше вниманіе обращено будетъ преимущественно только на Спаршу и Аѳины; ибо Испорія сихъ двухъ государствъ есть Пеллорія цѣлой Греціи.

Спаршанская Республика.

Ираклиды—замѣчено выше—овладѣли почти всею Пеллопонесомъ. Юговосточная часть сего полуострова или область Лаконія досталась въ удѣлъ двумъ близнецамъ, сыновьямъ Арисподема, Эврисѳену и Проклу. Мать ихъ, увлекаемая своею нежностью и равною любовью къ обоимъ не хотѣла объявить, кто изъ нихъ спаршій, и народъ провозгласилъ обоихъ Царями съ равною властью и одинакими правами. Престоль объявленъ наследственнымъ въ родѣ обоихъ; потомки ихъ—Проклиды и

Агиды—(а) управляли Спаршою въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Сіе Діархическое или двуначальное правленіе было испочинкомъ бѣдствій, обуревавшихъ Спарту въ теченіи 200 лѣтъ. Государи, облеченные одинаковою властію, но руководимые разными началами или по разности характеровъ, или по ревности и взаимной ненависти, не могли успроить счастья своихъ подданныхъ. Государство раздѣлилось на партіи, спановившіяся пѣтъ дерзновеніе въ своихъ припязаніяхъ, чѣмъ уступчивѣе были цари въ правахъ своихъ; власть Царей ослабѣвала болѣе и болѣе такъ, что Спарта содѣлалась пенапромъ ужаснѣйшаго безначалія, коего жертвою былъ Царь *Эвномъ* изъ колѣна Проклидовъ, умерщвленный во время бунта народомъ. Правленіе доспалось по его смерти (около 900 л. до Р. Х.) спаршему сыну его *Полидекту*, имѣвшему себѣ соварищемъ *Архелая*, производившаго изъ другой царственной линіи. Царствованіе Полидекса было кратковременно, и ничѣмъ не ознаменовано. Послѣ его кончины оспалась юная его супруга съ надеждою даровать Спаршѣ преемника престола. Правленіе дѣль государственныхъ

(а) ошъ Агиса, сына Эврисеенова.

принялъ *Ликурго*, братъ Полидекпа, мужъ, коего имя произносимо было древними съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, человѣкъ, образовавшій цѣлую республику Героевъ.

Л и к у р г ъ .

Спаршанцы зная великій умъ и добродѣтели Ликурга хошѣли провозгласишь его Царемъ; но Ликургъ объявилъ имъ, что онъ будетъ управляшь Государствомъ только въ качествѣ Продика (опекуна), ежели супруга Полидекпа разрѣшился отъ бремени сыномъ. Симъ владычествомъ надъ собою приобрѣлъ онъ еще большее уваженіе и любовь своихъ согражданъ. Между тѣмъ вдовствующая Царица забои-лась не только объ утвержденіи власпи въ своемъ родѣ, сколько о сохраненіи всѣхъ почестей Царскихъ для себя лично; она замыслила самой преступной планъ, повелѣла тайно объявишь Ликургу, что она погубишь младенца, и тѣмъ откроешь ему вѣрный путь къ престолу, ежели только онъ соединится съ нею бракомъ. Ликургъ содрогнулся отъ сего ужаснаго предложенія; но желая сохранишь жизнь младенца онъ льстилъ ей своими обѣщаніями до самаго ея разрѣшенія. Злодѣяніе

устранено—она родила сына; люди, по повелѣнію Ликурга, окружавшіе Царицу для наблюденія за всѣми ея поступками, немедленно оправили къ нему младенца. „Намъ родился Царь, Спаршанцы, воскликнулъ Ликургъ къ бесѣдовавшимъ съ нимъ спарфѣйшинамъ.“ Изумленіе и радость изобразились на лицахъ всѣхъ присудствовавшихъ. *Харилаемъ* (радостью) назвалъ Ликургъ Царя—младенца; ибо онъ веселился въ душѣ своему доброму дѣлу, и видѣлъ восхищеніе всѣхъ согражданъ своихъ. Мудро и крошко продолжалъ онъ управляшь Спаршою опъ имени Царя Харилая; но ни благоразумное его управленіе, ни высокія качества, ни добродѣтели не могли предохранить его опъ спрѣлъ завистниковъ. Тысячи враговъ вооружались противъ него и тайно, и открыто—удѣлъ общій всѣхъ людей великихъ!—Царица, мать Харилая, была злѣйшею неприятельницею Ликурга—могла ли она забыть пренебреженіе, изъявленное имъ къ ея волѣ? Самолюбіе ея чувствительнѣйшимъ образомъ оскорблено. Самыя обидныя клеветы распротраняла она на него въ народъ; она представляла Ликурга честолюбцемъ, кошорый для достиженія престола погубилъ Харилая. Для опстраненія

всѣхъ опасностей и для разсѣянiя подозрѣній Ликургъ рѣшился оснавить Спарту — время долженствовало опровергнуть его невинность.

Ликургъ и вѣ Спарте хотѣлъ жить только для Спарте, для ея блага, для счастья ея гражданъ. Удаляясь изъ своего отечества онъ понесъ въ душу своей великую мысль — прекратить всѣ бѣдствiя онаго и дать Спартянцамъ новую жизнь. Во время своего добровольнаго изгнанiя онъ путешествовалъ по странамъ, наиболее примѣчательнымъ въ тогдашнiя времена или могуществомъ державнымъ, или богатствомъ обитателей, или мудрымъ законодательствомъ. О-въ Критъ, Малоазiйскiя земли, Сирия и даже Египетъ (а) изслѣдованы Ликургомъ тщательнѣйшимъ образомъ — все наблюдалъ онъ здѣсь, всему учился для пользы своей собственной и для блага Спарте. Законы Миносовы, подъ Эгидою коихъ благоденствовали Критяне, сдѣлали сильное впечатлѣнiе на Ликурга, и породили въ немъ желанiе усвоить и Спарту по образцу Критскаго правленiя. Фалесъ, Платонъ и

(1) Нѣкоторые полагаютъ, что Ликургъ достигалъ даже отдаленныхъ странъ Индiи и Испанiи; но это предположенiе слишкомъ смѣловое и ничѣмъ не подтвержденное.

Философъ Крипскій, изъ дружбы къ Ликургу и по его внушенію, отправился въ Спарту, дабы своими пѣснопѣніями предугошворяль народъ Спартанскій къ предположенному преобразованію и знакомиль ихъ заранѣе съ идеєю неминуемыхъ, имъ предсвоившихъ переменъ.

Изъ Крипта достигъ Ликургъ береговъ цвѣтущей Іоніи, гдѣ характеръ жителей, наклоненныхъ къ роскоши и нѣгѣ, не показывавшихъ ни мужества, ни швердоспи духа, произвелъ несприятное дѣйствіе надъ Ликургомъ. Здѣсь на сихъ берегахъ узналъ онъ спихопворенія Омера; подвиги Героевъ Иліады должны спвовали служиль Спартанцамъ образцами для подражанія; Ликургъ первый познакомиль Европейскихъ Грековъ съ швореніями великато пѣснопѣвца привезши ихъ съ собою въ Спарту.

Между шѣмъ въ отсутствіе Ликурга Спарта, преданная въ жертву всемъ ужасамъ междоусобій, вспала на самой край гибели. Цари безъ силы и безъ уваженія, народъ безъ защиты и покровительства; богатые и сильные граждане угнѣшали бѣдныхъ, и посмѣвались вельнїямъ Государей распоргши все основанія порядка и подчиненности. Никпо немогъ ечинать себя безопаснымъ. Въ семъ бѣдспвенномъ

положеніи опть одного только Ликурга ожидали всѣ и помощи, и спасенія. Народъ въ немъ одномъ искалъ себѣ защиты опть насилія богатыхъ; Цари посредствомъ его только надѣялись прекратить неисповсѣва черни. Всѣ прѣбуютъ его возвращенія. Ликургъ покорный волѣ своего опечесѣва явился въ Спарту послѣ долговременнаго опсудсѣвія. Онъ увидѣлъ, что не довольно для счастія его согражданъ—успранилъ вкравшіяся злоупотребленія и усмирилъ мятежи; онъ удостовѣрился, что надобно совершенно измѣнить все гражданское устройство, надобно переродить Спартанцовъ. Умы предъуготовлены уже были къ тому Талесомъ. Опираясь на свой Геній, на свое мужество, на любовь народа и на уваженіе къ себѣ Царей, Ликургъ рѣшился приступить къ великому дѣлу преобразованія своего опечесѣва. Величайшія прѣпятствія предсѣяли ему на семъ трудномъ и опасномъ поприщѣ. Ему пошребно было покровительство свыше, чѣмъ человѣческое, ему нужно было содѣйствіе самихъ Боговъ; для того онъ отправился въ Дельфы вопросить Оракула объ успѣхѣ своего начинанія. „Боги покровительствуютъ Ликургу, опвѣчала Пивія; и самъ

онъ уподобляется болѣе Богамъ, нежели лю-
дямъ; онъ предопредѣленъ судьбами, учредивъ
въ Спартѣ наилучшее, совершеннѣйшее изъ
всѣхъ возможныхъ правленіе.“

Прибывши изъ Дельфъ въ Спаршу онъ ка-
зался народу озареннымъ новою славою; во-
одушевленный неуспрашимостию, не пренебре-
гая однакожъ никакимъ средствомъ для оспе-
реженія себя опъ враговъ, Ликургъ созываетъ
народное собраніе. Здѣсь предлагаетъ онъ къ
общему свѣдѣнію планъ свой, и приспущаешь
немедленно къ исполненію онаго. Цари безмолв-
ствуютъ, народъ покоренъ.

Законодательство Ликурга.

Планъ Ликурга вмѣщаль въ себѣ двѣ суще-
ственныя части: преобразование формы пра-
вленія и начертаніе гражданскихъ законовъ.

а. Форма правленія, введенная Ликур-
гомъ въ Спартѣ, или Политическіе за-
коны его.

Спарша управляешя, по прежнему, двумя
Царями. Могъ ли Ликургъ опмѣнить званіе
Царское, освященное временемъ и духомъ на-
роднымъ? Могъ ли не оставивъ въ Спартѣ

Царей, ведшихъ родъ свой опгь самаго Бога Зевеса, Царей, коихъ предкамъ одолжна она своимъ бытіемъ политическимъ? Правленіе оспалось Діархическое. Цари имѣють власть ограниченную, но швердую, опредѣленную законами. Уваженіе, должное ихъ высокому сану, еспь непреложною обязанностию гражданъ; особа Царей священна и неприкосновенна. Царямъ предоспавлено предсѣдательство въ совѣтѣ спарфѣшинѣ, верховное жречество или власть блюсти за цѣлостію религіи, и предводителство надъ войсками. Во время войны Царь имѣлъ право жизни и смерти надъ своими воинами; во время мира Государи Спаршанскіе ничего не могли предпринять безъ согласія спарфѣшинѣ.

Сии спарфѣшины образовали особенной совѣтѣ, долженствовавшій обуздывать власть Діарховъ и держать народъ въ должныхъ предѣлахъ порядка и повиновенія. *Герузія*—такъ назывался совѣтѣ сей—состояла изъ 28 членовъ и обоихъ Царей, предсѣдательствовавшихъ въ оной. Цари впрочемъ имѣли здѣсь, какъ и всѣ другіе члены, только по одному голосу. Члены Герузій или Героншъ избирались изъ почешнѣйшихъ гражданъ, не по по-

родъ шолько, но по своимъ добродѣтелямъ знаменитыхъ; они были не моложе бо лѣтъ. Геронпы, избранные однажды, оставались въ семь достоинствъ весь остатокъ своей жизни—развѣ какими либо преступленіями содѣлающа не достойными онаго. Геронпамъ предоставлена была власть законодательная и исполнительная. Они разсуждаютъ о дѣлахъ по предложенію Царей; большинствомъ голосовъ рѣшаютъ окончательно всѣ предметы разсужденія. Сіи рѣшенія или опредѣленія Герузій представляются въ народное собраніе — *Экклезію*—, которое должно было или принять или отвергнуть оныя не входя ни въ споры, ни въ сужденія, и не смѣя требовать объясненія ни отъ Царей, ни отъ Геронповъ, почему они рѣшили такъ, а не иначе. Многочисленный классъ простаго народа не долженъ былъ умствовать о дѣлахъ разсмотрѣнныхъ мудрыми, опытными, благонамѣренными спарфійщинами. Въ Экклезіи или въ народномъ собраніи присудствовали всѣ Спарпанцы, достигшіе прицашилѣшняго возраста и въ поведеніи своемъ не укоризненные. Экклезіи ввѣрены были драгоценныя права: возводить въ достоинства Геронповъ и другихъ почетныхъ сановниковъ

республики, и судить гражданъ, слѣдственно члены Экклезіи или вообще народъ имѣли въ рукахъ своихъ власть судебную.

И пакъ Ликургъ произвелъ въ Спартѣ мудрое и благодѣтельное смѣшеніе власти Царской—оба Царя представляли собою одно нравственное лицо Монарха — власти Аристократизма—Героншы изображали собою владычество благоразумія и добродѣтели—и власти Демократизма—Экклезія была щипомъ свободы гражданъ и ихъ равенства предъ законами. Цари и Героншы были верховными распорядителями всѣхъ дѣлъ управленія; народъ же, пользуясь правомъ опверганъ или принимающъ ихъ постановленія по своему усмотрѣнію, охотно повиновался законамъ, считая оныя изліяніемъ своей собственной воли. Всѣ были довольны, всѣ благословляли великаго Ликурга; бури прежнія смолкли, и въ Спартѣ водворилась тишина. Дельфійскій оракулъ справедливо изрѣкъ Спаршанцамъ, что „они будутъ счастливѣйшимъ и сильнѣйшимъ народомъ, доколѣ пребудутъ вѣрными постановленіямъ Ликурга.“

Кромѣ прехъ показанныхъ властей, назидавшихъ благо Спаршанской республики, находи-

лась тамъ власть особенная, содѣлавшаяся въ послѣдствіи чрезвычайно грозною, власть наблюдавшая за Царями, Геронпами и народомъ. Эфоры составляють, такъ сказать, дополненіе къ постановленіямъ Ликурга. Не извѣстно точно, учреждены ли Эфоры самимъ Ликургомъ или послѣ него; послѣднее вѣроятнѣе. Сіе учрежденіе приписывается, большею частію древнихъ писателей, Теопомпу, Царю Спартанскому, жившему 150 лѣтъ спустя послѣ Ликурга или за 750 л. до Р. Х. Эфоры, числомъ 5, были высокіе погодные чиновники, избираемые народомъ, и ведшіе строгой надзоръ за всемъ въ Государствѣ. Власть ихъ была такъ велика, что они могли сводить Царей съ престола, и всѣхъ прочихъ властителей судить, брать подъ спражку и даже осуждать на смерть. Въ послѣдствіи времени они захватили всю власть въ свои руки, и не рѣдко подчиняли и самые законы своимъ прихотямъ; шѣмъ не вѣроятнѣе, чтобы столь ужасные Олигархи, тиранически властвовавшіе въ Спартѣ, были постановлены Ликургомъ.

В. ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ ЛИКУРГА.

Въ Спарть Полипическіе и гражданскіе законы почти совершенно не раздѣльны; они образуютъ одно цѣлое, соединенное во всѣхъ частяхъ своихъ, и утвержденное на одномъ главномъ основаніи. Спарпанецъ принадлежишь не себѣ, а республикѣ; онъ не смѣетъ быть человекомъ самоспояшельнымъ, онъ долженъ быть гражданиномъ, членомъ общества; онъ не можетъ имѣть иной воли, кромѣ воли своего правительсва; частныя интересы его подчинены благу общему, или, лучше, онъ не имѣетъ никакихъ интересовъ лично для себя; онъ не имѣетъ ничего такого, чегобы не имѣли другіе его сограждане, онъ не знаетъ ничего болѣе, какъ то, что знаютъ другіе, онъ не стремится ни къ чему, къ чему бы не стремились всѣ прочіе. *Равенство* слѣдственно было главнымъ основаніемъ гражданского устройства въ Спарть; сіе равенство всѣхъ и во всемъ впечатлѣвалось Спарпанцамъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ посредствомъ единообразнаго *воспитанія*, преимущественною цѣлю коего было приготовить гражданъ, способныхъ защищать республику отъ всѣхъ вра-

говъ, образовашь ихъ неуспрашаемыми, храбрыми, доблеспвенными воинами. И такъ при главные предмета имѣлъ въ виду Ликургъ при начерпаніи своихъ гражданскихъ законовъ: равенство, воспитаніе и *воинское устройство*. Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ Ликурговы законы испинно оригинальны, отличны отъ всѣхъ законодательствъ и древнихъ, и новѣйшихъ временъ.

1. Равенство Спартанскихъ гражданъ.

Въ Спартанской республикѣ находились при рода обитателей: собственно *Спартанцы*, жители города Спарты, потомки Ираклидовъ и Дорянъ, почешнѣйшіе граждане республики, *Лакедемоняне*, населявшіе прочіе города и селенія области Лаконіи, вѣроятно, первобытныи жители оной, добровольно, безъ сопротивленія покорившіеся Ираклидамъ, и за то свободные, но съ нѣкоторою зависимоштію отъ Спартанцевъ, и *Илоты*, древніе обитатели города Гелоса, и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ Лаконіи, покоренныхъ, послѣ упорнаго сопротивленія, Царемъ Агисомъ, сыномъ Эврисеена, за 1050 л. до Р. Х. Первые только два класса считались гражданами, и были предметомъ попеченій Ликурга.

Послѣдніе, т. е. Илоты, были рабы, подверженные игу жесточайшей, безпримѣрной неволи. Они не имѣли не только никакихъ правъ гражданскихъ, но не пользовались даже правами человѣчества; жизнь и смерть ихъ зависѣли отъ Спартанцевъ; они въ глазахъ своихъ повелителей не были лица, но вещи, которыя можно испреблять по часпямъ и уничтожать безъ всякой отвѣтственности; юноши Спартанскіе поощрялись даже къ умерщвленію Илотовъ. Извѣстное порожество Криппія есть чудовищное послановленіе, возмущающее природу человѣческую. Слѣдственно Илоты были внѣ покровительства законовъ, и своею ужасною неволею представляли разительнѣйшую противоположность съ неограниченною свободою Спартанцевъ. Нигдѣ свободные граждане не были столь свободны, и рабы въ такой мѣрѣ рабами, какъ въ Спаршѣ. Ликургъ своею невнимательностію къ воплямъ справедливцевъ умалилъ блескъ своей славы; на тяжкихъ цѣпяхъ рабства цѣмыхъ сошень тысячъ Илотовъ основалъ онъ свободу 9000 гордыхъ Спартанцевъ и 30,000 покорныхъ имъ Лакедемонянъ.

Между сими-то 39,000 гражданъ раздѣлили Ликургъ всѣ земли республики на совершенно ровныя, одинаковыя учаспки; никто не имѣлъ ни болѣе, ни менѣе одинъ другаго; не спало ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; всѣ были равны въ своемъ имуществѣ, получаемомъ отъ земли; но чтобы граждане не обратились къ другимъ средствамъ своего обогащенія Ликургъ заградилъ всѣ пути къ производству торговли съ иностранцами; для сего онъ уничтожилъ обращавшіяся дополь въ Спарть золотыя и серебряныя деньги замѣнивъ оныя желѣзными, тяжелыми, не удобными, на помѣщице прочимъ Грекамъ служившими; симъ самымъ всѣ связи съ Лаконіею прерваны. Спарта образовала собою особый миръ, не причастный ни порокамъ, ни добродѣтелямъ прочихъ странъ. Граждане Спарты не смѣли заниматься ни обработаніемъ земли, ни торговлею, ни же какими либо ремеслами; работы механическія не приличны людямъ свободнымъ; онъ удѣлъ рабовъ; припомъже еслибы сами граждане занимались сими работами, то натурально, болѣе прудолюбивый, дѣяшельнѣйшій сдѣлался бы богаче лѣниваго, и равенство рушилосьбы; для большаго еще утвержденія ра-

венства Ликургъ постановилъ, что всякой можетъ брать у другаго все, что ему нужно, даже не спрашивая его о томъ. Симъ онъ совершенно уничтожилъ всякую частную собственность; все сдѣлалось общимъ; никто не заботился о приобрѣщеніи чего либо, какого либо излишка, зная, что не онъ одинъ будетъ имъ пользоваться. Ликургъ подавилъ въ сердцахъ Спартанцевъ самое стремленіе къ неравенству. Учрежденіе публичныхъ столовъ можно считать верхомъ порожества его. Онъ постановилъ, чтобы никто изъ гражданъ, не исключая и Царей, не смѣлъ ничего приготовить въ своемъ домѣ для своего пропитанія; всѣ должны были доставлять опредѣленное количество припасовъ, изъ коихъ приготовлялась для всѣхъ одинаковая пища. Публичные сіи столы—такъ называемыя Спартанскія *Сисситіи*—были просты, умеренны и даже бѣдны. Спартацы, юноши и дѣти, всѣ безъ изысканія, обязаны находиться при оныхъ, первые научать, а послѣдніе обучаться правиламъ благоразумія, воздержности и преданности волю опечесства. Ни одно постановление Ликурга не встрѣчало сколько сопротивленія, какъ учрежденіе сихъ публичныхъ столовъ. Неисповѣдъ, всеобщій

почти мятежь былъ слѣдствіемъ онаго. Одно только неколебимое мужество, не измѣняемое ничѣмъ присудствіе духа и хладнокровное постоянство Ликурга могли спасти его отъ яростнаго народа и отъ ударовъ свирѣпаго Алкандра. При семъ возмущеніи онъ лишился глаза, и струями крови своей скрѣпилъ свое postanовленіе. Спартанцы наконецъ покорились силѣ и швердоси его Генія.

2. Воспитаніе Спартанцевъ.

Ликургъ не ограничился успѣхомъ наспоющимъ, онъ желалъ, чтобы его положенія остались непремѣнными и въ вѣкахъ будущихъ; его неписанные законы должны были впечатлѣться въ сердца и умы каждаго гражданина послѣдующихъ поколѣній; поному приличное его намѣреніямъ воспитаніе было главнымъ предметомъ его попеченій. И самую природу чловѣка онъ рѣшился подчинить всемогущей силѣ воспитанія.

Ликургъ началъ преобразование свое по части воспитанія съ женскаго пола. Жены и юныя дѣвы Спартанскія, будущія матери храбрыхъ, сильныхъ гражданъ, вовсе оппчуждены были отъ работъ сидячей жизни домашней,

опь ремесль и рукодѣль, по нашимъ понятіямъ наиболѣе сообразныхъ съ способностями и силами женскаго пола; женщины въ Спарть занимались всѣми гимнастическими упражненіями, бѣганьемъ, борьбою и бросаньемъ копьевъ. Крѣпкія въ силахъ онѣ раждали крѣпкихъ и сильныхъ дѣтей: при самомъ рожденіи клались въ колыбель оружія, дабы въ первую минуту бышія взоры младенцевъ встрѣчались прежде всего съ предметомъ, который попомъ во всю ихъ жизнь долженъ соспавлять единственное и драгоцѣннѣйшее богатство и высочайшую славу ихъ; дѣти, родившіяся съ какими-либо физическими недоспапками, безъ всякаго сожалѣнія бросаемы были и погибали въ пустыняхъ или въ пропастяхъ горы Тайгепа; не здоровое, слабое дитя содѣлалосьбы только лишнимъ бременемъ для республики, ибо въ слабомъ тѣлѣ слабая и душа—думалъ Ликурзь. Оставшіеся въ живыхъ поручаемы были избраннѣмъ самою республикою кормилицамъ, которыя съ намѣреніемъ показывали чрезвычайное равнодушіе къ слезамъ и крикамъ дитяти, должны были приучать ихъ ко всякаго рода пищѣ и подвергать нарочно всѣмъ впечатлѣніямъ страха и боязни, дабы попомъ

содѣлались они безспрашными и безбоязненными.

По достиженіи семилѣшняго возраста они оставляли домъ родительской и поступали въ совершенное вѣдѣніе республики, подъ надзоръ добродѣтельныхъ и искусныхъ въ дѣлѣ воспитанія *Педагоговъ*, почтенныхъ всеобщю довѣренностію и уваженіемъ гражданъ. И въ самомъ дѣлѣ какое занятіе можетъ быть благороднѣе, какая обязанность священнѣе—какъ не занятія и обязанности воспитателей? Кроме сихъ Педагоговъ каждый гражданинъ имѣлъ право наблюдать за дѣтьми, какъ за своими собственными, направлялъ ихъ полезному и наказывалъ за проступки; ибо они принадлежали не родителямъ, а государству — были собственностью республики. Всѣ дѣти раздѣлены были на разныя отдѣленія, изъ коихъ каждое имѣло особеннаго руководителя изъ самихъ же дѣтей, наиболѣе отличившихся превосходными качествами въ смыслѣ Спартанцевъ—наилучшее средство къ возбужденію благороднаго соревнованія и честлюбія! Здѣсь при первоначальномъ воспитаніи дѣти заключали между собою союзы дружбы, соединявшіе ихъ попомъ во всю жизнь. Юноши, соединенные па-

ковыми союзами, производили общими силами чудесные, неимовѣрные подвиги къ славѣ опечеснва.

Всего болѣе при воспитаніи дѣшей Спаршанскихъ обращемо было вниманіе на то, чшобы приучить ихъ все переносить, все шертѣть, на все опваживаться, дорожить похвалами и одобреніемъ спарѣйшихъ и спрашивать хулы; ихъ приучали ко всѣмъ измѣненіямъ временъ года; они ходили босые и лѣпомъ, и зимой, одѣвались въ шакое плашье, которое ни сколько не могло защитить ихъ отъ суровости климата, пищались самою скудною пищею, которую они должны были выискивать, похищая—вошь Спаршанская кража, самими законами постановленная! Ежели дѣши при семъ похищеніи или кражѣ были захватываемы, то подвергались жесточайшимъ наказаніямъ не за воровство, а за неловкость; слѣдственно цѣлю сей кражи, сего спраннаго постановления, было приученіе дѣшей къ ловкости, распоропности, хитрости и проворству; вообще дѣши проводили все свое время въ непрерывной дѣшельности, въ безреспаннхъ гимнастическихъ упражненіяхъ и въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ ихъ швер-

доспи и перпѣнія. По мѣрѣ умноженія лѣтъ, по мѣрѣ того, какъ спрасти юношей содѣлывались пламеннѣе, необузданнѣе, и упражненія ихъ становились стягоспнѣе, и надзоръ спроче, и время опдыховъ короче. При переходѣ дѣшей въ возрастъ юношескій они подвергались ужасному обряду—возлагаемые на жершвенникъ Богини Діаны они получали жестокіе удары во испыпаніе ихъ перпѣливости; кровь лилась ручьями—и они не смѣли произнести ни одного болезненнаго вопля и спона; при сихъ спраданіяхъ они должныспвовали сохранятьъ довольснво и веселость; перенесшій съ большимъ равнодушіемъ сн мученія награждаемъ былъ рукоплесканіями и родшелей, и всѣхъ гражданъ; изнемогшій подѣ ударами считался недостойнымъ носить имя Спаршанца; умершій подѣ тяжестію боли и побоевъ не удостоиваемъ ни одною слезою, ниже соспрандіемъ—опѣ него бы опечеснво не могло надѣяшсья ничего славнаго и великаго.

Первою добродѣтелию юношей почишалась покорность спаршимъ и безпредѣльное повиновеніе ихъ вошѣ. Спарость давала все право на уваженіе. Во всѣхъ мѣспахъ и во всякое время юноша обязанъ былъ вспашь съ своего мѣс-

па при появленіи спарца; онъ не смѣлъ въ его присудствіи ни поднять глазъ, ни опкрышь уста свои. Одни только не женатые, хотябы они были въ лѣпахъ преклонныхъ, не имѣли права пребывать ни уваженія, ни даже снисхожденія—доказательство того, какъ уважалъ Ликургъ священныя узы брака. Я не вспаю предъ обою, сказалъ нѣкогда одинъ юноша Спартанскій славному, побѣдоносному Деркилиду—ты не женатъ, не имѣешь дѣшей, которыябы опдали мнѣ почтеніе въ свою чреду. Не женатые, по законамъ Ликурга, не только не были уважаемы наравнѣ съ другими гражданами, но подвергались еще поношенію и всѣмъ родамъ униженія.

Доставленіе юношамъ Спартанскимъ ученыхъ познаній не было цѣлю Ликургова воспитанія. Опвлеченными науками не занимались Спартанцы, считая ихъ вѣрнымъ средствомъ не къ ушверженію державы, а къ ослабленію оной. Только Тактика, знаніе своего языка и опечественной Испоріи были предметами, на копорые въ Спартѣ обращемо было вниманіе. Сія земля не произвела ни Поэтовъ, ни философовъ, ниже Испориковъ знаменитыхъ. Бѣдноспь, бывшая непремѣннымъ удѣломъ Спар-

панцевъ, препятствовала образованію ихъ и въ наукахъ и въ искусствахъ; только музыка, и исключительно военная, составляла предметъ изученія. Спаршанцы отличались ясностію въ объясненіи, точностію въ выраженіяхъ, краткостію въ описаніяхъ и оспрошу. Въ немногихъ словахъ сказать многое—вошь отличительное качество, необходимое достоинство Спаршанца! Лаконизмъ есть великое совершенство писателей и нашего вѣка.

3. Военское устройство Спаршанцевъ.

Итакъ намѣреніе Ликурга было основать величіе своей республики не на богатствѣ и образованности гражданъ, но на ихъ преданности волю обществу, на ихъ неколебимомъ мужествѣ и посвятенствѣ, на силѣ ихъ характера; онъ хотѣлъ сотворить Спаршанцевъ воинами, героями, которые бы умѣли сохранить Спаршу отъ всѣхъ возможныхъ опасностей, поставивъ ее превыше всѣхъ Греческихъ областей на поприщѣ славы воинской и содѣлавъ имя Спаршанцевъ страшнымъ и грознымъ для всѣхъ враговъ. Желаніе Ликурга исполнилось—Спаршанцы въ продолженіи 500 лѣтъ своего существованія до времени великаго Эпаминон-

да не видѣли дыму неприятельскаго предъ стѣнами опечесшвеннаго своего города.

Постановленія Ликурга на счетъ воинскаго устройсва опмѣнно примѣчательны. Всякой гражданинъ былъ воинъ; съ 20 лѣшняго возраста каждой поступалъ подъ знамена опечесшва и посвящалъ себя всѣмъ воинскимъ упражненіямъ; но честь, сражаясь съ неприятелями внѣ границъ опечесшва, предоспалялась только пѣмъ Спаршанцамъ, которые совершили уже придцашилѣтнее поприще жизни своей. Войско Спаршанское раздѣлялось на конное и пѣшее; но извѣсно, что вся Лаконія прорѣзана высокими горами, слѣдспвенно пѣшее войско было гораздо важнѣе для Спаршы; конница, соспавлявшая весьма небольшой опрядъ, употреблялась только для развѣдыванія положенія неприятеля и для указанія пуши пѣхошъ. Пѣхоша, по мадоспи населенія Спаршанскаго, была равнымъ образомъ не многочисленна; но за то одинъ воинъ Спаршанскій могъ равновѣспить своимъ мужесшвомъ и искуспвомъ 10-ши воинамъ неприятельскимъ. Казалось, Спаршанцы дышали только войною, жили исключительно для войны; воинская слава была для нихъ высочайшимъ благомъ ихъ

жизни; они шли на войну какъ на пиръ, при звукахъ музыки, въ сомкнувшихся рядахъ, спокойно и весело, одѣтые въ единообразное алое плащье для сокрытія потаковъ крови изъ ранъ, которыя они могли получить въ сраженіи; вооруженные длинными копьями и тяжелыми серпообразными мечами — *Ксила*, и защищенные щитами, Спартанцы не спрашивали, какъ силенъ неприятель, но гдѣ онъ?

Все войско образовало одинъ лагерь, устроенный своимъ предсавлявшій кругообразную фигуру, для того, чтобы войны во всякое время и со всѣхъ сторонъ могли видѣть движенія неприятелей и были въ готовности къ опраженію ихъ. И днемъ и ночью охраняема была безопасность лагеря особенною стражею. Вся войска, въ лагерь Спартанскомъ находившіяся, раздѣлялись на отдѣленія, предводимыя особенными военачальниками; первое, меньшее отдѣленіе имѣло восемь рядовъ въ глубину — каждый рядъ въ ширину заключалъ въ себѣ четыре воина; сіе отдѣленіе, называвшееся *Эномотією*, было управляемо *Эномотархомъ*; четыре Эномотіи соспавляли новое отдѣленіе, известное подъ именемъ *Пентэкостикъ*, и управлялось *Пентэкостеромъ*; четыре Пенпекос-

писи предводимы были высшимъ вождемъ *Лохогомъ*, коего опрядъ назывался *Лохосъ*; чепыре Лохоса образовали такъ называемую *Мору*, соспоявшую подъ вѣдѣніемъ *Полемарха*. Мора была самымъ высшимъ и важнѣйшимъ опдѣленіемъ Спаршанскихъ войскъ. Полемархъ зависѣлъ только опъ Царя; емуже, п. е. Полемарху обязаны были безпредѣльнымъ повиновеніемъ чепыре Лохоса, восемь Пеншекосперовъ и шесшнадцать Эномюшарховъ. Подчиненность и слѣпая покорность почивались по справедливости душою воинскаго порядка и необходимымъ условіемъ къ побѣдѣ.

Число военныхъ силъ Спарши можно узнать по количесству воиновъ находившихся въ каждомъ изъ помянутыхъ опдѣленій.

Эномюшія заключаема въ себѣ	32	воина.
Пеншикосписъ	128	—
Лохосъ	512	—
Мора	2048	—

Число Моръ не всегда было равно; оно увеличивалось или уменьшалось по обспоятельствамъ, судя по опасностямъ, большимъ или меньшимъ, копорыя предспояли Спаршѣ опъ внѣшнихъ нападений; впрочемъ болѣе пяти Моръ Спарша никогда не имѣла, слѣдспвенно

общее число войскъ Спарпанскихъ, предводи-
мыхъ Царемъ,—можно опредѣлить,—проспирало-
лось съ небольшимъ на десять тысячъ чело-
вѣкъ. Здѣсь разумѣнь должно войска, состав-
ленныя изъ собственныхъ Спарпанцевъ; въ
послѣдствіи времени военныя силы Спарпы,
проспиравшіяся даже до 40,000 чело-
вѣкъ, пополняемы были опущенными на волю раба-
ми или наемниками изъ другихъ странъ.

Величайшимъ позоромъ въ глазахъ Спарпан-
цевъ считалось малодушіе въ сраженіи, и бѣг-
ство опъ неприятеля. Долго это было неиз-
вѣстно въ Спарпѣ. Могли граждане Спар-
панской республики, воспитанный въ духѣ Ли-
курга, быть способнымъ къ малодушію, могъ
ли онъ спрашиваться неприятеля, могъ ли до-
рожить жизнью поперявши честь свою? Жизнь,
несравненно мучительнѣйшая самой смерти,
была бы его удѣломъ. Бѣжавшій съ поля сра-
женія, по законамъ Ликурга, объявляемъ былъ
лишеннымъ правъ гражданина; онъ не смѣлъ
являться въ публичныхъ собраніяхъ; при
встрѣчѣ даже съ юношами Спарпанскими онъ
обязывался отдавать имъ почтеніе и вспа-
вать съ своего мѣспа; часно подвергался онъ
побоямъ и жестокимъ палочнымъ ударамъ, хо-

диль не иначе, какъ въ раздранныхъ и разноцвѣсныхъ плащяхъ и съ бородою, только въ половину выбривою; сіе поношеніе разливалось на весь его родъ и даже на его потомство. Послѣ сего намъ понятнѣе будетъ, почему мапери Спарпанцевъ, шедшихъ на войну, молили Боговъ, чѣобы сыновья ихъ возвратились или со щипомъ, п. е. со славою, побѣдоносными, или принесены были на щипъ, п. е. падшими съ честью на полъ брани. Отъ того Спарпанцы были всегда храбрѣйшими воинами, ужасомъ всѣхъ Грековъ. Гражданинъ, спяжавшій лавры побѣдныя въ сраженіи, прославившійся наиболѣе въ бою своимъ мужествомъ, оказавшій великія услуги отечеству, увѣренъ былъ во всеобщемъ одобреніи своихъ согражданъ, въ рукоплесканіяхъ народа и въ лестныхъ похвалахъ юныхъ дѣвъ и женъ Спарпанскихъ. Сіи похвалы были самыми сладостными наградами для Спарпанцевъ; одна улыбка юной дѣвы, одинъ признапельной взоръ добродѣтельной Спарпанки вливалъ въ воиновъ новое мужество, возбуждалъ въ нихъ стремленіе къ новымъ подвигамъ; можно сказать, что жены Спарпанскія были рѣшительницами судьбы воиновъ, были судіями ихъ дѣяній, одобряя

или порицая оныя. На семь вѣроятно основана была укоризна, дѣланная Спартанскимъ женамъ, что они властвуютъ надъ своими мужьями, совершенно повелѣвають ими; но за то однѣ Спартанки раждали мужей, истинно достойныхъ сего имени.

Чего не могли совершить Спартанцы, одушевленные мужествомъ, пламенѣвшіе славою, пренебрегавшіе всѣми прудностями и опасностями, направленные въ дѣль воинскомъ и опытные въ бояхъ? Ликургъ былъ увѣренъ, что его республика съ такими гражданами не должна спрашиваться никакихъ враговъ; но онъ чувствовалъ также, что война можетъ сдѣлаться необходимою потребностію для Спартанцевъ, что они могутъ учиниться завоевателями, усремятся къ приобретеніямъ; это спрашало его, попому что приобретенія и добычи уничтожили бы равенство между гражданами,—завоеваніями упростили бы свою національность и свои нравы смѣшавшись съ другими народами,—безпреспанными войнами открыли бы тайну побѣдъ своихъ и научили бы наконецъ другихъ Грековъ побѣждать себя. Для сего Ликургъ постановилъ, что Спартанцы должны вести войну только

оборонительную, никогда—наступательной; онъ повелѣлъ только хранить спарое, ничего не искавъ новаго; онъ запретилъ воевать нѣсколько разъ сряду съ однимъ и тѣмъ же народомъ и преслѣдовать побѣжденнаго непріятели. Неприсягельскій лагерь и все въ немъ оставленное должны были не прикосновенны для Спартанскихъ воиновъ; въ семьѣ намѣреніи Ликургъ подтвердилъ, вѣроятно прежде него существовавшія, распоряженія, чтобы Спартанцы никогда не выступали на брань прежде полнолунія, и чтобы непременно возвращались въ Спарту, гдѣ бы они ни находились, для присудивованія на двухъ шоржеспвахъ, *Гіацинтій* и *Карнетъ*, изъ коихъ одно совершалось въ началѣ лѣта, а другое въ концѣ онаго.

Ликургъ наслаждался рѣдкимъ счастьемъ въ жизни; творческою силою своего генія онъ даровалъ новую жизнь цѣлому народу, создалъ великую республику не пространствомъ и населеніемъ сильную, но неборимымъ мужествомъ ея обитателей. Подвигъ его совершенъ! Онъ оставилъ Спарту взявши съ согражданъ своихъ кляпвенное обѣщаніе блюсти его законы во всей ненарушимости до его воз-

вращенія. Въ храмѣ Дельфійскомъ онъ принесъ
 жерпву Богамъ, способствовавшимъ ему въ
 исполненіи его многотрудныхъ намѣреній. Ора-
 куль предвѣщалаъ Спартанцамъ продолжишель-
 ное благоденствіе и славное существованіе
 подъ вліяніемъ Ликурговыхъ законовъ. Ликургъ
 рѣшился никогда не возвращаться въ Спарту,
 чтобы пѣмъ заспавишь Спартанцевъ никогда
 не нарушать его поспановленій и своей кля-
 пвы. Онъ удалился, полагаютъ, на островъ
 Крипъ; *Proficiscitur Cretam, ibique perpetuum*
exilium egit; издали радовался онъ счастью
 Спарпы; въ опдаленіи онъ оной внималъ онъ
 молвъ о величіи и славѣ своего опечесхва. Дос-
 шигши глубокой спароспи онъ скончался за-
 вѣщавъ при своей кончинѣ, развѣявъ прахъ
 его по пространству моря, *abici in mare ossa*
sua moriens jussit, дабы Спартанцы не могли
 его смерпныхъ оспашковъ перевести въ опе-
 чесство и чрезъ то избавишь себя онъ кляп-
 вы, ими данной, *ne, relatis Lacedemonem, solutos*
se Spartani religione jurisjurandi in dissolvendis
legibus arbitrentur. Безполезное завѣщаніе, пре-
 доспорожность напрасная! Законы существую-
 щъ неизмѣнно и обязываютъ гражданъ до-
 шоль, пока они сообразны съ духомъ вѣка,

съ потребностями и съ характеромъ народа. Ликургово законоположеніе почти безъ всякихъ значительныхъ перемѣнъ соблюдаемо было въ Спарть около 400 лѣтъ—единственный примѣръ неизмѣнности и столь продолжительнаго храненія законовъ. Спарта подъ вліяніемъ Ликурговыхъ постановленій содѣлалась великою республикою, грозною для прочихъ Греческихъ народовъ. Величіе ея есть безъ сомнѣнія дѣло Ликурга. Слава имени сего законодателя сохранилась въ длинный періодъ 27 вѣковъ, и сохранился дошоль, доколь народы сохраняють чувство ко всему высокому, геніальному, необыкновенному; но самое сіяніе славы, озаряющее Ликурга пѣмъ яснѣе открываетъ въ немъ многія мѣста темныя, обнаруживаетъ многіе недостатки въ его законодательствѣ; и Ликургъ запланилъ дань слабостямъ человѣчества; увлеченный силою ума своего и поддерживаемый неколебимостію своего характера и воли онъ произвелъ подвигъ, достойный удивленія, но не подражанія, совершилъ такое дѣло, въ которомъ онъ показалъ самыя глубокія соображенія, но мало познаній на счетъ природы человѣческой, еще менѣе на счетъ цѣли гражданскихъ обществъ.

Илоты будутъ вѣчно вопіяшь прошивъ Ликурга—и никакія уваженія не могутъ его оправдать предъ судилищемъ Испоріи и потомства въ тѣхъ безчеловѣчіяхъ къ симъ несчастнымъ, въ тѣхъ жестокостяхъ, кои утверждены его законами. Сіи насильственные отношенія рабовъ къ свободнымъ гражданамъ были въ послѣдствіи времени причиною ужасныхъ попрысеній, угрожавшихъ низпровергнуть все зданіе республики Спартанской.

Ликургъ водворилъ въ Спарть самое мертвое единообразіе и наложилъ на умы гражданъ тягостныя оковы невѣжества и грубости. И что другое могло быть слѣдствіемъ *Ксенелазіи* или оппорженія Спартанцевъ отъ всѣхъ связей съ иностранцами, уничтоженія самой возможности успѣховъ въ торговлѣ и ремеслахъ, обреченія всѣхъ гражданъ на вѣчную бѣдность? Сіи оковы были потомъ распоргнуты; сіе опчужденіе ихъ отъ иностранцевъ не могло быть вѣчно. Ужасны были Спартанцы по устанавленіи связей съ прочими Греками—алчность къ запрещеннымъ для нихъ богатствамъ, ненасытность въ припязаніяхъ, продажность и вѣроломство—вошь чѣмъ оп-

личались они по неизбѣжномъ нарушеніи законовъ Ликурговыхъ!

Ликургъ подавилъ въ Спартанцахъ самыя благороднѣйшія чувствованія — чувствованія самобытности, состраданія, любви родительской. Спартанецъ не смѣлъ быть человекомъ, — онъ былъ только гражданиномъ, не смѣлъ принадлежать себѣ, — онъ былъ весь для республики; не смѣлъ быть ни опцомъ — дѣти его были общимъ достояніемъ всѣхъ и каждаго, — ни сыномъ, — республика, — его опечесво, была его матерью, ниже супругомъ, — онъ не видѣлся съ супругою своею иначе, какъ украдкою, и всякой пошъ имѣлъ на нее право, кпо надѣлся даровать республикѣ крѣпкаго и сильнаго будущаго гражданина. Какой это народъ, гдѣ граждане безъ состраданія повергаютъ младенцевъ своихъ на погибель за одни физическіе недоспапки, которые воспитаніемъ моглибы загладиться или вознаградиться умственными силами? Какой это чудовищный народъ, у котораго родители рукоплещутъ спраданіямъ дѣпей своихъ, изнемогающихъ подъ ударами на жерпвенникахъ Боговъ ихъ, сполькоже немилосердыхъ, какъ они сами? Какимъ именемъ назвашь эту землю, гдѣ ма-

тери съ воспоргами радости приѣмлюшь въспь о погибели сыновеѣ ихъ на полѣ бишвы, и плачушь видя ихъ возвращающихся съ войны невредимыми? Доспойны ли подражанія шѣ законы, коими преграждались всѣ пупи къ образованію гражданъ и къ водворенію наукъ и искусствъ, украшающихъ и облагороживающихъ жизнь человѣческую? Спаршанцы не могли сами ничего сообщить потомству. Безъ просвѣщенныхъ Аѣнвянъ мы бы ничего не знали ни о Ликургѣ, ни о Спаршѣ, ни о воинственности и подвигахъ ея гражданъ.

Ликургъ желалъ, чшобы Спарша ограждена была не крѣпостями, но швердою мышцею ея гражданъ, онъ хотѣлъ образовашь Спаршанцевъ воинами, и сошворилъ ихъ героями. Онъ хотѣлъ, чшобы сіи герои блюли только безопасность своего опечесива не нарушая спокойствія своихъ сосѣдей—мысль высокая! но въ республикѣ, гдѣ умерщвлены всѣ другія спрасши, шѣмъ сильнѣе дѣйствуешъ честное и желаніе власпвованъ. Спаршанцы скоро пресступили волю своего законодателя; граждане желали опдохновенія,—и на войнѣ только они дышали свободно; Цари спремились къ власши,—и только во время военное они были

не ограничены. Сколько прелестей въ войнѣ и для народа, и для Царей? Въ воинственномъ воспитаніи, предписанномъ Ликургомъ для Спартанцевъ, крылись съмена пѣхъ бѣдствій, отъ коихъ столько спрадала вся Греція, и самая Спарта.

По кончинѣ Ликурга не долго хранили Спартанцы миръ съ своими сосѣдами. Гордясь своею храбростію и увѣренные въ неодолимоіи силы своихъ, успремляюіи они на сосѣдей не со щипами и не съ бронями, но съ спрѣлами и копьями, начинаютъ войну не оборителъную, а наступательную. Мессенскія войны служатъ первою пробою могущесіва Спарты, и первымъ доказательствомъ надмѣяности, жесіпокосіи и вѣроломсіва ея обитателей.

Мессенскія войны.

Мессенія, область сосѣдственная Спартѣ, досталась въ удѣлъ Кресфонту, одному изъ предводителей Ираклидовъ во время нападенія сихъ послѣднихъ на Пелопонесъ: Кресфонтъ съ двумя спартскими своими сыновьями палъ подъ ударами враговъ своихъ, Мессенянь самихъ, озлобленныхъ пропивъ него за его самовластительность и иранію. Третій сынъ его,

Эпитъ, славный своимъ благоразумнымъ правленіемъ, счищается родоначальникомъ Царей Мессенскихъ изъ племени Ираклидовъ. Его Династія, извѣстная подъ именемъ Эпишовой, долго управляла всею Мессенскою спраною безъ попрысеній, не подвергаясь никакимъ насильственнымъ переворотамъ: только Цари Спаршанскіе питали злобу къ попомкамъ Эпита; впрочемъ сія злоба, обыкновенная между близкими по происхожденію, между кровными, оставалась долго безсильною и опть того безвредною для Мессеніи. Но со времянь Ликурга Спарша начала дѣлаться спрашною для Мессенянъ; съ сихъ поръ опасенія ихъ увеличиваются, и неприязнь давняя, воспламеняемая гордосію Спаршанцовъ, долженствовала произвести открытыя войны между обоими народами. Подъ правленіемъ Мессенскаго Царя *Финты*, одного изъ попомковъ Эпита, возникаетъ въ первый разъ вражда между Мессенянами и Спаршанцами.

Телеклъ, Царь Спаршанскій, сынъ Архелая, современника Ликургова, замышлялъ поработить Мессенію своей власпи. Коварство и вѣроломную хитрость счищаль онъ позволенными средспвами къ достиженію своей цѣли.

Намѣреніе его, сокрытое для всѣхъ, умѣли проникнуть Мессеняне, и тогда, какъ Телекль съ передѣшными юношами Спаршанскими хотѣлъ умершвиить благороднѣйшихъ изъ Мессенскихъ обитателей и овладѣть всею спраною, Мессеняне предупреждающе злоумышленіе Спаршанцевъ, нападающе на нихъ въ храмъ, и самъ Телекль погибъ во время сего внезапнаго воспанія Мессенянь. Въ сознаниі пресупленія и злонамѣренія Телекла Спаршанцы въ продолженіи полвѣка не смѣли пребовать никакого удовольворенія опъ Мессенянь за убіеніе Телекла, не смѣли подвигнуться къ несправедливому опмщенію. Мессеняне были спокойны, наслаждались пишиною, не предвидя ужасной шучи, долженспвовавшей разразиться надъ ихъ несчастною спраною.

а. Первая Мессенская война.

Маловажное обспояшельспво дало поводъ къ начатию неприязненностей между обоими соперничеспвующими народами; обида нанесенная Спаршанцемъ Эвфномъ Мессенянину Полихаресу воспламенила жестокою брань, первую Мессенскую войну, продолжавшуюся 20 лѣшь опъ 742—722 л. до -Р. X. Въ сей войнѣ

Спартанцы являютъ примѣры чрезвычайной люлости и непримиримой ненависти; предводимые Царями своими *Алкаменомъ* и *Теопомпомъ* они, виновники несправедливой брани, клянуся не полагать оружія дополь, пока Мессенія не поработится ихъ власни. Мессенскій Царь *Евфай* съ благоразуміемъ необыкновеннымъ отражаетъ несповыя нападенія Спартанцевъ, или за опустошенія Мессеніи плащитъ раззореніемъ Лаконіи. Мессеняне воодушевляемые мужествомъ своего Государя, стремные къ независимости и свободѣ, и шрепеча рабства, угошовляемаго имъ Спартанцами, спояли въ печеніи шесипи лѣтъ прошивъ враговъ своихъ неодолимо; но недоспапокъ въ деньгахъ, свирѣпая моровая язва и возмущеніе рабовъ Мессенскихъ остановили успѣхи войны. Сии бѣдспвія считали Мессеняне свидѣтельствомъ гнѣва Боговъ. Оракуль шребоваль жершвы для умилосшивленія ихъ; юная, непорочная дѣва изъ племени Эпипова должна бышь принесена подземнымъ Богамъ. *Аристодеомъ*, бывшій попомъ Церемъ Мессеніи, поражаетъ мечемъ собшвенную дочь свою—ужасный примѣръ безпредѣльной покорности вельнію оракула и не ограниченной преданности опече-

спву. Пять лѣтъ послѣ сего произшествія Спаршанцы не дерзали превозжитъ Мессенію, полагая, что она находилась подъ кровомъ самихъ Боговъ. Мессеняне держались въ укрѣпленномъ и природою, и искусствомъ городѣ Ипомѣ. По возобновленіи неприятельскихъ дѣйствій Евфай, всегда равно храбрый и неустршимый, долго съ успѣхомъ пропировспоялъ могущеспивенной арміи Спаршанской, предводимой Царемъ Теопомпомъ. Въ бою, происшедшемъ между ними подъ стѣнами Ипомы, Евфай палъ. Арисподемъ, ему наследовавшій, обнаружилъ великіе таланты искуснаго военачальника; нѣсколько разъ опрокидывалъ онъ ряды неприятелей своихъ, распоргалъ строи Спаршанскіе, покрывалъ поле битвы многочисленными трупами падшихъ враговъ, наконецъ успѣлъ одержать рѣшительную побѣду надъ Спаршанцами; они опсшупили и возвращались въ Лаконію. Между тѣмъ Арисподемъ, или мучимый въ совѣсти за умерщвление своей дочери, или предвидя не избѣжную гибель своего царства не смотря на успѣхи въ войнѣ, посягаецъ на жизнь свою и поражаетъ себя на гробъ дочери. Смерть его была провозвѣспницею покоренія Мессеніи. Мессеняне потеряли

все мужество, и не имѣя вождя доспойнаго разсѣялись; значная часть Мессенскихъ гражданъ оставили опечество ища себѣ спасенія и убѣжища въ другихъ странахъ Греціи: въ Аркадіи, Арголидѣ, Сикіонѣ и Аппикѣ. Спаршанцы воспоржеспвовали; городъ Ипома взятъ и разрушенъ до основанія. Оставшіеся Мессеняне купили себѣ спасеніе цѣною неволи; они клялись Спаршанцамъ: безпрекословно покорспвовашъ ихъ волѣ, признавашъ верховное владычество Спаршты надъ собою, и приносишъ половину своихъ доходовъ въ видѣ дани на пользу и въ распоряженіе Спаршанцевъ.

в. Вторая Мессенская война.

Около 40 лѣтъ Мессеняне переносили унизіпсельную зависимость отъ Спаршты; бѣдспвія войны были заглажены временемъ и шрудолюбіемъ жипшелей; шрудности воинскія были забышы; но никогда не могли забыть Мессеняне позору нанесеннаго опшцамъ ихъ. Любовь къ свободѣ и вѣчная ненависть къ Спаршанцамъ были единспвенныя чувспвованія, одушевлявшія каждого Мессенянина. Въ 685 году до Р. Х. возгорѣлась снова жестокая, кровопролипнѣйшая брань между Мессенянами и

Спаршанцами. *Аристоменъ* управлялъ всѣми движеніями и предпріятіями Мессенянъ — мужъ, высокій по добродѣтелямъ, по уму, по преданности опечеслву и по необыкновеннымъ подвигамъ своимъ. Три года сряду Аристоменъ былъ побѣдоносень; имя его грозно разносилось по всему проспранспву Лаконіи; ночью пробравшись въ самую Спаршу, ни къмъ не замѣченный и не узанный, повѣсилъ онъ въ храмъ Минервы щипъ свой въ память побѣдъ своихъ надъ Лакедемонянами. Спаршанцы препепали; они думали, что сами Боги рѣшили ихъ погибель, и что Аристоменъ неодолимъ. Тиршей, вождь данный Аѳинянами Спаршѣ, подкрѣплялъ упадавшее мужество Спаршанцевъ, воодушевлялъ ихъ своими пѣснопѣніями, и послѣ ужаснѣйшихъ пораженій представлялъ имъ средспва къ ихъ поправленію и къ прошивоборспвованію врагамъ. По совѣту Тиршея, Спаршанцы даровали нѣсколькимъ Илошамъ свободу, допустили ихъ въ число гражданъ республики, и щѣмъ пополнили умаленное опъ войнъ народонаселеніе Спаршанцевъ.

Въ четвертый годъ войны Аристоменъ, подкрѣпленный вспомогащельными войсками Аркадянъ и Аргивцевъ, надѣялся вполнѣ вос-

шоржесшвовашь надъ Спаршанцами, и совершенно испребишь ихъ ополченіе предводимое Царемъ *Анаксандромъ*; но *Аристократъ*, Князь Орхоменскій, повелишель войскъ Аркадскихъ, измънили своимъ союзникамъ. Склонившись на сторону Спаршы онъ опспунилъ съ поля битвы въ самомъ началъ рѣшишельнаго сраженія. Всѣ усилія Ариспомена, опшврапишь поражение и спасши своихъ воиновъ, были щещны; съ самымъ малымъ опшашкомъ арміи своей избъгнулъ онъ преслѣдованія злобныхъ Спаршанцевъ, и едва избылъ погибели, казавшейся не избъжною. И послѣ сего несчастія Ариспомень пребылъ неколебимъ и не опчаявался въ дѣль спасенія опшечесшва своего; вида, что опшкрытое, ровное положеніе Мессеніи не удобно для обороны опъ враговъ, онъ собралъ всѣхъ Мессенянь, удалился, въ 680 г. до Р. Х., съ ними на высокія швердыни одного ушеса при берегахъ моря, и ушвердился въ неприступной крѣпости Ирѣ, кошорую онъ обнесъ еще новыми укрѣпленіями. Здѣсь Мессеняне были спокойны —; съ сихъ высотъ равнодушно и безбоязненно смопрѣль Ариспомень на щещныя покушенія Спаршанцевъ— овладѣшь Ирою посредствомъ долговременной

осады; опсюда съ опрядами легкими неуспра-
 шимыхъ, преданныхъ ему Мессенянь предпри-
 нималъ безпрерывныя вылазки разнося въ ла-
 геръ Спарпанскомъ ужасъ и гибель; спускаясь
 съ горы онъ часпо дѣлалъ набѣги на область
 Лаконію и съ сухаго пущи, и съ моря; часпо
 его набѣги были слишкомъ дерзновенны; увле-
 каясь пламеннымъ мужеспвомъ своимъ и зло-
 бою онъ проникалъ далеко во внутренность
 неприапельской земли; въ одно время среди
 своихъ разбѣздовъ онъ былъ окруженъ много-
 численными полчищами враговъ; опспупленіе
 невозможно, и бой неизбѣженъ. Оказавъ чу-
 десную храброспъ при своей оборонѣ Аристо-
 менъ изнемогъ въ бишвѣ неровной, взявъ въ
 плѣнъ и осужденъ немилосердыми Спарпанца-
 ми на ужасную смерпъ. Герой Мессеніи съ 50
 сподвижниками своими вверженъ былъ въ глу-
 бокую пропасть, въ копорую обыкновенно
 бросали Спарпанцы Государспвенныхъ престпу-
 пниковъ. Всѣ Мессеняне погибли — одинъ Ари-
 спомень, хранимый, казалось, Богами для со-
 вершенія еще большихъ подвиговъ, уцѣлѣвъ въ
 наденіи и даже счасливо высвободился изъ
 своего ужаснаго заключенія. Спранному случаю
 обязанъ Аристомень своею свободою — чудесно

было его спасеніе. Мессеняне оплакивали уже поперю своего вождя — героя; и въ его паденіи видѣли близкое, не избѣжное паденіе всего царства Мессенскаго. Какъ Геній хранитель Мессеніи предсхалъ Ариспоменъ предъ изумленныхъ и обрадованныхъ своихъ согражданъ—, и блистательная побѣда надъ Коринтянами, союзниками Спаршанцевъ, возвѣстила симъ послѣднимъ, что сильный Ариспоменъ еще живъ. Крѣпость Ира, копорую Спаршанцы по паденіи Ариспомена не сомнѣнно надѣялись имѣть въ своей власти, держалась цѣлыя десять лѣтъ. Не искусство и мужество воиновъ Спаршанскихъ, но измена и предательство доставили Иру въ ихъ руки. Одинъ изменникъ, узнавши о болезни Ариспомена и объ оплошности Мессенянъ, возвелъ Спаршанцевъ на высоты сей крѣпости. Темнопа ночи и свирѣпствовавшая буря благоприятствовали успѣхамъ враговъ Мессеніи. Ариспоменъ не смошря на свое болезненное состояніе явился первый съ сыномъ своимъ Горгомъ для опраженія нападающихъ непріятелей. Три дня и три ночи прошивошляли Мессеняне съ необыкновеннымъ героизмомъ, воодушевленные отчаяніемъ и пламенною любовію къ своему погибающему опе-

честву; жены и дѣти сражались въ рядахъ мужей и опцовъ своихъ; но Мессеняне невидѣли себѣ ни откуда помощи; къ Спаршанцамъ же шли всё новые спрои; силы Мессенянъ изнемогли отъ многочислія непріятелихъ. Ира пала—пробилъ послѣдній часъ существованія Мессеніи, и ея независимости! Съ тихсю, но глубокою горестію въ душѣ оставилъ Аристомень родную землю свою въ добычу алчнымъ Спаршанцамъ; сопровождаемый избраннѣйшими, лучшими Мессенянами онъ прошелъ безъ всякаго препятствія сквозь ряды непріятельскіе; Спаршанцы не смѣли осановить его шествія. И въ самомъ несчастіи Аристомень казался грознымъ для нихъ. Мессеняне направились въ Аркадію, гдѣ нашли себѣ и пристанище, и свободу. Аристомень, всегда дѣятельный, начерпалъ здѣсь новые планы къ освобожденію Мессеніи отъ ига неволи, наложеннаго на нее Спаршанцами. Подкрѣпленный Аркадянами онъ думалъ напасть на Спаршу въ то время, какъ ея граждане заняты были опустошеніемъ Мессеніи и совершеннымъ порабощеніемъ оной своему владычеству. Аристокрапъ, Царь Аркадіи, вѣроятно, по личной неприязни къ Аристомену, снова ему измѣ-

няеть, извѣщая Спаршанцевъ объ опасности имъ угрожавшей. Аркадяне, справедливо раздраженные недостойнымъ поступкомъ своего власпишеля, предали его поносной смерти; но Спарша пѣмъ не менѣ спасена, и Ариспомену заграждены всѣ пути къ впорженію въ сію землю, ему ненависпную. Онъ не хопѣлъ болѣе и не могъ оспаваться въ Греціи; здѣсь все напоминало ему о минувшей славѣ его и о погибшей независимости его опечеспва. Ариспомень удалился на оспровъ Родось; тамъ подъ покровомъ Царя Дамагепта, своего зяптя, провелъ оспашокъ дней своихъ сей величайшій челоуѣкъ своего вѣка, по изрѣченію Оракула, достойный попомокъ безсмертнаго Геркулеса, герой, при раза споржеспвовавшій Гекапомфонею.

Мессеняне, не послѣдовавшіе за Ариспоменомъ въ Аркадію, два года еще и послѣ его удаленія пропивоспояли Спаршанцамъ. По взятіи городовъ Пилоса и Мешоны они увидѣли бесполезность своихъ усилій и не ошврашпмую гибель опечеспва. Подъ предводишельствомъ *Горга*, сына Ариспоменова, знашная часть Мессенянъ переправились изъ Греціи чрезъ море Ионическое, и сѣли на оспровъ Си-

циліи. Тамъ основали они нѣсколько поселеній, изъ коихъ знаменитѣйшимъ содѣлался городъ Мессана—нынѣшняя Мессина.

Жители Мессенія, оспавшіеся въ опечестпвѣ своемъ по покореніи онаго Спаршанцами, подверглись жесточайшему рабству. Вся страна сія, поіико важная по плодородію и пространству своему, раздѣлена была на разные участки и содѣлалась не частію республики Спаршанской, а собственностию оной.

Такъ кончилась впрочемъ Мессенская война послѣ 16 лѣтнихъ (отъ 684 до 668 года до Р. Х.), непрерывныхъ и неимовѣрныхъ усилій и съ той и съ другою стороны. Аристомень по всѣмъ вѣроятностямъ воспоржествовалъ бы, ежелибы онъ былъ счастливецъ въ своихъ союзникахъ. Ежелибы Аркадяне, Аргивцы и другіе народы Пелопонеса дѣйствовали соединенно и постоянно съ Мессенянами; по Спарша, вѣроятно, изнемоглабы, и Греція, можетъ быть, явилась бы тогда инаковою на театръ свѣта.

Мессенскія войны достойны занимать мѣсто въ Исторіи по шѣмъ примѣрамъ необыкновеннаго мужества, безпредѣльной преданности и любви къ опечеству, по непоколебимой

рѣшимельности и поспомянству, и по ипѣмъ подвигамъ, копорые величіемъ и блескомъ своимъ попрясаяють душу каждаго. Эвфай за благоразуміе и твердоспѣ духа, Арисподемъ за свое самопожертвованіе, и Ариспоменъ за добродѣтели, за любовь къ опечесству и за свое геройство справедливо спяжали себѣ безсмертіе и поставлены въ рядѣ знаменитѣйшихъ мужей древней Греціи.

Мессенскія войны были для Спаршанцевъ первымъ и превосходнымъ опыномъ ихъ храбрости, мужесства и искуства въ дѣлѣ воинскомъ. Здѣсь они познали свои силы, и увеличили оныя драгоцѣннымъ приобрѣпеніемъ обширной области; здѣсь же въ сихъ войнахъ положено было начало той кичливости, и того самовластия Спаршанцевъ, копорыя родили сполько бѣдспѣй для Греціи во времена послѣдующія; здѣсь Греки въ первый разъ увидѣли торжесство неправды и владычесство силы, не удерживаемой никакими законами. Съ сихъ поръ уже Спарша начала домогаться *Гегемоніи* или первенства въ союзѣ Пелопонесскомъ, и потомъ уже въ союзѣ всѣхъ Греческихъ республикъ, первенства, копорого она потомъ достигла для того только, чтобы

употребить его для подавленія свободы народовъ.

Аѳинская республика.

Менестей, преемникъ Тезея на Аѳинскомъ престолѣ, по возвращеніи изъ подъ Трои, нашелъ свое царство во власпи врага своего, и потому бѣжалъ въ Иберію.

Демифоонъ, сынъ Тезея, провозглашенъ былъ Царемъ Аѳинскимъ въ то время, какъ Менестей ратовалъ на поляхъ Иліонскихъ. Династія Тезеева власпвовала надъ Аѳинскимъ народомъ около 80 лѣтъ, отъ 1180 до 1100 лѣтъ до Р. X. Царь *Тиметъ*, послѣдній въ сей знаменитой династіи, былъ сверженъ съ престола Мелантомъ, предводителемъ Мессенянъ и Элидинъ, изгнанныхъ Ираклидами изъ Пелопонеса. Тиметъ не заслужилъ ни участія, ни сожалѣнія отъ Аѳинянъ въ своемъ паденіи; *Мелантъ* храбростію и благоразуміемъ былъ достоинъ власпи верховной; онъ содѣлалъ ее наследственною въ своемъ родѣ. Ему наследовалъ сынъ его *Кодръ*, Царь, препрославленный въ лѣтописяхъ Греціи. Сей Государь принялъ правленіе во времена самыя бурныя, когда быстрыя завоеванія и опустошенія, производи-

мья Ираклидами, низпровергли существовавший до того порядокъ въ Пелопонесѣ, и угрожали опасностями и спранамъ сосѣдственнымъ сему полуострову. Ираклиды недовольствуясь владѣніемъ Пелопонеса, устремились съ огромнымъ войскомъ на Аппику, какъ землю для нихъ ненавистную за то участіе, которое она являла къ несчастнымъ обитателямъ Пелопонеса, кои находили здѣсь себѣ убежище и покровительство отъ пришлеценій своихъ тирановъ. Аѣинское царство близко было къ своему паденію. Аѣиняне увидѣвъ пущу, носившуюся надъ ними и готовую разразить ихъ обратились къ помощи Боговъ. Оракулъ Дельфійскій объявилъ имъ что они будутъ непобѣдимы, ежели Царь падетъ въ бою съ врагами. Кодръ во исполненіе воли Боговъ и для блага своихъ подданныхъ не усомнился, за 1068 л. до Р. Х., принесши себя добровольно въ жертву лютой смерти, *pro patria non timidus mori*, какъ говоритъ Веллей Паперкулъ. Подвигъ великій, достойный удивленія потомства. *Codrum cum morte æterna gloria, Athenienses secuta victoria est.* Цѣною крови добродѣтельнаго Кодра и героическаго его смертію купили Аѣиняне избавленіе свое отъ предсто-

явшей гибели. Ираклиды, знавшіе изрѣченіе Оракула и видѣвшіе исполненіе онаго, отступили, и Аѣины спасены.

Кромѣ освобожденія Аѣинъ опть вышнихъ неприятели смершь Кодра имѣла чрезвычайныя послѣдствія для внутренняго устройства Аѣинскаго царства и для будущаго благоденствія народнаго. Аѣиняне пламенѣя благоговѣйнымъ почтеніемъ къ памяти сего великаго Государя, полагали, что нѣтъ человека, которыйбы былъ достоинъ занять пронъ его, и пошому объявили Царемъ своимъ Бога Зевеса, а вѣдѣніе всѣхъ дѣлъ государственныхъ поручили *Медону*, сыну Кодра, (младшіе сыновья его оспавивъ Аѣины содѣлались основапелями Іонійскихъ колоній въ Малой Азіи) съ титуломъ *Архонта* или Правителя. Званіе Архонта постановлено наследственнымъ въ родѣ Кодра; человекъ, облеченный симъ достоинствомъ, пользовался онымъ во всю свою жизнь. Власть Архонта была, подобно Царской, неограниченна; онъ пользовался всѣми правами и почестями Царю допущенными; но достоинство Архонта было ниже сана Царскаго шѣмъ, что

Царь не подлежалъ ни малѣйшей отвѣтственности; Архонты же напрошивъ обязанъ былъ представлять въ народное собраніе полныя отчеты въ своемъ управленіи; сія обязанность поставляла Архонта на степенъ проспаго Государственнаго чиновника свободной республики. Аѳиняне не признавали себя подданными, Архонты не смѣли счищать себя Государемъ; они были граждане, и онъ не болѣе, какъ первый между ними. Для легкомысленныхъ Аѳинянъ казалось великимъ выигрышемъ и по одно, что они управлялись не Царемъ, а Архонтами; хотябы существо вещи было одно и тоже, но имя другое—а имя много значить въ глазахъ народа, и особенно просполюдства. Съ установленія достоинства Архонтовъ счищается начало Аѳинской республики. Пожизненные и наследственные Архонты управляли Аѳинами въ продолженіи 315 лѣтъ отъ 1068 до 753 лѣтъ до Р. Х. Въ сей длинный промежутокъ времени, никакимъ важнымъ событіемъ не ознаменованнаго, Исторія называетъ тринадцать Архонтовъ, управлявшихъ одинъ за другимъ. Всѣ они были потомки славнаго Кодра; Медонъ былъ первый между ними, а *Алкмеонъ* тринадцатый и пос-

лѣдній. По смерти Алкмеона народъ Аѳинскій, по причинамъ, почто не извѣстнымъ, уничтожилъ Архонство пожизненное, и опредѣлилъ, что Архонты сохраняютъ власть свою только въ теченіи десяти лѣтъ. Сіе постановленіе во всей ненарушимости существовало отъ 755 до 683 года до Р. Х. Семь Архонтовъ десятилѣтнихъ, одинъ за другимъ, управляли Аѳинами въ продолженіи сего періода 70 лѣтъ, и только четыре первые изъ нихъ происходили изъ фамиліи Кодра. Въ сіе время народъ приобрѣталъ болѣе и болѣе правъ и могущества; правленіе склонялось къ Демократіи. Въ 683 году до Р. Х. произошла совершенная перемѣна въ Государственномъ устройствѣ Аѳинской республики. Наслѣдственность власти уничтожена; вмѣсто одного Архонта положено выбирать по жребію изъ Эпапридовъ или знатнѣйшихъ гражданъ девять Архонтовъ или высокихъ сановниковъ, между которыми раздѣлялась верховная власть, и вмѣсто десяти лѣтъ назначенъ срокъ власти—одинъ годъ; слѣдственно вмѣсто десятилѣтняго Архонта одного выбирались девять Архонтовъ погодныхъ. Сіи девять Архонтовъ, равные именемъ, не равны были степенію

власти и обязанностями, на нихъ лежавшими. Первый Архонтъ, опличенный опъ прочихъ особеннымъ наименованіемъ — *Эпонимъ* — считался собственно главою республики; онъ имѣлъ наблюденіе за всемъ ходомъ Государственныхъ дѣлъ; онъ предспавлялъ собою весь народъ въ сношеніяхъ внѣшнихъ; по его родовому имени обыкновенно называли текущій годъ. Второй Архонтъ по спешени именовался *Василевсъ*, и завѣдывалъ исключительно всѣми дѣлами религіи; онъ былъ блюстителемъ ея, первенспвовалъ при жертвоприношеніяхъ, хранилъ свяпость храмовъ и совершалъ важнѣйшія церемоніи и обряды, свяпные въ глазахъ Грековъ. Третій Архонтъ управлялъ всѣми военными силами республики не предводительспвуя однакожъ войсками лично на сраженіяхъ и въ бипвахъ съ неприятелями; онъ имѣлъ шишуль *Полемарха*. Прочіе шестъ Архонтовъ, извѣспные подъ общимъ названіемъ *Тесмотетовъ*, держали судъ и расправу, опсправляли дѣла правосудія, и слѣдовательно были высшими судіями своихъ согражданъ. Всѣ девять Архонтовъ вмѣстѣ соспавляли верховный совѣтъ, въ коемъ рѣшаемы были важнѣйшія дѣла Государственныхыя по часпи судной

и исполнительной; власть законодательная находилась въ рукахъ народа; въ народныхъ только собраніяхъ опредѣляемы были новыя постановленія ко благу республики.

Такое раздѣленіе власти вмѣсто успокоенія Афинянъ было источникомъ новыхъ ужаснѣйшихъ безпорядковъ. Архонты слѣдовали каждый различнымъ правиламъ или собственнымъ внушеніямъ; они были не согласны между собою. Эпаприды кровопролительствуемые Архонтами утѣсняли бѣдный народъ или простыхъ гражданъ; многіе изъ честолюбцевъ покушались даже на похищеніе верховной власти и на утвержденіе деспотіи въ республикѣ. Слѣдствіемъ сихъ насильственныхъ переворотовъ была Анархія; всѣ граждане равно страдали. Среди сихъ безпорядковъ бѣдные преобладали правленія Демократическаго для обезпеченія себя на будущее время опъ припѣсеній богатыхъ; богатые настояли въ сохраненіи прежнихъ своихъ преимуществъ, желали Аристократіи; жили береговыхъ спранъ склонялись къ правленію смѣшанному, наиболѣе совмѣстному съ успѣхами промышленности; всѣ равно желали благоразумнаго измѣненія въ существовавшемъ долюль правленіи, всѣ пребо-

вали постоянныхъ правилъ или законовъ. Вся партія соединенно рѣшились наименовать человека, достойнаго общей довѣренности и способнаго произвести совершенную перемѣну въ правленіи и начертать систему законодательства для успроенія счастья Аѳинянъ на будущія времена.

Д р а к о н ъ.

Такимъ человекомъ признанъ *Драконъ*, *vir bonus, jurisque divini et humani peritus*, мужъ неукоризненнаго поведенія, спрогой добродѣтели, глубокихъ познаній и испытаннаго усердія ко благу общему. Драконъ по общей волѣ своихъ согражданъ почтенъ званіемъ законодателя въ 623 г. до Р. X. Но не одна спрогая добродѣтель, не одно поведеніе, неукоризненное сушь качества необходимыя законодателю; глубокое познаніе природы человѣческой, духа времени и обстоятельствъ, характера народовъ—вошь существенныя принадлежности человека, на коего возложено преобразование Государства и успроеніе онаго! Драконъ не въ состояніи былъ оправдать надежды своихъ согражданъ; онъ написалъ законы сполько спрогие, что Аѳиняне обыкновенно называли ихъ законами,

написанными кровію; праздноспь наравнѣ съ смертоубійствомъ наказываема была смертію; за самомалѣйшее пресупленіе, почно, какъ и за важныя злодѣянія, положена была равно смерпная казнь. Драконъ руководспвовался при семъ мыслию, чпо и малый просупокъ достоинъ смерпи, за большіе же онъ не знаетъ жеспочайшаго наказанія, и попому за все равно опредѣлялъ казнь смерпную. Моглоли шаковое законоположеніе служить прочнымъ руководспвомъ для гражданъ? Оно нелъпо, не возможно въ исполненіи; спраспи сущь неопъемлемое достояніе челоувѣка, а онъ увлекающь насъ къ безпрерывнымъ заблужденіямъ и просупкамъ. Долгъ мудраго законодапеля опшращать, предъупреждащь оныя, а не предавать смерпи каждаго просупившагося. Драконовы законы сами собою рушились немедленно послѣ ихъ обнародованія. *Non decreto jussoque, sed tacito Atheniensium consensu leges Draconis oblitteratae sunt.* Возникли новыя, еще больше прежнихъ волненія и безпокойспва въ Аѣинахъ. За 600 л. до Р. Х., въ годъ правленія Архонпа Мегакла, главы знаменипѣйшей Аѣинской фамиліи Алкмеонидовъ, угрожаемы были Аѣины опасностію покоренія подъ иго одного

чесполобца. *Килонъ*, богатый Аѳинянинъ, спремился къ верховному владычеству надъ своими согражданами. Его гордые замыслы, его происки и пресупныя предпріянія повергли республику во всѣ ужасы междуусобныхъ браней; Аѳиняне раздѣлились на партіи, перзавшія одна другую; партія Килона была разрушена; онъ спасся бѣгствомъ въ Мегару; его приверженцы во время всеобщаго возстанія скрылись въ храмъ Эвмениды, были извлечены опшуда и разперзаны разсвирѣпѣвшими своими противниками. Чесполобіе Килона, попрысенія, произведенныя имъ въ Аѳинахъ, и безпрестанно продолжавшаяся сильная и неисповая борьба Демократовъ съ Аристократами ослабили республику до такой степени, что жиптели не большой землицы Мегары, върояпно по наущенію Килона, овладѣли оспровомъ Саламиномъ, бывшимъ дополь подѣ власпію Аѳинскаго народа.

С о л о н ъ.

Въ то время, какъ Аѳинская республика была на краю пропасти и изнемогала подѣ бременемъ междуусобій, являеися *Солонъ*, сынъ Экзекестида, спасишелемъ Аѳинянь,—мужъ укра-

щенный всѣми добродѣтелями, одаренный гениемъ необыкновеннымъ, набогащенный познаніями и умудренный опытноспію. Солонъ безспорно есть величайшій и мудрѣйшій изъ Грековъ; и въ сонмѣ семи мудрецовъ Греческихъ онъ по справедливости долженъ занимать первое мѣсто. Его высокія качества спяжали ему всеобщее уваженіе; его любили бѣдные— онъ не угнѣпалъ ихъ; любили его и богатые— онъ самъ былъ богатъ, принадлежалъ къ класу Эвпатридовъ, и происходилъ изъ рода Царя Кодра. Общюю волею всего народа Аѣинскаго возведенъ Солонъ въ 593 году до Р. X. въ достоинство Архонта съ неограниченнымъ полномочіемъ преобразить форму правленія и написать законы, приличные времени и нравамъ народнымъ. Дабы устранивъ все препятствія, могшія воспрѣпятъ Солону на многотрудномъ его поприщѣ, друзья его предлагали ему корону Царскую и безпредѣльную власть Монарха; Солонъ отвергнулъ великодушно сіе опасное предложеніе; онъ желалъ быть не власнищелемъ, а другомъ и благодѣтелемъ Аѣинянь; не въ силѣ, а въ мудроспи своей искалъ онъ себѣ помощи для совершенія своего великаго подвига.

Законодательство Солона.

Приспужая къ исполненію воли своихъ согражданъ, къ законодательству, Солонъ руководимъ былъ превосходнымъ началомъ, самую мудрою идеею, что законы въ республикѣ подобны договорамъ; люди хранящъ оныя до смерти, пока объ спорыны находящъ ихъ для себя полезными; онъ рѣшился даровать Аѳинянамъ шакіе законы, копорыебы полезнѣе было исполнять, нежели нарушать; онъ увѣренъ былъ однакожъ, что мнѣнія на счетъ полезности и необходимости его постановленій будущъ различны, что многіе найдутъ свои выгоды въ низпроверженіи Государственнаго состава, имъ сооружаемаго; онъ спрашился корыстолюбія и алчной гордости одной партіи, и буйства и необузданности другой спорыны; онъ долженъ былъ боролся съ насиліемъ Аристократовъ и яростію Демократовъ; онъ соглашался съ Анахарсисомъ, что законы его только слабая паушина, легко разрываема, и пошому онъ не могъ написать самыхъ лучшихъ, законовъ, но написалъ шакіе, копорые были сообразнѣйшими съ духомъ и съ характеромъ народа Аѳинскаго, и съ тогда-

пнимъ положеніемъ республики Аѳинской. Они не были идеаломъ, утверждались не на опвлеченныхъ, метафизическихъ основаніяхъ, но на самомъ существѣ природы человѣческой; Солонъ не думалъ измѣнять ея, но желалъ дать ей правильный ходъ на пути развитія и усовершенствованія; онъ не думалъ образоватъ Аѳинянъ героями, какъ Ликургъ своихъ Спартанцевъ, а хотѣлъ ихъ содѣлать достойными гражданами опчестива, народомъ дѣятельнымъ, богатымъ, просвѣщеннымъ. Солонъ хотѣлъ обуздашь богатыхъ, и успокоить бѣдныхъ; собственность и владѣнія богатыхъ опспались не прикосновенными; но онъ опнялъ у нихъ способы угнѣпашъ бѣдныхъ чрезмѣрными проценшами и располагашъ свободою и жизнію несчастныхъ должниковъ; въ Аѳинахъ не спало ни долговъ, ни должниковъ. Солонова *Сисахтія* еспъ опважная, но необходимая, мудрая мѣра къ уравненію законному гражданъ и къ оптверженію внутренняго спокойствія въ республикѣ на будущее время. Солонъ желалъ доставить Аѳинянамъ равенство полипическое, т. е. равное покровительствво предъ законами; онъ желалъ водворить свободу, усипраня всѣ злоупотребленія оной, усипраня на-

силіе и своевольство; народъ весь, по его предположенію, долженъ спвоавль принимаць участвіе въ дѣлахъ республики, но только благо-разумнѣйшіе и добродѣпельнѣйшіе въ народѣ должны были управляць дѣлами и руковод-ствовать въ рѣшеніи оныхъ. Слѣдственно на-мѣренія Солона клонились къ тому, чпобы учредить образъ правленія Демократическій подѣ вліяніемъ или съ примѣсю Аристо-краши.

Соспавъ республики Аѣинской и форма правленія оной.

а. Народное собраніе.

Верховная власць по часпи законодапель-ной, исполнительной и судебной предоставле-на Солонемъ *Народному Собранію*. Членами На-роднаго Собранія были не всѣ обитатели Аѣ-пики, а только собственно граждане Аѣин-скіе; республика Аѣинская населена была жи-телями, безконечно различествовавшими по состоянію и по правамъ своимъ. Въ Аѣпикѣ находились *рабы*, осужденные на тяжкую не-волю и состоявшіе въ полномъ распоряженіи свободныхъ гражданъ Аѣинскихъ; они чужды

великаго участія въ дѣлахъ республики; только
 опъ воли господъ ихъ могли они надѣяться
 себѣ свободы; рабы, оппущенные на волю, ос-
 тавались подъ покровительствомъ прежнихъ
 господъ своихъ, копорые были ихъ еспеш-
 венными патронами; и сіи *вольнотпущенные*,
 впорый родъ обитателей Аппики, не поль-
 зовались правами совершеннаго гражданства.
Иностранцы, поселившіеся въ Аппикъ — шре-
 ній родъ жителей—были свободные люди, но
 не граждане; и они не имѣли никакихъ правъ
 политическихъ, хотя и обязаны были неспи-
 разныя Государственныя повинности. Одни
 только собственно такъ называемые *гражда-
 не Авинскіе* были настоящими власпелицами
 республики; одни только Авиняне по дости-
 женіи 20 лѣшняго возраста вносились въ спи-
 ски гражданъ, и по совершеніи 30 лѣтъ мо-
 гли получить право подавать въ Народномъ
 Собраніи свои голоса. Число рабовъ, обитав-
 шихъ въ Аппикъ, полагалось до 400,000, воль-
 нооппущенныхъ и иностранцовъ до 30 т. а
 собственно гражданъ по большей мѣрѣ до 20 т.
 Икакъ верховная власпъ находилась въ рукахъ
 самой меньшей части обитателей; сіи только
 20 т. гражданъ составляли Авинскую на-

цію, или народъ Аѳинскій. Сїи-шо 20 ш. Аѳинянь образовали собою шу республику, копорая удивляла сполько своимъ величіемъ, своєю славою, своимъ высокимъ просвѣщеніемъ и оспроуміемъ, любезностію и легкомысліемъ своихъ гражданъ. Аѳинскіе граждане, равные и одинаково свободные между собою, соспоявшіе подъ правленіемъ Демократическимъ, были истинные Аристократы въ отношеніи къ прочимъ безправнымъ обшачателямъ республики.

Собешвенные граждане Аѳинскіе еще прежде Солона раздѣлялись на поколѣнія и на фамиліи; они жили или въ городахъ, или въ селеніяхъ. Городъ съ нѣсколькими селеніями къ нему принадлежащими соспавлялъ округъ; во времена Солона таковыхъ округовъ, *Филами* называемыхъ, считалось четыре; полвѣка спустя послѣ него ихъ находилось уже десять; селеній же всѣхъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Димы*, было 174. Каждой округъ управлялся особеннымъ главою—*Филархомъ*—а селеніе соспояло подъ правленіемъ *Димарха*. Солонъ сохранилъ во всей цѣлости таковое раздѣленіе; но кромѣ того придумалъ новое, несравненно важнѣйшее въ Государственномъ отношеніи; онъ раздѣлилъ гражданъ на основаніи ихъ имуществъ и до-

ходовъ на чепыре класса: къ первому принадлежали пѣ, которыя имѣли ежегоднаго доходу въ различныхъ плодахъ и произведеніяхъ земли болѣе пяти сотъ мѣръ — *Медимновѣ*—; ко второму причислялись граждане получавшіе отъ 300 до 500 медимновъ въ годъ; къ третьему относились граждане имѣвшіе менѣе 300, но болѣе 200 медимновъ доходу каждаго года; а въ четвертомъ помѣщались пѣ, кои получали менѣе 200 медимновъ въ годъ доходу. Первые два класса несли военную службу конную, почешнѣйшую въ республикѣ; изъ третьяго класса набирались тяжело вооруженные пѣшіе воины, а изъ четвертаго— легко вооруженные, наименѣе уваженные воины и мапросы.

Члены первыхъ трехъ классовъ допускаемы были ко всѣмъ должностямъ, могли достигать важнѣйшихъ достоинствъ въ республикѣ; граждане же, принадлежавшіе къ четвертому или нижшему классу, не имѣя сего права, пользовались за то неопѣненнымъ преимуществомъ выбирать въ сіи должности и возводить во всѣ достоинства. Всѣ граждане, достигшіе 30 лѣтняго возраста, и богатые, и бѣдные, могли присутствовать въ Народныхъ Собрані-

яхъ—шолько малодушіе и прусость, распочинпельность и предосудипельная, порочная жизнь были преняшпшвіями къ учаспію въ дѣлахъ Государспвенныхъ.

Въ Народномъ Собраніи ушверждаемы были новыя поспановленія на пользу республики, рѣшаемы были всѣ важнѣйшія народныя дѣла, разбирались пренія и вражды между гражданами; здѣсь разсуждаемо было о войнѣ или о мирѣ, здѣсь ведены были переговоры съ иноспранными землями и заключались союзы оборонипельные и наспупапельные; здѣсь по волѣ соединенныхъ въ семь собраніи всѣхъ гражданъ опредѣлялось количество сборовъ или налоговъ; здѣсь назначалась шоржеспва, награды за доблеспи воинскія и за высокія добродѣспли гражданскія; здѣсь же шолько получалось драгоцѣнное право гражданства.

Ишакъ неограниченная власпъ ввѣрена была Солономъ цѣлой массѣ народа; и поелику бѣдныхъ гражданъ, безъ образованія, безъ должнаго воспішанія, вездѣ бываешъ гораздо болѣе, нежели богашыхъ и просвѣщенныхъ, и поелику одинъ чешвершій классъ Аѣинскихъ гражданъ превышалъ числомъ своимъ всѣ прочіе классы, шо вся судьба республики лежала на

не швердыхъ раменахъ черни. Аѳинны подобились кораблю, брошенному въ море безъ кормчаго, и колеблемому тысячами ярящихся волнъ. Истинная, чисная Демократія—*démocratie la plus démocratique* по словамъ Осселина—правленіе самое уродливое, всегда бурное и несчастливое,—была бы основаніемъ республики Аѳинской, еслибъ Солонъ оставилъ Народное Собраніе безъ оградъ, безъ оплопа, которъй бы удерживалъ его спремисельность и неистовые порывы членовъ онаго.

б) Вули или Великій Совѣтъ.

Таковымъ оплопомъ прошивъ неистовства Охлокрапіи, прошивъ насилія власти народной, былъ *Великій Совѣтъ*—Вули,—соснавленный Солонемъ изъ 400 членовъ, взятыхъ изъ каждой филы по 100 человекъ (а). Сему Совѣту предоснавлено было предварительное разсужденіе о мѣрахъ управленія и о всѣхъ новыхъ постановленіяхъ ко благу республики; Великій Совѣтъ напередъ разсмашривалъ дѣла, долженствовавшія поступить въ Народное Со-

(а) Послѣ Солона вскорѣ Великій Совѣтъ измѣнился въ основаніи своемъ, и состоялъ уже изъ 500 членовъ, ошъ чегъ и назывался *Пятистаннымъ Совѣтомъ*.

собрание на окончательное решение. Члены Великого Совѣща избирались на одинъ годъ, по истеченіи коего они обязывались дасть отчетъ народу въ своемъ управленіи. Достояннѣйшіе награждались вѣнками.

Въ продолженіи года члены каждой филы, присудствовавшіе въ Великомъ Совѣщѣ, поочередно первенствовали въ ономъ, и сіи первенствующіе члены, завѣдывавшіе всемъ ходомъ дѣлъ, именовались *Пританами*, и все собраніе Припановъ называлось *Пританеюмъ*, который образовалъ родъ особеннаго верховнаго Комитета. Изъ сихъ Припановъ избирался каждодневно одинъ въ предсѣдатели или Эпислапы Великаго Совѣща; *Эпистатъ* былъ хранителемъ печати Государственной, начальникомъ крѣпости и блюстителемъ казны или сокровищъ республики. Припаны пользовались первенствомъ въ печеніи 55 дней, и во все сіе время они содержимы были на Государственномъ иждивеніи.

с) Ареопагъ.

Все постановленное въ Великоиъ Совѣщѣ и принятое Народнымъ Собраніемъ не прежде получало полную силу закона, какъ тогда, когда

одобрено и утверждено было *Ареопагомъ*. Не известно точно, къмъ первоначально учреждено сіе безъ сомнѣнія древнее, почтенное правительственное мѣсто Аѣинской республики, но великую важность и знаменитость приобрѣлъ *Ареопагъ* со временъ Солона. Солонъ даровалъ оному кромѣ власти судной вліяніе политическое, содѣлавъ его верховнымъ блюстителемъ блага республики и стражемъ законовъ. До Солона *Ареопагъ* былъ послушнымъ и весьма полезнымъ орудіемъ для Аристократовъ—съ сихъ поръ онъ становится главнымъ подпорою всего зданія республики. По опредѣленію Солона, *Ареопагъ* долженъ былъ состоять изъ бывшихъ Архонтовъ, съ честію сложившихъ съ себя сіе почетное достоинство, и вступившіе въ *Ареопагъ* члены оставались въ ономъ на всю свою жизнь, слѣдственно одно только званіе *Ареопагитовъ* было безсмысленнымъ, пожизненнымъ въ Аѣинахъ. Кругъ дѣйствія *Ареопагитовъ* былъ обширный, и власть ихъ велика. Они произносили смертные приговоры надъ гражданами въ случаѣ учиненныхъ ими тяжкихъ уголовныхъ преступленій; сіи приговоры были не преложны, не подлежали ни апелляціямъ, ни конпролю; они одни могли

даровать прощенье прескупнику. Ареопагшамъ предоспавлена была и власть Финансовая; они завѣдывали сборами подашей; они распоряжали суммами Государспвенными упопреляя ихъ на расходы, необходимые и полезныя республикѣ. Ареопагшы были верховными блюспшителями религии и доброй нравспвенности, и руководителями юношества на пути чеспи, благородства и всѣхъ добродѣтелей; они наказывали безбожие, богохульство, развратъ и праздность; каждый гражданинъ долженъ былъ давать опчетъ Ареопагу въ томъ, какимъ образомъ онъ снискиваетъ свое пропитанье.

Ареопагъ, знаменитѣйшее изъ учреждений правительспвенныхъ въ цѣлой Греции, совершалъ всѣ свои рѣшеня ночью, безъ свѣта, въ совершенномъ мракѣ, дабы тѣмъ яснѣ видѣли умы членовъ его, тѣмъ свободнѣ были отъ всѣхъ внѣшнихъ постороннихъ впечатлѣнй. Дѣла всѣ излагались просто, безъ всякихъ украшенй и витиеватости. Мудрость Ареопагшцовъ, рѣдкое ихъ безприсраспие и самая строгая справедливость поддерживали существованье Ареопага на цѣлыя спольнйя и спяжали ему доспойную, заслуженную славу въ помоспвѣ опдаленномъ.

д. А Р Х О Н Т Ы .

Архонты, какъ представители Аристократовъ, много потеряли опъ всѣхъ сихъ устанавленій Солона; но онъ сохранилъ ихъ существованіе; хотя не по прежнему сильны, пребыли они однакожь и послѣ того важнѣйшими сановниками республики. Имъ предоставилъ Солонъ значную часть власпи исполнительнои и нѣкоторыя опрасли власпи судебной. Надзоръ за ихъ поведеніемъ и оцѣнка дѣлъ ихъ и управленія по часпямъ, имъ ввѣренными, принадлежали Ареопагу, опъ того власпи ихъ не могла бытъ грозною для свободы республики и для личной безопасности гражданъ. Уличенные въ несправдѣ и лихоимствѣ Архонты при годичномъ опчетѣ, по испеченіи года, объявлялись безчестными, а въ случаѣ важнаго преступленія были казнимы смертію. Не презвая жизнь или пльспиво считались для Архонпа уголовнымъ преступленіемъ.

Кромѣ Ареопагитовъ и Архонтовъ, кои были верховными судіями въ Аѣинахъ, находились тамъ особенныя подчиненныя суды и судлица, для разбирательства обыкновенныхъ шлжебныхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Всѣхъ шаковыхъ судилищъ счишалось въ республикѣ десяти, и именно: шесть для рѣшенія дѣлъ гражданскихъ, и четыре для уголовныхъ. Знаменипѣйшими изъ нихъ были по часпи гражданской Судѣ Гелиастовѣ, а по часпи уголовной Судѣ Ефетовѣ. Число всѣхъ судей, присудспвовавшихъ въ десяти судилищахъ, просипралось иногда до 6000 человекъ. Солонъ допуспивши шакое непомѣрное число судей руководспвовался пою великою мыслію, что „по правленіе изъ всѣхъ совершеннѣйшее, въ копоромъ несправедливоспъ причиненная одному гражданину счишаепся дѣломъ всѣхъ и каждаго“ что большое число судей не можетъ бытъ ни подкуплено, ни увлечено пристрастіемъ преднамѣреннымъ въ пользу подсудимаго, или прошивъ него; частный гражданинъ можетъ имѣтъ нѣсколько друзей или враговъ; но возмжноли, думалъ Солонъ, чтобы цѣлыя птысячи людей были прошивъ или за подсудимаго одного? Изъ сихъ судилищъ осправлялись многіе члены по разнымъ часпамъ области Аппики для рѣшенія дѣлъ на мѣсцѣ, дабы чрезъ то избавитъ сельскихъ жищелей оспъ неприяшной необходимости, искашь въ самыхъ Аѣнахъ себѣ правосудія.

е. О Р А Т О Р Ы.

Изъ лицъ правительственныхъ, имѣвшихъ великое вліяніе на судьбу Аѳинской республики, *Ораторы* заслуживаютъ несомнѣнно вниманіе Историка. Демократія, по опредѣленію Платона, одного изъ знаменитѣйшихъ писателей древности,—есть Аристократія нѣсколькихъ Орапоровъ, переходящая иногда въ Монархію одного Орапора. Въ многочисленныхъ народныхъ собраніяхъ, подобныхъ волнующемуся морю, держащъ они кормило, и воздвигая бури и вѣтры всемогущею силою словъ своихъ по произволу направляющъ корабль къ берегу счастья и свободы, или повергающъ его въ пропасть Анархіи или пиранніи. Орапоры могутъ сдѣлаться или Геніями хранителями Государства, или Геніями разрушителями. Солонъ чувствовалъ эпу истинну, хотѣлъ доставить опечеству все доброе, и опспранилъ все злое; для того онъ узаконилъ, что никто не можетъ и не долженъ говорить рѣчей въ Народномъ Собраніи или въ Великомъ Совѣтѣ, кромѣ людей достойныхъ общаго довѣрія; недостойными же довѣрія, и слѣдственно неспособными къ Орапорскому званію счита-

лись пѣ, которые не уважали родителей, вели порочную, развращенную жизнь, распочили все свое имущество, обременены были долгами, оспавили во время сраженія знамена республики или бѣжали съ поля чеспи, и вообще всѣ пѣ, копорые уличены были въ какомъ либо важномъ пресупленіи и за то наказаны. Ипакъ Солонъ повѣрлялъ судьбу республики благороднѣйшимъ и мудрѣйшимъ гражданамъ; къ сожалѣнію, великіе вишіи Аѣинскіе не всегда были направлены къ общему благу; часпо Орапоры проповѣдуя съ кафедръ своихъ свободу народа налагали на него цѣпи своего деспотизма, содѣлывали его орудіемъ, покорнымъ ихъ волѣ, или подвергали всѣмъ ужасамъ безпорядковъ и насильственныхъ перевороповъ. Къ ограниченію вліянія Орапора и къ предупрежденію злоупотребленій могущихъ произойти опъ дѣйствій вишіевашой рѣчи Солонъ постановилъ также извѣстное, каждому опредѣленное время, по испеченіи коего Орапоръ не смѣлъ продолжашь, хотябы рѣчь его и не была окончена; для сего поспавлялись въ собраніи водяные часы, указывавшіе Орапору время, ему назначенное для говоренія народу.

Вопь многосложный сославъ полипическаго зданія, сооруженнаго пворческимъ Геніемъ Солона! Ежели какой законодапель въ правленіи Демокрапическомъ могъ пипапъ надежды на счаспливую будущность, на благоденспвіе народное, по это одинъ полько Солонъ; его Демокрапія ограждена была по возможности всеми оплопами къ удержанію неисповыхъ порывовъ черни, и къ обузданію замысловъ коварныхъ честплюбцевъ, копорые бы вздумали посягнувъ на свободу народа. Солонъ поспановилъ, что всякой человекъ, спремщійся къ верховному владычеспву надъ своими согражданами, достоинъ смерпни, что ппранъ и его сообщники лишены покровптельспва законовъ и могутъ бытъ умерщвлены безъ всякой опвщспвенности со спороны ихъ убійцы, что всякой сановникъ республики, оспавщійся въ своемъ званіи сверхъ опредѣленнаго законами срока, долженъ счппаться Государспвеннымъ преступникомъ, равно какъ и пощъ гражданинъ, копорый во время смяпеній и разныхъ парщій, поппрясающихъ Государство, вздумалъ бы оспаться неупральной. Сіе послѣднее поспановленіе особенно показываешъ во всей полнотѣ глубокія сооб-

раженія и великій умъ Солона; справедливо разсуждалъ онъ, что благоразумные и добрые граждане чужды крамоль и любящъ спокойствіе, и что напрошивъ злые и честолюбивые дѣятелины и коварны, слѣдственно миролюбіе первыхъ подвергнувъ можетъ республику опасности и даже конечной гибели. Всякой Афинянинъ во время бореній различныхъ партій обязанъ принять какую нибудь спорную—ежели движимый честью и своимъ долгомъ онъ посматриваетъ необходимостію опрашивать нападеніе врага чуждаго, то не болѣе ли обязанъ онъ прошиводѣйствовать ярости Анархистовъ или мятежниковъ внутреннихъ, враговъ несравненно ужаснѣйшихъ, нежели иноземцы!

Гражданскіе законы Солона.

Солонъ, даровавши возможно лучшее Государственное устройство своему отечеству, начерпалъ законы въ руководство гражданамъ въ ихъ сношеніяхъ взаимныхъ, необходимыя въ ихъ жизни семейственной и общественной. Извѣстія о сихъ законахъ опривочны и скудны.

а. П Р А В А Л и ц ѣ .

Только одни полные Аѳинскіе граждане, рожденные въ Аѳинахъ, совершенно равны и свободны. Лице Аѳинянина не прикосновенно и собственность его священна; обиженный имѣеть право преслѣдовать обидчика не смотря на разность состоянія или богатства; кромѣ обиженнаго всѣ прочіе граждане обязаны мстить за обиду, слѣдственно обида нанесенная одному гражданину считалась пресупленіемъ противъ цѣлой республики. Лица дѣшей и женѣ состояли подъ покровомъ всѣхъ гражданъ; поруганіе, причиненное даже рабу, не имѣвшему по законамъ республики никакихъ правъ, вмѣнялось гражданину въ пресупленіе.

Ни одинъ Аѳинянинъ не можетъ быть насильственно задержанъ въ опечесствѣ своемъ; онъ беспрепятственно можетъ оставишь его, и взявши съ собою все свое имущество поселиться въ чужой землѣ. Солонъ не спрашивался шаковыхъ переселеній или уменьшенія народонаселенія въ республикѣ. Онъ открылъ совершенную свободу иностранцамъ селиться въ Аѳинской республикѣ, и вообще всѣми спо-

собами содѣйствовалъ и покровительствовалъ связямъ своихъ соотечественниковъ съ землями иностранными, считая это лучшимъ средствомъ къ образованію и обогащенію своего народа.

Свобода есть драгоцѣннѣйшее достояніе гражданина республики, и потому никто не въ правѣ опадать въ неволю свободнаго человѣка, ниже самъ онъ, ни добровольно, ни за долги или по другимъ какимъ обстоятельствамъ не можетъ сдѣлать себя рабомъ или отказаться отъ употребленія своей свободы; одна только верховная власть республики можетъ лишить его оной навсегда или на время.

Честь есть также неотъемлемое благо гражданина, и потому клеветники (Сикофансы) и ругатели публичные наказываются тяжелою денежною пеней. Правительство одно можетъ объявить свободнаго человѣка безчестнымъ за порочную жизнь, за малодушіе въ сраженіяхъ и за другія важныя преступленія. Запрещено носить честь даже умершихъ; о мертвыхъ или хорошо, или ничего—завѣрное правило переданное Аѳинянами потомству отдаленному.

в. Взаимныя отношенія родителей и дѣтей.

Родители обязаны содержать и воспитывать дѣтей своихъ въ ихъ беспомощномъ и юномъ возрастѣ и содѣлать ихъ полезными членами общества; за то дѣти должны безпрекословно повиноваться волѣ своихъ родителей и питаться въ ихъ старости, подъ опасеніемъ, въ случаѣ нарушенія сего закона, лишиться добраго имени и чести; они свободны были отъ сей священной обязанности только тогда, когда родители ничему полезному не научили ихъ въ молодости; отъ сей обязанности свободны также и незаконнорожденные дѣти—они съ самаго рожденія своего обременены позоромъ, коего виною не они, а отецъ ихъ.

Родителямъ, предоспавлена власть изгонять дѣтей изъ опеческаго дому и лишать ихъ наслѣдства за порочное поведеніе; но ни въ какомъ случаѣ они не могли ихъ казнить смертію, ниже продать, или инаково распорядиться ихъ свободою; Солонъ позволилъ отцу продать дочь свою въ неволю, только тогда,

когда она уличена въ позорной жизни или ра-
спушествѣ.

с. Отношенія супруговъ.

Приданое невѣсты первоначально было по-
чти вовсе ничтожно; по законамъ Солона оно
долженствовало состоять только изъ трехъ
плащевъ и малаго числа домашнихъ прибо-
ровъ; жениху и молодому мужу, равно какъ и
женѣ, запрещались всякіе изящные и слишкомъ
дорогіе наряды; жена содержалась подъ строгимъ
присмотромъ и никогда не должна была
выступать изъ предѣловъ скромности, столь
нужной ей по полу; женщины не могли однѣ ѣз-
дить ночью. Разпорженіе брака или разводъ
позволялся, но съ ограниченіями; ежели мужъ
домогаея онаго, то онъ обязанъ былъ воз-
вратить женѣ ея приданое или заботиться
о ея прокормленіи; ежелиже жена того хотѣ-
ла, то она должна была явиться лично въ
судъ и представить причины, ее къ тому по-
буждавшія. Нарушители супружеской вѣр-
ности, уличенные или захваченные въ самомъ
преступленіи, могли быть умерщвлены безъ
всякой за то отвѣтственности.

d. Опекуны и малолѣтніе.

Всякой гражданинъ обязывался защищать и сохранять права безпомощныхъ сиротъ и дѣшей малолѣтнихъ; оскорбленіе имъ нанесенное наказывалось какъ Государственное пресупленіе; малолѣтніе свободны отъ всѣхъ податей; даже и по достиженіи ими совершеннолѣтія цѣлой годъ первой они не подвергались никакимъ повинностямъ; не лзя бытъ опекуномъ у малолѣтняго шакому гражданину, кошорый въ случаѣ его смерти имѣетъ ближайшее право ему наследовать; опекуну запрещается женишься на матери малолѣтняго; на несправедливыхъ или жестокихъ опекуновъ позволено приносить жалобы спустя даже пять лѣтъ по окончаніи опеки.

e. Наслѣдства и завѣщанія.

Имѣніе отца естественнымъ образомъ переходитъ въ наследство сыну; учаспки сыновей должны бытъ совершенно равны; дочери получаютъ столько изъ всего имѣнія, сколько заблагорасудяетъ датъ имъ брашья; законная дочь исключаетъ изъ наследства не законно-рожденныхъ сыновей и обязывается вступитъ

въ супружество съ ближайшимъ къ ея фамилии родственникомъ; ежели гражданинъ умираеть бездѣшнымъ не оставя никакого завѣщанія, то имѣніе переходить въ руки ближайшаго родственника; впрочемъ бездѣшныя вправѣ дѣлать завѣщанія и отказывать имѣніе по своему усмотрѣнію; посторонній человекъ, признанный отъ бездѣшнаго гражданина наследникомъ имѣнія по завѣщанію, становится чрезъ по его сыномъ по усыновленію. Усыновленные могутъ вполне распоряжаться имѣніемъ новыхъ своихъ родителей тогда, когда они сами имѣютъ дѣшей; въ случаѣ же ихъ бездѣшности имѣніе переходить къ родственникамъ перваго владѣтеля.

г. Преступленія и наказанія.

Смертоубійство, похищеніе верховной власти, измѣна опечесиву, публичное грабительство, святопаиство, расплѣніе доброй нравственности юношества, и лихоимство и непрезвостъ Архонша суть преступленія уголовныя, за которыя и Солонъ опредѣлялъ смертную казнь. На смерть осуждался въ Афинахъ и тотъ, кто продалъ свободнаго граж-

данина въ рабство. Опцеубійство Солонъ считалъ или, для чести человѣчества, хопѣль считашъ невозможнымъ; *se id neminem facturum putasse*, какъ говоритъ о томъ Цицеронъ; оно не поставлено въ списокъ преступленій. Убійца, избѣгнувшій казни; изгонялся навсегда изъ опчества, и имѣнiе его конфисковалось. Безнамѣренное убійство заглаждалось добровольнымъ изгнаніемъ на одинъ годъ и удовлетвореніемъ, опредѣленнымъ законами, родственниковъ убитаго. Воровство наказывалось тюремнымъ заключеніемъ и сугубымъ вознагражденіемъ похищеннаго. Трусовость, распочительность и праздность наказывались безславіемъ и лишеніемъ всѣхъ правъ политическихъ и гражданскихъ.

Воинское устройство Аѳинской республики.

Солонъ предписалъ многіе мудрыя законы въ разсужденіи воспитанія юношества; сохраненіе физическихъ силъ ихъ, развитіе умственныхъ, и улучшеніе нравственныхъ способностей будущихъ гражданъ республики ввѣряемо должно быть людямъ не моложе 40 лѣтъ, спяжавшимъ своими добродѣтелями общее до-

вѣрїе и уваженіе ; съ 18 лѣтняго возраста Аѳиняне поступали на службу опеческѣва, содѣлывались воинами, блюспипелами его безопасности и свободы. При поступленіи на службу они давали присягу шоржеспвенно предъ лицомъ всего народа и воинспва на опкрыпомъ воздухѣ, клялись не посрамить малодушіемъ пѣхъ оружій, копорыя ввѣрила имъ республика, никогда не оставяль своихъ начальниковъ, и храбро сражась для обороны опеческаго крова и для спасенія олшарей боговъ своихъ. Два первые года своей службы они проводили на внушренной спражѣ города Аѳинъ и обласпи Ашпики вообще. Съ 20 до 60 лѣтъ своей жизни они обязаны были нести воинскую службу въ походахъ прошивъ внѣшнихъ враговъ республики; богатые составляли конное ополченіе, бѣднѣйшіе пѣхопу; почести и высокія достоинспва были наградою заслугъ и мужеспва—богатспво и порода не доставляли никакихъ преимущеспвъ.

Ишакъ всѣ военныя силы раздѣлялись на конныя и пѣшія; пѣхопа Аѳинская имѣла опяшь свои подопдѣленія, коихъ считалось при: шяжело вооруженная пѣхопа или *Оплиты*, легко

вооруженные или *Псилы*, средня войска, пн. е. на тяжелыя, на легкя, или *Пелтасты*.

Оплиты защищены были опъ ударовъ неприятельскихъ шлемами, лапами и щипами—эпо были ихъ оружя оборонительныя; а наступали они на враговъ своихъ съ длиннымъ копьемъ въ рукъ, и съ тяжелымъ мечемъ или саблею при бедръ; однимъ оружіемъ они кололи, а другимъ рубили. Они спроились въ сомкнушыя ряды, изъ 16, и рѣдко изъ 8 человекъ состоявшіе въ длину, а въ глубину имѣвшіе 16, 32 и даже 64 линіи, слѣдспвенно опдѣленія Аѳинскихъ войскъ сосставлялись изъ 256 человекъ—самыя меньшія—, изъ 512—средня—изъ 1024—большія; а иногда были опряды заключавшіе въ себѣ 2048 человекъ.

Псилы вовсе не имѣли щиповъ; они вооружены были только мепальными оружями: дропикомъ, стрѣлами и пращами, и образовали слѣдспвенно родъ стрѣлковъ, слѣдовали повсюду за *Оплитами*, которыхъ они обязаны были защищать и охранять; они исправляли всѣ тяжгоспнѣйшія работы въ войскѣ, и не смопря на шо вовсе не пользовались никакимъ уваженіемъ; только послѣдній классъ самыхъ бѣд-

ныхъ гражданъ, а въ послѣдствіи и рабы набираемы были въ легковооруженныя войска.

Пелтасты вооружены были дропикомъ и небольшимъ щипомъ, называвшимся *Пельтою*; въ сихъ войскахъ служили граждане, не имѣвшіе сколько доходовъ, чинобы поднять всю тяжесть дорого спюющаго вооруженія конницы или *Оплишовъ*.

Конница была почетнѣйшимъ войскомъ въ Аѳинской республикѣ; со времянъ только Солонна образовались конные опряды изъ самыхъ богатыхъ гражданъ; для поступленія въ конницу нужно было соизволеніе верховныхъ вождей и Великаго Совѣща. Число конныхъ воиновъ было не велико; обыкновенная пропорція въ количествѣ конныхъ и *Оплишовъ* была какъ 1: 10, т. е. 100 воиновъ конныхъ на 1000 тяжело вооруженныхъ пѣшихъ.

Всемъ воинствомъ Аѳинскимъ или пакъ называемою Аѳинскою *Фалангою* предводительствовали десять военачальниковъ съ титуломъ *Стратеговъ*, которые поочередно смѣнялись каждый день въ верховномъ начальствѣ; всѣ они вмѣстѣ образовали Военный Совѣщъ, разрѣшавшій дѣла особенной важности по общему соглашенію. Фаланга или вся армія Аѳин-

ская раздѣлялась на нѣсколько опрядовъ, именуемыхъ *Таксисѳ*. Сии опряды управлялись особенными военными чиновниками, *Таксіархами*, во всемъ зависѣвшими отъ *Спрапетговъ*. Кромѣ завѣдыванія своими опрядами *Таксіархи* наблюдая за порядкомъ въ войскѣ, снабжали оное всемъ необходимымъ для содержанія, указывали военныя дороги, учреждали лагеря, и упражняли воиновъ въ нужнѣйшихъ воинскихъ занятіяхъ для поддержанія между ними дисциплины, проворства, шerpѣнія и мужества. Конное войско соспояло подъ начальствомъ двухъ предводителей, извѣстныхъ подъ именемъ *Иптарховѳ*.

Кромѣ военныхъ силъ сухопутныхъ Аѳинская республика, какъ Государство сопредѣльное морю, имѣло вооруженіе морское или флотъ. Впрочемъ во времена Солона морскія военныя силы были еще въ своемъ младенчествѣ; величіе флота Аѳинскаго и слава, спаянная Аѳинянами на спихіи морской, принадлежатъ ко временамъ браней Персидскихъ. Управлявшій флотомъ и всѣми движеніями онаго назывался въ Аѳинахъ *Навархомѳ* и былъ весьма важное лице между сановниками республики.

Пушешествія Солона и соспояніе Аѳинъ во время его опсущствія.

Солонъ есть необыкновенное явленіе Древняго Свѣта; своимъ глубокимъ познаніемъ челоувѣческа и гражданственности онъ превыше того вѣка, въ которомъ жилъ; ни одинъ законодатель древности не имѣлъ столь чисныхъ и возвышенныхъ идей, столь рѣшительнаго спремленія къ добру, ни одинъ не далъ народамъ столь разнообразнаго направленія на пути къ благоденствію и просвѣщенію. Солонъ желалъ, чпобы Аѳиняне наслаждаясь свободою и будучи храбрыми и мужеспвенными воинами, были добры, нравспвенны, дѣяптельны, богаты и образованы. Они содѣлались такими; все великое и прекрасное въ жизни Аѳинявъ и въ Исторіи ихъ республики есть безъ сомнѣнія плодъ Солоновыхъ постановленій; все чудовищное и уродливое, всѣ злоупотребленія и насильспвенные перевороты, колебавшіе республику, были неизбѣжныя слѣдспвія нарушенія его законовъ. Сущспство Солоновыхъ законовъ оспавалось долго во всей силѣ, хотя многія изъ его учрежденій подверглись скоро измѣненіямъ или

даже вовсе уничтожены еще при жизни самого Солона.

Солонъ не мечпалъ о неизмѣняемости своихъ законовъ; съ печеніемъ времени, съ переменною обычаевъ народныхъ и образованности они должны необходимо или усовершеншаться, или пополняпться, или замѣнены быпть новыми поспановленіями, сообразнѣйшими съ духомъ вѣка; онъ считалъ однакожъ, что Аѣиняне не приспупая къ новому законоположенію могутъ быпть счастливы подѣ вліяніемъ его законовъ по крайней мѣрѣ на цѣлыя сто лѣтъ. Въ сей мысли оставилъ онъ Аѣины взявши съ своихъ согражданъ кляпву, пребыпть вѣрными его поспановленіямъ, и въ продолженіи его опсушствія не перемѣняпть ничего въ его законахъ. Время явспвенно покажетъ на самомъ опытѣ, что полезно сохранить, и что нужно измѣнпть въ его учрежденіяхъ — такъ думалъ Солонъ, и набогашенный новыми познаніями въ спранахъ опдаленныхъ онъ надѣялся дароватьъ возможную прочностъ великому дѣлу, имѣ совершенному.

Во время пупешествія своего онъ обозрѣлъ земли Малой Азіи, видѣлъ блескъ и величіе царспва Лидійскаго, — слава его имени предше-

сповала ему повсюду, вездѣ оказываемо ему было уваженіе; Царь Крезъ угощевалъ для него почетной приемъ, и выказалъ ему всѣ несмѣнныя свои сокровища; Солонъ не ослѣпился ими, и въ бесѣдѣ съ Царемъ говорилъ ему спрогую правду, наславипельную для Власпипелей Свѣша, гордящихся не счаспїемъ и любовію къ нимъ народовъ, не своею мудроспїю, но благами ничпожными, преходящими. Бесѣда Солона съ Крезомъ, оскорбившая въ началѣ самолюбїе Царя, сдѣлалась примѣчательною для него въ послѣдствїи — она оспанешся памяшною и въ попомспвѣ опдаленномъ.

Солонъ посѣщалъ Египетъ, проникнулъ въ жилища жрецовъ, хранипелей древняго образованїа и законоискусства Египетскаго народа; опдѣльность опъ прочаго свѣша, страдапельное сущеспвованїе Египетскаго царсства, опчужденїе опъ всего новаго, неизмѣняемоспъ каспъ — вошъ характеръ Египша — вошъ чшо могъ найпн Солонъ въ быпписанїяхъ сей оригинальной спраны! Могъ ли онъ заимспвовашъ чшо нибудь опъ Египпьянъ, помившихся въ печенїи многихъ вѣковъ подъ бременемъ самаго шягоспнаго и опвращипельнаго единообразїа, споявшихъ неподвижно на одной поч-

къ и совершенствъ, и недоспапковъ своихъ? Аѳиняне народъ шворческій, свободный опъ всякихъ узъ спѣсненія, дѣяпелный, полный жизни и спраспей, самыхъ пламенныхъ — могли ли Египтяне въ чемъ бышь образцами для нихъ? Очень не многое изъ Египетскихъ законовъ приняпо Солонѣмъ въ его законодапельство.

Солонъ былъ и въ Кипрѣ, гдѣ мудрыми своими совѣсами приобрѣлъ благоговѣнное уваженіе Филокипра, одного изъ владѣпелей сего острова. Въ честь Солона наименованъ былъ вновь поспроенный городъ на сѣверномъ берегу Кипра. Жители сего города обипали дошолъ въ спранѣ мало плодоносной и бѣдной, и шеперь по волѣ Солона переселенные къ берегу морскому скоро достигли высокаго благоденспвія опъ обширной шорговли, копорю занимались.

Солонъ по десятилѣпнемъ опсущспвіи возвратился въ опечество; законы его сохранялись, но при всемъ помѣ Аѳины спрадали опъ внушреннихъ смяшеній, производимыхъ шремя паршіями, на копорья раздѣлилась вся республика. Олигархи или богапые граждане, не привыкшіе дѣлиться властію съ проспымъ на-

родомъ, желали удалить бѣдныхъ отъ вліянія на дѣла республики—главою сей партіи былъ Ликургъ, сынъ Аристолаида. Демократы или бѣдные граждане ревновали къ правамъ, имъ дарованнымъ, и рѣшились сохранить свою свободу отъ насилія богачей—начальникомъ Демократической партіи былъ Пизиспратъ, двоюродный братъ Солонъ по матери своей. Третья партія состояла изъ благоразумнѣйшихъ и умѣреннѣйшихъ гражданъ, спаравшихся о сохраненіи существовавшаго порядка и равновѣсія между обѣими первыми партіями; по числу она была слабѣйшая—но значила много, потому что вождемъ ея былъ славный Мегаклъ, глава Алкмеонидовъ, вѣнчаный нѣсколько разъ за свои доблести на играхъ Олимпійскихъ, Пифійскихъ и Испмійскихъ, и уваженный отъ своихъ согражданъ за свое богатство и щедрость.

Солонъ крепостію и благоразуміемъ своимъ силился разсѣять грозныя облака опасностей, носившіяся надъ республикою, спарался примирить между собою начальниковъ партій, согласить и по возможности удовлетворить всѣмъ прѣбояніямъ ихъ; но мятежники упорствовали, примиреніе было не возможно. Со-

лонъ склонился на сторону Пизистрата считая его искреннимъ и безкорыстнымъ защитникомъ свободы народной и храницелемъ его постановлений. Солонъ обманулся въ своемъ предположеніи — Пизистратъ былъ хитрый честолюбецъ, спремившійся къ верховному владычеству надъ своими согражданами, и содѣлавшійся властелиномъ республики.

Пизистратъ.

Пизистратъ былъ идоломъ народа Аѳинскаго; его высокая порода, огромныя богатства, величавость, привлекательная наружность, очаровательное, всегда кроткое и вѣжливое обращеніе, всепобѣждающее краснорѣчіе и внимательность къ бѣднымъ рано поставили Пизистрата на ступень самыхъ отличнѣйшихъ, почетныхъ гражданъ республики. Съ сими блистательными качествами соединялъ онъ высокое образованіе, глубокія познанія людей и свѣта, выпренный геній, твердую волю, непреклонный характеръ, присутствіе духа и хладнокровіе среди величайшихъ опасностей и рѣшительность въ исполненіи своихъ плановъ. Казалось, онъ рожденъ былъ владычествовать надъ другими; вездѣ хотѣлъ онъ быть пер-

вымъ. Въ Монархіи попомокъ Царей (а) онъ былъ бы великимъ Государемъ — въ республикѣ онъ сдѣлался похищителемъ верховной власти, пираннымъ.

Пизиспраць приготоовилъ все къ совершенію своихъ замысловъ. Въ одно время онъ является предъ народомъ на площади, окровавленный и израненный, и объявляетъ, что враги его покушались на его жизнь. „Вошь награда за мое доброжелательство къ народу, говорилъ онъ въ прогашельной рѣчи своей, вошь поощреніе бышь другомъ бѣдныхъ! Я не могу оспашься въ Апшикѣ безопаснымъ и спокойнымъ, ежели вы не примете меня подъ свое покровительство и защиту.“ Самъ ли нанесъ онъ себѣ раны, или дѣйствительно его неприятели злоумышляли прошивъ него — точно рѣшишь прудно. Великіе люди имѣють всегда тысячи враговъ. Къ чести Пизиспраца будемъ думать, что жизнь его въ самомъ дѣлѣ находилась въ опасности.

Народъ Аѳинскій, подвигнушый къ состраданію словами и видомъ Пизиспраца, клялся оп-

(а) Пизиспраць вель свой родъ опъ Царя Кодра, или даже опъ Неспора, слѣдственно онъ считалъ происхождение своей фамилии современнымъ войнѣ Троянской.

испичить врагамъ его; друзья Пизистратовы, пользуясь столь благопріятнымъ расположеніемъ умовъ, требовали отъ народа охраннаго войска для Пизистрата. Солонъ угадывалъ истинныя намѣренія Пизистрата, предвидѣлъ пагубныя слѣдствія отъ его усиленія. „Худо играешь ты роль Одиссея, говорилъ онъ Пизистрату; пощъ ранилъ себя, дабы обманушь тымъ своихъ непріятелей, тыже себя для того, чтобы овладѣть своими собственными согражданами.“ Тщепны были упреки Солонovy, напрасны были все его усилія къ обнаруженію хитрыхъ замысловъ Пизистрата. Чернь была вся на сторонѣ честолюбца; добрые и богатые граждане, обьятые страхомъ, безмолвствовали. Пизистратъ достигъ цѣли тайныхъ своихъ желаній; ему данъ многочисленный отрядъ вооруженныхъ воиновъ, долженствовавшихъ хранить драгоценную для республики жизнь его; ему отведена для пребыванія его городская крѣпость, Акрополисъ; все граждане покорились ему; Мегаклъ и Алкмеониды осудили себя на добровольное изгнаніе—и Пизистратъ увидѣлъ себя спокойнымъ и единымъ властителемъ всей республики, и полнымъ распоряди-

пелемъ верховной власпи. Сей переворотъ случился въ Афинахъ за 562 года до Р. X.

Еще разъ восплавалъ Солонъ прошивъ Пизистрата. „Мы не могли, говорилъ онъ къ народу, подавить тираннію при самомъ ея рожденіи; пѣтъ славнѣе будеть для насъ, сограждане, низпровергнувъ тиранна, уже упвердившаго незаконное свое владычество,“. Трепещущій голосъ старца, нѣкогда уваженнаго, заглушенъ былъ воплями неистовыхъ приверженцевъ Пизистрата; слова Солона не произвели никакого впечатлѣнія надъ народомъ.“ Довольно защищалъ я и опечесство мое и законы,“ сказалъ Солонъ удаляясь изъ Народнаго Собранія съ душою, полною огорченія и горестныхъ предчувствій. Друзья его, спрашившіеся на счетъ его безопасности, умоляли его покориться спокойно тому, чего перемѣнить нельзя, представляли ему бесполезность всѣхъ покушеній его, и не понимали, что внушаетъ ему такое дерзновеніе? моя старость, отвѣчалъ Солонъ хладнокровно. Не долго пережилъ онъ паденіе свободы республики; два года спустя послѣ похищенія Пизистратомъ верховной власпи скончался Солонъ 80 лѣтъ отъ рожденія, унеши съ собою во гробъ уваженіе са-

мага Пизистрапа, любовь своихъ современниковъ и удивленіе попомспва. Аѳиняне почпили его торжеспвеннымъ погребеніемъ на общеспвенное иждивеніе. Его могила окроплена слезами признапельныхъ согражданъ. Онъ скончался въ 560 году до Р. Х. Годъ кончины Солона еспть начало полиспической жизни великаго Кира, восходъ Имперіи Персидской и закатъ Царспва Лидійскаго.

Пизистрапъ приобрѣлъ въ послѣднее время жизни Солона совершенную его дружбу; законодатель помогаль ему своими совѣсами и просилъ его блюспи законы республики во всей ихъ ненарушимости. Въ самомъ дѣлѣ Пизистрапъ не перемѣнилъ ничего изъ постановленій, учрежденныхъ Солономъ на пользу опечеспва, и управлялъ Аѳинами не укоризненно и мудро. Аѳиняне не думали о прежнемъ равенспвѣ, забыли и вольность свою; *libertati servititem præferrent.* (Val. Max.) Но враги Пизистрапа, Мегакль и Ликургъ, возмущали спокойспвіе Аѳинской республики; они не укропимы были въ злобѣ своей къ похитителю; послѣ смерти Солона соединенными силами они одолѣли Пизистрапа и заспавили его въ 558 году оставивъ Аѳины. Два года продолжалось первое

изгнаніе его. Дружба мяшежниковъ и честолюбцевъ не продолжительна; Мегакль, поссорившись съ Ликургомъ, примирился съ Пизиспрапомъ, и сей послѣдній съ поржествомъ возврапился въ опечесиво, введенный въ Аѳины, какъ говорили, самою богинею Минервою. Ликургъ низложенъ со всею своею паршіею— Мегакль утвердилъ союзъ свой съ Пизиспрапомъ узами родства; онъ далъ ему дочь свою въ супружесиво. Сею цѣною възшановлена пишина въ республикѣ; но не надолго. Семейныя распри и ссоры распоргли дружесивенный союзъ между Пизиспрапомъ и Мегакломъ; сильныя Алкмеониды предводимые Мегакломъ снова въ 552 году изгоняють Пизиспрапа, нашедшаго себѣ убѣжище отъ преслѣдованій ихъ на островѣ Эвбѣ. Десять лѣтъ находился онъ въ удаленіи отъ опечесива. Алкмеониды пиранспвовали и содѣлались ненависпными народу, воспоминавшему съ любовію о Пизиспрапѣ. Пизиспрапъ воспользовался таковымъ расположеніемъ Аѳинлянъ, и съ многочисленнымъ войскомъ явился на землѣ Ашпики; подъ его знамена бѣжали граждане Аѳинскіе, утѣсенные жестокостію Алкмеонидовъ; Алкмеониды поражены, и изгнанные изъ Аѳинъ они

поселились по волю Пизиспратпа на оспровѣ Наксосѣ оставивши ему въ залогъ своей покорности дѣшею своихъ аманатами. Въ 540 году возвратился Пизиспратъ въ Аѣнны изъ вполичнаго своего изгнанія; съ сихъ поръ власпъ неколебимо оставалась въ рукахъ его до самой его кончины.

Оспальные годы правленія и жизни его посвящены были благу республики; онъ обращалъ самое бдишельное вниманіе на улучшеніе земледѣлія и промышленности, какъ единыхъ источниковъ богатства и благоденствія народовъ; для того праздный и бѣдный народъ, поплившійся въ Аѣнахъ безъ занятій и безъ средствъ къ своему пропитанію, и склонный всегда къ мятежамъ, расселенъ Пизиспратомъ по проспранспву республики, и принялся за обработаніе земель, остававшихся дополь впуспъ и не воздѣланными. Ашпика приняла новый, лучший видъ; избытки земледѣльческихъ продуктовъ обрабатываемы были на фабрикахъ; земледѣліе и фабрики оживили и разпространили торговлю. Доходы республики умножились. Пизиспратъ употреблялъ ихъ на украшеніе Аѣинъ великолѣпными зданіями, какъ

бы предчувствуя будущую славу сего города, онъ украсилъ его публичными садами.

Богапство гражданъ породило въ нихъ охоту къ занятіямъ умственнымъ. Пизистратъ, мужъ образованный, покровитель наукъ и искусствъ, старался споспѣшествовать просвѣщенію своихъ соотечественниковъ; для сего онъ первый издалъ порядочное и полное собраніе твореній Омера, *Pisistratus primus Homeri libros, confusos antea, sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus* (Cicero), и основалъ библіотеку, можетъ быть, еще первую въ Древнемъ Свѣтѣ.

Онъ постановилъ, что войны, изувѣченные въ сраженіяхъ съ врагами отечества, или раненные на полѣ чести защищая республику, должны быть содержимы во весь оставшій имъ жизни и врачуемы на изживеніи общественномъ. Учасіе общее и уваженіе къ нимъ всѣхъ гражданъ есть должная награда за ихъ подвиги. Пизистратъ симъ благодѣтельнымъ и мудрымъ узаконеніемъ возбудилъ благородное чувство воинской чести и воспламенилъ новымъ мужествомъ воиновъ, увѣрившихся шеперь, что пруды ихъ будущъ награждены вниманіемъ цѣлой республики, и что они въ старости своей будущъ успокоены и обезпе-

чены въ независимомъ и безбѣдномъ существованіи.

Иппархъ и Иппій.

Пизиспратъ уважаемый всѣми, благословляемый многими изъ своихъ согражданъ скончался въ глубокой старости въ 528 году до Р. Х. передавъ безпрекословно и власть, и правленіе своимъ сыновьямъ: Иппарху и Иппію. Дѣти были достойны великаго отца своего. Времена Пизиспратидовъ были счастливыя, цвѣтуція, просвѣщенные времена республики; Платьонъ называеши ихъ впорымъ золотымъ вѣкомъ. Оба брата были добродѣтельны и высоко образованы; оба имѣли въ виду только счастье республики, особенно Иппархъ превознесенъ похвалами опъ всѣхъ Испориковъ за любезныя свои качества, за кропость, и державную мудрость въ управленіи Государства. Иппархъ былъ покровитель ученыхъ и любитель всего прекраснаго и изящнаго; онъ находилъ особенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ Анакреономъ и Симонидомъ, по его волѣ призванными въ Аѣны и имъ облагодѣшествованными; онъ повелѣлъ на празднествахъ Панаѣнеяхъ пѣсти шворенія Омера, дабы Аѣи-

явне для нихъ самихъ незамѣпно изощрали свой вкусъ къ изящному. Его правленіе было спокойно внутри, и уважаемо извнѣ — и не смотря на то Иппархъ погибъ; не его шираниія, не пишло власпишеля, не любовь Аѳинянь къ свободѣ были причинами его паденія; убійственныя орудія Армодія и Аристогитона прекрапили жизнь Иппарха; онъ палъ подъ ударами личной ненависти въ 514 году до Р. Х. И Иппію готовилась даже участь въ одно время съ Иппархомъ; счастливый случай спасъ его отъ смерти. Но столь близкая опасность, ему грозившая, и злоба враговъ его произвели въ Иппіѣ, досель крошкѣмъ, совершенную перемѣну; онъ сдѣлался недовѣрчивъ, подозрительнъ, мстительнъ и жестокъ — настоящій тираннъ въ строгомъ значеніи сего слова. Многіе Аѳиняне по одному подозрѣнію осуждены на смерть и преданы казни. Аристогитонъ подвергся всѣмъ ужасамъ пытки (Армодій убитъ былъ въ самую минушу умерщвленія Иппарха); при допросахъ ему дѣланныхъ онъ наименовалъ соучастниками своими преданнѣйшихъ Иппію друзей его; они были казнены всѣ. „Теперь я никого не считаю болѣе достойнымъ смерти, кромѣ себя самаго, пи-

рань, сказалъ Аристогигионъ хладнокровно; я умираю спокойно лишивъ себя своихъ искреннѣйшихъ друзей.,,

Иппій раздражилъ народъ своимъ безчеловѣчїемъ и проливіемъ крови множесва жерствъ, невинныхъ въ убійствѣ его брата. Съ негодованїемъ несли Аѣиняне его тираннїи его. Алкмеониды, прежде изгнанные, начали писать шеперь надежды къ возстановленїю своему. Аѣиняне звали ихъ къ себѣ на помощь прошивъ пришѣснишеля. *Клисѣенъ*, сынъ Метакла, глава Алкмеонидовъ, повелъ къ Аѣинамъ многочисленное войско; по соединенїи съ Спаршанцами онъ одержалъ побѣду надъ войскомъ Иппїя; Аѣины опворили свои вороша *Клисѣену*, Иппїй бѣжалъ изъ Греціи въ 510 году и укрылся на берегахъ Геллеспонша въ Сигеѣ, городъ, построеномъ его опцемъ, и опшуда опсправился во внупренность могущесшвеннаго царсшва Персидскаго съ мыслию въ душѣ возврашшсь опашь себѣ владычесшво надъ Аѣинами при помощи Великаго Повелшшеля Восшока.

По удаленїи Иппїя *Клисѣенъ* оспался главою республики Аѣинской, и началъ играть роль Демагага. Онъ въ корошкое время влїянїя

своего на дѣла сдѣлалъ болѣе переменъ въ законахъ Солоновыхъ, нежели Пизиспратиды въ 50 лѣтъ ихъ правленія; вмѣсто чепырехъ шрибъ или филъ онъ раздѣлилъ Аѳинянь на 10 шрибъ; изъ каждой шрибы положилъ онъ выбирать по 50 человекъ въ члены Великаго Совѣта, слѣдственно сей Совѣтъ состоялъ уже теперь не изъ 400, а изъ 500 членовъ; сіе новое постановленіе удовлетворяло гордости и самолюбію большаго числа гражданъ. Намѣреніе Клисеена было снискашь любовь народа, подобно Пизиспрату, съ копорымъ онъ сходствовалъ честолюбіемъ, но не умомъ и не добродѣтелями. Онъ не имѣлъ довольно дарованій, чтобы въ споль смущныя времена сохранишь спокойствіе въ Аѳинахъ.

Республика снова спановишся игралищемъ различныхъ паршій и театромъ браней. *Исагоръ*, начальникъ паршіи Аристократовъ или знатныхъ гражданъ, является пропивникомъ Клисеену. Исагоръ, вспомошествоемый Спартанцами пришедшими къ нему на помощь, изгоняетъ изъ Аѳинъ Клисеена, и всѣхъ Алкмеонидовъ. Но Царь *Клеменъ*, предводитель вспомогательнаго Спартанскаго войска, испортилъ все начашое Исагоромъ. Своею Спартанскою

гордоспїю, запальчивоспїю, не уваженїемъ поспановленїй Аѳинскихъ и уничтоженїемъ нѣкошорыхъ Солоновыхъ законовъ Клеомень вооружилъ прошивъ себя и прошивъ своего друга Исагора весь Аѳинскїй народъ. Аѳиняне возспали на нихъ, и одолѣвши ихъ очиспили отъ чуждаго воинспва свой городъ и прогнали и Клеомена, и Исагора. Клисѳенъ со всѣми Алкмѳонидами возвращенъ въ Аѳины.

Клеомень, приведенный въ бѣшенствѳо дерзновенїемъ Аѳинянъ и своею неудачею, кипѣлъ мщенїемъ. Въ пишинѣ, никому не замѣпно, изгоповлялъ онъ новое ополченїе, и подкрѣпленный въ своемъ начинанїи содѣйснвїемъ другаго Царя Спаршанскаго Демараша и большимъ опрядомъ союзниковъ, биспро выспушилъ изъ Пелопонеса, прошель чрезъ перешескъ и явился предъ Элевзисомъ къ изумленїю и ужасу Аѳинянъ. Гоповилась бисшва кровопролишнѣйшая, какъ вдругъ Коринѳяне, находившіесе въ лагеръ Клеомена, и самъ Царь Демарашъ оспавляющъ поле сраженїя, и удаляющъ изъ Аппики. Алкмѳониды золопомъ и богашьми дарами преклонили ихъ къ опспупленїю, и шѣмъ спасли свое опечесствѳо. Клеомень разспирѣпѣлъ еще болѣе. Въ яроспци своей онъ не щадилъ нико-

го, и сами Боги поруганы имъ въ Элевзисѣ; кровавые слѣды оставилъ онъ за собою во время своего выхода изъ предѣловъ Аѣинскихъ. Надъ союзниками и надъ самими Спаршанцами излилъ онъ всю злобу свою. Демарашъ спуся нѣсколько лѣтъ послѣ того сверженъ имъ съ престола, и подобно Иппію укрылся опъ дальнѣйшихъ преслѣдованій врага своего во владѣніяхъ Царя Персидскаго.

Аѣиняне раздражившіе Клеомена и Спаршанцевъ спрашились мести опъ сего народа; въ спрахѣ своемъ они придумали обратиться къ великодушію сильнаго Монарха Персіи и подъ его покровительствомъ искашь себѣ защиты опъ враговъ, и своей безопасности. Они отправили нѣсколько пословъ въ городъ Сардесъ для переговоровъ съ Аршаферномъ, Самрапомъ, управлявшимъ всѣми спранами Малой Азіи. Гордый Самрапъ, съ высокомеріемъ принявшій сихъ пословъ худо знаемой, ничпожной республики Аѣинской, общалъ имъ благосклонное покровительство своего Монарха пребуя опъ нихъ за то *земли и воды*, или совершенной покорности его воль. И могли ли Аѣиняне ожидать себѣ лучшаго успѣха въ сихъ сношеніяхъ? Тамъ, въ Малой Азіи, приближеннымъ Ар-

паферну находилъ Иппій, поклявшійся въ вѣчной злобѣ къ Аѣинской республикѣ и радовавшійся въ душѣ ея опасностямъ и замѣшательству ея гражданъ. Послы прибыли обратно въ Аѣины не совершивши ничего. Съ сего времени Иппій шѣмъ неупомимѣе началъ дѣйствовать къ возвращенію себѣ власти надъ Аѣинами, шѣмъ неусыпнѣе началъ стараться о приобретеніи дружбы Царя Персидскаго. Одно обстоятельство, во все непредвидѣнное, казалось особенно благоприятствовало намѣреніямъ Иппія; шѣмъ болѣе утвердился онъ въ своихъ надеждахъ на счастливую для него будущность. Дворъ Персидскій пораженъ былъ неожиданною вѣспію о возмущеніи въ Іоніи, и о возстаніи Малоазійскихъ Грековъ противъ Государя, коцораго они доселѣ признавали своимъ законнымъ повелителемъ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ

Опъ начала Персидскихъ войнъ до битвы Маншинейской или опъ 500 л. до 362 г.
до Р. Х.

Прежде изложенія причинъ и обстоятельствъ возмущенія Малоазійскихъ Грековъ опишемъ

соснавные частпи Малой Азіи, земли, копто-
рой судьба шакъ шѣсно сопряжена съ судь-
бою Греціи.

Малая Азія.

Малая Азія образуешъ полуостровъ, восточ-
ною только частію соединенный съ шѣми
спранами Южной Азіи, изъ коихъ первоначаль-
но разлилось просвѣщеніе въ прочія частпи
Древняго Свѣта. Средиземное море на югъ, Эгей-
ское море, Гелеспонтъ, Пропондида и Бос-
форъ Фракійскій на западъ, и Цонъ Эвксин-
скій на сѣверъ омывающъ берега сего полу-
острова. По положенію своему Малая Азія дол-
женствовала рано содѣлаться обширнымъ шор-
жищемъ для народовъ, шепромъ важнѣйшихъ
событій и военныхъ, и политическихъ, и сб-
рищемъ поселенцовъ, спекавшихся сюда изъ
разныхъ краевъ, сосѣдственныхъ и опдален-
ныхъ. Спраны, соснавлявшія Малую Азію, са-
мою природою раздѣлялись на западныя, юж-
ныя, сѣверныя и внутреннія:

Ч а с т и о н о й:

1. На западъ Малой Азіи дежали Мизія, Ли-
дія и Карія.

а. Мизія.

По переправѣ изъ Европы чрезъ Геллеспонтъ, вступаемъ въ Мизію, область, омываемую водами Пропониды, Гелеспонша и Эгейскаго моря, плодоносную и богатую разнообразными дарами природы. Рѣка *Гермѣ* на югѣ отдѣляетъ ее отъ Лидіи, а р. *Риндакѣ* на воспокѣ отъ Вионіи; во внутренности орошается она *Граникомѣ*, *Симоисомѣ*, и *Скамандромѣ*, рѣками, препрославленными въ лѣтописяхъ древности. Гора *Ида* пускаетъ свои опрасли въ видѣ мысовъ къ берегамъ моря; съ самой большой ея возвышенности, *Гаргары*, открываея вдалекѣ острогъ *Лесбосъ*. Рано спрана сія, ключъ къ переходу въ Европу, содѣлалась знаменитая; здѣсь за четырнадцать вѣковъ до Р. X. основалось Троянское царство, примѣчательное своимъ могуществомъ, еще болѣе своимъ паденіемъ; сюда спекались любоньштвующіе поклоняющіяся гробамъ Ахиллеса и Аякса, великихъ вождей Греческихъ, падшихъ въ войнѣ Троянской; здѣсь пѣснимы въ опечесствѣ нуждою или междуусобіями Греки находили свободное и богатое приспанище. Эоляне, поселенцы Греческіе, процвѣтали здѣсь шорговлею,

богатствомъ и независимостію—они занимали южную часть Мизіи, которая опять того и именовалась *Эолию*. *Лампакъ*, *Абидосъ*, *Пергамъ* и *Элея* города Мизіи, болѣе или менѣе извѣстные въ Испоріи.

Мизію вѣчаютъ многіе острова; *Проконесъ* обильный мраморомъ, и *Кизикъ*, сильный мореплаваніемъ и торговлею, лежатъ на Пропонтидѣ, а *Тенедосъ* находящійся противъ береговъ Иліона, и *Лесбосъ*, опечесство Сафы, Алкея и Пипшака, на Эгейскомъ морѣ. Между Лесбосомъ и берегами Мизіи находящіяся *острова Аринузскіе*, славные въ послѣдствіи.

Мизія въ древнія времена сославляла часть Монархіи Лаомедона и Пріама; послѣ паденія Троянскаго царства она прешерпывала всѣ бѣдствія анархіи; беспорядочное правленіе республиканское облегчило покореніе сей страны чуждому игу; гордый владѣтель Лидіи, Крезъ, покорилъ Мизію, и владѣлъ ею, доколѣ его собственннй шронъ не былъ низпровергнутъ Киромъ. Мизія вмѣстѣ съ другими обласіями Малой Азіи подверглась владычеству Персидскому.

в. Лидія.

Опъ береговъ рѣкъ *Герма* и *Гилла* на югъ, до предѣловъ Каріи простирается самая плодородная, живописная, романтическая часть Малой Азии—область *Лидія* или *Меонія*. Горы *Сипилъ*, *Пактіасъ* и *Тмолъ* простираются ее въ разныхъ направленіяхъ образуя по берегамъ моря многіе мысы, изъ коихъ *Микале* насупротивъ острова Самоса лежащій ознаменованъ безсмертнымъ подвигомъ Грековъ. Между сими горами разстилаются прелестныя долины, по коимъ спускаются воды рѣкъ *Пактола*, *Кайстра* и *Меандра*. Лидія, богатая золотомъ, обрѣщаемымъ въ горѣ *Тмолѣ* и въ рѣкѣ *Пактолѣ*, обильная всѣми естественными сокровищами, содѣлалась торжищемъ, на которое спекались всѣ народы Малой Азии. Лидійцы гордились великолѣпнымъ жилищемъ, пышностію убранствъ, и утонченнымъ вкусомъ въ забавахъ и роскоши. Городъ *Сардесъ*, столица Лидіи, былъ вмѣстѣ и торжищемъ драгоценностей природы и искусствъ, складкою товаровъ Европы и Азии. Владѣтели Лидійскіе были могущественными и неодолимыми; вліяніе Лидійскаго царства простиралось до *Галиса* и *Тавра*. Крѣзь счи-

палъ себя величайшимъ изъ Монарховъ, сча-
спливѣйшимъ изъ людей.

Цвѣшущія долины Лидіи привлекли множе-
ство иноземцовъ для поселенія. Греки—Ионяне
заняли всѣ береговыя земли, опть нихъ прои-
менованныя *Ионією*. Богатство природы, бли-
зость къ морю, удобство въ сообщеніи по-
ставили Ионянъ на поприще торговли; тор-
говля оптверзла имъ пути къ набогащенію и
образованію. По берегамъ Лидіи или Ионіи,
на пространствѣ около 150 верстъ, возникли
12 городовъ цвѣшущихъ, изъ коихъ нѣкошо-
рые своею славою зашмили большую часть
Греческихъ Европейскихъ городовъ. Изъ Мало-
азійскихъ Греческихъ поселеній особенно извѣ-
стны и знамениты: *Фокелъ*, мать *Массилій*,
Смирна, родина *Омера*, *Клазоменъ*, *Теосъ*, оше-
чество *Анакреона*, *Колофонъ*, *Эфесъ* съ чудес-
нымъ храмомъ *Діаны*, *Приене*, опчизна *Віаса*,
и *Милетъ*, родина *Θалеса* и *Анаксимандра*, вели-
чайшій и славнѣйшій изъ всѣхъ Ионическихъ
городовъ, своими колоніями устьявшій всѣ бе-
рега Чернаго моря. Коммерческіе и военные
флоты сихъ городовъ покрывали море Эгей-
ское.

Тронъ Креза поколебался въ своемъ основаніи; царство Лидійское пало подъ ударами Кира; но Малоазійскіе Греческіе города сохранили свои права и свою свободу; жипели по прежнему собирались на высонны мыса Микале, и подъ покровительствомъ Бога Непшуна рѣшали дѣла свои на пакъ называемомъ *Паніонійскомъ* собраніи; Киръ и его преемники довольствовались наружною покорностію Іонянъ и легкою данью, ими плашимою, предоспаляя имъ управляться вождями изъ среды ихъ избранными подъ наблюденіемъ только Персидскихъ Сатраповъ.

Близъ береговъ Іоніи находящяся оспрова: *Хіосъ*, населенный, шорговый и виномъ богатый оспровъ; вина, опсюда вывозимья, уважались и Римлянами—*vina arvisia*. Близъ береговъ моря жипели оспрова *Хіоса* показывали упешъ, кошорый они называли школою Омера. Здѣсь—въ виду необозримаго моря и безконечной природы, а не въ темной пещерѣ близъ Смирны воспѣвалъ онъ, върояпно, безсмершныя подвиги своихъ Героевъ. *Самосъ*, славнѣйшій изъ Іоническихъ оспрововъ, жипели коего, первые изъ Грековъ видѣли берега Испаніи, и еще за 750 л. до Р. Х. властвовали на всемъ

Эгейскомъ морѣ. Флаги кораблей Самоскихъ развѣвались на берегахъ Нила, Испра (Дуная) и Бориспена (Днѣпра.) Самосъ есть отечество мудраго Пиеагора и Тиранна Поликраша, наслаждавшагося неизмѣннымъ счастьемъ въ жизни, но несчастнаго въ смерти своей. Къ Іоніиже причислялись острова *Икаросъ*, прозванный отъ извѣснаго въ Мифологіи Икара, сына Дедалова, *Патмосъ* и *Леросъ*.

с. К А Р І Я.

На самомъ югозападномъ краю Малой Азіи находится область *Карія*. Гора *Латмъ* и рѣка *Меандръ* отдѣляютъ ее отъ Лидіи, гора *Фениксъ* составляетъ самую южную ея оконечность; съ мыса *Лоримы* представляется взору прекрасный видъ на море Средиземное и на островъ Родосъ. *Ясской*, *Керамикской*, *Дорійской* и *Главкской* заливы вмѣщаютъ въ себѣ удобныя гавани; рѣки *Меандръ* на границахъ съ Лидіею, *Калбисъ* во внутренности Каріи и *Главкъ* на предѣлахъ съ Ликіею облегчаютъ взаимныя связи обитателей сей страны.

Карійцы, потомки Лелеговъ, первобытнхъ обитателей сей части Азіи, были грубы, воинственны и невѣжественны. Греки—Дорлне,

Здѣсь поселившіеся, спѣснили ихъ во внутрѣй-
ность, и овладѣли сами всею приморскою, бе-
реговою спраною, копорая по ихъ имени и
называлась *Доридою*. Доряне никогда не равня-
лись Юнѣямъ ни въ богатствѣ, ни въ прос-
вѣщеніи; впрочемъ и здѣсь въ Доридѣ процвѣ-
тали города: *Каріанда*, опечеспво Скиллакса,
Галикарнасѣ столица всей Каріи съ дивнымъ
Мавзолеемъ, родина Продоша и Діонисія, и *Книдѣ*
съ великолѣпнымъ храмомъ Венеры, и ея из-
ваяніемъ, несравненнымъ произведеніемъ сла-
ваго Праксипеля.

Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ оспрововъ, бе-
регамъ Каріи прилежащъ знаменитые оспрова
Косѣ и *Родосѣ*; первый, опчизна Иппократа и
Апеллеса, славился богатымъ храмомъ Эскулапа;
второй, находясь подъ самымъ благословен-
нымъ небомъ, былъ знаменитъ образованнос-
тію жипелей своихъ, ихъ обширнымъ море-
плаваніемъ и грозными флотами, развѣзжавшими
по морямъ Эгейскому и Средиземному. Колосъ
Родоскій, исполинское произведеніе Греческаго
искусства, поставленъ въ число чудесъ міра; но
колосъ не главная примѣчательность Родоса;
сей оспровъ по справедливости счищается

вторыми Афинами, маперію мудрецовъ, славныхъ архисповъ и Героевъ.

2. *На югъ Малой Азіи* были обласпи: Ликія, Памфилія съ Пизидією и Киликія.

д. Л и к і я.

Ликія простирается къ востоку отъ Каріи и лежитъ между заливомъ Главкскимъ и рѣкою Ликомъ съ одной стороны, и заливомъ Памфилійскимъ и рѣкою Кидномъ съ другой. Здѣсь начинаются высокія горы прорѣзывающія всю внутренность Малой Азіи и южные берега ея. Гора *Климаксъ* самая примѣчательная въ Ликіи. Рѣка *Ксантъ* на западной, и *Лимиръ* на восточной сторонѣ протекаютъ здѣсь, изливая воды свои въ Средиземное море. Защищаемые гористымъ положеніемъ земли своей Ликійцы безопасны были отъ нападений чужеземныхъ, и даже по усиленіи Персовъ въ Малой Азіи они сохранили свою независимость подъ управленіемъ своихъ природныхъ владѣтелей—Ликиарховъ. Легкая дань плащимая ими Персамъ, и по не охотно, была единственнымъ доказательствомъ ихъ зависимости отъ Персидскаго владычества. И въ Ликіи находились нѣкопорыя Дорическія поселенія, не достигшія

впрочемъ никогда значительности Полипической. Нѣтъ здѣсь ни одного города, которой бы могъ равняться городамъ Лидіи или Каріи. *Ксантъ*, *Мира* и *Фазелисѣ* суть важнѣйшія мѣста въ Ликіи.

е. П а м ф и л і я .

Вдоль по берегу моря на воспокъ оупь Ликіи простирается *Памфилія*, область гористая, но плодоносная. Гора *Тавръ* вѣнчаетъ сѣверный ея конецъ; между крутизнами оной лежатъ многія озера и спелюются обширныя долины живописныя, напаяемыя водами рѣкъ *Катаракта*, *Эвримедона* и другихъ. На западной сторонѣ Памфиліи обитали народы невѣжественные, вѣроятно, первобытныя обитатели сей земли — Миліи, оупь чего вся западная часть Памфиліи именовалась *Миліадою*; къ сѣверу оупь Миліевъ жили воинственные, неукротимые и самими Персами неусмиреныя народы Пизиды, оупь коихъ сѣверозападная сторона Памфиліи называлась *Пизидією*; на воспокъ оупь Пизидовъ блуждали страшные грабители на сухомъ пупи, и опасные наѣзники на морѣ, Исавры, по имени коихъ вся сѣверовосточная часть Памфиліи извѣстна

была подъ названіемъ *Исавріи*. Одни только собственно такъ называемые Памфилійцы или жипели приморскихъ странъ покорствовали Персамъ служа въ ихъ войскахъ и флотахъ; съ Исаврамиже и Пизидами Персидскіе Сатрапы, управлявшіе Малою Азією, должныствовали вести войну непрерывную или для покоренія ихъ, или для обезпеченія себя отъ ихъ набѣговъ. Только *Перга* и *Аспендѣ* примѣчательны между городами Памфилиі.

г. К и л и к і я.

Киликія занимаетъ самый юговоспичный уголь Малой Азіи. Сія обласпъ, Малоазійская Швейцарія, во всѣхъ направленіяхъ прорѣзана высокими горами: *Тавромѣ* и *Аманомѣ*, вѣнчающими Киликію съ западной, сѣверной и воспичной стороны. Между сихъ горъ находящя споль узкіе проходы, что горспъ войновъ мужеспвенныхъ можеспъ защищспъ всю землю отъ нападений огромныхъ полчищъ непришельскихъ. Въ долинахъ, образуемыхъ горами, благоухающъ ароматы благословенныхъ странъ юга, цвѣшупъ маслины и виноградныя лозы. По симъ долинамъ, обросшимъ лѣсами, несупъ обильныя воды свои въ море, съ высощъ гор-

ныхъ стремительно низвергающіяся рѣки *Каликаднѣ*, *Киднѣ*, *Сарѣ* и *Пирамѣ*. По пространству Киликіи чрезъ ея горныя ущелія шли военныя дороги, ведшія изъ внутренней Азіи и Сиріи въ Малую Азію и обратно. Киликія, швердая своею природою и храбростію обитателей, самыхъ отважнѣйшихъ хищниковъ Древняго Свѣта, долго сопротивлялась могуществу Персовъ; и въ изнеможеніи своемъ она сохранила свои законы и своихъ влассителей. Монархи Персидскіе были только именовательными владыками Киликіи. Изъ городовъ Киликіи важны: *Тарсѣ* и *Иссѣ*; первый, столица Киликіи на Киднѣ, знаменитъ своею древностію, богатствомъ, великолѣпіемъ и населенностію; другой увѣковѣченъ въ послѣдствіи великимъ событіемъ въ Исторіи.

3. На стверть *Малой Азіи* находящяся области: *Виенія*, *Пафлагонія* и *Понпѣ*.

г. Виенія.

Виенія составляетъ сѣверозападную часть *Малой Азіи*; отъ *Мизіи* отдѣляется она р. *Риндакомъ*, отъ *Пафлагоніи* р. *Парееніемъ*, а отъ *Фригіи* опрасляли горы *Олимпа*. Сосѣдство съ *Пропонпидою* и *Понпомъ Эвксин-*

скимъ благопріятствовало торговымъ предпріятіямъ жителей Виеніи; рѣки *Риндакъ*, *Сангарій*, *Биллей* и *Пареній* облегчали внутреннія связи. По оплогостямъ горъ проспиралась обширная пашбища; скотоводство процвѣтало въ Виеніи. Сѣверныя береговья части сей области украшались многими богатыми колоніями, основанными большею частью выходцами изъ Милета. *Ираклея* была знаменитѣйшею между всѣми. Кромѣ Ираклея замѣчательны въ Виеніи города: *Пруза* при склонѣ Олимпа, *Никомедія*, при заливѣ *Пропониды*, столица Виеніи, и *Халкедонъ* при Босфорѣ насупротивъ Византіи. Вся западная Виенія покорствовалась Персамъ; но обитатели восточной части имѣли своихъ владѣтелей, состоявшихъ только подъ покровительствомъ Персіи въ качествѣ ея союзниковъ.

h. П а ф л а г о н і я .

Отъ рѣки *Паренія* на востокъ до рѣки *Галис* проспирается область *Пафлагонія*, на югъ и востокъ замкнутая горами, а во внутренности и на западъ представляющая большую плодородную равнину, обильную пашвами привольными, и орошаемую многими рѣч-

ками. И здѣсь скошоводство было главнымъ занятіемъ жителей; кони ихъ любимыя живошныя. Пафлагоняне образовали въ древности превосходную конницу, раповавшую или за свою независимость, или подъ знаменами Лидянъ и Персовъ. Впрочемъ и по распространеніи владычества Персидскаго на всю Малую Азію Пафлагоняне не были въ числѣ совершенно покоренныхъ народовъ, но считались только союзниками и данниками Персовъ. Они имѣли всегда своихъ природныхъ владѣтелей. Городъ *Ганера* былъ ихъ столицей. Предъ всѣмиже городами не только Пафлагоніи, но и всего берега Понпа Эвксинскаго славнѣйшимъ былъ городъ *Синопе*, богатая колонія Грековъ Милешскихъ.

і. П о н т ъ.

Понтъ, самая сѣверовосточная область Малой Азіи, получилъ свое названіе, вѣроятно, отъ Понпа Эвксинскаго, моря, берегамъ коего прилежалъ. Рѣка *Галисъ* отдѣляла сію область отъ Пафлагоніи на западъ, а на востокъ она касалась предѣловъ Колхиды или даже рѣки *Фазисъ*. Съ юга проходили во внутренность Понпа отрасли горъ *Антитаера*, *Литрѣ*, *Па-*

риадрѣ и *Амазонская*, продолжавшіяся до самыхъ береговъ моря, гдѣ онѣ оканчивались мысами, изъ коихъ извѣстнѣйшіе сущь: *Ираклейской* и *Язоніевѣ*. По оплогостямъ горъ росли обширные лѣса, коими наполнена была особенно восточная сторона. Вдоль печенія рѣкъ *Галиса*, *Ириса*, *Термодона* и м. д. простирались щучныя пастбища и превосходные луга, на коихъ паслись многочисленныя стада живошныхъ.

Сія земля населена была народами разноплеменными. *Левкосиріане* занимали западъ отъ *Галиса* до *Термодона*; около мыса *Язоніева* обитали *Тибарены*; на восточныхъ границахъ *Халибы*. *Левкосиріане*, знакомые съ приапноспями жизни и съ образованіемъ, дѣлили общій жребій съ прочими народами *Малой Азіи*; но два послѣдніе подъ покровомъ дремучихъ лѣсовъ и грозныхъ горъ своихъ долго сохраняли свою независимость, легко отражая всѣ нападенія *Персовъ*. Они были воинственны, храбры, но невѣжественны, грубы, жестоки и вѣроломны. Западная слѣдственно часть *Понта* была подвластна *Персидской Монархіи*; обитатели же восточныхъ странъ сей области воевали иногда подъ знаменами *Персидскихъ Сатраповъ*,

шьолько не по принужденію, не для увеличенія могущества Персовъ, но добровольно, для приобрьшенія себѣ богашыхъ добычь. *Комана Понтійская* считались важнѣйшимъ городомъ всей страны и священнымъ для жителей мѣстомъ, гдѣ отправлялись ихъ богослужебныя обряды.

И въ Понть проникли Греки. Милешъ и Синопе, богашые жителими, снабжали избыткомъ своего населенія землю сію. Милешскіе и Синопскіе выходцы основали здѣсь на берегахъ моря многія шорговья колоніи, изъ коихъ нѣкошорья достигли высокаго степеня благоденствія. *Амизѣ* и *Трапезѣ* своею обширностью, великолѣпиемъ и богашествомъ могли равняться многимъ городамъ Іоніи.

4. Во внутренности Малой Азіи находились области: Фригія и Каппадокія.

к. Фригія.

Фригія, величайшая изъ всѣхъ областей Малой Азіи, представляеть обширную, плодоснѣйшую равнину, орошаемую множествомъ рѣкъ и прелестно разнообразную опраслами невысокихъ горъ, каковы: *Темносѣ* на западѣ, *Диндимѣ* и *Олимпѣ* на сѣверѣ и *Кадмѣ* на югѣ.

Здѣсь берутъ свое начало всѣ знаменнѣйшія рѣки Малой Азіи, протекающія по противоположнымъ направленіямъ. На восточной сторонѣ во Фригійской обл. Ликаоніи лежатъ большое соленое озеро *Татта*. По богатству земледѣльческихъ произведеній Фригія была хлѣбнымъ магазиномъ всего полуострова; земледѣліе было любимымъ занятіемъ жителей; но здѣсь процвѣтало и скотоводство. На пучныхъ пашвахъ Фригійскихъ паслись необозримыя стада различныхъ животныхъ. Здѣшнія овцы и козы со временъ глубокой древности славились шелковиспосію волны своей, употреблявшейся на драгоценнѣйшія ткани и убранства. Продуктами земледѣлія и скотоводства производилась обширная торговля. Многіе города Фригіи процвѣтали отъ мѣны съ народами Малоазійскими и съ отдаленными общаствами внутрѣнной Азіи. *Келене* великолѣпный городъ, столица Фригіи съ огромными рынками при истокахъ Меандра, и *Пессинѣ* на горѣ Диндимъ близъ р. Сангарія, были складами товаровъ несметныхъ, привозимыхъ изъ разныхъ краевъ Азіи. Кромѣ сихъ двухъ городовъ примѣчательны еще *Гордій*, пребываніе древнихъ Царей Фригійскихъ, на р. Сангаріи, *Ипсѣ*, зна-

менипый въ послѣдствіи, и обѣ *Анциры*, одна на границахъ съ Мизіею, гдѣ получался славный мармор апсуганит, а другая,—нынѣшняя *Ангора*,—на сѣверовосточной сторонѣ Фригіи, и въ древности знаменипа была своими мягкорунными овцами.

Фригійцы, народъ, гордившійся древностію своего произхожденія, управлялись своими независимыми природными Государями; но среди избытковъ и богатства ослабѣвшіе и изнѣженные роскошію скоро подверглись чуждому игу. Цари Лидійскіе властвовали надъ ними. По низверженіи Креза и Фригія наравнѣ съ другими областями Малой Азіи подпала владычеству Персовъ.

1. К а п п а д о к і я .

На самомъ восточномъ краю Малой Азіи при переходѣ отсюда во внутренность Персидскаго Царства лежала обширная область—*Каппадокія*, земля бѣдная природою, суровая климатомъ, полная пустыней и степей, и отъ того мало обработанная. Рѣкою *Галисѣ* отдѣлялась она отъ *Пафлагоніи* и Фригіи, а р. *Эвфратомѣ* отъ *Арменіи*. Рѣка *Каппадоксѣ* на западѣ вливается въ *Галисѣ*, а р. *Меласѣ* на востокѣ

стремился къ Эвфрату. Во внутренности Каппадокіи поднимается на большую высоту гора *Аргей*. Сія область, шerpъвшая недоснашокъ въ лѣсахъ, почти во все не имѣла городовъ; жилища, презираемые своими сосѣдами какъ народъ слабоумный, мстительный и злой, занимались только пастушесствомъ, вели жизнь кочующую и никогда не обнаруживали благороднаго стремленія къ самобытности и свободѣ. Покоренные Персами терпѣливо и безъ ропота несли они иго зависимости и рабства, на нихъ наложенное. Сатрапы спокойно правили сею страню не спрашась на возстаній, ни сопротивленія со стороны Каппадокійцевъ. *Мазака* былъ главный и почти единственный, замѣчательный городъ на склонѣ снѣжнаго *Аргея*, близъ истоковъ быстраго *Меласа*.

Покореніе Малой Азіи Персами.

Итакъ всѣ части Малой Азіи чувствовали болѣе или менѣе зависимость отъ Персіи, всѣ считались подвластными владычеству обширнѣйшей Монархіи въ тогдашнемъ свѣтѣ, образовавшейся подъ вліяніемъ великаго Кира, около 560 лѣтъ до Р. Х., въ то время, какъ *Кизисратъ* созидаль свое величіе и благо-

денствіе Авінянь. Не довольный пространством Мидіи и Персіи Киръ понесъ оружіе свое въ страны сосѣдственныя; Ассирія угрожаема была порабощеніемъ и наконецъ совершенно завоевана. Царство Лидійское пало къ стопамъ Персидскаго влацишителя. Паденіе Крезова прона было провозвѣспникомъ покоренія Малоазійскихъ Греческихъ городовъ, наслаждавшихся дошолъ евободою. Гарпагъ, одинъ изъ опытныхъ, любимыхъ военачальниковъ Кира, подвергъ всю Малую Азію скипетру Царя Персидскаго около 540 г. до Р. X.

Дарій Испаспъ, величайшій въ племени Ахеменидовъ, достойнѣйшій изъ преемниковъ Кира, царствовавшій отъ 522 до 485 г. до Р. X., даровалъ правильное устройство великому своему Царству; онъ раздѣлилъ всю Персидскую Монархію на большія области, извѣсныя подъ именемъ *Satrapій*.

Еще въ началъ царствованія своего Дарій явилъ себя достойнымъ престолоа, хотя слѣпой случай возвелъ его на оный; рано обнаружилъ онъ великія качества ума державнаго и заслужилъ признательность подданныхъ многими мудрыми учрежденіями ко благу Государства; властвуя отъ береговъ Инда до Геллес-

гонша и оны пвердынь Арменіи и спепей Согдіаны до ископовъ Нила и до моря Эришрейскаго могъ ли Дарій жаждать новыхъ приобрѣщеній? но или увлекаясь славою Кира и прелестію побѣдъ, или спрашась внушренныхъ мѣлжеей и честлюбивыхъ замысловъ гордыхъ вельможъ Персіи, нѣкогда ему равныхъ, и желая занявъ ихъ внѣ опечества какимъ либо доблественнымъ, необычайнымъ дѣломъ, оны предпринялъ опдаленный походъ пропивъ Скиоовъ, обитавшихъ на сѣверъ оны Понша Эвксинскаго. Сей походъ, безславный для Дарія, имѣлъ великія послѣдствія.

На возвращномъ пути своемъ изъ за береговъ Дуная, Дарій, оскорбленный неудачею пропивъ Скиоовъ, изыскивалъ случаевъ омышь спыдъ свой; оны опдѣлилъ часть своего воинства, 80,000 человекъ, для покоренія Фракіи; Мегабизъ счастливо исполнилъ волю своего Государя; всѣ страны Фракіи оны береговъ Эгейскаго моря до подошвы горы Гемусъ были подвергнушы власти Персидскаго Монарха; острова Лемносъ и Имбросъ покорены совершенно побѣдоноснымъ войскомъ Мегабиза; Наксосъ и Эвбея были угрожаемы опасностію. Аминша, Царь Македонскій, умолялъ Мегабиза о пощаду

его владній обѣщая непрекословную покорность повелѣніямъ Дарія. Греки—Эоляне и Ионяне, прееща могущества Персидскаго, искали покровительства его; всѣ берега Эгейскаго моря въ Малой Азій, усѣянныя колоніями Греческими, вошли въ составъ Даріевой Монархій; Малоазійскіе Греки были данниками оной; вліяніе Персовъ простерлось съ сихъ поръ и на острова, прилежащіе берегамъ Малой Азій. Самось, Хіось, Лесбось, и другіе острова покорились Персамъ или добровольно, или были завоеваны. Впрочемъ судьба Грековъ Малоазійскихъ и послѣ покоренія ихъ не была тяжела. Они остались свободными въ жизни частной; собственность ихъ была ограждаема законами и покровительствомъ сильныхъ Сатраповъ Персіи; они сохранили прежнее право свое избирать изъ среды своей почтеннѣйшихъ гражданъ для разрѣшенія взаимныхъ распрей и для завѣдыванія всѣми дѣлами ихъ. Сіи избранные граждане, извѣстные подъ общимъ, тогда не зазорнымъ именемъ тиранновъ, состояли подъ верховнымъ наблюденіемъ Сатраповъ, доносившихъ о ихъ поступкахъ непосредственно самому Государю. Такъ Коэсъ и Испіэй, мужи, оказавшіе великія услуги Дарію во время

Скиѣскаго его похода, утверждены были онь него въ званіи Тиранновъ, первый на оспровѣ Лесбосѣ, впорый въ городѣ Милешѣ или въ Іоніи.

Возмущеніе Малоазійскихъ Грековъ. Испіэй и Аристагоръ.

Испіэй, человекъ, одаренный великими качествами ума, высоко образованный, сильный обширными своими владѣніями, богатый любовью согражданъ, предприимчивый, спраспный къ свободѣ, могъ бытъ опаснымъ и содѣлался таковымъ для Персовъ. Аршафернъ, братъ Царя Персидскаго, верховный Правитель всей Малой Азіи, предугадывалъ въ немъ будущаго врага Царству Персидскому, и Дарій по его внушенію опозвалъ Испіэя изъ Милеша въ Сузу подѣ предлогомъ благовиднымъ, деспнымъ для него—помогашъ Царю своими благоразумными совѣтами и пользовашся высокою бесѣдою Царя и его милостями. На время опсупствія Испіэя правленіе Милеша поручено было Аристагору, его родспвеннику.

Аристагоръ ознаменовалъ свое правленіе возспаніемъ прошивъ оспрова Наксоса. Слышавъ о безпорядкахъ шамъ царспвовавшихъ онь

вознамѣрился покорить его своей власти. Подъ предлогомъ укрощенія мяшежниковъ и для остановленія неисповсхва демократическаго правленія, самовольно введеннаго на семь островъ, онъ испросилъ позволеніе отъ Аршаферна начать войну, и получилъ отъ него вспомогательное войско и флотъ. Походъ не имѣлъ успѣха; жители Наксоса опразили нападеніе Аристагора; огромныхъ суммъ споила сія Экспедиція и для Персовъ, и для самаго Аристагора, употребившаго на оную значную часть своего собственнаго имущества. Персы негодовали за неудачу, и по справедливости считали его виновникомъ пошерь своихъ. Аршафертъ лишилъ его своей довѣренности, и подспрѣкаемый Мегабапомъ, личнымъ врагомъ Аристагору, помышлялъ объ опмщеніи. Аристагоръ для опвращенія грозной шучи, носившейся надъ его главою, начерпалъ планъ опчаянный—возбудить всѣхъ Малоазійскихъ Грековъ противъ Персидскаго владычества, воодушевить ихъ ненавистію къ чужеземному игу и пробудить снова подавленное уже чувство къ независимости. Сіе намѣреніе Аристагора поддерживалъ и Испиэй, поспигшій уже исполнить цѣль призванія своего въ Сузу, и съ душев-

нымъ негодованіемъ несшій золошья цѣпи почестей, достоинствъ и наружнаго уваженія, которыми бременилъ его Дарій Испаспъ; спраспно желалъ онъ возвратиться въ Милешъ къ своимъ соотечественникамъ; хопя безъ блеска, но независимо хопѣлъ онъ провести остатокъ дней въ родной спранѣ своей. Возспаніе Іонянъ противъ Персіи было единымъ надежнымъ средствомъ къ достиженію желаемаго. По внушенію Испіэя, Ариспагоръ приспупаетъ немедленно къ исполненію своего плана; при всеобщемъ собраніи Грековъ низлагаетъ онъ съ себя званіе пиранна; и съ согласія всѣхъ присутствовавшихъ провозглашаетъ повсемственное возспановленіе республиканскаго правленія. По примѣру Милеша, и въ другихъ городахъ и островахъ Іоніи и Эоліи пиранны низвержены, власпъ Сапраповъ поругана и презрѣна, и всѣ связи между Греками и Персами прерваны. Такимъ образомъ за 500 л. до Р. Х. Дарій Испаспъ перяетъ почти мгновенно самыя лучшія, драгоцѣннѣйшія владѣнія въ Малой Азіи.

Малоазійскіе Греки соспавляютъ союзъ и клянупся завоевать свою свободу и распоргнувъ цѣпи неволи, ежели боги благословятъ ихъ начинаніе. Неравноспъ силъ не

устрашаетъ ихъ; они обращаютъ все вниманіе на увеличеніе своего флота; въ немъ думаютъ найти свое спасеніе. Исміэй, радовавшійся въ душѣ при вѣсти о семъ столь неожиданнымъ переворотѣ дѣлъ въ его опечеснѣвъ, подкрѣплялъ издали своихъ согражданъ и веселилъ ихъ сладостными надеждами на будущіе успѣхи надъ врагами. Ариспагоръ былъ неуспыненъ въ приготовленіяхъ къ борьбѣ; вездѣ искалъ пособій и помощи. Оставивъ берега Іоніи онъ переправился въ Европейскую Грецію, масть городовъ Малоазійскихъ, въ чаяніи, найти участіе и вспоможеніе у тамошнихъ обитателей; прежде всего обратился онъ къ республикѣ Спартанской, предъ всеми прочими грозной своимъ оружіемъ, и славной силою своихъ воннозъ. Спартанцы опровергли мольбы Ариспагора. Аѣняне одни были великодушны—они снарядили и отправили 20 кораблей на помощь Іонянамъ; и могли ли Аѣняне оставить ихъ безпомощными прошивъ Персовъ, могли ли опасться безъ участія? Іоняне были имъ близкіе, кровные, а Персы покровительствовали Иппія!—

Аѣняне, прибывши къ берегамъ Малой Азіи, соединили свои корабли съ флотомъ Іоническимъ и пристали къ городу Эфесу; опшуда,

высадившись, поплыли они всѣми союзными силами къ городу Сардесу, резиденціи Аршаферна; быспрь былъ переходъ Грековъ; внезапно нападеніе ихъ. Къ величайшему изумленію своему Персы увидѣли себя опрѣзанными опъ всѣкой помощи; они разбины и разсѣяны; Сардесъ сожженъ и Аршафернъ едва могъ бѣгствомъ избѣгнутьъ неприятельскаго плѣна. Греки въ восторгахъ первой побѣды, довольные шоржешвомъ надъ врагами, и набогащенные добычами опспунили обратно къ сѣбнамъ Эфеса. Разрушеніе Сардеса еспъ первой актѣ въ шой великой драммѣ, копорой развязка шолко пеепшдна и несчастна была для Персидскаго имени.

Персы, спомнившись опъ пораженія и собравши огромныя силы, успремились на Греческіе города съ ярспнымъ желаніемъ люшой меспи. Все проспранство опъ Пропониды до береговъ Каріи наводнено было полчищами Дарія. Успрашенные Аеиняне удалились въ опечество. Малоазійскіе Греки, опспавленные самимъ себѣ, усугубляли мужество, и, казалось, превосходили сами себя въ средспвахъ къ своему спасенію. Флотъ изъ 353 кораблей вмѣщавшій до 70,000 воиновъ защищалъ бе-

рега Іоніи—ополченіе, какого еще никогда не выславляли Малоазійцы. Персы имѣли до 600 кораблей; но не эпо превосходство силъ неприятельскихъ, не пьмочисленные полчища Персидскія изпоргли у Грековъ побѣду, а разномысліе полководцевъ погубило ихъ. Они разбины и на морѣ, и на сухомъ пупи. Милеть, владыка городовъ Малоазійскихъ, взявъ приступомъ, разграбленъ и разрушенъ. На его развалинахъ поселились поржеспвующіе Персы; уцѣлѣвшіе опъ смерти жипели сего города переселены во внупренность Персидскаго царства. Аристагоръ укрылся во Оракии; Испиэй, бѣжавшій изъ Персіи въ началъ возмущенія, долго посмѣвавшійся власти Персовъ, переходилъ съ одного острова на другой, громилъ земли Персидскія морскимъ набѣдничествомъ, и наконецъ былъ схваченъ, препровожденъ въ Сузу и казненъ. Ужасная смерть постигла его—онъ былъ распятъ на крестѣ. Всѣ Малоазійскіе Греки по прежнему склонили вью свою подъ скипетръ властителя Персіи. На всемъ пространствѣ Малой Азіи водворилось спокойствіе и тишина, но тишина обманчивая, провозвѣстница грозныхъ бурь, со-

биравшихся надъ горизонтомъ Греціи Европейской.

Война Персовъ съ Греками Европейскими.

Государь! вспомни объ Аѳинянахъ—, шакъ швердилъ каждодневно Дарію рабъ его по собственному его повелѣнію. вспоможеніе, данное Аѳинянами Грекамъ Малоазійскимъ, поселило въ сердцѣ Дарія Испасна самое глубокое чувство злобы къ сему народу. Горестъ ничтожныхъ, невѣдомыхъ ему или презираемыхъ опъ него республиканцевъ дерзнула посягнуть на его могущество и величіе—эша мысль возмущала душу его. По усмиреніи мяшежей въ Малой Азіи все вниманіе Царя обращено было на пригоповленіе къ походу прошивъ Грековъ для совершеннаго порабоженія ихъ Персидской Монархіи. Войну съ Греціею и негодованіе Дарія болѣе и болѣе возбуждалъ и поддерживалъ Иппій, надѣявшійся чрезъ шо возвратишься съ шоржествомъ въ отечество.

Аршафернъ, верховный Правитель Малой Азіи, былъ опозванъ въ Персію; слабоспъ его управления и его неблагоразуміе подвергли его гнѣву Государя. *Мардоній*, удоспосенный руки

дочери Царской, и слѣдственно близкій престолу, преемствоваль Аршаферну. Съ многочисленнымъ воинствомъ прибыль Мардоній въ Малую Азію; оно усилено еще было Іонянами и Эолянами, поскупившими по его повелѣнію подъ знамена Персидскія. Флотъ, построенный на берегахъ Киликіи, явился на морѣ Эгейскомъ и достигъ Геллеспонта. И морскія, и сухопутныя силы свои повель Мардоній въ Европу—Сапрапъ, юный лѣтами, неопытный въ дѣлѣ воинскомъ. Онъ былъ несчастливъ въ своемъ предпріятіи; флотъ его разрушенъ бурей при горѣ Аѳонской въ 492 году до Р. Х.; войска сухопутныя разсѣяны дикими, но храбрыми жителями Фракіи; далѣ Македоніи не дерзнулъ проникнуть Мардоній; съ оспашкомъ своихъ силъ онъ возвратился въ Азію. Здѣсь начерпываль планы къ новому успѣшнѣйшему нашествію на Грецію, къ покоренію оной силою оружія или полишики. Для сего онъ отправилъ Герольдовъ къ Грекамъ — именемъ Царя Персидскаго требовать опгъ нихъ земли и воды. Многіе оспрова и нѣкоторые города на твердой землѣ Греціи покорились; только Спарта и Аѳины съ негодованіемъ ошвергли надмѣнное требованіе Сапрапа, и вопреки

правамъ народнымъ умертвили пословъ Царя Персидскаго, дабы тѣмъ яснѣе показать всю ненависть къ тиранніи и злобу къ Персамъ.

Дарій Исхаспъ, справедливо раздраженный пресупною дерзостію Аѳинянъ и Спартанцевъ, положилъ въ совѣтъ своемъ наложить цѣпи жесточайшаго рабства на всю Грецію. *Артафернъ*, сынъ прежняго Савраца, заступилъ мѣсто неопытнаго Мардонія. Въспѣлъ съ *Датисомъ*, вождемъ искуснымъ и давно уже испытаннымъ во браняхъ (за 490 л. до Р. Х.) велъ Артафернъ сильное ополченіе, состоявшее изъ ста тысячъ пѣхоты, и десяти тысячъ конницы. Изъ Киликіи поплынулось огромное сіе воинство на 600 корабляхъ къ острову Самосу. Здѣсь полчища Персидскія усилены были еще новонабранными изъ Іонянъ и Эолянъ воинами и Малоазійскими кораблями. Полагающъ, что при отправленіи въ Европу весь составъ арміи Персидской вмѣстѣ въ себя до 500,000 человекъ войска дисциплинированнаго и неспройнаго, сухопутнаго и морскаго. Флотъ Артаферна разбѣлъ волны моря Эгейскаго, опустошилъ берега острова Наксоса и присталъ къ Эвбеѣ, острову опдѣляемому

пому опть Апшики не большимъ проливомъ. Съ мечемъ и пламенемъ ринулись Персы на цвѣшущіе города сего оспрова. Осада Эрсприі ознаменована чудеснымъ, геройскимъ мужествомъ ея жишелей; до послѣдней крайности защищались они прошивъ враговъ неукропимыхъ; дорого Персы заплашили за поржество свое. Завоеваніе Эрсприі и всего оспрова Эвбеі влекло за собою добровольное или насильственное покореніе всѣхъ оспрововъ Цикладскихъ. Успѣхи надъ оспровишянами и легкое завладѣніе Эвбею считали Персы несомнѣннымъ ручашельствомъ будущихъ поржествовъ своихъ; съ сладоспными надеждами оставили они разграбленную и дымившуюся кровію Эрсприю, и перешагнувъ узкой проливъ явились на земль Апшики и расположились на поляхъ Мараонскихъ въ распояніи 25 верспъ опть города Аѣинъ. Алчными взорами честолюбія смоспрѣль на родную спрану свою Иппій, указывавшій Персамъ пушь въ Грецію, и въ мысляхъ своихъ уже воображалъ себя снова, послѣ 20 лѣшняго ошесушствія, власпишелемъ Аѣинъ.

Ужась предшеспвовавль имени Персовъ, и распроссправилса по всей Греціи; безусловная по-

корность воле Дарія казалась единымъ средствомъ къ спасенію, сопротивленіе почитали невозможнымъ и гибельнымъ. Никто не мыслилъ объ оборонѣ. Одни только Афиняне упорствовали; родившись свободными они рѣшились и умереть таковыми. Дивились прочіе Греки дерзновенной ихъ рѣшимости, не хотѣли участвовать въ ихъ славныхъ опасностяхъ; только Спартанцы обѣщали имъ помощь, но не ранѣ полнолунія; одержимые суевѣріемъ они не хотѣли преслупить обычая, утвержденнаго у нихъ временемъ и спростію законовъ. И такъ Афиняне покинули всѣми, и только на собственныхъ силахъ должны были основывать свои надежды. Не опечалвшись въ дѣлѣ спасенія опечесива, воспламененные любовью къ свободѣ, увѣренные, что умереть—есть общая доля всѣхъ, но поступать геройски—есть завидный жребій только не многихъ, избранныхъ богами, они составляли ополченіе; набрали 9 тысячъ воиновъ изъ среды своихъ свободныхъ гражданъ, и тысячу получили отъ жиселей Платей, города союзнаго и единомышленнаго Афинамъ. Сіе войско увеличено было втрое большимъ числомъ рабовъ, коимъ въ случаѣ побѣды обѣщана драгоценнѣйшая

награда—вольность и гражданство; слѣдственно всѣ силы Аѣинской республики проспиралась, върошно, до 40,000 человекъ. Горсьшь людей въ сравненіи съ огромною массою силъ Персидскихъ!—

Мильтіадъ и Ариспидъ.

Войско Аѣинское, само по себѣ слабое, было еще слабѣе и безпомощнѣе опть того, что оно управлялось десятио Спратегами или военачальниками съ равными правами и властію. Могли ли сіи десятио вождей, смѣнявшихъ другъ друга поденно дѣйствовать по общему плану, спремиться къ одной цѣли одинаковыми пушями? Разномысліе гибельно всегда, кольми паче въ такой опасности, какая предетояла Аѣинянамъ. Но къ счастью и славѣ Греціи, въ Аѣинахъ находились въ то время между сими десятио военачальниками *Мильтіадъ* и *Ариспидъ*, два мужа, имена коихъ озарены свѣтомъ безмертія; первый съ необыкновеннымъ умомъ природнымъ и съ высокимъ образованіемъ соединялъ глубокое познаніе людей и свѣта, опытность въ дѣлахъ управленія, искусство въ наукѣ рашной и давнее знакомство съ тактикою Персовъ; второй всѣ свои знанія, всѣ достоин-

ства и добродѣтели подчинялъ единому важнѣйшему знанію—любилъ опечесиво и свободу, отдавать справедливоспъ достойнствамъ другихъ и бытъ добродѣтельнымъ на самомъ дѣлѣ, а не казаться только паковымъ. Аристидъ подавивъ въ душѣ своей самолюбіе, всякому свойственное, видѣлъ и созналъ величіе Мильтіада и превосходство его талантовъ воинскихъ предъ прочими вождями, и попому въ день своего начальствованія войсками онъ созвалъ своихъ соповарицей и предъ лицемъ ихъ уступилъ свои права и власть Мильтіаду. Примѣръ пакого великодушія, явленнаго добродѣтельнѣйшимъ и всѣми уважаемымъ гражданиномъ, увлекъ всѣхъ—и прочіе вожди послѣдовали Аристиду. Мильтіадъ объявленъ верховнымъ и единственнымъ вождемъ всего Греческаго ополченія. Сего мудрою мѣрою устранено разномысліе, преона неодолима къ успѣхамъ.

Впрочемъ и послѣ сего умы Аевинянь волновались; народъ и войско были въ недоумѣніи о томъ, вступи ли съ неприятелемъ войну оборонительную или наступательную, должно ли итти на встрѣчу Персамъ или ожидать ихъ въ Аевинахъ, и всѣ силы сосредоточить къ оборонѣ сего города? Мильтіадъ, по своей прои-

цашельности чипавшій въ будущемъ, сообразившій послѣдствія и того и другаго предположенія, рѣшилельно наспоэль въ пользу наступательной войны.,, Аѳиняне, говорилъ Мильшіадъ, со времени самобытнаго полипического существованія нашего мы не были никогда въ такой опасности, какъ нынѣ; намъ предлежитъ одно изъ двухъ: или влачимъ не распоргаемая цѣпи жесточайшаго рабства подъ игомъ Персовъ, или утвердимъ навсегда нашу свободу, спяжашъ громкую славу въ опдаленнѣйшемъ попомствѣ. Ежели мы заключимся въ спѣнахъ города и будемъ вести войну оборонительную; то неминуемо возникнутъ несогласія, вражды и партіи, и можешъ бытъ изъ среды насъ же самихъ выдутъ люди, готовые пожертвовать опечесствомъ и согражданами для личныхъ своихъ выгодъ; крамолы смолкнутъ, когда мы выступимъ въ поле и явимся противъ неприятелей. Побѣдимъ или умеремъ—да будемъ одно чувство насъ одушевляющее. Боги будутъ сопуществовать и поборапъ намъ!,, Народъ рукоплескалъ словамъ Мильшіада—Полемархъ утвердилъ его мнѣніе; положено сразиться съ Персами. Это былъ одинъ

изъ шѣхъ великихъ моменшовъ, опъ коихъ зависить судьба цѣлыхъ спольмій.

Мараѳонская битва. (490 л. до Р. Х.)

Мильшіадъ повелъ дружины свои къ сѣверу опъ Аѳинъ, и перешедши высоты Пентелика оспановилъ на полѣ Мараѳонскомъ, съ сѣвера примыкавшемся къ озеру, съ востока къ морю, а съ южной и западной спороны замкнутомъ горами. При подошвѣ небольшой горы на проспрансивъ, поросшемъ кустарниками, поспроилъ онъ свои войска въ боевой порядокъ; на лѣвомъ крылѣ находились Плашеяне; центромъ предводили Ариспидъ и Ѳемиспокль; правымъ крыломъ, упиравшемся въ море, начальствовалъ Каллимахъ; самъ Мильшіадъ наблюдалъ за всемъ, являясь повсюду. Въ распояннѣ верспы съ небольшимъ расположено было войско Аѳинское опъ неприятельскаго. Все мѣсто сраженія было весьма спѣсненно; цѣлою массою своею Персы дѣйствовать не могли; Греки же имѣли чрезвычайныя удобства производить всякаго рода движенія и нападать на неприятеля со всѣхъ споронъ. Главнымъ препятствіемъ для Персовъ къ побѣдѣ было то, что ихъ кон-

ница, соспавлявшая важнѣйшую часть воинства, не могла бытъ употреблена съ пользою по причинѣ неровности мѣста и множеству кушарниковъ и деревьевъ, нарочно порубленныхъ Греками, и покрывавшихъ поле Марафонское.

Персы пропхнули войска свои по всему пространству поля и образовали длинную, глубокую и по видимому непроницаемую линію; конница находилась и спереди, и по бокамъ; отборнѣйшія, лучшія войска поспавлены въ центрѣ подъ предводительствомъ Дариса. Мильпіадъ образовалъ также одну линію, расположенную въ видѣ полумѣсяца, весьма мелкую, ничѣмъ не защищенную ни съ боковъ, ни съ тылу, кромѣ горъ и моря. Все вниманіе Мильпіада обращено было на боковыя войска; центрѣ былъ самая слабая часть его арміи. Успроивъ все и одушевивъ своихъ воиновъ шѣмъ же мужествомъ, какимъ воспламененъ былъ онъ самъ, Мильпіадъ съ быспропою молніи устремляешся на непріятели, изумленного споль неожиданнымъ и дерзкимъ нападеніемъ; Персы съ презрѣніемъ смопрѣвшіе доселѣ на движенія малочисленныхъ враговъ и считавшіе ихъ вѣрною добычею неизбѣжной смерти скоро къ спыду своему увидѣли неопразимоснѣ силы

Греческихъ; Аѳиняне вѣзались въ ряды непри-
 яшельскіе; конница Персидская сдавленная
 шмочисленною своею пѣхоною не могла дви-
 нуться; копы Персовъ опклоняемы были длин-
 нѣйшими копьями Грековъ; сіи послѣдніе коло-
 ли первыѣ коньями, и поражали ихъ своими
 мечами. Удары неприятелей скользили по
 щипамъ и шлемамъ Грековъ, не нанося имъ
 вреда. Долго длился бой нервншельной—Да-
 писъ, лучшій изъ вождей Персидскихъ, опроки-
 нуль наконецъ центръ Греческой и преслѣдо-
 валь пораженныхъ; между шѣмъ Мильшіадъ
 низпровергну оба фланга Персидскихъ войскъ
 обратился съ свѣжимъ отрядомъ Плашеянъ на
 упомянутого уже Даписа, разбилъ его, гналъ
 до береговъ моря и овладѣлъ семью военными
 кораблями. Одно бѣгство могло спасти Пер-
 совъ; они бросались въ беспорядкѣ на суда
 свои; все поле ушло было сокровищами бро-
 шенными; весь гупь къ морю покрытъ шру-
 пами и омоченъ кровію Персовъ. Греки между
 низложенными врагами нашли и Иппія—шѣмъ
 вожденіе было поржесство ихъ; въ сей пад-
 шей жертвѣ они усмапривали месць боговъ
 карающихъ незаконное честолюбіе.

Немедленно по окончаніи бою одинъ воинъ, покрытый ранами и обогранный кровію собственною и враговъ своихъ, спѣшилъ въ Аѳины, дабы прежде всѣхъ возвѣстивъ о побѣдѣ своимъ согражданамъ. Съ чрезвычайною быспрошюю, не оспанавливаясь ни на минушу, пробѣжалъ онъ проспрансво опъ Мараѳона до Аѳинъ, предспалъ предъ Припановъ, и произнесши слова: *торжествуйте — мы восторжествовали* — палъ мерпвъ на землю.

Персы, всё еще сильныя, обратились на корабляхъ вдоль береговъ Аппики въ намѣреніи напасъ на городъ Аѳины, беззаципный; но Мильшіадъ проникнувъ планъ неприятеля оспавиль поле бипвы, и явился предъ Аѳинами въ шо самое время, какъ Персидскіе корабли ложились на якори. Даписъ, видя и здѣсь неуспѣхъ, не смѣя напасъ на врага гошоваго опразипъ его, опплылъ съ спыдомъ на челъ и съ злобою въ сердць обрашно къ берегамъ Азіи.

Греки шоржеспвовали побѣду. Побѣда Мараѳонская еспъ блиспашельнѣйшее начало пѣхъ великихъ, испинно геройскихъ подвиговъ, кошорые увѣковѣчили имя Грековъ въ послѣдствіи, и кошорые безъ сей побѣды никогда не

были бы совершены. Здѣсь на поляхъ Мараѳонскихъ, Персы узнали въ первый разъ, koliko нравственныхъ силы выше физическихъ огромныхъ, но не одушевленныхъ ничѣмъ; здѣсь узнали они, какъ безконечно опличенъ отъ нихъ народъ, руководимый не страхомъ, не алчностью добычи, но спрасный къ слаѣ и независимости. Греки любили опечество, законы, своихъ Боговъ; Персы не имѣли общаго опечества, сражались не изъ повиновения законамъ, а изъ страха къ своимъ жестокимъ Сапрапамъ; и Греки возторжесивовали, а Персы поражены и разсыаны! Ежелибы сраженіе Мараѳонское было проиграно, Греція погиблабы. Надъ Европою опягошѣлъ бы восточный деспотизмъ, и народы погрузилисьбы въ усыпленіе на цѣлые вѣки. Въ битвѣ Мараѳонской каждый изъ Аѳинянъ явилъ собою Героя; но при всемъ неколебимомъ мужествѣ своемъ они изнемоглибы безъ великаго Мильпіада. Геній сего полководца одолѣвъ всѣ препяшствія изхипилъ изъ рукъ Персовъ побѣду—онъ естъ первый и главный виновникъ славы Аѳинскаго народа.

День спустя послѣ сраженія прибыли Спаршанцы въ Ашпику. Можно вообразить себѣ негодование и сожалѣніе народа храбраго за

упущеніе такого благоприятнаго случая увѣнчашъ себя лаврами побѣдными. Съ благоговѣніемъ осмошрѣли они поле бранное, еще покрытое шѣлами убитыхъ непріятелей; съ удивленіемъ говорили о великомъ подвигѣ Аѳинянь, и съ прискорбіемъ, можетъ быть съ тайною завистію, возвратились въ отечество, осыпавъ похвалами и рукоплесканіями порожеспвующихъ своихъ соперниковъ.

Аѳиняне на мѣстѣ битвы воздвигли простыя памятники падшимъ своимъ согражданамъ; искусные того времени живописцы изобразили все дѣйствіе сраженія въ картинахъ, развѣшенныхъ въ портикахъ Аѳинскихъ. На сихъ картинахъ изображенъ Мильпіадъ съ жезломъ военачальническимъ напередѣ всего воинства Греческаго. Въ виду Мараѳона поставили Аѳиняне изображеніе Немезиды, изваянное изъ того мрамора, который привезли съ собою Персы для сооруженія въ Греціи себѣ памятниковъ въ честь побѣдъ, ими чянныхъ.

Несчастія и кончина Мильпіада.

Величіе и слава Мильпіада спяжали ему уваженіе цѣлой Греціи, но вмѣстѣ съ шѣмъ воздвигли противъ него и сонмы завистниковъ

и враговъ. Общая доля всѣхъ великихъ мужей во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ, подѣ республиканскимъ образомъ правленія соспоющихся! Превосходство его паланповъ и любовь народная къ нему дѣлали его опаснымъ въ государствѣ, коего основаніемъ было равенство гражданъ. Пропивники Мильпіада ожидали только предлога къ низложенію его съ той высоты, на копорую поставили его великій умъ и заслуги опечеству—и сей предлогъ скоро представился: Аеиняне злобствовали на оспровилянъ, склонившихся на сторону Персовъ во время нашеспвія ихъ на Грецію. Мильпіаду поручено было, въ опмщеніе за шаковую измѣну, обложитъ ихъ денежною пенею и подвергнуть зависимости или совершенному владычеству Аеинской республики. Жители острова Пароса упорно и счастливо защищались противъ Аеинлянъ; упесиспые берега сего острова, воздвигнутыя укрѣпленія и опчаянная храбрость обитателей уничтожили покушенія Мильпіада; раненный въ бою съ сими оспровилянами, безъ желаннаго успѣха, онъ принужденъ былъ снять осаду и возвратиться въ Аеины. Сія неудача изгладилла изъ памяти Аеинянъ всѣ прежнія заслуги Мильпіада; онъ былъ обви-

нень врагами, (самымъ злобнѣйшимъ между ними былъ Ксанпппъ, глава Алкмеонидовъ), позванъ на судъ, и преданъ люшости легкомысленнаго, неблагодарнаго и высокоумнаго народа. Мильпиадъ, на одрѣ болезненномъ спрдавшій опъ раны, принесенъ въ судъ на носилкахъ; краснорѣчїе Тисагора, его брапа, и любовь къ нему друзей его, благороднѣйшихъ гражданъ, упорно его защищавшихъ, спасли его опъ смершнаго приговора; по рѣшенію суда онъ долженспвовалъ заплапипъ 50 паланшовъ денежной пени (а); за несоспояпельность его приговорили къ шоремному заключенію. Опъ ранъ, полученныхъ на службѣ опечества, а болѣе опъ ранъ душевныхъ, скоро скончался Мильпиадъ, побѣдипель Мараѳонскій, спасипель Аѳинъ и Греци, — великая жерпва республиканской ревности! Аѳиняне спрашились видѣшь въ немъ впораго Пизиспрапа. Пламя злобы не попухло и по его кончинѣ; съ недоспойною спрогоспїю взыскали пеню съ семейства Мильпиадова. Кимонъ, сынъ героя, внесъ пребуемую сумму въ общеспвенную казну. Мешіохъ, спаршій сынъ Мильпиада, по-

(а) 250,000 рублей — одинъ паланшъ содержалъ 5000 рублей на наши деньги.

павшійся въ плѣнь Персамъ, былъ осыпанъ богашствами и милостями Дарія Испаспа. Царь народа чуждаго былъ великодушнѣе Аѳинянь, лучше умѣлъ уважать величіе и въ своихъ врагахъ. Смерть Мильпіада есть вѣчный укоръ Аѳинскому народу.

Өемиспокль.

По кончинѣ Мильпіада Ариспидъ и Өемиспокль содѣлались вождями народа Аѳинскаго. Өемистокль, сынъ Неоклеса, гражданинъ незнашнаго рода, предопредѣленъ былъ, казалось, природою къ великому, необыкновенному. Онъ будетъ красою, или поношеніемъ опечестива, благословеніе или проклятіе неба низведешъ онъ на Аѳины — шакъ говорили объ немъ еще въ нѣжной его юности. Юныя лѣта его были пощеряны и для него, и для республики; увлекаемый порывами страстей буйныхъ и пламенныхъ онъ падалъ изъ одной бездны развращенія въ другую, предавался всѣмъ порокамъ въ кругу друзей, ему подобныхъ, сполькоже легкомысленныхъ и безнравственныхъ. Но душа его, усыпленная на лонѣ развраща, пробуждена была громкою, повсемстпенною молвою о шоржествѣ Мараѳонскомъ и о величїи дѣлъ

Мильпіадовыхъ. Трофеи Мильпіадовы лишили его сна и спокойствія; часпо цѣлыя noci опть зари вечерней до ушренной блуждалъ онъ одинъ съ своими думами по площади народной; онъ измѣнился совершенно, и испоргшись изъ круга шумнаго друзей своихъ явился въ бурныя собранія народа Аѣинскаго; дѣла Государспвенныя содѣлались единымъ предметомъ его размышлений и занятій. Рожденный съ душею пылкою, одаренный умомъ всеобъемлющимъ, пвердый въ сужденіяхъ, предусмотрительный, быспрый, рѣшительный, богатый идеями, и непреклонный въ характерѣ Темиспокль скоро зашмилъ собою всѣхъ; силою словъ своихъ и необыкновеннымъ краснорѣчіемъ онъ увлекъ вниманіе всеобщее; двигая по своему произволу массою народа онъ низпровергъ паршію Ариспокрашовъ, ушвердилъ въ Аѣинахъ Демокрашію, и содѣлался идоломъ многочисленнаго класса бѣдныхъ гражданъ. Все покорспвовало Темиспоклу; одинъ шолько Ариспидъ, по роду и по характеру своему наклонный болѣе къ правленію Ариспокрашическому, пропивождѣспвовалъ ему; они двое дѣлили республику на двѣ спороны — и оба равно были опасны для спокойствія оной: Темиспокль своимъ често-

любѣемъ, а Ариспидъ высокоспію своихъ добродѣтелей. Одному неминуемо надлежало пасть. Умомъ и происками своими возбудилъ Θεμισпокль многихъ враговъ прошивъ Ариспида, копорый по приговору 6000 гражданъ осужденъ оспракизмомъ на десятилѣтнее изгнаніе (486 л. до Р. Х.). Тщю справедливаго, заслуженное Ариспидомъ было причиною его ссылки. „Молю Боговъ, говорилъ Ариспидъ осшавляя неблагодарное, но пламенно любимое имъ опечесиво свое, чшобы они не довели Аѳинянь до необходимости, вспомнишь когда либо объ Ариспидѣ.“

Изгнаніе Ариспида будетъ вѣчнымъ пятномъ для Θεμισпокла. Какъ будто сознавая самъ свою несправедливосшь и желая загладить ее великими заслугами опечесиву шѣмъ болѣе старался онъ о благѣ согражданъ и о безопасности республики. Онъ удосповѣренъ былъ, чшо сраженіе Мараѳонское не конецъ, а начало полько еще ужаснѣйшей войны, и поэтому предложилъ своимъ согражданамъ, чшобы все серебро, получаемое изъ горы Лавріи, и раздѣлявшееся доселѣ между Аѳинянами, было обращено на поспроеніе кораблей для защиты республики. Предложеніе приняшо—флотъ со-

оружень, и ввѣренъ его управленію.Themistocles всего себя посвятилъ дѣламъ республики и попеченію объ ея спасеніи придумывая всѣ возможные средства къ опивденію пучи, гонимой разразившейся надъ Греціею; важнымъ дѣломъ считалъ онъ направить Грековъ къ единой цѣли, попустивъ злобу, издавна питаемую взаимно различными городами и племенами Греческими, и поселить въ нихъ чувства согласія. Островъ Эгина, вѣчно враждовавшій противъ Аѣинъ, содѣйствіемъ Themistocles примирился съ Аѣинскою республикою и корабли свои присоединилъ къ ея флоту. Аркадія, Коринѣ, Сикіонъ, Трезена и мн. другія области и города послѣдовали примѣру Эгины, и самымъ тѣснымъ союзомъ сопрягли судьбу свою съ судьбою Аѣинянъ. Но большая часть областей не понимали предостерегательныхъ убѣжденій Themistocles, или въ слѣпотѣ своей не хотѣли понимать ихъ, и упорствовали въ преступныхъ своихъ распряхъ.

Походъ Ксеркса на Грецію.

Предчувствія Themistocles были необманчивы. Дарій Испаспъ, раздраженный поражениемъ

безславнымъ его арміи, ополчалъ всю Азію ко вторичному походу для отмщенія Грекамъ. Среди сихъ пригоповленій, продолжавшихся цѣлые чепыре года, Дарій застигнувъ смершю. Пресполь dospался юному сыну его, Ксерксу (485—465 л. до Р. X.), наслѣдовавшему вмѣстѣ съ короною самую люшую злобу и ненависть къ Грекамъ. Онъ считалъ обязанностію священною для себя, омыть спыдъ опца своего и загладитъ поношеніе, Персамъ нанесенное на полѣ Мараѳонскомъ. По его мановенію, все его обширное царство пришло въ движеніе; опъ крайнихъ концовъ тогдашней вселенной—опъ Скиѳии до Эфіопии и опъ Индіи до Фракіи и Ливии,—спеклись 29 народовъ, бѣлые и черные, полунагіе, въ лвыныхъ кожахъ, въ богашоубранныхъ одеждахъ, покрытые мепальными бронями, въ разнообразнѣйшихъ вооруженіяхъ, пѣше и конные, въ колесницахъ и на верблюдахъ—единственное, чудеснѣйшее зрѣлище! двинулась за 480 л. до Р. X. армія, коей не видѣлъ свѣтъ подобной ни прежде, ни послѣ Ксеркса. По мѣрѣ шествія своего она увеличивалась болѣе и болѣе подобно снѣжной лавинѣ, капящейся съ высоты горъ, и при паденіи своемъ возрастающей

въ своемъ объемѣ и тяжести. Семь дней и семь ночей тянулось воинство Персидское изъ Азіи въ Европу чрезъ Геллеспоншъ по мосту, построенному изъ судовъ, вмѣстѣ сплоченныхъ на пространствѣ около полуверсты отъ Абидоса до Сеста.

Сколь неизчислимо войско сухопутное, споль же грозны и ужасны были силы Персовъ на морѣ. Всѣ гавани моря Средиземнаго, въ Египтѣ, Сиріи, Киликіи и Іоніи слали по волѣ Царя огромныя флоты къ берегамъ Геллеспонца. Во Фракіи долженствовало соединиться оба ополченія, и сухопутное, и морское. Здѣсь въ окрестностяхъ города Дориска по берегамъ рѣки Гебра расположилъ Ксерксъ свои полчища и съ гордостію обозрѣвалъ необозримыя строи свои. Пѣхопа Ксеркса числомъ простиралась до 1,700,000; конница по самому малому и не совсемъ вѣроятному счету имѣла 100,000 человекъ; въ Европѣ присоединилъ онъ къ себѣ Македонянъ и Фракіянъ числомъ до 300,000 воиновъ; на флотѣ его считалось болѣе 500,000 воинства, слѣдственно всѣ военныя дѣйствующія силы Ксеркса простирались свыше двухъ съ половиною милліоновъ душъ; ежели мы присоединимъ къ сему людей, сославляв-

шихъ свипу Царскую и упошребленныхъ на разныя пошребности при арміи; по безошчно сказашъ можно, что болѣ пяти милліоновъ (по свидѣтельствѣ Иродота 5,283,220 человекъ) населенія Персидскаго подвиглось для пошранія Греціи и для наводненія Европы всей до самыхъ западныхъ ея предѣловъ. Вся сія масса медленно двигалась вдоль береговъ моря Эгейскаго чрезъ Фракію и Македонію въ Фессалію; флотъ, состоявшій изъ 1200 большихъ судовъ о шрехъ рядахъ весель и изъ 3000 судовъ перевозныхъ, слѣдовалъ за арміею до горы Аеонской; чшобы предохранить оный ошъ разрушенія, какое испышалъ при сей горѣ Мардоній за 12 лѣтъ предъ симъ, и чшобы обезпечить проходъ кораблей Ксерксъ повелѣлъ прокопать перешеекъ, на кошоромъ находилась гора Аеонская; большое число войска упошреблено было для сей работы, и въ непродолжительномъ времени ископанъ каналъ поперегъ всего перешейка. Царъ имѣлъ удовольствіе смощрѣть на корабли свои, проходящіе по два въ рядъ по сему единшвенному въ мірѣ каналу. Ксерксъ одолѣвалъ всемогущую природу—могъ ли онъ не бытъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ Греками, врагами немощными и малочисленными? И флотъ,

и армія Персидскіе спояли уже предъ врагами Греціи, по берегамъ Македоніи.

Въ сіе грозное для Грековъ время духъ раздора и несогласія не преспававль владычествовать на всемъ пространствѣ Греціи. Большая часть Греческихъ племенъ считали прошивоборствіе Персамъ дѣломъ опчаяннымъ и не возможнымъ. Арголида объявила себя неуспральною, Фивы умоляли Ксеркса о покровительствѣ, Крипъ по изрѣченію Оракула осудилъ себя на пресупное бездѣйствіе; Корцира вооружила флотъ для подкрѣпленія побѣдителей; Гелонъ, Царь Сиракузскій, не удовлетворенный въ честолюбивыхъ своихъ требованіяхъ, отвергъ моленія Грековъ и оставилъ ихъ безъ помощи; Эссалійцы смирились предъ Персами; Спартанцы, ослабленные неисповымъ Царемъ Клеоменомъ, не задолго предъ симъ скончавшимся, и тревожимые высокоумріемъ Леопихида, не думали ни о чемъ болѣе, какъ полько объ укрѣпленіи Коринскаго перешейка. Аѣннѣе полько не хотѣли склониться подъ иго; они одни дѣйствовали во время всеобщаго бездѣйствія, они одни казались беспрашными тогда, какъ вся Греція объяшая ужасомъ видѣла близкій конецъ своего бытія и свободы. Семи-

спокль былъ душою Аѳинскаго народа; полный надеждъ и упованія на покровишельство Боговъ онъ вливалъ мужество въ своихъ согражданъ. Аѳиняне, по его совѣту, послали въ Дельфы спросить оракула о будущей судьбѣ Греціи и о средствахъ къ ея спасенію., Все погибло, вѣщала Пифія, пророчествуя сами Боги, покровители Аѳинъ, пламенно зываютъ Аѳина (Паллада) къ Зевесу: только въ деревянныхъ стѣнахъ опещь Боговъ и челоуѳковъ даруетъ вамъ спасеніе., Сей отвѣтъ Пифіи вѣроятно внушенъ былъ ей Ѳемиспокломъ. Деревяныя стѣны сіи суть корабли, говорилъ Ѳемиспоклъ, а не деревянные укрѣпленія, коими обнесенъ былъ городъ, вопреки мнѣнію другихъ гражданъ. Рѣшились, по наспоянію Ѳемиспокла, оставить городъ, перебраться на флотъ, увеличивъ число кораблей, и соединившись съ союзниками Аѳинскими рѣшили судьбу Греціи сраженіемъ на морѣ.

Леонидъ при Ѳермопилахъ.

Между тѣмъ Ксерксъ давъ роздыхъ своимъ войскамъ направилъ къ южнымъ границамъ Ѳессаліи, отдѣляющейся отъ Локриды отрогами горы Эпы. Цвѣтущія долины Ѳессаліи заплены были арміями Царя Персидскаго.

Греческія племена, увлеченныя наконецъ примѣромъ Аѳинянь, собрались на Коринѣскомъ перешейкѣ для совокупнаго соглашенія о мѣрахъ къ отвращенію опасности. По рѣшенію собранія *Леонидъ*, Царь Спартанскій, преемникъ *Клеомена* долженъ спововалъ иппи съ дружиною, ему ввѣренною, для занятія узкихъ проходовъ горныхъ, находящихся у береговъ моря между Локридою и *Фессалиею*. *Леонидъ*, величайшій изъ всѣхъ Спартанскихъ Героевъ, преданный отечеству, покорный законамъ, превъше всего поспавлявшій свободу и національную независимость, рѣшился искупить собою Грецію отъ ига неволи. Съ 500 послушныхъ ему Спартанцевъ, гоповыхъ умереть, оставилъ онъ отечественный городъ свой, проспившись навѣки съ супругою, съ *Эфорами*, со всѣми гражданами; во время шествія его чрезъ *Пелопонесъ* и *Элладу* присоединялись къ нему вспомогательные легіоны Греческіе, такъ что онъ насчиталъ у себя до 7000 ратниковъ тогда, какъ достигъ узкаго прохода *Фермопильскаго*, лежащаго между горою *Эпюю* и моремъ при переходѣ изъ *Фессалии* въ *Локриду*. *Фермопилы* образують прекраснѣйшій, можетъ быть, единственныи въ свѣтѣ пунктъ военный, въ кошоромъ горсть

людей въ состояніи оспановишь многочисленнѣйшее войско неприятельское. Здѣсь оспановился Леонидъ, надѣясь или преградишь путь Персамъ въ Элладу, или спяжашь себѣ безсмертную славу геройскою смертію. Положеніе Фермопиль важно еще и потому, что близъ сего прохода находились безопасныя для Греческаго флота рейды и позиціи, въ коихъ не многіе въ числѣ корабли Греческіе могутъ съ выгодою состязаться въ бою съ флотомъ Персидскимъ гораздо огромнѣйшимъ; для того вмѣстѣ съ отправленіемъ Леонида къ Фермопильскому проходу отправили Греки большую часть своего флота на сѣверные берега Эвбей въ гавань Артемизию.

Леонидъ съ своимъ священнымъ сонмомъ воиновъ—Героевъ занялъ самый проходъ—Фермопиль; Ксерксъ расположился съ своею арміею нѣсколько къ сѣверозападу между рѣками Фениксомъ и Азопомъ; городъ Трахисъ былъ главною квартирою Царя. Отсюда отправляетъ онъ Герольдовъ къ Леониду съ пребываніемъ покорности и сдачи прохода, обѣщая ему за то власнищельство надъ Греціею. „Я лучше желаю умереть за опечесство, нежели поработишь оное,“ отвѣчалъ Леонидъ посланному

Ксеркса. „Войско Персидское столь велико и многочисленно, что своими стрѣлами можешь зашмишь свѣтъ солнечный—говорили Спарпанцамъ; тѣмъ лучше, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, мы будемъ сражаться въ тѣни.„ Ксерксъ шлепъ грозное повелѣнiе Спарпанцамъ, сдатьсь и отдать ему оружiя. „Приди и возми.„ сказалъ Леонидъ съ свойственнымъ ему лаконизмомъ. Ксерксъ раздраженный дерзновенiемъ Леонида опрягаетъ сильное войско противъ Грековъ—произошелъ бой кровопролитнѣйшiй; Греки спояли неколебимо прикрытые скалами; Персы, непрерывно перемѣнявшiеся, дѣлавшiе многократные упорнѣйшiе напiski, были опражаемы съ великимъ урономъ, и изумленные геройствомъ Грековъ обратились въ бѣгство.

Ксерксъ опчаявался овладѣть узкимъ проходомъ и проникнуть въ Элладу. Гордая душа его волновалась отъ мучительнѣйшихъ чувствованiй униженiя, безсилiя и стыда. Ни одинъ изъ вождей Персидскихъ не могъ облегчить спраданiй своего Государя, ниже придумать средствъ къ одолѣнiю преграды, казавшейся непреоборимою. Одинъ Грекъ, не достойный сего имени открываетъ Ксерксу, къ несказанному его воспоргу, узкую тропу чрезъ

горы, по которой Персы могутъ зайти въ пыль Леониду. Многочисленный опрядъ воиновъ Персидскихъ отправленъ былъ подь предводительствомъ *Гидарна* для слѣдованія по сему новооткрытому пути во внутренность Эллады. Сей путь, также довольно затруднительный, ведетъ чрезъ гору Анопею на югозападъ опъ *Өермопиль*; Гидарнъ счастливо перешелъ гору сію и спустился въ равнину, по которой онъ скоро достигъ лагеря Леонида. Леонидъ, извѣщенный заранѣе объ измѣнѣ *Эфиальта* (такъ назывался Грекъ пугеуказатель) и объ опасности неотвратимой, опустили всѣхъ своихъ союзниковъ, увѣщавая ихъ беречь себя и свою храбрость для временъ благоприятнѣйшихъ. При немъ остались 700 *Өеспійцовъ*, 400 *Өиванцовъ* и 300 *Спаршанцовъ*. Онъ видѣлъ, что далѣе держаться ему на своемъ постѣ уже не возможно, и потому объявивъ о томъ своимъ храбымъ сподвижникамъ онъ гошовидся къ бою на смерть. Изгошовивъ пршество онъ созвалъ собратій своихъ — „опобѣдаемъ здѣсь весело, друзья, говорилъ Герой Спаршанскій, а ужинашь будемъ у Плутона.“ При наступленіи ночи Леонидъ снялъ шапры свои, оставилъ *Өермопилы*, ринулся спремшельно

въ долину, гдѣ разкинуты были сѣвки Персовъ и Ксеркса. Воины Леонида, воспламененные примѣромъ великаго вождя своего, проникнутые свяностію своего начинанія; разсѣваясь по лагерю, усипремяются къ шатру Ксеркса въ намѣреніи умеривши пиранна; на пуни своемъ они поражаютъ тысячи Персовъ, смущенныхъ нечаяностію, вообразившихъ, что вся Греческая армія предъ ними; въ замѣшательствѣ Персы поражаютъ другъ друга не могли различать своихъ отъ непріятелей; многіе загнаные къ берегамъ моря погибаютъ въ волнахъ онаго. Ксерксъ, воспріянувши отъ безпечнаго, сладкаго сна, спрашася мысли попася въ руки враговъ, бѣжалъ въ пылъ распроенной своей арміи; всю ночь продолжалася смертоносная сѣча; 20,000 Персовъ пало отъ мечей враговъ ими невидимыхъ — палъ наконецъ и Леонидъ предъ разсвѣтомъ дня, тогда, какъ Персы могли видѣть малочисленность своиъ непріятелей. Горсть воиновъ поражала тысячную армію! — Персы разсвирѣбли, успремились со всѣхъ сторонъ на храбрыхъ Спартацевъ, все еще продолжавшихъ отчаянный бой въ опмщеніе за падшаго вождя своего. Они сражались до полъ, пока не осталось ни еди-

наго воина изъ священной ихъ дружины. И Эеспійцы не пережили своихъ друзей — Спартанцевъ; и они съ радостию приняли смерть отъ рукъ Персовъ, увлеченные примѣромъ чудесной доблести Леонида и его воиновъ. Эиванцыже въ началѣ битвы положили оружіе, и перешли на сторону Персовъ; они находились подъ знаменами Леонида по принужденію. Позоръ, а не слава, должны были доспоянѣмъ Эиванцевъ. Имена всѣхъ прехъ сошъ Спартанцевъ долго сохранялись въ памяти Грековъ; воспоминаніе о нихъ и объ ихъ подвигѣ священо для всѣхъ народовъ; съ благоговѣніемъ произносили Греки великое имя Леонида; удивленіе его геройству естъ должная дань, приносимая ему самымъ отдаленнѣйшимъ попомощвомъ. Мьспа, окропленная кровію Леонида и его дружины, производящъ еще и нынѣ магическое дѣйствіе надъ воображеніемъ народовъ; и нынѣшніе Греки, чая видѣшь надъ собою параяція пѣни сихъ Героевъ древности, грозныхъ бичей деспотизма, съ опвагою устремляющся на своихъ ушѣсншелей и поборають ихъ.

Два воина изъ дружины Леонидовой, отшправленные по волѣ Царя своего въ окрестныя

спраны для исполненія его порученій, не участвовали въ бою, и уцѣлѣли отъ пораженія—они возвѣстили Греціи о паденіи своихъ собратій и о погибели великаго Леонида. Спартанцы подозрѣвали ихъ въ малодушіи и прусоспи; полагая, что они съ намѣреніемъ избѣгли сраженія, республика осудила ихъ на позоръ и поношеніе; они объявлены безчестными. *Пантитъ* и *Аристодемъ* (такъ назывались они) спрадали отъ несправедливаго своихъ согражданъ негодованія; первый предпочипая смерть безчестію умеривилъ самъ себя; второйже рѣшился дѣломъ знаменитымъ омытъ спыдъ и снова заслужитъ права гражданства и уваженіе. Явивъ чудеса храбрости въ сраженіи Платейскомъ онъ былъ убитъ—сограждане съ любовію воспоминали объ Аристодемѣ.

На мѣстѣ, прославленномъ безсмертнымъ подвигомъ Леонида и его дружины, Греки воздвигли послѣ не пышный памятникъ, на коемъ, въ насравленіе попомспву, написаны были имена всѣхъ падшихъ Героевъ, и вырѣзана просная надпись: „прохожій! поди возвѣспи Спартѣ, что мы лежимъ здѣсь изъ повиновенія ся законамъ.“

Опустошеніе Эллады и разрушеніе Аѳинъ.

Ксерксъ, завладѣвши Фермопилами, могъ безпрепятственно начать свое шествіе во внутренность Эллады. Аѳины, городъ для него ненавистный, были первою мѣстою, куда устремлялъ онъ свои намѣренія. Руководимый Тессалійцами, которые по паденіи Леонида склонились все подъ скипетръ Царя Персидскаго, Ксерксъ повелъ свои вооруженные милліоны; пламя и опустошеніе знаменовали путь его; Віотія, Локрида и Дорида завоеваны; жители сихъ областей присоединились къ сонму полчищъ Персидскихъ; только Фокида и два города въ Віотіи, Теспія и Платея, пребыли вѣрными союзу Греческому, и гнушались рабодѣствовати и покориться варварамъ. Спрашннй отрядъ Персовъ потянулся къ Дельфамъ, овладѣвъ сокровищами храма и Оракула Дельфійскаго; жители Дельфъ объятые страхомъ бѣжали изъ стѣнъ своего города; въ ущеліяхъ Парнасса, подъ кровомъ свѣшныни и подъ защитою своихъ Боговъ, чаяли они себя спасенія и сперегли враговъ своихъ. Хитрость жрецовъ, какъ будто вдохновенная храбрость Дельфійцевъ и успешное,

неприспунное положеніе спраны преградили шестивіе Персовъ и разрушили всѣ ихъ покушенія къ овладѣнію города и храма. Персы обращены въ бѣгство — Греки споржеспвовали чудесное освобожденіе Дельфъ и неприкосновенность Оракула. Казалось Грекамъ, что сами Боги покровительспвуютъ имъ, ополчаются прошивъ неприятелей. Могли ли они послѣ сего опчаяваться объ опечеспвѣ, могли ли не надѣяться побѣды и полнаго споржеспва надъ Персами? Между тѣмъ Ксерксъ съ главною своею силою прошедши всю Віотію безъ сопротивленія, предавши пламени пуспые, оставленные жителями города Теспію и Плашею, приближался къ Аѣинамъ смопря съ досадою на безлюдіе Аптики, на зашворенные храмы, и на селенія, покинутыя обитателями. Мершвая пишина царспвовала въ окрестностяхъ города, нѣкогда шумнаго и мяшежнаго. Аѣины оставлены были подъ покровительспво Паллады; дѣши, жены и спарцы опвезены для безопасности на оспрова Саламинъ и Эгину, и въ городъ Трезену въ Арголідъ; всѣ способные носить оружіе удалялись на корабли. Въ Аѣинахъ оставались только жрецы Паллады и нѣсколько гражданъ, полагавшихъ, что спасеніе

объщанное Богами найдуть они въ деревянныхъ снѣнахъ города. Они заключились въ крѣпости, и при нападении Персовъ защищались отчаянно въ продолженіи трехъ дней; приснупомъ всяша наконецъ крѣпость, жители умерщвлены безъ милосердія и городъ преданъ на разграбленіе и сожженъ до основанія. Не спало Афинъ, знамениаго града Тезеева!— Множество памятниковъ, украшавшихъ Афины, между коими примѣчательнѣйшими были статуи Аристоклисона и Армодія, отправилъ Ксерксъ въ Сузу, какъ свидѣтельство шоржества своего надъ Греками.

Сраженіе при Артемизіи.

Въ это время, какъ сухопутная армія Персовъ прошедши Фессалию достигла Фермопиль, флотъ Ксерксовъ снявшись изъ залива Фермайсго опплыль отъ береговъ Македоніи и направлялся къ острову Эвбей; но на семь плаванія Персидскіе корабли застигнуты были ужасною бурей, которая разрушила до 400 судовъ и причинила чрезвычайную потерю въ людяхъ и въ военныхъ снарядахъ. О скалы мыса Сепіасъ и горы Пеліона дробился флотъ Персидскій и угрожаемъ былъ конемъ.

нымъ разрушеніемъ. Спасшіеся опть крушенія корабли укрылись въ заливъ Пеласгійскій на супротивъ сѣверныхъ береговъ оспрова Эвбея. Греки споявшіе на семь островъ при Артемизіи принесли благодарныя жертвы Посейдону и Борею, коимъ они приписывали несчастіе, поперпѣнное Персами. Персидскій флотъ, опправившись опть попереъ своихъ, выпунилъ изъ залива и спалъ на высоту Эвбеи близъ флота Греческаго. Греки наблюдали за всѣми движеніями непріятели, часто перевозили корабли ихъ и наконецъ вынудили къ бою. Началась битва жестокая и съ той, и съ другой стороны. Многочисленные корабли Персидскіе пѣснили другъ друга; пространство было узко для свободнаго движенія оныхъ; скоро они пришли въ расстройство; разноплеменность народовъ, соспавлявшихъ морское ополченіе Персидское, большею частію не опытныхъ въ мореходномъ искусствѣ, довершила поражение. Персы послѣ великой траты въ корабляхъ и въ людяхъ опспунили; Греки удержали постъ свой и по справедливости гордились побѣдою. Артемизское морское сраженіе было первымъ удачнымъ опытомъ и школою, въ копорой Греческіе полководцы развили свои таланты

для борьбы съ Персами на влажной равнинѣ моря. Здѣсь Греки научились не спрашиваться многочислія силъ непріятельскихъ на морѣ, и не уважать ихъ дикимъ крикомъ, съ кошорымъ Персы начинали битву; здѣсь Греки положили, по словамъ Пиндара, блестящее начало политической своей свободы и военной славы. Сія битва, ободрившая мужество Грековъ и одушевившая ихъ новыми надеждами, произошла почти въ одно время съ битвою Фермопильскою.

Греки при Саламинѣ.

Греки, услышавъ о славномъ паденіи дружины Спартакской и о вѣрженіи Ксеркса въ Аппику, немедленно снялись отъ Артемизіи и обошедши всю Эвбею и Аппику мимо мыса Суннійскаго остановились въ проливѣ Саламинскомъ. Здѣсь Греческіе военачальники разсуждали о мѣрахъ спасенія остальной части Греціи; Аппика, говорили они, и вся Эллада уже завоевана и въ рукахъ Ксеркса; и потому большая часть вождей настояли на томъ, чтобы со всемъ флотомъ обратиться въ заливъ къ перешейку Коринтскому и охранять Пелопонесъ отъ вѣрженія непріятели. На

семь перешейкъ собрались и войска сухопутныя всѣхъ жителей Пелопонеса подъ предводительствомъ Клеомвроса, брата Леонидова. Они хопѣли засѣсть между горою Гераниенскою и утесомъ Скирронскимъ, гдѣ проходила единственная дорога изъ Аппики въ Пелопонесъ. Ущелія Скирронскія должныствовали содѣлаться впорыми Ермопилами. Сии мѣры съ перваго взгляда кажутся дѣйствительными и надежными — армія и флотъ сосредоточены будутъ въ одномъ пунктѣ, — ничего не могло бытъ, по видимому, благоразумнѣе сего распоряженія.

Но не утесы и ущелія горъ могли защитить Грековъ, а ихъ мужество одно и искусство; не для спасенія Пелопонеса только должны были сражаться Греки, а для спасенія свободы и національности своей. Избраніе позиціи въ заливѣ Сароническомъ не сохранилобы Пелопонеса, и погубилобы независимость и свободу Греціи; въ мѣстѣ, столь широкомъ и открытомъ, каковъ сей заливъ, Персы своими безчисленными кораблями обошлибы свободно со всѣхъ сторонъ малый флотъ Греческій — и Греки изнемоглибы несомнѣнно. Темиспоклъ, одинъ изъ всѣхъ Грековъ на флотѣ, пости-

галъ всѣ неудобства и опасности удаленія кораблей къ перешейку Коринѳскому. „Настоящее положеніе флота при Саламинѣ есть самое выгоднѣйшее,“ говорилъ онъ *Эврибиаду*, главноначальствовавшему всѣми морскими соединенными силами Греціи; въ узкомъ проливѣ Саламинскомъ многочисленность кораблей будетъ бесполезна для Персовъ; Греки съ малымъ флотомъ своимъ могутъ возвращаться легко и свободно; напротивъ движенія быспрыя и повороты Персамъ не возможны—они сдавятъ себя сами, и чрезъ то облегчатъ вамъ побѣду.“ *Эврибиадъ*, гордый Спаршанецъ, отвергъ мнѣніе *Θемиспокла* не понимая его,—и раздраженный упорствомъ, настойчивостію и гордымъ тономъ осыпалъ его недостойными ругательскими словами, и въ жару гнѣва своего поднялъ на него свой военачальнической жезлъ. „Бей меня, сказалъ спокойно *Θемиспоклъ*, но только слушай. Если слова мои, внушенные правдою и чистою любовію къ отечеству, не производятъ надъ побою никакого впечатлѣнія, то знай: флотъ Аѳинскій, почти половину всего Греческаго ополченія составляющій, отдѣлился отъ своихъ союзниковъ; я, верховный предводитель онаго, дамъ его на выгодныхъ усло-

віяхъ Персамъ, или повсуду моихъ согражданъ въ чуждыя страны искашь тамъ новаго себѣ опечества. Не благодарная Греція отвергла Аѳинянь, подъявшихъ первую славную брань за свободу и безопасность оной.“ Сіи грозныя слова поразили Эврибіада—слабость безмолвствуешъ предъ величіемъ; невольно склонился онъ, а за нимъ и всѣ другіе вожди, на пребываніе Темистокла: ждашь Персовъ при Саламинѣ. Греки удивленные силою доказательствъ Темистокла, чудясь выпренности ума его и неколебимости характера, провозгласили его, вмѣстѣ съ Эврибіадомъ, верховнымъ повелителемъ всего флота Греческаго. Темистоклъ постигнувъ всю важность своихъ обязанностей, измѣривъ великость опасности, придумывалъ средства къ спасенію погибающей Греціи. Тысячи плановъ шѣснились въ умъ его. Въ сіи поржественныя, но ужасныя минуты для опечества Темистоклъ заглушилъ голосъ самолюбія; не обольщаясь прелестію единовластительства надъ Аѳинянами онъ искалъ себѣ достойнаго сотрудника и совѣтника въ многотрудныхъ занятіяхъ, его бременившихъ; для сего онъ издалъ опредѣленіе, возвративъ Аристиду изъ его започенія, опредѣленіе, пре-

исполнившее радостію всѣхъ Аѳинянъ, давно уже сожалѣвшихъ объ Аристидѣ.

Битва Саламинская. (480 до Р. Х.)

Θемистоклъ, стоя съ флотомъ своимъ въ узкомъ проливѣ Саламинскомъ между Апшикою и островомъ Саламиномъ, сдѣлалъ всѣ распоряженія къ принятію непріятели и къ началію боя. Персы оставивши Артемизию и Эвбею прошли проливомъ, отдѣляющимъ Эвбею отъ Віопіи и Апшики, и обогнувши мысъ Суннійскій вступили въ Фалеры, главную гавань города Аѳинъ. Здѣсь совѣщали Персы о томъ, на морѣ ли или на сухомъ пути прежде должно начать непріятельской дѣйствіи противъ Грековъ. Мнѣнія Персидскихъ военачальниковъ склонились къ дѣйствованію съ моря. Одна *Артемиза*, славная владѣтельница Галикарнасса, сопутствовавшая Ксерксу въ его походѣ, показавшая великій умъ и не обыкновенное мужество во многихъ сраженіяхъ, утверждала противное., Персы, говорила она, властвующіе уже на всемъ пространствѣ Θессаліи и Эллады; Аѳины не существуютъ; войска Греческія разсѣяны, обезсилены и лишены мужества и довѣрія къ вождямъ своимъ. И Пело-

понесъ скоро падеть къ стопамъ Ксеркса. Флотъ Греческій опрѣзанный опъ твердой земли, бѣдный съѣсными припасами, долженъ будетъ самъ собою сдаться, или погибнуть. Поведемъ войска сухопутныя къ перешейку Коринѣскому и оставимъ флотъ нашъ въ покоѣ храня оной для окончательнаго завладѣнія Греціею въ случаѣ разбиія Грековъ на сухомъ пути „ Мысліе мудрое, доказывающее провицательность и глубокія соображенія героини Галикарнаской! Оно опровергнуто — и Ксерксъ не умѣя цѣнить великихъ талантовъ Артемизы и пользоваться совѣтами благоразумія рѣшилъ, по приговору своихъ вождей — царедворцевъ, напасть на флотъ Греческій, расположенный при Саламинѣ.

Фемиспокль радовался въ душѣ своей слышавъ о такомъ намѣреніи Персовъ, но спрашивался только того, чшобъ они не замедлили надолго исполненіемъ онаго. Онъ, подобно Артемизѣ, видѣлъ ясно, чшо все зависить опъ скорѣйшаго рѣшенія судьбы Грековъ, и чшо Греческой флотъ долго въ бездѣйствіи оставаться не долженъ и не можетъ; ибо кромѣ недоспапка въ жизненныхъ припасахъ во флотѣ могутъ снова возникнуть разномысліе и

вражды, и Греки по непоспоянству своему захопяишь оставишь несравненную позицію свою при Саламинѣ. Дабы отвратишь шаковую опасносшь и побудишь Персовъ къ начашію сраженіа, Темиспоклъ съ намѣреніемъ распроспранилъ слухи, доспигшіа и до ушей Ксеркса, будпо бы Греки успрашенныя огромными силами Персовъ и не надѣясь болѣе на счаспіе думающъ искашь спасенія своего въ бѣгствѣ и ожидающъ только благопріашнаго вѣпра къ отпльщію въ спраны опдаленныа. Ксерксъ повѣривъ симъ слухамъ немедленно далъ повелѣніе заняшь всѣ выходы изъ пролива и гоповишься къ бою. Флотъ Персидскій посспроился въ видѣ полукружіа опъ воспчнаго края острова Саламина вдоль пролива до Аѣинской гавани Мунихіа; на лѣвомъ крылѣ находились лучшіе, отборнѣйшіе корабли Финикійскіе, вооруженные искуснѣйшими гребцами и кормчими; на правомъ крылѣ спояли Іоняне и другіе Малоазійскіе Греки, веденные Ксерксомъ на бипву по принужденію, и сражавшіеся подъ его знаменами только изъ спраха; все ополченіе Персовъ состояло изъ 1000 кораблей. Греки стояли насупротивъ Персовъ обращенные лицомъ опъ

сѣверозапада къ юговостоку; на правомъ крылѣ расположены были корабли Аѳинянъ и ихъ союзниковъ — *Θεμιστοκλῆς* предводилъ ими; лѣвое крыло составляли корабли Спаршанцевъ и ихъ союзниковъ подъ управленіемъ *Эврибіада*; число всѣхъ Греческихъ кораблей простигалось до 380, изъ коихъ одни Аѳиняне вооружили 180 самыхъ превосходнѣйшихъ судовъ. Въ пылу у себя Греки имѣли *Элевзисъ*, священный для нихъ своими таинствами; предъ собою видѣли они дымившіяся еще развалины Аѳинъ—какіе великіе предметы! И сколько побужденій къ мужественной борьбѣ съ врагами! Персы видѣли впереди себя на крупомъ берегу *Апшики* воздвигнутый великолѣпный проръ Царя своего; въ его вѣтрахъ написана была жестокая казнь всѣмъ малодушнымъ—но можетъ ли спрахъ вплишь храбрость въ воиновъ и воодушевить ихъ желаніемъ побѣды? Назадъ Персовъ или между самыми спроями ихъ кораблей лежалъ маленькой островокъ *Пситталія*; не убѣжищемъ былъ онъ для нихъ, но мѣстомъ гибели—объ успешные берега его сокрушилось нѣсколько судовъ Персидскихъ, прибываемыхъ сюда или въшромъ, или кораблями Греческими.

Ариспидъ, не задолго предъ симъ, по волю Ѳемистокла возвращенный Аѳинянамъ, первый принесъ извѣстіе о готовности Персовъ къ нападенію и о занятіи ими всѣхъ выходовъ. Бѣгство Грекамъ было не возможно—бѣсва неизбежна. Съ сей минушы разномысліе совершенно преспало—одно чувство одушевляло Грековъ, одинъ голосъ раздавался въ ихъ спроряхъ: побѣда или смерть! Ѳемистоклъ не дожидаясь нашеспвія огромной массы флота Персидскаго далъ сигналъ къ сраженію, и съ спремительностію, но въ порядкѣ и стройно ринулся на противоспоящіе ему корабли Финикійскіе; *Аминіасъ*, братъ знаменитаго Трагика Эхила, первый изъ Грековъ, сразился съ кораблемъ Персидскимъ; скоро бой учинился всеобщимъ; скоро море наполнилось обломками кораблей, и обагрилось кровію погибавшихъ; нападали и опспупали попеременно и съ спой, и съ другой споронны; долго спопрѣли и Греки, и Персы по съ спрешомъ, по съ надеждами на кровавую бѣсву; долго перевѣсь не склонялся; наконецъ Аѳиняне прорѣзали линію непріятельскихъ кораблей, захватили многіе, нѣкоторыя пошопили; другіе корабли Персидскіе, спѣшившіе въ большомъ числѣ на помощь

погибающимъ, спѣснились въ узкомъ проливѣ, распроились, препяпспивовали сами взаимному дѣйствію своему и поражены совершенно. Легкіе и мелкіе корабли Греческіе дѣлали нѣсколь-ко движеній и поворотовъ, нападали на Персовъ, разсѣкали ихъ суда, прежде нежели огромные и тяжелье корабли Персидскіе могли двинушься съ мѣста. Ионяне, видя всеобщій беспорядокъ и пораженіе флота Персидскаго, или перешли на спорону Грековъ, или обратились въ бѣгство. Двѣсти кораблей Персидскихъ погибло въ семь сраженій, Греки потеряли не болѣе 40. Персы побѣдили бы Грековъ, ежелибы всѣ войны сражались подобно Артемизіи; она, казалось, превосходила сама себя въ мужествѣ испинно геройскомъ храня въ самыхъ величайшихъ опасностяхъ рѣдкое хладнокровіе и присудствіе духа. И Ксерксъ созналъ ея доблесть; „въ сей день, сказалъ онъ, женщины сражались подобно мущинамъ, а мущины подобно женщинамъ.“

Бѣгство Ксеркса.

Ксерксъ видя разрушеніе своего флота и паденіе брата своего, Аріабигна, умерщвленнаго въ жару сраженія, бѣжалъ съ своего прона

неся въ душѣ своей стыдъ и опчаяніе; осипокъ Флопа направился къ берегамъ Малой Азіи.

Греки въ упоеніи побѣды и шоржеспва своего съ восторгомъ смотрѣли на удаленіе неприпелей своихъ, смотрѣли, какъ гордый нѣкогда Ксерксъ быспро проходилъ шеперь, со-пущствуемый своею арміею, чрезъ Фессалію и Македонію во Фракію,—смотрѣли, и дивились превращенности счасія. Прибытіе Ксеркса въ Грецію и его удаленіе изъ оной — какая ужасная, поучительная противоположность! Не-волью вспомнишь при семъ прекрасный стихъ знаменишаго Германскаго Поэта, Мапписсона:

So vergeßn des Lebens Herrlichkeiten,

So entfleucht das Traumbild eifler Macht!

Наши времена ознаменованы подобнымъ событіемъ; и мы видѣли бѣгство новаго Ксеркса изъ Россіи, изъ любезнаго опечества нашего, хранимаго Богомъ и мудростию его Помазанника; и мы удосповѣрились еще болѣе въ шомъ, сколь суешно и не прочно величіе честолюбцевъ — пиранновъ, какъ мгновенно исчезающъ всѣ ихъ высокоумѣрные замыслы.

Фемиспокль спращаль Ксеркса, что онъ опрѣжешъ ему переправу въ Азію. На неболь-

шомъ суднѣ въ видѣ бѣглеца преплылъ Пове-
 велишель Воспока чрезъ Геллеспоннѣ и ук-
 рылся въ Сардесѣ, давъ повелѣніе Мардонію съ
 300,000 воинства отборнѣйшаго, ему остав-
 леннаго, опмспити Грекамъ за всѣ прежнія
 пораженія и пѣмъ загладити поношеніе, нане-
 сенное ими Персидскому Царству.

Саламинская битва есть дѣлоThemistocle.
 Въ самыя рѣшительныя минуты онъ являлъ
 ну быспрошу и по присудствіе духа, копо-
 рья кажуся вдохновеніемъ свыше, пѣ глу-
 бокія соображенія, копорья несомнѣнно ве-
 дупъ къ успѣху, и по величіе, копорое спя-
 жается не властію и спрахомъ, но выспрен-
 ностію паланшовъ и генія. Сіе сраженіе воз-
 будило всеобщій Эмпузіасмъ въ Греціи — Те-
 миспоклъ содѣлался идоломъ всего народа Гре-
 ческаго; на Испмійскихъ играхъ онъ провоз-
 глашенъ мудрѣйшимъ и искуснѣйшимъ на мо-
 рѣ вождемъ Греческимъ; Греки украсили чело
 его короною масличною; Испорія вѣнчалъ
 его вѣнцемъ безсмертія; слава имени его пере-
 жила тысящелѣтія и не умреть въ вѣкахъ
 грядущихъ.

И надмѣнные Спаршанцы, начавшіе уже
 завидовать знаменитости и славы Аѳинянъ,

взирали на Θемиспокла, какъ на спасителя Греціи. Необыкновенныя почести угошваны были для него по случаю прибытія его въ Спаршу; опть лица республики цѣлой поднесень ему вѣнецъ масличный и успроена въ честь его поржественная колесница, ему подаренная; приспа благороднѣйшихъ юношей Спаршанскихъ по назначенію своего правительсва сопровождали его до самой границы Лаконіи во время обратнаго пуши его въ Аѳины. Такими знаками уваженія не почпеньь былъ никогда опть Спаршы ни одинъ изъ чужеземцевъ.

Еще лестнѣйшая награда угошвана ему была на играхъ Олимпійскихъ. Съ воспоргамн радости и благоговѣнія и съ громкими рукоплесканіями всѣхъ собравшихся сюда народовъ Греціи встрѣченъ онъ былъ при вступленіи его на арену; и аплены, и соспязатели, и самыя игры, казалось, были забышы—все вниманіе Грековъ обращено было шолько на Θемиспокла. „День единственный въ моей жизни, сказалъ онъ пронушый таковою признательностію своихъ согражданъ, награда, высшая заслугъ моихъ!“

Побѣда Гелона надъ Карѳагенянами при Гимерѣ.

Греки славя свое избавленіе отъ ига Ксеркова и торжесивуя побѣду Саламинскую восхищены были новымъ, радостнымъ извѣстіемъ объ успѣхахъ Сиракузянъ надъ Карѳагенянами. Карѳагеняне, союзники Персовъ, подспрѣжаемые Ксерксомъ, сдѣлали нападеніе на островъ Сицилію и угрожали городамъ Сиракузъ и Агригеншу. При началіи сей войны Ксеркъ надѣялся возбранишь Сициліяцамъ всякое пособіе въ пользу Грековъ, а Карѳагеняне хощѣли овладѣть островомъ Сициліею, шомико плодоноснымъ и важнымъ для торговли по морю Средиземному. Ксеркъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи; Сиракузяне единоплеменные Грекамъ не могли подать имъ никакой помощи въ борьбѣ ихъ съ Персами. Но покушенія Карѳагенянъ были тщетны; они не достигли своей цѣли. *Гелонъ*, Царь Сиракузскій, одержалъ блистательнѣйшую и рѣшительную побѣду надъ Карѳагенянами при Гимерѣ; почти въ то самое время, когда Греки разили флотъ Персидскій при Саламинѣ, *Гieronъ*, братъ Царя Гелона, разрушилъ флотъ Карѳагенскій. Карѳагеня-

не, лишившіся въ сраженіи вождя своего Амилъ-кара, со стыдомъ бѣжали въ Африку.

Неудачная полишика Мардонія.

Но не смотря на всѣ сіи успѣхи Грековъ надъ врагами, еще не пробилъ часъ совершеннаго освобожденія ихъ, еще не совсемъ миновала для нихъ опасность. Испреблень былъ флотъ, но армія Персидская, еще не пораженная, ужасала ихъ своимъ многочисліемъ. Мардоній споялъ въ самомъ сердцѣ Греціи съ избраннѣйшимъ воинствомъ Персидскимъ, хотя не столь огромнымъ, какъ прежнее ополченіе Ксеркса, но довольно еще великимъ для того, чтобы поработили всю Грецію, ежелибы одно число рѣшало судьбу сраженій. Мардоній опытомъ своего прежняго похода и лѣпами научился осторожности и благоразумію; увѣренный въ превосходствѣ количества войскъ своихъ предъ числомъ арміи Греческой онъ не смѣлъ однакожь быть увѣреннымъ въ успѣхѣхъ надъ врагами своими; къ прискорбію своему зналъ онъ, какъ мало его воины имѣютъ рвенія и охоты къ битвамъ, какъ мало чувствуютъ они поспѣхъ, каковымъ покрыли себя въ прежнія сраженія, и какъ напро-

шивъ Греки, малые въ числѣ, велики на полѣ бранномъ, мужеспвенны въ битвахъ, искусны въ дѣлѣ воинскомъ и пламенны къ защитѣ опечесства. Для сего не опваживаясь на опкрытый бой, всегда сомнишельный и пакъ часто несчастный для Персовъ, Мардоній прибъгнулъ къ пособію полипики и переговоровъ. Онъ хотѣлъ опвлечь Аѳинянь опъ союза Греческаго и льспивыми предложеніями склонилъ ихъ на свою спорону.

Александръ, Царь Македонскій, сынъ и преемникъ Аминпы, опкрытый союзникъ Персовъ, и шайный другъ Грековъ, избранъ былъ въ посредники между Мардоніемъ и Аѳинянами. Мардоній, уполномочивъ его вести съ ними переговоры опъ имени его и самаго Ксеркса, опправиль Александра въ Аѳины. Всѣ предспавленія Царя Македонскаго, и угрозы и обѣщанія, не имѣли дѣйствія надъ Аѳинянами, желаннаго Мардоніемъ. „Тираниъ Македонскій, говорили они, благоприяпствуешъ шпранну Персидскому—эпо еспеспвенно и проспипельно; но чпобы Аѳиняне, взлелѣянные на лонѣ свободы, доспойные за свое мужеспво и подвиги жишъ и умерешъ подъ знаменами оной, склонили слухъ свой къ льспивымъ предложеніямъ Ксеркса, заключили со-

юзъ дружбы съ Персами и добровольно опдались въ неволю — это поспыдно и не возможно дополь, пока солнце не измѣнитъ обычнаго пути своего на небѣ. Мечи прошивъ рушипелей нашего спокойствія, осквернившихъ храмы и олтари Боговъ нашихъ, мести вратамъ нашей свободы!“ Александръ оставилъ Аѳины. Греки клялись не распоргать священнаго своего союза, клялись предпочиташъ жизнь свободѣ и шоржественно обрекли на жертву адскимъ богамъ всѣхъ шѣхъ, копорые бы отважились вспунитъ въ сношенія съ Персами. Положено было немедленно собрать войска всѣхъ племень Греческихъ и идти на встрѣчу Мардонію, дабы не допустишь его сдѣлать впоричное опустошеніе въ Аппикѣ. Мардоній, споявший дополь въ Фессалии, узнавъ отъ Царя Александра объ ожеспоченіи Аѳинянь съ яросшію успремляешся чрезъ Віопію въ Аппику прежде, нежели Греки успѣли соединиться. Аппика снова раззорена, Аѳиняне удалились въ Саламинъ. Мардоній ободренный мгновеннымъ успѣхомъ своимъ опяшь предлагаешъ Аѳинянамъ союзъ и дружбу—предложеніе презрѣно; ужасенъ былъ фанатизмъ Аѳинскаго народа. Ликидъ, одинъ изъ членовъ верховнаго

совѣща, дерзнувшій изъявишь свое согласіе на миръ, предложенный Мардоніемъ, былъ побитъ каменіемъ—онъ и его семейство. Не было никакой уже надежды Мардонію къ примиренію съ Аѳинянами; и съ той и съ другой стороны начались приговоренія къ сраженію упорнѣйшему, самому кровопролитному и рѣшительному. Мардоній оставляетъ Аттику — здѣсь по причинѣ высокихъ горъ пресѣкающихъ сію страну не могла бы конница его дѣйствовать свободно; онъ переходитъ въ Віопію — тамъ находились его магазины, тамъ ждали его Віопяне и Фессалійцы, союзники Персовъ. Прибывши въ Віопію онъ расположился съ своею арміею по лѣвому берегу рѣки Азона на границахъ округа города Плашеи.

Мардоній и Павзаній при Плашеѣ.

Вся почти Греція воздвиглась противъ Мардонія; Аѳиняне болѣе всѣхъ ненавидимые Персами и болѣе всѣхъ угрожаемые показывали самое пламенное рвеніе къ битвѣ, опличались дѣятельностію неуспѣшною къ скорѣйшему ополченію противъ враговъ своихъ. Армія народовъ Пелопонезскихъ соединилась съ войсками Аѳинянъ близъ Элевзиса, откуда всѣ соединен-

ныя силы Грековъ попянулись въ Віопію, и проникнувши въ оную безпрепятственно легли при подошвѣ горы Киверона въ виду неприятельской арміи.

Все войско Греческое въ сіе время состояло изъ 110,000 человекъ, изъ коихъ до 40,000 были тяжело вооруженные воины, а прочіе 70,000 легко вооруженные; войска Аѳинскія ввѣрены были подъ начальство Ариспиду; всюю же арміею Греческою въ качествѣ верховнаго вождя ея предводительствовалъ *Павзаній*, сынъ Клеомврона, опекунъ юнаго Спартанскаго Царя Плистарха, сына и преемника Леонидова.

Подъ предводительствомъ Мардонія находилось 300,000 войскъ Персидскихъ и до 50,000 Грековъ, союзныхъ Персамъ, слѣдственно его армія болѣе, нежели впрое превосходила числомъ своимъ армію Греческую. Посреди долины, на кошорой распянуто было все воинство Мардонія, усроенъ былъ по его повелѣнію для его личной безопасности и для обезпеченія припасовъ опмѣнно укрѣпленный лагерь пространствомъ на одну \square милю, защищенный глубокимъ рвомъ и обнесенный высокими стѣнами и башнями.

Битва Плашейская (479 л. до Р. Х.).

Долго обѣ арміи смотрѣли одна на другую не предпринимая ничего важнаго; Греки, утѣравшіеся пыломъ своимъ къ ущеліямъ горы Киѳерона, не оспаивали выгодной для нихъ позиціи своей; Персы оспавались въ ровной долинь, удобной для дѣйствій великой арміи и особенно благоприятной для развѣздовъ многочисленной ихъ конницы, на копорую, какъ на войско, соспоявшее изъ самихъ Персовъ, возлагалъ Мардоній всѣ свои надежды. Избѣгая рѣшительнаго и всеобщаго боя онъ непрерывно превожилъ быспрыми набѣгами конницы своей армію Греческую. Греки теряли значное число воиновъ безъ пользы и безъ славы для себя. Павзаній опспунилъ во внушренность ущелій мрачнаго Киѳерона. Мардоній считая сіе опспупленіе малодушнымъ бѣгствомъ со стороны Грековъ, послалъ сильной опрядъ своей пѣхоты преслѣдовать неприятеля. Персы съ увѣренностію въ побѣдѣ несомнѣнной пуспились быспро и въ безпорядкѣ за Греками; презирая безсиліе ихъ они безопасно выходили изъ рядовъ своихъ, и опвернувъ всѣ правила необходимой воинской дисциплины смѣло достигли

лагеря всей Греческой армии. Нападение Персовъ на строи Павзанийевы было сигналомъ ко всеобщему сраженію, достопамятнѣйшему въ лѣтописяхъ Греціи и всего древняго міра.

Артабазъ, лучшій, искуснѣйшій и мужеспвеннѣйшій вождь Царя Персидскаго, занимавшій почтеннѣйшее мѣсто въ армии послѣ Мардонія, умолялъ сего послѣдняго не вступать въ рѣшительную битву съ Греками, оставить берега Азона и расположить свое войско на спокойныхъ квартирахъ предъ врагами союзнаго имъ города Фивъ. Онъ совѣдовалъ Мардонію, разослать агентовъ своихъ въ разные города для преклоненія знатнѣйшихъ Грековъ на сторону Персовъ силою золота и сокровищъ; подкупъ былъ, по мнѣнію Артабаза, дѣйсвительнѣйшимъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ къ одолженію Греціи; многіе изъ Грековъ обольщенные приманкою набогащенія не усомнились опасаться опъ союза и пожертвовать благомъ и безопасностію Греціи для собственныхъ своекорыстныхъ расчетовъ. Артабазъ совѣдовалъ здраво—симъ, а не другимъ способомъ могъ воспоржесвовать Мардоній надъ своими неприятелями; но обуянный высокоуміемъ Мардоній презрѣлъ благоразумное

мнѣніе Аршабаза, и въ слѣдъ за отправленнымъ уже прежде отрядомъ пѣхоты отправился самъ со всею своею арміею на Грековъ; быспро перешедши на другой берегъ рѣки Азона онъ вспаль грозно прошивъ силъ Греческихъ. На правомъ крылѣ его находились союзные ему Греки; въ центрѣ поставлены были народы средней и южной Азіи, подвластные Персидскому владычеству, какъ то: Индѣйцы, Мидяне, Бактрійцы и др.; лѣвое крыло его—избраннѣйшее воинство—состояло изъ самихъ Персовъ. Правому крылу Персидскому прошивуспояли Афиняне, образовавшіе лѣвой флангъ Греческаго войска; на правомъ крылѣ споялъ Павзаній съ своими Спаршанцами и Лакедемонянами; въ срединѣ расположены были разныя племена Греческія изъ Пелопонеса и Элады.

Мардоній, отправивъ Грековъ, своихъ союзниковъ, на Афинянь, успремился самъ на Павзанія. Спаршанцы изнемогали подъ шучею спрѣль; Персы съ оспервененіемъ ихъ поражали, но не могли поколебать рядовъ ихъ; Греки спояли спѣною непреоборимою до шѣхъ поръ, пока видя ослабленіе Персовъ и безпорядокъ произшедшій отъ ихъ самонадѣянности ринулись въ свою очередь на огромныя полчища Мар-

донія. Тегеяне первые разсѣкли ряды Персовѣ, врѣзались въ самую средину оныхъ, и послѣдуемые Спартакцами опрокидывали все, оспавляли за собою груды поражаемыхъ неприятелей и своею неодолимою навели препептъ на Персовѣ; въ скоромъ времени вся пѣхопа Персидская приведена въ совершенное разпрорѣштво. Поспѣшнымъ ошспупленіемъ Мардоній еще могъ бы спасти себя; удалившись съ горъ, на ровной долинь могъ бы онъ долго еще держаться противъ Грековъ подъ прикрытіемъ своей многочисленной и храброй конницы. Но ошпчаяніе овладѣло душою его; страшась гнѣва своего Государя—Деспота, препепца озлобленія и ярости народной онъ хладнокровно, казалось, шель къ своей гибели. Собравши снова разсѣявшіеся сонмы свои онъ продолжалъ бой кровопролитной. Живши безславно онъ рѣшился по крайней мѣрѣ умереть со славою, и геройскою своею кончиною заслужить память въ попомспвѣ. Бросавшись въ самыя опасныя мѣста долго оспоривалъ Мардоній побѣду у Грековъ; его примѣръ подкрѣплялъ ослабѣвавшихъ; мечъ его поразилъ многихъ храбрыхъ воиновъ Греціи; наконецъ видѣвъ вокругъ себя паденіе своихъ сподвижниковъ, храбрыхъ вожд-

дей Персидскихъ, палъ и самъ Мардоній уязвленный смертельною раною. Смерть его довершила порожество Грековъ. Персы узнавши о гибели своего верховнаго военачальника обратились въ спешительное бѣгство и укрылись въ окопахъ укрѣпленныхъ на другомъ берегу Азоба; союзники ихъ, Греки, пораженные Ариспидомъ, также оставили поле битвы. Окопы не спасли Персовъ; и тамъ достали ихъ разсвирѣпѣвшіе Аѳиняне; здѣсь погибло воиновъ Персидскихъ болѣе, нежели въ опкрытомъ сраженіи. Полагаютъ, что послѣ Плапейской битвы изъ 500,000 Персидскаго ополченія уцѣлѣло не болѣе 50,000. Весь лагерь Персидскій достался побѣдителямъ; несмѣнныя добычи, не изчислимая сокровища въ золотѣ, серебрѣ и другихъ драгоценностяхъ находились въ ономъ. Десятая доля сихъ добычь посвящена была Богамъ хранителямъ Греціи, Аполлону, Минервѣ, Непшуну и Юпитеру; все прочее раздѣлено было между побѣдителями.

Побѣда Плапейская возвеличила имя Грековъ, и прославила особенно Тегеянь, Спаршанцевъ и Аѳинянь, дѣйствовавшихъ съ чудеснымъ мужествомъ и геройскою храбростію—они спяжали своими подвигами полное право на приз-

напельность опечества, ими спасеннаго; ихъ долженствовало наградишь сограждане. Но по обыкновенію Грековъ одинъ только народъ могъ бытъ удостоенъ первенства въ наградахъ—произошелъ жаркой споръ о первой и высочайшей наградѣ за храбрость между Аѳинянами и Спаршанцами; спарая злоба между двумя разнокачественными племенами Греціи, между Іонянами и Дорянами, попухшая только на время, гопова была воспламенилась; опъ сего соперничества могли возникнуть опасности всему союзу Греческому; мечи, дымившіеся не охладѣвшею еще кровію Персовъ, гоповы были обагришь кровію единоплеменниковъ, самихъ Грековъ; для предупрежденія междуусобій верховные члены союза провозгласили не Аѳинянь и не Спаршанцевъ, а Плашеянь достойнѣйшими первой награды. Плашеяне, жишели города не значнаго и не могущественнаго, но всегда опличавшіеся преданностию общему дѣлу и любвию къ опечесству, не были опасны для спокойствія Греціи, не могли не смопря на сіи почести имъ возданныя соперничествовать ни съ Спаршою, ни съ Аѳинами; они заслуживали сію награду и пошому, что подъ спѣнами ихъ города совер-

шилось конечное освобожденіе Грековъ отъ ига, гошованнаго имъ Персами.

Въ то время, какъ Плашеяне вѣнчались наградами по общему приговору всей Греціи, какъ весь округъ Плашеи объявленъ былъ неприкосновеннымъ и священнымъ на всѣ времена грядущія, оспальная часть Віопіи содѣлалась предметомъ злобы и мщенія Грековъ. Фиванцы, забывши самыя свящяныя обязанности и пренебрегши узами родства и единоплеменничества съ прочими народами Греческими, еще въ началѣ войны предались на сторону Персовъ и сражались подъ ихъ знаменами противъ своихъ собратій. Павзаній въ наказаніе за ихъ вѣроломство осадилъ городъ Фивы, и претребовалъ выдачи виновниковъ измѣны, угрожая въ противномъ случаѣ разрушеніемъ города и истребленіемъ жителей. Преспупники преданы въ руки могущественнаго Павзанія, осуждены на смерть и казнены.

Сраженіе при мысѣ Микале.

Казалось, сами Боги руководили Грековъ къ побѣдамъ, и не видимыми силами поражали враговъ ихъ; въ пошъ самый день (рѣдкой случай въ Исторіи народовъ!), какъ Греки споржест-

вовали паденіе Мардонія и поражали полчища Персидскія при Плашеѣ, прошиволежащій берегу Эгейскаго моря ознаменованъ былъ другою побѣдою, сокрушившею въ конецъ все морское ополченіе Персовъ.

Въ то время, какъ Павзаній готовился къ борьбѣ съ Мардоніемъ, флотъ Греческій выступилъ опъ береговъ Греціи для преслѣдованія Персидскихъ кораблей, уцѣлѣвшихъ опъ сраженія Саламинскаго. Царь Спартанскій *Леотихидъ* велъ галеры Пелопонескія, а *Ксантитъ*, гордый демагогъ Аѣинскій, злой соперникъ Мильтіадовъ, опъ коего погибъ герой Мараѣонскій, предводительствовалъ Аѣинскими кораблями въ качествѣ Наварха. Соединенный флотъ Греческій состоялъ изъ 250 судовъ. Оспаваясь долгое время у оспрова Делоса для наблюденія за движеніями Персовъ и для очищенія моря Эгейскаго опъ ихъ разъѣздовъ Греки опплыли наконецъ къ берегамъ Малой Азіи и пристали къ оспрову Самосу. Малоазійцы требовали ихъ помощи и возбуждали къ нападенію на ослабленную уже флотъ Персидскій. Персы, споявшіе насупротивъ Самоса при мысѣ Микале въ Іоніи, съ ужасомъ смотрѣли на приближеніе кораблей Греческихъ; неравноспъ боя уснра-

шала ихъ; по мѣрѣ увеличенія мужества въ Грекахъ Персы содѣлывались малодушнѣе; послѣ поликкихъ превращеній они не смѣли уже надѣяться успѣховъ, и для того выпащили корабли свои на берегъ, и укрѣпились въ лагерь обнесенномъ спѣнами и насыпями, и защищенномъ 60,000 войска сухопутнаго подъ начальствомъ *Тиграна*.

Греки увѣренные въ содѣйствіи Малоазійцевъ рѣшились немедленно сдѣлать высадку на берега Іоніи увидѣвъ къ своему изумленію море Эгейское очищеннымъ отъ судовъ Персидскихъ. Персы или не ожидая споль быспраго и нечаяннаго нападенія, или обьявше спрахомъ не оказали ни малѣйшаго сопротивленія Грекамъ при ихъ высадкѣ—она произведена безпрепятственно. Ксанпишъ, пламенѣя желаніемъ одинъ пожашъ лавры побѣдныя, спремисельно бросился на лагерь Персидскій, и сломилъ всѣ укрѣпленія онаго прежде, нежели Спаршанцы подоспѣли къ нему на помощь; ряды Персовъ были уже прорваны; все пришло уже въ замѣшательство, какъ Леопихидъ прибывшій съ свѣжими войсками довершилъ пораженіе; Тигранъ былъ убитъ; не многіе изъ воиновъ Персидскихъ спаслись бѣгствомъ; все оспалось во

власпи побѣдипелей, лагерь съ большими сокровищами и флоръ; сокровища раздѣлены были между воинами Греческими, флоръ сожженъ. Побѣда Микальская положила основаніе совершенному освобожденію Іонянъ и прочихъ Малоазійскихъ Грековъ отъ ига Персидскаго и ихъ независимости; они приобщились къ союзу Греческому обѣщаясь кляшвенно пребыть ему вѣрными навсегда; сія побѣда прославила имена Ксаншиппа и Леопихида въ Греціи, и поставила ихъ въ рядъ со всѣми великими мужами, копорымъ Греція одолжена своимъ спасеніемъ и славою.

Слѣдствія войнъ Персидскихъ.

Ксерксъ, ожидавшій въ Сардесъ окончанія брани, имъ начатой, надѣявшійся приапныхъ донесеній изъ Греціи о подвигахъ Мардонія, пораженъ былъ, какъ громомъ, извѣстіями, одно за другимъ къ нему доставленными о совершенномъ почти испребленіи его арміи и флоры. Бѣдные, малочисленные оспанки огромныхъ его полчищъ проходившіе разсѣянно и въ безпорядкѣ по пространству Малой Азіи предспавляли поразительное, ужасное зрѣлище для народовъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ войны пропали несмѣпныя сокровища, плоды

спрудолюбія въ цѣлые вѣки накоплавшіеся, погибли милліоны людей дополъ благоденствовавшихъ, и попрясень въ основаніи своемъ пвердый пронъ воздвигнуый великимъ Киромъ. Съ изъязвленною отъ скорби и опчаянія душою, съ разсѣявшимися надеждами славы и побѣдъ и съ гореспнѣйшими воспоминаніями о невозвратно минувшемъ величіи удалился Ксерксъ изъ Сардеса и заключился никому не доступный во внушренность Двора своего въ Сузъ. Съ сихъ поръ Персы никогда не опваживались нападать на Европу, и Греки, ведшіе доселъ войну оборонительную, шеперь познавъ свои силы и безсиліе Персовъ, будущъ нападать на нихъ въ нѣдрахъ владычества Персидскаго и пронесуъ ужасъ своего имени въ опдаленнѣйшія часпи Монархіи Ксеркса.

Ужасны были послѣдствія сей войны для Персовъ—она положила зародышь будущему паденію великаго царства Персидскаго. Греки же, во время войнъ съ Персами, пославившіе себя превъше всѣхъ народовъ тогдашней вселенной, начинаюъ съ сихъ поръ свое возрожденіе, вступаюъ на поприщъ политическаго могущества и славы, и на лонъ мира, спокойствія и богатствъ; спяжанныхъ промышлен-

носпію и порговлею, они явяшъ шакую полнопу въ спляжаніяхъ умспвенныхъ, шакое высокое образованіе и шакую выпспренность въ наукахъ и испуспвахъ, каковой не дсппгаль ни одінъ народъ ни прежде, ни послъ Грековъ. Время спя льпшъ, испекшихъ непосредспвенно послъ пораженія Ксеркса еспъ блисшапельнѣйшій періодъ въ Греческой Испоріи не взирая на междуусобныя бури, колебавшія Грецію, споль обыкновенныя въ республикахъ.

Безъ Персидскихъ войнъ Греція не озарилась бы полико блисшапельною славою и Греки не занялибы споль почешнаго мѣста во всеобщей Испоріи свѣша. Будучи раздѣлены на многія мелкія племена и соспавляя множеспво одно опъ другаго независимыхъ владѣній, часто враждебныхъ между собою, они пропалибы въ безднѣ раздоровъ и войнъ междуусобныхъ не совершивъ ничего великаго. Персидскія войны, грозныя для безопасности цѣлой Греціи, заспашили Грековъ прекрашишъ вражды внуспреннія и направилшъ все вниманіе къ опраженію враговъ не одного кошораго либо, но всѣхъ вообще племень Гречеекихъ; сіи войны пробудили въ Грекахъ духъ національности и единспва, вдохнули въ нихъ высокое чувспво само-

увѣренности, и открыли въ нихъ такія силы, копорыя имъ самимъ дополѣ были невѣдомы. Безъ Персидскихъ войнъ не зналибы ни мы, ни самые Греки о великихъ паланпахъ Мильшіада, о несравненномъ геніиThemistocles, о безпримѣрныхъ добродѣтеляхъ Аристиды и о геройскомъ самопожертвованіи Леонида. Только не обыкновенные перевороты государственныя вполнѣ обнаруживаютъ скрытыя дарованія мужей великихъ. Безъ профеевъ Мараѳонскихъ, Саламинскихъ и Платейскихъ свобода народовъ Европейскихъ была бы подавлена тяжестью деспотіи азіатской, и Персидскіе Сатрапы, сѣвши на развалины Аѳинъ, попралибы смена еще не совсѣмъ укорененныя будущаго образованія и насадили бы повсюду мершвое единообразіе; Европа содѣлалась бы западнымъ Китаемъ, можетъ бытъ, на цѣлыя тысячелѣтія.

Греки имѣли довольно рѣшительности и мужества—противустать врагамъ шьмочисленнымъ, и довольно благоразумія и героизма—одолѣть ихъ. Въ лѣтописяхъ цѣлаго челоувѣчества не было войны славнѣе и торжества совершеннѣе и блистательнѣе. Греки начали борьбу слабы и презираемы, окончили оную могущественны и спрашны; по окончаніи вой-

ны съ Персами Греки были поистиннѣ первыиъ народомъ въ мѣрѣ. Кто могъ равняться съ ними? Кто могъ отважиться состязаться съ ними о первенствѣ, или возмущить ихъ спокойствіе нападеніемъ на ихъ землю? *На востокъ*—Царство Персидское, ослабленное и униженное, изнемогало отъ ранъ, нанесенныхъ ему въ войнѣ съ Греками;—Индія и Сина (Китай), опутанныя сѣтями неизмѣняемыхъ своихъ постановленій, влчили безславное бытіе свое—не знающія ничего о состояніи прочаго свѣта и незнаемыя никѣмъ; Скиѣя, не приступная завоевателямъ, не пресступала границъ своихъ, назначенныхъ ей самою природою; въ Аравіи за сыпучими песками, опдѣлявшими ее отъ Персидскаго царства, блуждали народы никого не спрашившіеся и долго никому не страшные; *на югъ*—Египетъ, обложенный отъ Персовъ цѣпями неволи, не имѣлъ самобытности и не стремился къ завоеванію оной и къ распорженію оковъ своихъ; подлѣ него Киренаика, населенная выходцами Греческими, сохранившими и въ Африкѣ духъ Европейскій, процвѣтала въ пишинѣ и гордилась единородствомъ съ племенами Европейскихъ Грековъ; Карѣагенъ, богатый торговолею и силь-

ный флотомъ, ослабленъ былъ, подобно царству Персидскому, борьбою съ Греками Сицилійскими; Гелонъ надолго остановилъ его въ стремленіи къ большому возвеличенію; на западъ—Италія раздробленная на часпи долго будетъ еще представлять изъ себя тѣло безъ души; въ верхнихъ частяхъ ея гнѣздились народы грубые и варварскіе; въ срединѣ Эпирурія, образованная, но не стройная, и Римъ, едва извѣстный именемъ своимъ, въ борьбѣ съ своими сосѣдями спольже ничтожными, какъ онъ самъ, и волнуемый мятежами внутренними подъ правленіемъ Консульскимъ, еще не совсѣмъ упрочившемся; въ нижнихъ краяхъ Италіи по плодоноснымъ и живописнымъ берегамъ Адриатическаго и Средиземнаго морей цвѣли богатствомъ и пышностію города: Куме, Кронона, Сибарисъ, Тарентъ и др. считавшіе Грецію своею матерію, и радовавшіеся ея побѣдамъ и славѣ; связями довѣрія и дружбы сопряжены были сіи города съ Греціею, равно какъ и Греческіе поселенцы въ Сициліи, жили города Сиракузь, Агригентша, Гелы и др. На северъ—Македонія, опустошенная войсками Персидскими, чрезъ нее проходившими, и не имѣвшая порядочнаго гражданскаго устройства не мог-

ла бытъ опасною для Греціи. Германія, Брипанія, Галлія и Испанія, отдѣленныя отъ Греціи великимъ пространствомъ, были совершенно внѣ политической сферы тогдашняго свѣта; Германія была не проникнушая и непроницаемая тогда пустыня отъ дремучихъ лѣсовъ и топкихъ болотъ, ее покрывавшихъ; о Брипаніи носились только глухія и не ясныя сказанія Финикійцевъ и Карфагенцевъ; Галлія и Испанія, населенныя народами варварскими, оставались на долго безъ участія въ дѣлахъ свѣта; только Массилія, колонія Греческая на югѣ Галліи, и нѣсколько колоній Финикійскихъ на югѣ и юговостокѣ Испаніи оспливали слабое сіяніе на сіи земли, во мракѣ малоизвѣстности пребывавшія.

Итакъ Греки, поразивши Персовъ и не видѣвши болѣе ни въ комъ опасныхъ для себя совмѣстниковъ могли въ чувствѣ совершенной безмятежности и спокойствія предаваться восторгамъ радости о чудесномъ своемъ спасеніи, могли болѣе и болѣе развивать юношескія свои силы. Они начали пѣвать свою фанпазію воспоминаніями о великихъ подвигахъ ими совершенныхъ ко славѣ опечеснѣва, начали воспѣвать дѣла своихъ героевъ, и среди

своего досужества приучались къ наслажденіямъ умственнымъ; науки и искусства содѣлались любимыми занятіями Грековъ; къ славу воинской хопѣли они присоединили и славу, приобретаемую успѣхами на поприщѣ образованія и просвѣщенія.

Соперничество Спарты и Аѳинъ.

Въ продолженіи всей войны Персидской Аѳиняне болѣе всѣхъ прочихъ Грековъ отличались постоянною дѣятельностію, пламеннымъ усердіемъ ко благу общему, и непримиримою злобою и ненавистію къ Персамъ; рѣшительностію своею они поддержали ослабѣвшее мужество прочихъ племенъ Греческихъ; они спасли свободу Греціи; содѣйствовали Богамъ, говорящимъ Иродотъ, и твердости Аѳинскаго народа одолжены Греки изгнаніемъ варваровъ изъ земли своей и своею независимостію. Сами Персы, попеременно по лаская гордости Аѳинянъ, по устремляя преимущественно на нихъ удары лютой своей мески, свидетельствовали чрезъ то важность Аѳинской республики и могущество ея гражданъ; не успѣвши склонить ихъ ни угрозами, ни обѣщаніями на свою сторону они явили надъ Аѳи-

нянами всю люпоспъ жеспочайшаго варварсва ; Аптика опустошена и разграблена , Аены преданы пламени ; самую дороую цѣною купили Аеныяне свою независимоспъ и побѣдные лавры свои .

Послѣ поликихъ пожертвованій и прашъ что могло бытъ напуральнѣе и справедливѣе желанія , изъявленнаго Аеныянами по окончаніи войнъ съ Персами , загладишь зло , сими войнами имъ причиненное , и возстановишь разрушенныя сѣтъны города Аены . На Темиспокла возложено было сіе великое дѣло ; и при семъ случаѣ онъ оправдалъ довѣріе своихъ согражданъ , и показаль , что съ необыкновенными талантами воинскими онъ соединяль доблеспъ гражданскую и глубокой умъ политика ; не ограничиваясь наспоющимъ онъ предусмаприваль опдаленную будущность ; недовольсвуваясь выспроеніемъ вновь опечеспвеннаго города своего онъ заботился всего болѣе объ укрѣпленіи онаго и о защищеніи его на будущія времена опъ всѣхъ возможныхъ нападений и съ моря , и съ сухаго пупи ; подъ его надзоромъ приступили немедленно къ сооруженію сѣтънъ вокругъ города .

Сіе начинаніе Аѳинянь, сколько оно ни было справедливо, воздвигло множество противниковъ. Спартянцы и большая часть жителей Пелопонеса возбраняли укрѣпленіе Аѳинъ, подъ шѣмъ предлогомъ, что для обороны Греціи доспапочно пвердынь Пелопонезскихъ, и что крѣпости воздвигаемыя въ Элладѣ не въ соспоянїи будучи оспановить нашествія враговъ многочисленныхъ могутъ сдѣлаться только опасными спанами, изъ коихъ непріятели будущъ громить всю Грецію; *Lacedaemonii mittunt legatos, qui monerent populum Atheniensem ne munimenta hostibus, et receptacula futuri belli extruat.* (Justin.) Сїи доводы прикрытые личиною заботливости о благѣ Греціи, были отголоскомъ чувствованій, питаемыхъ Спартянцами къ Аѳинянамъ—это былъ голосъ зависти и не доброжелательства. Персидскія войны, поспавившія Аѳинянь на высокую степень значительности политической, посѣляли сѣмена соперничества между ними и Спартянцами, и шѣхъ раздоровъ между сими обоими народами, кои будучъ колебать въ послѣдствїи всю Грецію. Препятствїя, противопоставляемыя Спартянцами къ возобновленію

спѣнь Аѣинскихъ, были первымъ обнаруженіемъ сего неблагороднаго соперничества.

Өемиспокль для опспраненія сихъ препяпствѣй нашель въ умѣ своемъ средство, предосудительное во всякомъ случаѣ, позволишельное только тогда, когда оно одно можетъ спасти свободу опечесства: онъ прибѣгнуль къ обману и коварной хипрости, опсправился въ Спарпу давъ повелѣніе своимъ согражданамъ, докончить въ его опсуществіе начатое, и прибѣвши въ оную онъ шоржесшвенно увѣрляль Спарпанцевъ, что слухи о возобновленіи спѣнь Аѣинскихъ ложны, что Аѣиняне и не думаютъ объ укрѣпленіи своего города. Своею ловкостію, умомъ и деньгами (Спарпанцы доступны уже были къ подкупу) онъ во время своего пребыванія въ Спарпѣ умѣль гражданъ знанѣйшихъ увлечь на свою спорону и обратилъ съ намѣреніемъ ихъ вниманіе на другіе предметы. Между тѣмъ Аѣиняне, и свободные граждане, и рабы, жены и даже дѣши, денно и ношно съ неусыпнымъ раченіемъ работали надъ сооруженіемъ спѣнь и надъ укрѣпленіемъ города. Труды окончаны—и Аѣины возрожденныя явились въ новомъ блескѣ! Тогда Өемиспокль переспаль припворспвовать., Ежели Спарпан-

цы, говорилъ онъ, спремяшся только къ назиданію блага и къ сохраненію славы Греціи, ежели они не власполюбіемъ и своекорыстіемъ руководствуются, но должны радоваться возстановленію и укрѣпленію города, коего жителя съ такимъ геройствомъ ратовали проивъ общихъ враговъ опечества. Аѣиняне, подобно Спаршанцамъ, независимы, и не опшвѣчаютъ никому въ дѣлахъ своихъ и въ пѣхъ мѣрахъ, копорыя они приемлютъ для своего благоденствія., Спаршанцы, смяпенные безбоязненностію и опкровенностію Темистокла, сокрыли на время свое негодованіе.

Укрѣпивши городъ Аѣины Темистоклъ оградиъ безопасность онаго большимъ флоромъ, дополненнымъ и увеличеннымъ по его внушенію; событія прежнихъ лѣтъ удосповѣрили Аѣинянъ въ необходимости онаго; и безопасность и величіе Аѣинской республики зависитъ опъ флора; для сего по плану Темистокла очищены и укрѣплены были при гавани, прилежація Аѣинамъ: Фалеры, Мунихія и Пирей; сіе послѣднее мѣсто, выгодное по своей природѣ и защищенное искусствомъ, содѣлалось знаменишѣйшею укрѣпленною гаванью; можетъ быть, первую въ тогдашнемъ

свѣтъ. Изъ сихъ портовъ выходили многочисленныя корабли, богапившіе Аѳинянь торговлею, и содержавшіе сосѣдственныхъ народовъ въ покорности Аѳинянамъ.

Themistocles, всегда великій въ своихъ предначертаніяхъ, но не рѣдко не справедливый и вѣроломный, вознамѣрился, говорятъ, на вредъ и гибели Спаршанцевъ создать могущество и славу Аѳинянь: онъ хотѣлъ сожечь весь флотъ Спаршанской республики и ея союзниковъ, дабы чрезъ то доставить единовластительство на морѣ своимъ согражданамъ. Въ одно время Themistocles объявляетъ въ народномъ собраніи, что онъ имѣетъ весьма важный планъ, полезный для блага республики, который однакожъ всенародно объявленъ бытъ не можетъ; пусть граждане дадутъ ему для совѣщанія челоука, достойнаго общей довѣренности. Aristides наименованъ былъ для разсмотрѣнія намѣреній Themistocles. „Не можетъ бытъ ничего полезнѣе, сказалъ Aristides послѣ бесѣды своей съ нимъ, но нѣтъ ничего и не справедливѣе плана Themistocles.“ „Perutile, dixit Aristides, esse consilium, quod Themistocles adferret, sed minime honestum. Онъ опровергнулъ народомъ; Аѳиняне гнушались выгоды, спяжан-

ныхъ несправедливостію. Athenienses quod honestum non esset, id ne utile quidem putaverunt. (Cic.) И могли ли шаковыя выгоды бысть прочными? Симъ ужаснымъ поступкомъ Аѳиняне заимили бы всю славу дѣлъ своихъ, приобретенную ими въ борьбѣ съ врагами иноземными, содѣлались бы ужасомъ всей Греціи, и возбудили бы пропивъ себя люпую и справедливую месь въ всѣхъ племяхъ Греческихъ; сею незаконною мѣрою они никогда не доспигли бы того первенства, которое скоро будеть даровано имъ въ союзѣ Греческомъ. Къ честиThemistocles усомнимся въ истиннѣ сего сказанія, распространеннаго, вѣроятно, безъ основанія личными его врагами, клеветавшими на него для его погубленія; шаковой химерическій планъ не могъ родиться во всеобъемлющей головѣ героя Саламинскаго.

Недоразумѣнія между Аѳинскою и Спартанскою республиками смолкли; во всей Греціи водворилось спокойствіе; пользуясь сею внутреннею тишиноюThemistocles помышлялъ о средствахъ къ продолженію войны съ Персами; онъ справедливо думалъ, что Персы, хотя ослабленные, но всё еще довольно могущественные и опасные для Греціи, рано или поздно

вооружаясь снова пропивъ Грековъ; для сего онъ прѣбывалъ самовластно опъ союзниковъ, опъ оспровишянъ и Малоазійскихъ Грековъ, большихъ суммъ на вспоможеніе въ предспоящей войнѣ съ Персами. Первымъ предлогомъ къ сей войнѣ было конечное освобожденіе нѣкоторыхъ Греческихъ городовъ въ Азіи и Европѣ, состоявшихъ еще подъ властію Персидскаго Монарха. По предложеніюThemistocles Греки опправили (въ 470 г.) многочисленный соединенный флотъ подъ главнымъ предводительствомъ Павзанія; кораблями Аѳинскими начальствовали Ариспидъ и Кимонъ, съ намѣреніемъ удаленные Themistocles изъ Аѳинъ, дабы шѣмъ свободнѣе ему можно было первенствовать надъ своими гражданами. Греческій флотъ безъ большихъ усилій овладѣлъ оспровомъ Кипромъ и крѣпкимъ городомъ Византіею, копорый былъ ключемъ, опверзавшимъ для Персовъ путь въ Европу; всѣ мѣста на Гелеспонтѣ, занятыя гарнизонами Персидскими, были очищены; большое число плѣнныхъ и великія добычи были профеями сего похода. Съ сихъ поръ Греки пламенѣли желаніемъ продолжашъ войну съ Персами; она не стоила имъ большихъ напряженій и трудно-

стей, но приносила существенныя выгоды; она поддерживала согласіе между ними и сохраняла національныя связи ихъ; она служила, такъ сказать, отводомъ внутреннихъ раздоровъ, вѣнчала славою народъ Греческій, и доставляла богатство и могущество какъ вообще всѣмъ Грекамъ, такъ вождямъ союза въ особенности.

Изгнаніе и смертьThemistocles.

Богатства несмѣлныя, громкая слава и великое могущество, спаянныя Themistoclesомъ и Павзаніемъ, произвели пагубныя дѣйствія надъ сими двумя великими вождями Греціи. Themistoclesъ, надмѣнный своими заслугами опечесству, публично спавилъ себя превъше всѣхъ гражданъ, въ народныхъ собраніяхъ ищеславился своими подвигами, претовалъ благоговѣйнаго уваженія къ себѣ, какъ должной дани его достоинствамъ, гналъ своихъ противниковъ и успѣснялъ союзниковъ Аѣинскихъ. Вся Греція оглушаема была жалобами на Themistoclesа; Аѣины содѣлались сборищемъ не довольныхъ; тысячи враговъ сильныхъ воспали на него и поклялись низвергнуть его съ высоты, на которой споялъ онъ. И Ариспидъ вмѣстѣ съ Кимономъ дѣйствовали противъ Themistoclesа—

доказательство непреложное виновности сего послѣдняго. Алкмеониды, главами коихъ были Ксанпишъ и Алкмеонъ, явили себя злѣйшими его врагами. Подспрѣжаемые Спарпанцами, равно ненавидѣвшимиThemisphokla, они распространили слухъ, будто бы онъ находился въ тайной перепискѣ съ Персидскимъ Сатрапомъ Малой Азіи и испрашивалъ отъ двора Персидскаго помощи къ завладѣнію Аѳинъ и къ порабощенію всей Греціи своею властью. Безъ сомнѣнія, это клевета взведенная на Themisphokla его врагами; но народъ повѣрилъ сему слуху и осудилъ Саламинскаго героя оспракизмомъ на изгнаніе изъ Аѳинъ въ 469 до Р. X. Онъ удалился въ Арголиду, гдѣ многочисленные друзья его почтили великаго изгнанника своимъ состраданіемъ; но преслѣдуемый и здѣсь злобою своихъ непріятелей онъ увидѣлъ себя принужденнымъ оставить Пелопонесъ; не находя безопасности ни на островѣ Корцирѣ, ни въ царствѣ Эпирскомъ подъ кровомъ ему непріязненнаго, но великодушнаго Царя Адмета переплылъ онъ переодѣтый, въ видѣ не знаемаго странника, чрезъ море Эгейское, и обрѣлъ себѣ покровительство и почести у Монарха Персидскаго, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ

имъ побѣжденнаго и униженнаго. Спранная игра судьба! Оемиспокль, спаситель Греціи, изгнанъ изъ своего опечесства имъ возвеличеннаго—голова его оцѣнена Греками! Тотъ же самый Оемиспокль, виновникъ всѣхъ бѣдствій, поспигшихъ Персію, бичъ жестокой Персидскаго Царства, принятъ и уваженъ Персами! Аршаксерксъ Долгорукій, наслѣдникъ Ксеркса, (465—424 г. до Р. Х.) помня въ изгнанникѣ не врага своего, а великаго человѣка, приблизилъ Оемиспокла къ своему престолу и почпилъ его пинпломъ Сатрапа давъ ему въ управленіе часть Малой Азіи съ огромными доходами. Три богатые города: Магнезія, Міось и Лампсакъ, отданные въ полное и непосредственное его распоряженіе, долженствовали содержать его сообразно высокому его званію. Могли ли однакожь всѣ сіи почести наполнить душу Оемиспокла, и успокоить его сердце, пламенѣвшее и въ самомъ изгнаніи любовію къ своему опечесству? Мысль о возвращеніи въ Аѳины, мысль для него столько сладостную, пилала онъ до самой своей кончины. Рассказываютъ, что Аршаксерксъ, осыпавшій милостіями Оемиспокла, пребывалъ ошъ него въ вознагражденіе за то единой услуги—покоренія Греціи владычеству Персид-

скому. Темиспокль боролся долгое время съ чувствованіями мучительнѣйшими, навлечь непокорностию гнѣвъ Государя, благодѣтеля своего, и поработить опечесство свое, имъ же самимъ освобожденное и возвеличенное; смерть одна могла избавить его отъ ужаснаго выбора; онъ отправилъ себя ядомъ, завѣщавъ, перевеспи бранные свои оспашки въ Апшику; бывъ во всю жизнь свою Аѳиняниномъ по душѣ онъ хотѣлъ и послѣ смерти своей принадлежать Аѳинской республикѣ. Онъ скончался въ Магнезїи на 65 году своего возраста (въ 449 году до Р. Х.) послѣ 20 лѣтняго удаленія изъ Греціи.

Нельзя рѣшительно сказать, преступныя ли замыслы Темиспокла породили къ нему неблагодарность и злобу въ Аѳинянахъ, или неблагодарность и легкомысліе народа Аѳинскаго и злоба завистниковъ возбудили въ Темиспокль преступныя намѣренія; утвердительно скажемъ только то, что заслуги и величіе его превыше всѣхъ его заблужденій; послѣднія заглаживаются совершенно заглаживаются первыми. Сами сограждане его сознали это послѣ его смерти. Когда крики злобы стихли, тогда Греки всѣ единодушно почтили память Темиспокла воздавши ему

должное по дѣламъ его. Безспорно онъ есть величайшій изъ всѣхъ современныхъ ему мужей великихъ. Леонидъ былъ Царь, Павзаній облеченъ царскою властію, Аристидъ производилъ изъ славной фамиліи мощныхъ въ республикѣ Эвпапридовъ;Themistocle ничѣмъ не одолженъ своей породѣ; онъ самъ сотворилъ величіе свое. Аѣины, до него слабая, вѣпороспешенная держава, содѣлались чрезъ него первою республикою въ Греціи; а онъ былъ безъ сомнѣнія первый гражданинъ въ оной.

Преспузненія Павзанія и его кончина.

И Павзаній изнемогъ подъ бременемъ своей славы; и онъ, неколебимо швердый противъ ударовъ непріяшельскихъ, поколебался и ослабѣлъ опъ очаровательныхъ искушеній богашспва и властипшельспва. Набогащенный добычами, во время войны имъ полученными, и познакомившись съ великолѣпиемъ и роскошію Персовъ онъ не могъ уже подчинить себя спрогимъ правиламъ Спартанской проспой жизни; бивъ верховнымъ вождемъ всѣхъ Грековъ и главою знамениаго союза Греческаго онъ не хощѣлъ низойши на спешень простаго

гражданина и по окончаніи своего опекунства надъ Царемъ Плиспархомъ. Для сего онъ рѣшился распоргнуть пятгоспнія для него оковы Ликурговыхъ законовъ, поржественно по смѣявался правамъ и обыкновеніямъ Спаршанцевъ, принялъ образъ жизни Персидской и изъ военнопленныхъ Персовъ сосшавилъ для себя стражу, долженствовавшую повсюду сопровождать его и охранять безопасносшь лица его. Таковыми поступками навлекъ на себя Павзаній всеобщее негодованіе Грековъ и ненависть испинныхъ Спаршанцевъ; не уважая расподженіемъ своихъ соопечественниковъ онъ просперъ далѣ свои прешупленія; всшупивъ въ переговоры съ Дворомъ Персидскимъ онъ явилъ изъ себя измѣнника и вѣроломнаго предателя Греціи. Онъ общалъ Ксерксу предать всѣхъ Грековъ во власшь его и завоевать всѣ Греческія племена шребуя за шо руки его дочери со всѣми высокими опличіями и преимуществами, довлѣющими Царскому зашю. Ужасный умыселъ Павзанія былъ открьтъ; не смотря на высокосшь его сана и на предшашельство многочисленныхъ друзей его Эфоры, по шочному смыслу законовъ, осудили его на смершь, какъ измѣнника опечеству. Павзаній,

извѣщенный о семъ спрашномъ и для него неожиданномъ приговорѣ, бѣжалъ, ища спасенія себѣ, въ храмъ Богини Минервы, въ святилище, изъ коего не лзя было, по законамъ религiи, испоргнуть силою и величайшаго преслупника; но и сіе убѣжище не спасло несчастнаго Павзанiя; вокругъ храма построили стѣну не прislупную, и первый камень для построенiя оной положенъ былъ его матерью, опрeкшеюся ошъ недоспойнаго сына. Заключенный памъ Павзанiй умеръ въ 469 г. до Р.Х. мучительною голодною смертію, и долго спуска погребенъ съ почестями предъ вратами храма. Скромный памятникъ знаменовалъ его могилу; Спаршанцы послѣ его кончины забыли его преслупленiя, помнили шолько его подвиги знаменитые и гордились имъ, какъ великимъ сыномъ своей республики.

Первенство Аѳинянъ въ союзѣ Греціи.

Недоспойное поведеніе Павзанiя имѣло гибельныя, унижительныя слѣдствiя для Спаршанской республики. Высокомѣріе Павзанiя разительную дѣлало противоположность съ непринужденною крошестію Аристиды; первый

содѣлавши себя ненавистнымъ для всѣхъ поселилъ холодность и даже отвращеніе къ Спартанцамъ; впрочемъ, любимый самъ всеми союзниками, внушалъ въ нихъ шаковыя же чувствованія любви и уваженія и къ Аѳинянамъ вообще; Спарта упала во мѣтніи; Аѳины напрошивъ болѣе и болѣе возвеличивались. Союзныя Греческія республики объявили, что съ сихъ поръ они желаютъ состоять подъ руководствомъ не Спарты, а Аѳинъ; доселѣ первенствующимъ народомъ въ Греціи были Спартанцы, и сами Аѳиняне признавали во всѣхъ случаяхъ ихъ первенство; теперь по сему объявленію Грековъ Гегемонія досталась въ удѣлъ Аѳинянамъ безъ всякаго съ ихъ споровы домогательства; не насильственныя какія-либо мѣры, не могущество и слава ихъ доставили имъ сію высокую честь, а добродѣтели Аристиды и благоразуміе Кимона. Спартанцы покорились опредѣленію союзниковъ; козни Павзанія и разсвоенное состояніе ихъ республики возбраняли имъ всякое сопротивленіе. Но слава Аѳинъ усиливала болѣе и болѣе давно уже пишанное къ нимъ Спартанцами чувство мщенія. Ежели они злобствовали на Аѳинянь за возстановленіе

спѣнь ихъ города, по въ какой мѣрѣ должна была увеличиться ихъ злоба тогда, какъ Аѳиняне испортили у нихъ древнее, вѣками утвержденное за ними право первенства въ союзѣ Греческихъ республикъ?

Аѳиняне, занявшіе теперь первое мѣсто между народами Греціи, хотѣли оправдать лестную довѣренность, имъ изъявленную ихъ соплеменниками. Аристидъ еще болѣе старался располагать умы всѣхъ въ пользу Аѳинъ своею умѣренностію и правотою; Кимонъ надѣялся возвеличить Грецію новыми побѣдами. По его внушенію опредѣлено было продолжаться снова войну съ Персами; для сей войны и вообще для управленія дѣлами союза предположено собирать опгъ времени до времени съ союзниковъ соразмѣрныя пошрины; раскладка оныхъ, собраніе ихъ и храненіе ввѣрены Аристиду; храмъ Аполлоновъ на островѣ Делосѣ содѣлался казнохранилищемъ Греческимъ. Аристидъ объѣхалъ всѣ области и острова Греціи, изслѣдовалъ большее или меньшее плодоносіе каждой страны, и распредѣлялъ сборы и налоги сообразно доходамъ обитателей съ такою мудростію, что не явился ни одинъ недовольный его управленіемъ; всѣ благословляли спра-

ведливаго и великодушнаго Аристидѣ. Ежегодно 460 талантовъ шекле въ казну союза. Всю жизнь свою провелъ Аристидъ на службѣ опечесыва, отправлялъ важнѣйшія должности и въ мирѣ, и на войнѣ, облеченъ былъ почестнѣйшими званіями въ республикѣ, чепыре года завѣдывалъ доходами всей Греціи, но не смотря на то жилъ въ бѣдности, и умеръ въ нищетѣ такой, что даже прахъ его должны были граждане предать землѣ на общественное иждивеніе. *Nic qua fuerit abstinentia, nullum est certius indicium, quam quod, cum tantis rebus praefuisset, in tanta paupertate decessit, ut, qui efferretur, vix reliquerit.* (Corn. Nep.). Не сокровищами спарался онъ набогатишь свою республику, говоришь Плутархъ, но добродѣшело. Не внимательные къ памяши сего испинно великаго мужа современники не сказали намъ ничего вѣрнаго ни о времени, ни объ обспоятельстввахъ кончины его. Имя Аристидѣ есть драгоценное достояніе Испоріи; памяшь объ немъ пребудешь навсегда любезною всѣмъ шѣмъ, для кого священна добродѣшель.

К И М О Н Ъ.

По изгнаніиThemistocle и послѣ смерти Ари-

спида первымъ гражданиномъ въ республикѣ Аѳинской и главою союза Греческаго оспался *Кимонъ*, сынъ Мильпіада, воспитанникъ Аристпида, великій славою опца своего, сильный своими богатствами и числомъ приверженцевъ, богатый любовію согражданъ, и по своимъ талантамъ, по уму и высокой образованности достойный представитель Аѳинскаго народа. Мужественный, подобно Мильпіаду, и благоразумный, подобно Темистоклу, онъ старался подражать въ добродѣтеляхъ Аристпиду; не равняясь съ нимъ въ правотѣ и честности онъ далеко превзошелъ его въ славу военной. Кимонъ наименованъ былъ еще при жизни Аристпида главноначальствующимъ всѣхъ войскъ союза, и морскихъ, и сухопутныхъ, назначенныхъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Царя Персидскаго.

Кимонъ повелъ флотъ Греческій во Фракію, гдѣ Персы содержали еще въ различныхъ мѣстахъ отряды войскъ своихъ; высадившись въ спрану сію онъ поразилъ неприятелей совершенно, одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ блистательнѣйшихъ на берегахъ рѣки Спримона, подчинилъ власпи Аѳинянъ всѣ прибрежныя земли Фракіи и основалъ тамъ въ послѣд-

спвіи знаменипый поргволею городъ Амфи-поль. На возвращномъ пути своемъ опшуда онъ успремился съ побѣдоноснымъ флотомъ своимъ на островъ Скиросъ, жители коего, не укрощимые наѣздки морскіе, превозили Грецію своими грабежами и возбраняли коммерческимъ судамъ свободно плавать по морю Эгейскому; Скиросъ сдался по упорномъ сопротивленіи и жители его осуждены на рабство. На семь островъ открылъ Кимонъ гробницу Тезея, и съ величайшимъ шоржесствомъ перевезъ въ Аѣины прахъ сего великаго Героя; Аѣиняне приобрѣвши бранные остатки древняго Царя своего считали себя счастливыми; они думали, что симъ самымъ низвели благословія Боговъ на опечесшвенный городъ свой. Болѣе 700 лѣтъ опсуществовала Тезей изъ своего царства.

Послѣ сего вскорѣ другой островъ на Эгейскомъ морѣ подвергся шягостному власпшешельству Аѣинской республики; Наксосъ навлекъ на себя негодованіе Аѣинянь; сіи несчастные островишяне испытали всѣ роды спраданій и униженія опъ Кимона и его воиновъ, возгорженныхъ своими успѣхами и побѣдами.

Афиняне, хранившіе досель строгое правила умеренности и кротости въ управленіи союза, начали измѣняться; упоенные своею славою, надмѣнные могуществомъ они оставили поны первенствующаго народа, покровителей Греціи, а начали играть роль повелителей; всякое сопротивленіе ихъ опредѣленіямъ считали они пресumptивнымъ возстаніемъ и мятежничествомъ. Многіе союзники чувствовали стыдъ собственнаго Афинскаго, чувствовали, что подъ предлогомъ освобожденія конечнаго опъига Персидскаго имъ готовился иго еще ненавистнѣйшее—зависимости опъ Афинянъ. Всеобщій ропотъ распространился на нихъ во всей Греціи.

Сраженія при Эвримедонѣ, морское и сухопутное.

Для отвращенія пагубныхъ слѣдствій опъ сего повсемшвеннаго неудовольствія и для удержанія союзниковъ подъ своимъ вліяніемъ, Кимонъ предсавивъ Грекамъ необходимость войны съ Персами отправляюща съ сильнымъ флотомъ къ берегамъ Каріи. Города Каріи и Ликіи покоряюща Грекамъ при первомъ появленіи Греческаго флота у береговъ Малой

Азіи. Персы услышавъ о семъ неожиданномъ нападѣніи двинули огромной флотъ и многочисленное войско сухопущное къ берегамъ Памфиліи для обороны владѣній Царя своего отъ нападѣнія дерзновенныхъ непріятелей. Кимонъ быспро идесть имъ на встрѣчу, сопущспивуемый и своимъ флотомъ, и арміею. Корабли Греческіе сполкнулись съ Персидскими въ успяхъ рѣки Эвримедона; въ сраженіи здѣсь произшедшемъ Персы, вспомнивъ прежнія пораженія свои и шрепеща одного имени Грековъ, скоро смѣшались и оспавивъ корабли спаслись бѣгспвомъ на берегъ; около 200 судовъ Персидскихъ погибло въ семъ бою, роковомъ для Персовъ. Ободренный симъ успѣхомъ, полико легкимъ, Кимонъ высадилъ войска свои на берегъ и съ спремипельностію напалъ на сухопущную армію Персовъ; на берегахъ тогоже Эвримедона Кимонъ одержалъ рѣшительную шруднѣйшую прошивъ первой побѣду, шѣмъ болѣе для него славную. Тысячи шѣль покрывали мѣсто битвы; не многіе изъ Персовъ уцѣлѣли отъ пораженія; весь лагерь достался побѣдшпелю. Кимонъ съ своими сподвижниками праздновалъ двѣ великія побѣды, въ одинъ день имъ выигранныя, (за 470 л. до Р. Х.) девашъ

лѣпшѣ спуспя послѣ сраженій при Плашеѣ и Микалахъ.

Сіи шоржеспва Аѣинянь послѣдуемы были новыми—Кимонъ овладѣль Херсонесомъ, не большимъ узкимъ полуостровомъ, лежащимъ на юговоспочномъ краю Эракіи вдоль Геллеспонпа. Сіи побѣды увеличили славу Аѣинской республики; возгордили еще болѣе Аѣинянь, которые пренебрегши прежними жалобами союзниковъ начали поступать еще самовластно. Союзники ослабленные войнами не приносившими имъ ни пользы, ни чести, и раздраженные угнѣшеніями Аѣинскаго народа, опреклись на будущее время служить Аѣинянамъ своими войсками и флотомъ, и прѣбовали опдохновенія послѣ шолікихъ шрудовъ и облегченія опъ повинностей, на нихъ доселѣ лежавшихъ. Республика, лишенная вспоможенія опъ союзниковъ ослабѣлабы; но глубокомысленный Кимонъ умѣлъ найти средство опврапить сію опасность; припворившись, что охотно исполняетъ ихъ прѣбваніе, онъ объявилъ имъ, что Аѣиняне освобождаютъ ихъ опъ обязанности выспавлять опредѣленное количество войска съ шѣмъ условіемъ, чтообы они въ замѣнъ шого плащили въ общеспвенную казну

большія прошивъ прежняго суммы денегъ и присылали нѣсколько кораблей безъ людей и безъ всякаго вооруженія — Аѳиняне принимающъ на себя оснащениѣ флота и гоповы защищающъ безопасность Греціи своими только воинами. Предложеніе Кимона съ радостію утверждено было союзниками, въ неразуміи своемъ не предвидѣвшими того, что симъ самымъ лишаются они всѣхъ способовъ къ оборонѣ своей и передающъ всю власць военную въ руки своихъ успѣшнѣелей. Съ сихъ поръ Аѳиняне не полагали никакихъ предѣловъ своему самовласцію и чесполубивымъ замысламъ своимъ; всѣ союзники препешали предъ могуществомъ Аѳинъ; самобытность Греціи была на краю гибели.

Гордосць и самовласцишельство Аѳинянъ — несчастія и униженіе Спаршанцевъ.

Спаршанцы, потерявшіе первенство, и современи кончины Павзанія пребывавшіе въ вѣкопородомъ родъ усыпленія нравственнаго, воспранули услышавъ о грозной опасности для Греціи; подспрѣкаемые недовольными Аѳинскимъ правленіемъ они рѣшаются положити

оплошъ чесполобію давней своей соперницы и все подавляющему могуществу Аѳинянь. Спаршанцы изгоповлялись впайнѣ къ незапному нападенію на Ашпику; спрашная шуча собиравася надъ сею областію, какъ необыкновенное, ужасное событіе разсѣяло оную, остановило Спаршанцевъ въ ихъ пригоповленіяхъ и едва не подорвало республики Спаршанской въ самомъ ея основаніи. Землепрясеніе ужаснѣйшее, нѣсколько разъ возобновлявшееся, поколебавшее даже твердыни Тайгеша, разрушило почти въ конецъ весь городъ Спаршу за 468 л. до Р. Х.; не болѣе пяти домовъ уцѣлѣло и около 20,000 жителей погибло въ городъ и въ окрестностяхъ онаго.

Сіе бѣдствіе, насланное на Спаршу самою природою, сопровождается было спрашнымъ возпаніемъ Илошовъ; сіи несчастные, въ продолженіи цѣлыхъ спользій помивніеся подъ бременемъ жестокаго рабства, пользуясь безсиліемъ своихъ повелипелей умышляюшъ погубить ихъ и сдѣлашся сами властелинами всей Лаконіи. По примѣру древнихъ Мессенянь, имъ единоплеменныхъ, они заняли крѣпость Ишоме; будучи многочисленны и знакомые съ способомъ веденія войны Спаршанцевъ они уда-

чно отражали нападенія своихъ неприятелей. Спаршанская республика была въ крайности; земли ея опшались, по удаленіи Илошовъ, не воздѣланными; голодъ и опущенія свирѣпствовали во всей Лаконіи. Спаршанцы опчаянные и униженные умоляютъ о помощи Аѳинянъ, шощъ народъ, прошивъ котораго они за нѣсколь-ко времени предъ симъ ополчались. *Периклидѣ*, одинъ изъ посланныхъ Спаршанскихъ, сидѣлъ въ Аѳинахъ предъ вратами храма, съ лицомъ блѣднымъ, съ поникшею главою, въ красномъ одѣяніи, и умолялъ всѣхъ и каждаго о помощи.

Многіе изъ Аѳинянъ охотно внимали слухамъ о запруднишельномъ состояніи Спаршанцевъ, съ радостію взирали на предстоящую гибель республики не любимой; народъ Аѳинскій опвергнульбы безъ сомнѣнія прозьбы посланныхъ Спаршанскихъ о помощи, еслибы Кимонъ не смягчилъ жестокой ненависти, питаемой его согражданами къ Спаршѣ. Существованіе сопернической республики, говорилъ онъ въ народномъ собраніи, необходимо для блага самихъ Аѳинъ; справедливо рассуждалъ онъ, что Аѳиняне, движимые благороднымъ соревнованіемъ, не ослабѣютъ на поприщѣ своего возвеличенія, не могутъ предаться

пагубной безопасности и недѣлительности, сохраняя свою славу и значительность политическую до полѣ, доколѣ Спарта сохранила бытїе свое. Доводы Кимона подвигли Аѣнянъ къ великодушїю; они рѣшились дать ей пособїе въ войскахъ забывши то, что не задолго предѣ шѣмъ Спартянцы грозили имъ войною. Кимонъ повелъ знашной опрядѣ на помощь Спартянцамъ противъ Илошовъ. Казалось, шакое великодушїе должнобы было пресѣчь всѣ вражды, до полѣ раздѣляющїя оба народа; но Спартянцы или раздраженные высокоумїемъ воиновъ Аѣнскихъ къ нимъ прибывшихъ, или спрашась, чтобы Аѣняне не перешли на сторону ихъ враговъ и не соединились съ Илошамї, опправили обратно вспомогательное Аѣнское войско изъ Сарты подѣ благовидными предлогами. Аѣняне оскорбленные подозрѣнїемъ, и неблагодарностїю Сарты воспламенили къ ней еще большею противъ прежняго злобою. На Кимона, какъ главнаго виновника шакоего униженїя, обратили Аѣняне удары люшой мести; знатнѣйшїе граждане, давно уже завидовавшїе его славу и любви, шпашаемой къ нему народомъ, воспользовались симъ случаемъ и винили его въ преднамѣренномъ,

преспуиномъ расположеніи къ Спаршанцамъ. Оспракизмъ предложенъ и утвержденъ прошивъ Кимона — и онъ, подобно великимъ мужамъ, ему предшествовавшимъ, изгнанъ (458 л. до Р. Х.) изъ опечесива бывъ хранипелемъ правъ и зиждипелемъ величія его!—Союзъ съ Спаршою и всѣ связи съ Спаршанцами распоргнушы надолго.

И по изгнаніи Кимона величіе Аеинъ оспалось не поколебимо; слава Аеинскаго народа не полько не уменьшилась, но распроспранилась еще болѣе; казалось, счастье приковано было къ поржеспвенной колесницѣ Аеинскихъ военачальниковъ; никогда Аеины не были споль богашы мужами знаменитыми, какъ въ сей періодъ времени. Перикль, въ пишинъ долго готовившій свое будущее величіе, въ сіе время явилъ уже во всемъ блескѣ необыкновенные спаланпы ума своего, копорые вскорѣ содѣлаюшъ его всемошнымъ распорядипелемъ судьбы Греціи. Миронидъ, Леокрапъ и Толмидъ, доспойные ревнипели Темиспокла и Кимона, набогашали Аеинянъ несмѣшными добычами и радовали ихъ завоеваніями и побѣдами.

Миронидъ приобрѣлъ для Аеинской республики весьма важную область Мегариду, лежа-

щую при выходѣ изъ Аппики въ Пелопонесъ и доселѣ соспоаявшую подѣ покровительствомъ или вліяніемъ Спаршы; чрезъ сіе Аѳиняне доставили себѣ легкое средство перевозить жителей Пелопонеса своими нападѣніями сами будучи защищены опѣ оныхъ гористымъ положѣніемъ Мегариды, преграждавшимъ всякое вторженіе непріятельское въ Аппику; сверхъ того чрезъ присоединеніе Мегариды Аѳиняне могли удобно властвовать и въ заливѣ Сароническомъ, и въ заливѣ Коринѣскомъ; въ обширныхъ гаваняхъ, сей области, въ Низѣ и въ Пагѣ поставили они многочисленные корабли свои, наблюдавшіе за движеніями Эллады и Пелопонеса. Коринѣяне, единственные соперники Аѳинянъ на морѣ, ослабѣли опѣ такого усиленія враговъ своихъ и опѣ опаснаго ихъ соседства. Спаршанцы поперявши Мегариду спарались въ замѣну оной сохранить свое вліяніе въ Доридѣ, Віотіи и Фокидѣ. *Никомедъ* сынъ Клеомвротта, вождь Спаршанскій, занялъ знаменную часть Віотіи своими войсками, долженствовавшими удерживать честполубіе Аѳинской республики. Миронидъ пропивоппавленъ былъ Никомеду; сраженіе при Танагрѣ (456 до Р. Х.) было несчастно для перваго;

Спаршанцы поразили Аѳинянь и оспались власпелинами поля бишвы; но благоразуміе Миронида и швердоспъ его воиновъ скоро изхипили изъ рукъ Спаршанцевъ плоды одержанной ими побѣды; съ подкрѣпленными силами и съ большимъ мужествомъ успремился Миронидъ на своихъ непріяшелей, и Никомедъ разбишь былъ совершенно при Энофитѣ; Танагра снова dospалась въ руки Аѳинянь, ея укрѣпленія срышы; всѣ города Віопійскіе кромѣ Фивъ покорились Аѳинской республикѣ. За порабощеніемъ Віопіи послѣдовало непосредшвенно завоеваніе Фокиды, для управления коей Миронидъ назначилъ людей преданныхъ ему лично или его согражданамъ вообще. Всеобщій Эмпузисмъ любви и уваженія былъ наградою Мирониду при его возвращеніи въ Аѳины. Подъ предводительствомъ Миронида опшичался предъ всѣми воинами Перикль своимъ мужествомъ и холодною рѣшительностью въ самыхъ важнѣйшихъ опасностяхъ.

Въ шо время, какъ всюду носились похвалы дѣламъ и доблести Миронида, Аѳиняне обрадованы были новыми извѣспіями о славѣ своего оружія. *Леократѣ* подвергъ владычеству своей республики Эгину, оспровъ, всегда враждебный

Аѳинянамъ. Не смотря на мужеспвенную оборону оспровишянъ и на пособіе имъ данное ошъ Коринейнъ они смирились предъ побъдносымъ Леокрапомъ, который предписалъ имъ самыя унизишельныя условія мира: Эгинепы долженспвовали выдать ему всъ свои корабли, срыть укръпленія и плашишь всегдашнюю дань Аѳинскому народу. Покореніе оспрова Эгинны успрашило Спартанцевъ — послъ сего ожидали они прямаго нападенія Аѳинянъ на самую Спаршу.

Въ самомъ дѣлѣ Аѳиняне, никъмъ и ничъмъ болѣе неударживаемые, отправили сильный флотъ для наказанія Спартанцевъ за огиверженіе вспомогашельныхъ войскъ Аѳинскихъ. Толмидъ, управлявшій симъ флотомъ, опуспшилъ берега Лаконіи, сожегъ суда Спартанскія, обошелъ кругомъ весь Пелопонесъ, поразилъ Сикіонянъ, союзниковъ Спартанскихъ, и покрылъ кораблями своими весь Коринескій заливъ. Илопы, державшіеся въ Иномъ цѣлыя десятишь лѣшь, завоевали свою свободу и получили право ошъ Спартанцевъ оспавишь Лаконію. Толмидъ принялъ Илоповъ, начавшихъ именовашься Мессенянами подъ покровишельспво Аѳинъ, отправелъ имъ для поселенія городъ

Навпакпть въ Локридѣ, и образоваль изъ нихъ республику свободныхъ гражданъ подъ защищою Аѳинской. Симъ кончилась (за 455 до Р. Х.) война Илотовъ съ Спаршанцами, или шакъ называемая прешпїя Мессенская война!

Аѳиняне шоржествуя надъ своими прошивниками въ Греціи не упустили изъ виду униженїя совершеннаго шой державы, копорая и въ самомъ ослабленїи своемъ казалась имъ еще довольно грозною. Персы пребыли надолго предметомъ опасенїй и ненависти для Грековъ. Персидская Монархїя, раздираемая внушренними мяшежами, угрожаема была попереку покоренныхъ ей провинцій. Въ Египтѣ, присоединенномъ къ Персіи въ царшвованїе Камбиза, опшкрмысь возшпанїя прошивъ Аршакеркса. *Инарбъ*, правитель народовъ обипавшихъ на западной шпоронѣ Египша, подняль знамя возмущенїя прошивъ своего Государя (460—454 до Р. Х.) Находя свои силы недосшпаточными къ успешному прошивосшпанїю могущешвеннымъ Персамъ онъ испрашиваль себѣ помощи у республики Аѳинской, первой шогда державы въ свѣтѣ по важности своего флота и по храбрости своихъ воиновъ. Аѳиняне желали пошгбелїи Персамъ; искали союза и дружбы съ Египшянами

и попому согласились на прозьбу Инара; и въ Африкѣ хопѣли они утвердити свое вліяніе! Подъ предводительствомъ *Харитима* отправляющіе они около 200 кораблей въ Египецъ для испорженія сей земли изъ подъ владычества Персидскаго. Начало ихъ подвиговъ ознаменовано было блистательнѣйшими успѣхами; мужество и дисциплина Грековъ одолевали всѣ усилія Персидскихъ военачальниковъ; около пяти лѣтъ счастіе неизмѣнно благоприятствовало Афинянамъ; но въ шестой и послѣдній годъ войны Египетской, Арпаксерксъ воздвигъ всѣ силы своего царства и сухопутныя, и морскія, и ввѣрилъ оныя управленію Мегабиза, опытнѣйшаго и лучшаго шѣхъ время вожда Персіи. Афиняне изнемогли отъ множества арміи неприятельской и отъ искусства Мегабиза, И флотъ, и армія Греческія оказавши чудеса мужества испреблены почти совершенно; малые оспашки спаслись бѣгствомъ чрезъ Киренаику. Инаръ погибъ смертию Испіэя; Египецъ почти весь остался по прежнему во власти Персовъ; одинъ только *Амиртей* еще упорствовалъ,

Не безъ внутренняго удовольствія внимали Спартанцы слухамъ, разнесшимся по Греціи, о

несчастійхъ, поспигшихъ Аѳинянъ въ Египтъ; въ сихъ бѣдспвіяхъ видѣла Спарша карающую десницу Боговъ, раздраженныхъ высокоумріемъ и не законнымъ власпвованіемъ Аѳинскаго народа, и надѣялась скоро отместишь ему за опущеніе Лаконіи и за пораженія ей нанесенныя. Аѳиняне съ чувспвами глубочайшаго негодованія приняли вѣспъ о погибели своего воинспва въ Египтъ, и пламенѣли желаніемъ наказати Персовъ за спыдъ имъ причиненный; но въ шоже время види движенія Спаршанцевъ они спрашились возспанія сего народа и всей Греціи. Аѳины находились въ самомъ запруднптельномъ положеніи; народъ волновался, правпшели недоумѣвали ненаходя средствъ къ сохраненію безонасности опечеспва. Тогда Перикль, пожертвовалъ спасенію республики расчепами самолюбія, предложилъ народному собранію возвращпшь изъ започенія Кимона, который одинъ могъ опвратпшь зло и поддержати зыблющееся зданіе Аѳинскаго могущества. Съ торжеспвомъ и при всеобщпхъ восшоргахъ всшупилъ Кимонъ въ опечеспвенный городъ послѣ ппшпльшняго неправеднаго своего изгнанія; пресперпънныя имъ не заслуженно спраданія дали еще большую цѣну его до-

споинспивамъ въ глазахъ народа и доспавили ему безпредѣльное уваженіе. Кимонъ получилъ высокое право дѣйспивовашь по своему изволенію ко благу республики; все покорспивовало ему; паршіи смолкли; начальники дошолѣ враждовавшихъ между собою Аристокраповъ и Демокраповъ примирились; внутрениая пишина воспановлена въ Аѣинахъ содѣйспвіемъ Кимона; егоже благоразуміемъ попушено пламя войны, гошовой уже вспыхнушь между Аѣинянами и Спартанцами. Уважаенный даже и самими неприятелиаи своими Кимонъ успѣлъ склонить Спартанцевъ къ переговорамъ и заспавилъ ихъ подписашь за 450 л. до Р. Х. перемиріе на пять лѣшь; а чрезъ шо оградилъ своихъ согражданъ и внѣшнею безопасностію.

Успокоивъ такимъ образомъ свою республику и внутри, и извнѣ, Кимонъ, согласно желанію Аѣинянь, повелъ ихъ прошивъ Персовъ, дабы загладишь поношеніе причиненное въ Египтѣ флагамъ и знаменамъ Аѣинскимъ. Изъ гавани Фалеръ двинулись 200 кораблей; бо изъ нихъ ошправлены въ Египешь для возведенія Амирипея на пресполь Фараоновъ, и для совершеннаго освобожденія Египешскаго царства ошъ постыдной зависимости Персамъ; прочіе

140 кораблей поплыли под личнымъ предводительствомъ Кимона къ острову Кипру.

Кипръ, владѣніе весьма важное для Персіи въ коммерческомъ и военномъ отношеніи, содѣлался предметомъ и театромъ сей новой брани Аѣинлянъ съ Персами. Безпрепятственно достигъ Кимонъ береговъ сего острова. Персы уведомленные о шествіи Аѣинлянъ, изгнались принявъ ихъ въ большомъ порядкѣ; флотъ Персидскій, состоявшій изъ кораблей Финикійскихъ, Киликійскихъ и Кипрскихъ, усмремляется на суда Аѣинскія, отраженъ и разбитъ; и сухопутное войско Персовъ, сившееся вознаграждать прапы битвы морской, разбило на голову; Аѣиняне прошли побѣдоносно по всему острову и завоевали всѣ города, кромѣ одного Кипіона, который осажденъ со всѣхъ сторонъ. И флотъ и армія Персидскіе были испреблены; Кимонъ воспоржесествовалъ совершенно надъ своими неприятелями, и Артаксерксъ Долгорукій доведенъ былъ до такой крайности, что въ одной покорности воле побѣдителя могъ найсти спасеніе; онъ умолялъ о мирѣ, и Аѣиняне даровали ему оный на слѣдующихъ условіяхъ: утвердишь независимость Малоазійскихъ Греческихъ городовъ, не являть-

ся съ флотомъ своимъ въ водахъ Греческихъ и съ арміями сухопутными не оспанавливапьясь ближе, какъ на разстояніи трехъ дней пупи отъ береговъ Іоніи. Артаксерксъ согласился безпрекословно. Греки съ своей спороны обѣщались не нападать на его владѣнія и невозмущать спокойствія царства Персидскаго. Сей миръ, шодико славный для Грековъ, и столь унизипельный для великаго Царя, по справедливости именуется Кимоновымъ. Онъ заключенъ за 449 л. до Р. X.

Кончина Кимона.

Кимонъ еспь испинный виновникъ и побѣдъ, и мира. Къ сожалѣнію, сіи побѣды и шоржешвованіе мира куплены самою дорогою цѣною для Аѣинъ; они не увидѣли возвращенія своего Герол—Кимонъ изъ обѣщаній побѣды перешель въ обѣщанія смерти; онъ скончался въ лагерь своемъ на оспровѣ Кипрѣ предъ спѣнами города Кипіона.

Кончина Кимона была невознаградимою попереею для Аѣинской республики; онъ удерживаль неистовства парпін демократической и насилія Аристократовъ; своимъ умомъ, славою побѣдъ своихъ и скромностію

онъ вынуждалъ почтеніе къ себѣ отъ всѣхъ Эваппридовъ или знапнѣйшихъ, богатыхъ гражданъ; своею снисходительностію, всегда равно любезнымъ обращеніемъ и особенно щедростію и вспоможеніями бѣднымъ онъ приобрѣлъ благословенія народа. Добычи, которыя онъ получалъ отъ неприятелей, и которыя предоспаляла ему республика въ награду за его подвиги, содѣлали его богатѣйшимъ гражданиномъ въ Афинахъ; сими добычами дѣлился онъ часто съ недоспапочесвующими своими согражданами; огромное его богатство; законнымъ образомъ имъ приобретенное, употреблялъ онъ ко благу общему своего опечесва, и сею благородною щедростію обезоруживалъ не рѣдко зависть и злобу враговъ своихъ. Великолѣпныя сады его, по близости Афинъ находившіеся; всегда опкрышы были всѣмъ, и всякой могъ свободно пользоваться произведеніями оныхъ; домъ его опверстъ былъ Афинянамъ во всякое время; изобильныя ясва, коими накрышы были столы его, насыщали всѣхъ неимущихъ и бѣдныхъ, копорыхъ онъ считалъ своими друзьями; кромѣ пищи они снабжаемы были плашьемъ и деньгами по мѣрѣ нуждъ ихъ и доходовъ Кимона. Жерпвуя своими избытками согражда-

намъ въ частности онъ радѣлъ сполько же и о всеобщемъ счастіи Аѣинъ; возвеличивъ опечесство побѣдами онъ спарался прославить оное полезными учрежденіями; великолѣпные портики, въ коихъ народъ собирался для опдохновенія и бесѣдъ въ праздное время, пѣнистыя роци въ окрестностяхъ города, густыя алеи на народныхъ площадяхъ, подь пѣнію коихъ разсуждали Аѣиняне и о выгодахъ республики и обь интересахъ своей шорговли, и фоншаны, полные водою, украшавшіе и напавшіе городъ—все сіе воздвигнушо было въ Аѣинахъ въ правленіе Кимона, подь его надзоромъ и на его иждивеніи. Ариспидъ прославиль свое опечесство своею бѣдноспію, Кимонъ богатспвомъ своимъ. Кимонъ былъ dospойный предспавишель республики, копорой назначено было dospигнуть высочайшаго спепени образования и упонченія—покровишельспвуя наукамъ и искусшвамъ онъ познакомиль Аѣинянъ съ наслажденіями умспвенными и поставиль ихъ на спезю ученой славы. Безъ Кимона, върояшно, не сущеспвоваль бы золопой вѣкъ Перикла, вѣкъ, шoliko богатый шворческими произведеніями Поэзії, глубокой учености и изящныхъ художеспвъ, вѣкъ, съ копорымъ въ

цѣлой Испоріи чловѣчеспва могутъ равняшь-
ся только при періода времени: правленіе Ав-
густа въ Римѣ, Медіцисовъ въ Италіи и Лу-
довика XIV во Франціи. Кимонъ, оскорбляемый
и гонимый при жизни, почтенъ былъ по смер-
пи своей великолѣпнымъ памятникомъ, сохра-
нявшимся въ Аѣинахъ чрезъ цѣлыя столѣтія.

По кончинѣ сего великаго гражданина пламя
междоусобій, попушенное его только миролю-
біемъ и мудросцію, вспыхнуло снова. Аѣиняне,
въ чувствѣ своего могущеспва, представляя
себѣ то, чѣмъ они были и чего достигли, спре-
мились къ большему, къ высшему; неумѣрен-
ное ихъ чесполобіе, не удовлетворенное под-
вигами уже совершенными, искало себѣ новой
пищи; не видя враговъ опасныхъ извнѣ Аѣи-
няне, развращенные на лонѣ роскоши и бо-
гатеспвѣ, поражали своихъ собратій, едино-
племенныхъ имъ Грековъ; съ сихъ поръ, мы
увидимъ, вмѣсто прежнихъ республиканскихъ
добродѣтелей, вмѣсто чистой любви къ оше-
чеспву и самоошверженія водворяется въ Гре-
ціи гнусная Полипика, продажность, вѣролом-
спво и себялюбіе, начинающія неистовыя
брани Грековъ съ Греками; ихъ взаимныя силы
ослабляющія въ войнахъ междоусобныхъ; послѣ

Кимона ничего не было предпринято великаго противъ непріятелихъ внѣшнихъ ни Аѳинянами, ниже Спартанцами; и ежели еще время оныхъ времени сіяють въ Греціи мужи великіе и герои доблесивные; то ихъ спаланпы и Геній воинскій образовались не въ войнахъ съ чужеземцами, но въ битвахъ жестокихъ противъ своихъ соопечесивниковъ. Благоденствіе внутреннее, казалось, умерло вмѣстѣ съ Кимономъ; но и послѣ него долго еще Аѳиняне будутъ казаться народомъ великимъ. Увоенные своею славою и очарованные блескомъ наружнаго величія и первенства они забывали спраданія внутреннія и не примѣчали знаменій близкаго своего паденія. И могли ли Аѳиняне спрашиваться будущаго, могли ли они помышлять о зыблемости своей республики, когда правленіе оной лежало на твердыхъ раменахъ Перикла?

Периклъ.

Периклъ, попомокъ Алкмеонидовъ, сынъ Ксантппа, побѣдителя при Микалахъ, ученикъ Анаксагора, другъ Фидіаса, любимецъ и супругъ Аспазіи, заимилъ всѣхъ своихъ предшесивниковъ своею славою и вліяніемъ на Грецію. Его высокая порода, обширныя связи и превос-

ходное воспитаніе рано посѣлавили его на видную степень между его согражданами; своею величавостію, не обыкновеннымъ достоинствомъ въ своихъ движеніяхъ и поступкахъ, рѣшительностію и поспоянствомъ характера онъ невольно увлекалъ вниманіе всеобщее; своимъ умомъ, дальновидностію и даромъ всепобѣждающаго слова своего онъ надъ всѣми владычествовалъ въ народныхъ собраніяхъ. Периклъ былъ краснорѣчивѣйшій ораторъ своего времени; казалось, онъ подобно Юпитеру мечетъ грозныя Перуны изъ устъ своихъ, когда поражаетъ противниковъ; какая-то необыкновенная божественная сладость лѣется изъ устъ его, когда онъ склоняетъ къ чему либо народъ Аѣинскій; Олимпійскимъ прозвали его Аѣиняне за сей чудесный даръ краснорѣчія. Еще при жизни Кимона и Аристиды началъ онъ незамѣтно и съ величайшею осторожностію создавать будущую свою значительность и величіе; въ самой годъ изгнаніяThemistocles вступилъ онъ на опасное въ республикахъ поприще государственной службы. Самое первое появленіе его на поприщѣ ораторства и политики произвело чрезвычайное дѣйствіе въ Аѣинахъ. Спарцы Аѣинскіе съ ужасомъ замѣчали въ немъ

совершенное сходство съ Пизистратомъ по наружности, по голосу и по пріемамъ, осперегали юныхъ своихъ соотечественниковъ отъ сего опаснаго демагога; напрасное оспереженіе! сила и прелесть рѣчей Перикловыхъ увлекала и очаровывала народъ легковѣрный — всѣ безмолвствовали предъ Орапоромъ, всѣ покорствовали его волѣ, не смотря на то, что онъ въ самомъ дѣлѣ во всемъ шелъ по стопамъ Пизистрата. *Quid enim inter Pisistratum et Periclem interfuit, nisi quod ille armatus, hic sine armis tyrannidem gessit?* (Val. Max.). По смерти Аристида онъ сдѣлался всемогущимъ распорядителемъ судьбы народа Аѣинскаго; Кимонъ предводительствовалъ войсками и одерживалъ побѣды надъ врагами, и потому всегда почти оспуствовалъ изъ Аѣинъ; изгнаніе его еще болѣе увеличило власть Перикла въ республикѣ; по смерти Кимона онъ остался безъ совѣтниковъ; *Фукидидъ*, сынъ Милезія, родственникъ Кимона, достойный вождь, Полипикъ и Орапоръ, пропивоопасавленъ былъ Аристократами Периклу, но изнемогъ скоро въ неравной борьбѣ съ своимъ великимъ соперникомъ; съ сего времени не было въ Аѣинахъ человѣка, который бы дерзнулъ соспя-

зашься съ Перикломъ о первенствѣ; съ сего времени до самой кончины своей онъ пользовался безпредѣльною властію въ республикѣ не смотря на то, что не облченъ былъ никакими шиплами, не былъ ни Архонтомъ, ни Ареопагитомъ; только высренности своего генія, добровольной ему покорности народа и неограниченной довѣренности всѣхъ Аѳинянъ къ его дарованіямъ одолженъ онъ сею властію; сограждане его были твердо увѣрены, что онъ назидаетъ не благо свое собственное только, но счастье всѣхъ, что онъ всего себя посвятилъ республикѣ. Истинно великъ и удивленія достоинъ поэтъ гражданинъ, которъ въ Аѳинахъ, городѣ, пошико богатомъ мужами знаменитыми, могъ помрачить собою всѣхъ и умалить такъ, что всѣ современники его были предъ нимъ какъбы пигмеи предъ исполиномъ.

Периклъ не смотря на то, что порода содѣлывала его Аристократомъ благопріятствовалъ споронѣ Демократической; онъ стремился къ власти высочайшей, и зналъ, что народъ лучше награждаетъ своихъ любимцевъ, и слѣпо повинуется имъ, которые дѣйствуютъ во имя его. Гордые Эвпашриды, всегда

недовѣрчивые, подозрительные, дальновидны и ревнивы къ своимъ привилегіямъ, и попому Периклъ опустушилъ опъ нихъ, и объявилъ себя защитникомъ и покровителемъ нижшаго класса гражданъ.

Проспый народъ по мърѣ умноженія богатствъ и усиленія Аѣинъ приобрѣталъ болѣе и болѣе значительности; себѣ, а не вождамъ приписывалъ онъ всю честь побѣдъ надъ врагами иноземными. Еще при жизни Аристиды по настоянію черни уничтоженъ былъ коренный законъ республики, по которому нижшимъ и бѣднымъ гражданамъ возбранялось занимать важныя должности въ Государствѣ; правленіе содѣлалось чисто демократическимъ, или лучше умѣренная демократія уступила мѣсто мяшешной Охлокраціи; не лучшіе въ народѣ, но развращеннѣйшая чернь, люди безъ правилъ, безъ нравственности владычествовали въ Аѣинахъ; только Ареопагъ, судилище мудрое и безъ лицепріяпія строгое, удерживалъ порывы насильственные мяшешниковъ и Анархисповъ. По изгнаніи Кимона предположено было уменьшитъ спрашную, но благодѣштельную для республики власть Ареопага; Демагогъ *Эфиальтъ*, орудіе Перикла, внушилъ сей планъ

народу, и народъ утвердилъ оный съ воспоргами дикой радости; опредѣлено было, чѣобы всѣ важнѣйшія дѣла Государственныя, рѣшаемыя доселѣ Ареопагитами, переносимы были въ народныя собранія для окончательнаго разрѣшенія оныхъ; чѣобы заспавишь всѣхъ и самобѣднѣйшихъ гражданъ присудспвовать въ сихъ собраніяхъ, назначено было выдавать жалованье народу за каждое присудспвіе; безчисленными толпами черни наполнены были съ сихъ поръ Аѣины; для большаго увеселенія оной устанавлены новыя празднества, театральныя представленія и жертвоприношенія; мясо заѣлаемыхъ жертвъ раздаваемо было народу въ пищу. Всѣ сіи постановленія спребовали большихъ прошивъ прежняго суммъ, большихъ доходовъ для удовлетворенія всѣхъ издержекъ; для того налоги и подаши, собираемыя съ союзниковъ, были увеличены, и казнохранилище, вмѣщавшее тогда до 10,000 паланповъ, перенесено было изъ Делоса въ Аѣины; народъ насильспвенно присвоилъ себѣ право, распоряжаясь безъ всякой отвѣспственности и съ беспредѣльною властію всею казною Греческою; всѣ союзники въ случаѣ ихъ распрей между собою долженспвовали опноситься въ

Аѳинскія народныя собранія, гдѣ произносимы были приговоры надъ ними; виновные осуждались на большія денежныя пѣни, обращающіяся на пользу народа Аѳинскаго; союзники спрдавали, и не смѣли ни откуда надѣяться себѣ облегченія; Аѳиняне управляли Греціею съ неслыханною тиранніею. Сами Аѳины оглушаемы были воплями угнѣвленныхъ Аристократовъ, коихъ главная вина сосполяла въ ихъ богатствѣ; они подвергались безпрестаннымъ наветамъ Сикофаншовъ, по наущенію коихъ не рѣдко у нихъ опнимаемо было доснояніе опцовъ ихъ, спяжанное прудами, правдою и заслугами опечеспву. Не было предѣловъ припязаніямъ корыстолобивой и яростной черни, располагавшей по своему произволу всѣми дѣлами республики. Въ рукахъ проспаго народа сосредопочены были всѣ опрасли верховной власпи, власпъ законодасельная, судебная, исполнпсельная и финансовая. Ужасно правпсельсво, въ коемъ пысячи безнравспвенныхъ пшранновъ правашъ кормиломъ Государспва!

Таково было соспоянпс Аѳинъ, когда Перикль по смерти Кимона началъ играть первую роль въ республикѣ Аѳинской! Всемогущею силою

своего характера остановилъ онъ неисповсхва черни; мудростию своихъ совѣтовъ оспрашилъ злоупотребленія; даромъ краснорѣчія своего онъ примирилъ бѣдныхъ съ богатыми, облегчилъ состояніе союзниковъ и спремился, кажется, къ тому, чтобы властвовать надъ Греціею не силою и принужденіемъ, а любовью и добровольною преданностию Грековъ къ Аѣинянамъ; онъ помышлялъ не о распространеніи владѣній Аѣинскихъ, но о сохраненіи прежнихъ приобретений.

Владѣнія Аѣинянь около половины пятаго вѣка до нашей Эры были обширнѣе, нежели когда либо прежде и послѣ того; Аѣинская республика была въ Зенитѣ своего политическаго могущества; вліяніе оной чувствуемо было на континентѣ Греціи, на островахъ моря Эгейскаго и въ Малой Азіи. Первенство Аѣинянь признавали въ Элладѣ области Мегарида, Фокида, Віошія и Локрида, въ Пелопонесѣ Ахаія и Арголида и всѣ почти острова Циклады и Спорады, кромѣ Крита, Мелоса и Оеры; Аѣинянамъ покорствовала большая часть городовъ Малоазійскихъ и всѣ колоніи Греческія, лежащія во Фракіи, при Гелеспонтѣ и Пропонтидѣ. Аѣинская республика моглабы

считались обширною и сильною державою, ежели бы сила и могущество Государствъ зависѣли оупь обширности и многосложности владѣній, оныя соснавляющихъ. Но сія по многосложности и разнородности земель, подвластныхъ Аѣинянамъ, были великимъ препятствіемъ къ единству въ управленіи и къ согласію между обитателями; безконечна была, какъ замѣчено выше, разность въ правахъ гражданскихъ и политическихъ между собственными Аѣинянами и ихъ союзниками или, лучше, ихъ данниками. Перикль постигалъ и ясно видѣлъ всѣ невыгоды сего неспройнаго соснава своей республики; онъ видѣлъ, что Аѣины вмѣсто споспѣшествованія благу подвластныхъ имъ обласней и оспрововъ съ намѣреніемъ препятствуютъ оному, находя въ шомъ пользу, и на оборотѣ, порабощенные Аѣинянамъ земли прошивудѣйствуютъ всѣмъ мѣрамъ правительсва Аѣинскаго и пипаютъ къ нему глубокое чувствено злобы. Для оспстраненія шаковыхъ взаимно враждебныхъ отношеній Перикль начерпалъ въ умѣ своемъ великій, доспойный его планъ преобразования или измѣненія соснонія не только Аѣинъ, но цѣлой Греціи. Намѣреніе его соспоило въ шомъ, что-

бы изъ многихъ мелкихъ республикъ Греческихъ образовавъ одну великую и направивъ ее къ единой высокой цѣли — къ славъ и возвеличенію Греческихъ племенъ превъше всѣхъ народовъ на землѣ. Центромъ же или душою таковой республики долженствовало бытъ городъ Аѣины. Депутаты, избранные отъ всѣхъ племенъ Греческихъ, и въ Европѣ, и въ Азіи обитавшихъ, должныствовали собираться въ Аѣинахъ и составивъ общій совѣтъ разсуждали о важнѣйшихъ дѣлахъ всей Греческой націи. Сохраненіе внѣшней безопасности и утвержденіе внутрѣнной тишины и мира между всѣми областями Греціи, и свобода морей были бы главнымъ предметомъ попеченій сего верховнаго совѣта. Гордость Спартянцевъ, зависть прочихъ Грековъ и опасенія ихъ о могуществѣ Аѣинянъ воспрепятствовали исполненію предначертаній Перикла — планъ его былъ отвергнутъ. Не изчислимы были бы послѣдствія, еслибы Периклъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи; Исторія Греціи получилабы другую физіономію; Греки соединенные въ одно политическое шѣло не сдѣлали бы вѣроятно такихъ успѣховъ на поприщѣ образованія, но за то избѣглибы тѣхъ жестокихъ потрясеній, которыя вскорѣ бу-

въ войнѣ спокойствіе своей республики предложили Спартанцамъ перемиріе для нихъ выгодное—Аѳиняне опрелись опть вліянія на Віошію и Мегариду: потеря конечно важная; но Перикль уступилъ необходимости и обстоятельству; онъ надѣялся со временемъ вознаградишь сей ущербъ. Спартанцы согласились (въ 442 г. до Р. Х.) на перемиріе, и удаляясь изъ Эллады обещались хранишь дружбу и согласіе съ Аѳинянами въ продолженіи 30 лѣтъ. И въ семъ случаѣ Перикль показалъ сугубый талантъ—искуснаго воина и благоразумнаго политика.

Но во всемъ блескѣ открылись его воинскія дарованія и искусство военачальническое въ войнѣ, возгорѣвшейся вскорѣ послѣ заключенія 30 лѣтняго перемирія. Городъ Милепъ враждовалъ съ островомъ Самосомъ. Жители Милепа просили о помощи Аѳинянь, и Перикль съ 60 кораблями побѣдилъ совершенно островитянъ Самоса, подкрѣпленныхъ огромными силами Персидскаго Сатрапа. Укрѣпленія Самоса срышы, военные корабли его опданы Аѳинянамъ, которые сверхъ того получили опть побѣжденныхъ большія суммы (200 талантовъ) за издержки войны. „Въ семъ походѣ подѣ

управленіемъ Перикла дѣйствовали со славою знаменитѣйшіе люди своего времени: Софокль, Эукидидъ и Форміонъ. Перикль гордился симъ походомъ, какъ подвигомъ отличнѣйшимъ въ воинственной его жизни.“ Десять лѣтъ, говорилъ онъ, радовалъ Агамемнонъ подъ стѣнами древней Трои; въ девять мѣсяцевъ сокрушилъ я могущество Трои Іонійской.“ По возвращеніи въ Аѣны чело Перикла украшено по единодушному опредѣленію его согражданъ вѣнцами и побѣднымъ и гражданскимъ; первый данъ ему за пораженіе враговъ, вторымъ почтенъ онъ былъ за надгробное слово, держанное имъ въ честь падшихъ на войнѣ его сподвижниковъ, слово, которое долго считалось неподражаемымъ образцомъ вѣщійства.

Перикль примиреніемъ съ Спартою отвратилъ опасности для опечесства своего; но злобы личныхъ враговъ своихъ укропить не могъ. Союзники Аѣнской республики жаловались на него, что онъ суммы собираемыя съ нихъ употребляетъ не на войну съ Персами, не на пользу общественную всей Греціи, но на украшеніе однихъ только Аѣнъ; въ самомъ дѣлѣ несмѣтные капиталы распочалъ Перикль на возвеличеніе опечесвеннаго города; великолѣп-

ныя публичныя зданія, коихъ огромность и особенно прекрасныя формы изумляли всѣхъ, воздвигнутыя по мановенію Перикла подъ надзоромъ знаменитаго Фидіаса; несравненныя произведенія ваянія украшали портики и народныя площади; оспаніки сихъ испинно пворческихъ произведеній ваянія и зодчества свидѣтельствуютъ и доселѣ еще о геніи Фидіаса и объ упонченномъ, высокому вкусу Перикла и Аѳинскаго народа. Периклъ на жалобы союзниковъ противъ его распочипельности объявилъ безбоязненно, что Персы унижены, что Греція спокойна и безопасна подъ кровомъ Аѳинянъ, и слѣдственно цѣль союза достигнута; онъ говорилъ имъ, что Аѳины, республика первенствующая, не подлежатъ опвѣлспвенности по распоряженію суммъ, и что городъ славнѣйшій изъ всѣхъ городовъ Греческихъ долженъ необходимо для славы Греціи самой спать превъше всѣхъ по своему великолѣпію, по огромности и красотѣ своихъ зданій.

Но сіи доводы не убѣждали, а еще болѣе раздражали союзниковъ противъ Перикла. Въ самыхъ Аѳинахъ находились люди подкрѣплявшіе ропошъ союзниковъ и также противъ него вооружавшіеся. И могъ ли Периклъ не имѣть

себѣ завистниковъ и враговъ въ споль мятежномъ городѣ, каковы Аѣины, и между такимъ легкомысленнымъ и непоспояннымъ народомъ, каковы Аѣиняне? Не смѣя отккрыто нападать на самаго Перикла они изыскивали всѣ средства огорчать его въ лицѣ его друзей; спрѣлы враговъ успрямлялись попеременно на Анаксагора, Фидіаса и Аспазію, на особъ драгоценныхъ и любезныхъ Периклу.

Анаксагоръ, уроженецъ Клазоменскій, знаменитѣйшій философъ погдашняго времени, былъ наставникомъ Перикла въ его юности, и руководилъ его по тернистому пути Государственнаго служенія въ зрѣлыя лѣта его. Онъ обвиняемъ былъ въ распроспраненіи идей зловредныхъ Государству и въ поруганіи Богамъ Греческимъ. Обвиненіе нелѣпое и злоспное! Анаксагоръ былъ человекъ высокій по уму своему, чистый по своимъ правиламъ, былъ такой человекъ, кошорый, по словамъ знаменитаго писателя нашего, (а) „разсѣялъ густыя мраки языческихъ суевѣрій и опнесъ къ Единому Всемогущему духу сотвореніе и управление міра.“ Одно только удаленіе изъ Аѣинъ могло спасти Анаксагора отъ дальнѣйшихъ

(а) М. Н. Муравьева.

преслѣдованій и опъ ярости враговъ, несправедливо на него клеветавшихъ.

Фидіасъ, краса архисповъ Греческихъ, геній, которому удивляющся и къ имени коего благоговѣютъ лучшіе художники время новѣйшихъ, подвергся темничному заключенію по обвиненіямъ вѣрнымъ, недостойнымъ ни вѣры, ни вниманія. Долго спустя освободилъ его опъ сего унизительнаго спраданія Периклъ, гордившійся дружбою Фидіаса; другіе полагаютъ, что онъ и умеръ въ темницѣ.

Аспазія, родомъ изъ Милета, чудо красоты, любезности, ума и нравственности, женщина, которую считалъ своею наставницею Сократъ, которую богопворилъ Периклъ, обвинена въ развращеніи юношества и женъ Аѣинскихъ и во вліяніи на дѣла управленія ко вреду Аѣинъ и къ безславію Перикла; ни ея слезы и невинность, ни ея краснорѣчіе не могли смягчить жестокихъ и не справедливыхъ обвинителей и судей ея; одно только предсвательство Перикла и наспопашельныя его прозбы къ народу избавили ее опъ позорнаго наказанія.

Периклъ хорошо понималъ, что сіи гоненія на друзей его имѣли главнымъ предметомъ оскорбленіе его самаго; онъ видѣлъ безпрерыв-

но возраспающую злобу враговъ своихъ и охлажденіе къ нему согражданъ. Пропивники Перикла, ободренные первыми успѣхами своими, просперли скоро свое дерзновеніе до того, что въ собраніи народномъ шоржественно пребывали, чтобы онъ далъ предъ Припанами подробной опчешъ въ своемъ управленіи республикою, и въ шомъ, куда употребилъ онъ суммы собиравшіяся съ союзниковъ. Перикль въ первый разъ въ своей жизни приведенъ въ замѣшательство и посшавленъ въ самое запруднипельное положеніе; обыкновенная, всегда ему свойственная бодрость духа начинала оставлять его; онъ усмащивалъ необходимость исполнить требованіе народа и принялся за составленіе опчешовъ. Юный Алкивіадъ, его родственникъ, не былъ допущенъ къ нему во время своего посѣщенія; узнавши причину сего страннаго опказа сказалъ онъ съ легкомысліемъ, всегда его опшличавшимъ: „гораздо лучше бы было думать ему о шомъ, какъ бы не дѣлашь опчешовъ, нежели заботишься о составленіи оныхъ.“ Слова примѣчательныя—они сдѣлали такое впечатлѣніе надъ умомъ Перикла, что съ шѣхъ поръ онъ дѣйствительно пренебрегъ опчешами и ожидалъ случаевъ, въ коихъ бы

Аѳиняне почувствовали нужду въ его талантахъ и въ пособіяхъ великаго ума его. Таковой случай скоро представился. Произшествіе не предвидѣнное благопріиспособовало его ожиданіямъ, воскресило его надежды и еще болѣе упрочило его всемогущество въ Аѳинахъ; возгорѣлась война, отвлекшая вниманіе Аѳинянъ отъ приязнаній на Перикла и озабывшая ихъ важнѣйшими занятіями; слабая искра, зажегшаяся въ крайнемъ углу Греціи, произвела такой ужасный пожаръ, который объялъ всѣ Греческія обласни и пожралъ прекраснѣйшіе цвѣты благоденствія Греческихъ народовъ—это была война Пелопонезская, составляющая примѣчательнѣйшую Эпоху въ Исторіи Греціи, война, съ которой по ожесточенію и ярости сражавшихся можетъ равняться только война 30 лѣтняя, раздиравшая Германію во времена новѣйшія.

Причины войны Пелопонезской и ближайшіе поводы къ началу оной.

Пелопонезская война была неизбежна. Въ продолженіи 40 лѣтъ первенства или гегемоніи Аѳинянъ Спарта не преспавала пипать и пайно, и явно непримиримую ненависть къ

соперникамъ своимъ; по мѣрѣ увеличенія владычества Аѣинскаго увеличивались не удовольствія и злоба союзниковъ. Спаршанцы никогда не могли проспитъ. Аѣинянамъ того, что они похитили у нихъ вѣковое право первенствовать въ союзѣ Греческихъ республикъ; Аѣиняне одымленные безпрерывными успѣхами и величїемъ своимъ не полагали предѣловъ своему властолюбію. Вошъ главная причина войны—она выпекала неминуемо изъ самой природы вещей и изъ взаимнаго отношенія Грековъ между собою; не основательно и безразсудно бы было приписывать войну проискамъ Перикла, и считатьъ его главнымъ виновникомъ оной. При злобномъ соперничествѣ Аѣинъ и Спаршы всѣ хопя сколько нибудъ проникавшіе въ будущность предугадывали неминуемость сильной брани между обѣими республиками; но можетъ быть она началась бы нѣсколькими годами позже, ежелибы Периклъ, находившій свои выгоды въ ускореніи войны, не вмѣшался въ дѣло для Аѣинянь во все чуждое. Ссора Коринѣянь съ Корцирянами была непосредственнымъ поводомъ къ открытію войны Пелопонезской.

Вражда Коринѳянъ съ Корцирянами.

Островъ Корцира, заселенный первоначально Коринѳскими выходцами, съ печеніемъ времени укрѣплялся въ своемъ благоденствіи, набогачался оборотами обширной торговли, и подъ защитою большаго флота, перваго въ Греціи послѣ Аѳинскаго, достигъ высокой степени значительности. Излишество въ народонаселеніи сего острова, производившее опъ непрерывнаго мвра и опъ избытковъ въ средствахъ продовольствія жителей, руководило Корцирянъ къ тому, что они въ разныя времена и въ различныхъ странахъ основали колоніи. Городъ *Эпидамнѳ*, построенный на берегахъ восточныхъ Адриатическаго моря въ Иллиріи, былъ примѣчательнѣйшимъ поселеніемъ Корцирянъ. Быстро возраславшее могущество Эпидамна возгордило его обитателей; они презрѣли связями съ своею метрополіею и открыто враждовали съ Корцирянами видя въ нихъ опасныхъ себѣ соперниковъ. Въ сосѣдствѣ Эпидамна жили народы не Греческаго произхожденія, варварскіе и жестокіе; часто они возмущали спокойствіе Эпидамна и въ одно время сдѣлали споль сильное нападеніе на оной, что

Эпидамнійцы раздраемые въ поже время и внушрнными мятежами не въ соспоянїи были опразитшь ихъ своими собспвенными силами, Въ сей крайности они прибѣгли съ прозьбою о помощи къ Корцирянамъ; но были опринупы съ униженіемъ мспшительными островипянами. Коринейне, давно негодовавшие на Корцирянъ неуважавшихъ одинаковымъ съ ними произхожденіемъ и древними связями, приняли Эпидамнъ подѣ свое покровительсво, и опсправили шу-да вспомогательное войско и флотъ для обороны сего города опѣ нападеній варваровъ и опѣ злобы Корцирянъ. Корциряне раздраженные таковымъ посредничесвомъ Коринейнъ и не могли опкклонитшь ихъ опѣ онаго переговорами и дружелюбно опкрыли прошивъ нихъ непрятельскїя дѣйствїя. Корциряне, имѣя многочисленнѣйшїй флотъ, воспоржесствовали надѣ своими врагами—Коринейне разбины при мысѣ Акціумъ и подверглись, они и ихъ союзники, всѣмъ ужасамъ опуспошенїй, разносимыхъ побѣдоноснымъ флотомъ Корцирскимъ во всѣ области Пелопонеса. Эпидамнъ сдался во власшь Корцирянамъ за 436 л. до Р. X.

Коринейне, дыша мщеніемъ за поражение и пламенѣя желаніемъ унизитшь гордосшь Корци-

рянь, убѣдили всѣхъ своихъ союзниковъ соединиться съ ними и дѣйствовать общими силами противъ надмѣнныхъ оспровилянъ; флотъ изъ 150 кораблей ополчился изъ всего Пелопонеса противъ Корциры. Корциряне испуганные сими огромными приготовлениями не смѣли довѣрять своему счастью и рѣшились оградить себя союзомъ съ могущественными Аѳинянами зная ихъ неприязнь къ Коринѳянамъ. Аѳиняне, колеблемые опасеніемъ вооружить на себя весь Пелопонесъ чрезъ подаііе помощи Корцирянамъ, но движимые желаніемъ приобрести себѣ такихъ сильныхъ на морѣ союзниковъ, каковы Корциряне, долго медлили отвѣтомъ, пославъ Корцирскимъ; наконецъ мнѣніе Перикла одержало верхъ—и союзъ съ Корцирою заключенъ. Аѳинская республика отправила на помощь Корцирянамъ десять кораблей подъ предводительствомъ *Лакедемонія*, сына Кимонова; ему предписано было защищать владѣнія оспровилянъ—союзниковъ, но не нападать на Коринѳянь. Въ проливѣ раздѣляющемъ Корциру отъ Эпира сошлись флоты обѣихъ сторонъ; дано сраженіе—одно отдѣленіе Корцирянъ поржеспвовало надъ Коринѳянами, ему противустоявшими, въ то время, какъ другая

часть Коринесскаго флота поражала Корцирянъ; потеря была большая и съ той, и съ другой стороны; побѣда не рѣшишельная; оба народа приписывали каждой себѣ честь оной; война окончана 433 г. до Р. Х, но вражда оспалась по прежнему; миръ заключенъ не былъ.

Осада Попидеи.

Помощь, поданная Корцирѣ Аѳинскою республикою, произвела ошърышую неприязнь между Коринѳянами и Аѳинянами. Первые объявили шоржественно, что Аѳиняне шѣмъ нарушили договоры придцатилѣшняго перемирія; Коринѳскіе агенты возбуждали всю Грецію къ возспанію противъ Аѳинянъ, и взывали къ Спаршанцамъ прося ихъ помощи и дѣлая ихъ судіями между Аѳинянами и прочими народами Греческими. Аѳиняне вмѣсто шого, что бы умѣренностію и справедливостію своею спараться разсѣяшь неудовольствія своихъ единоплеменныхъ, казалось, съ намѣреніемъ усиливали всеобщее на себя негодованіе; они посмѣвалиеь безсильной по ихъ мнѣнію злобѣ враговъ и къ вящей досадѣ Коринѳянъ успремились на городъ *Потидею*, Коринѳскую колонію, данницу Аѳинской республики; считая жипелей

Попидеи измѣнниками, благопріятствовавшими Коринѣу или по крайней мѣрѣ сомнѣваясь въ ихъ вѣрности они прѣбывали опѣ Попидеянѣ, разпорженія всѣхъ ихъ связей съ Коринѣянами, срыпшія ихъ укрѣпленій и выдачи лучшихъ изъ среды ихъ гражданъ аманашами въ залогъ преданности ихъ Аѣинамъ. Попидеяне давно уже недовольные Аѣинскимъ правительствомъ рѣшились опложиться совершенно опѣ Аѣинянѣ, своихъ утѣшителей, и пристать къ союзу Пелопонезскому. Спаршанцы и Коринѣяне приняли ихъ подъ покровъ свой. Аѣиняне узнавши о семъ немедленно посылають значительной флотъ съ большимъ высаднымъ войскомъ для осады и взятія Попидеи и для наказанія вѣроломныхъ ея жителей. И Коринѣяне съ многими изъ Пелопонезскихъ народовъ спѣшашъ для спасенія несчастныхъ Попидеянъ; всѣми силами Коринѣскими предводительствовалъ *Аристей*, Аѣинянами управлялъ *Калміасъ*; сторону Коринѣянъ принималъ Македонскій Царь *Пердикка*, сынъ Александра, прославившагося въ Персидскія войны. Въ сраженіи, происшедшемъ между обоими войсками за 452 г. до Р. Х. Калміасъ былъ убитъ, но свою смерть запечатлѣлъ побѣдою. Аристей раз-

бипъ совершенно, и городъ Попидея обложенъ Аеинянами и съ сухаго пути, и съ моря. *Форміонъ* заступилъ мѣсто Калліаса.

Коринтяне пораженные сими несчастными извѣстіями обращаются снова къ Спартянцамъ, и на всеобщемъ собраніи союзниковъ Пелопонезскихъ съ чрезвычайною силою наспоютъ о необходимости войны всѣхъ Грековъ прошивъ Аеинянъ., Корцира, говорили они, подъ вліяніемъ Аеинъ, Попидея въ опасности, Пелопонезъ поруганъ, Аеиняне самовластвуютъ въ Греціи, не хранятъ мира и не даютъ никому пользоваться онымъ. Можемъ ли Спарта, можемъ ли мы всѣ сморгнуть кладнокровоно на общихъ враговъ спокойствія нашего, на неисповыхъ, высокомерныхъ Аеинянъ, силящихся обложить Грецію цѣпями рабства и неволи?, Спартянцы, увлеченные сими жаркими предсказаніями Коринтянъ и склоненные рѣшительно къ войнѣ своимъ Эфоромъ *Сенелаидомъ*, опредѣлили требовать отъ Аеинянъ освобожденія города Попидеи отъ осады, возстановленія независимости острова Эгины, дарованія полной свободы жителямъ Мегары въ управленіи торговли по всей Ашпикъ, и вообще отпущенія отъ

всѣхъ правъ на первенство въ Греціи и на вліяніе въ дѣла союза Греческаго.

Смущенные такими пребываніями Аѣиняне разсуждали объ оныхъ въ народномъ собраніи долго и бурно ошъ разномыслія и не согласія во мнѣніяхъ; одни желали мира, хотя бы надлежало купить его самою дорогою цѣною—пожертвованіями, уступками и униженіемъ; другіе наклоняли къ войнѣ; оружіемъ сохранять должно первенство Аѣинской республики; не принимаешь, но даешь законы прибывши Аѣиняне. Перикль былъ сего послѣдняго мнѣнія. Здѣсь въ семь собраній блисталъ онъ даромъ высіреннаго своего краснорѣчія къ изумленію своихъ согражданъ; его воля была закономъ для Аѣинянъ, которые по внушенію Перикля ошвѣчали Спартацямъ: Аѣинская республика не признаетъ надъ собою никакой власти на свѣтѣ, но готова покориться опредѣленію суда, равно безприспращнаго и для Аѣинъ, и для Спарты; Аѣиняне согласны ошкрыть свои гавани и рынки жителямъ Мегары, но тогда только, когда и Спартацы ошворяютъ врата своей области всѣмъ иноземцамъ, союзнымъ Аѣинской республикѣ; Аѣиняне утверждаютъ независимость подвластныхъ

имъ народовъ и республикъ Греческихъ, но тогда, когда и Спаршанская республика опредѣлится опъ всякаго вліянія на дѣла и управленіе ея союзниковъ; Аѳиняне не начнутъ неприяпельскихъ дѣйствій, хошя бы ихъ предложенія и были опринуты, но упорно будутъ защищаться, ежели ихъ пропивники сдѣлаютъ нападеніе на владѣнія Аѳинской республики. И могли ли иначе отвѣчать Аѳиняне? И послѣ несчастнѣйшей войны могли ли они подвергнуться условіямъ и пребваніямъ, болѣе жестокимъ, нежели какія предлагали имъ Спаршанцы? Но таковой отвѣтъ, изліяніе благороднаго самочувствія Аѳинянъ и ихъ самоувѣренности, могъ ли понравиться Спаршанцамъ и удовлетворить мспительности Коринѳянъ и ихъ союзниковъ?

Весь Пелопонесъ ополчался для нападенія, Аппика съ союзными и подвластными ей землями подвиглась для обороны; всѣ гошовились къ бою, теперь уже совершенно неизбѣжному. Фиванцы, всегдашніе враги Аѳинянъ, и союзники Спаршанцевъ, вшорглись въ округъ *Платей*, и вѣроломно овладѣли городомъ; не долго однакожъ пользовались они плодами своего вѣроломства. Платеяне, друзья давніе и неиз-

мѣнные Аѣинской республикѣ, увѣрены будучи въ помощи Аѣинянъ возспали противъ Фиванцевъ, и покровительствуемые темнопою ночи напали нечаянно на спанъ своихъ неприятелей и побили всѣхъ на голову—около 200 только воиновъ Фиванскихъ уцѣляли опъ ужасной сѣчи. Это кровопролитіе, обagrившее Платею, было сигналомъ самой продолжительной и ужаснѣйшей брани, которая когда-либо свирѣпствовала въ Греціи; цѣлыя 27 лѣтъ будеть пягопѣшь надъ несчастными Греками бремя войны Пелопонезской.

Война Пелопонезская (опъ 431 года до 404 до Р. X.)

Звуки оружія бравныхъ разносились по всему пространству Греціи; всѣ области Греческія и земли имъ союзныя наполнялись многочисленными воинствами, долженствующими рашовашъ за Спаршанцевъ или за Аѣинянъ; никогда Греція не видѣла такихъ огромныхъ вооруженныхъ полчищъ; къ сожалѣнію, сіи страшныя силы успремлялись не на Персовъ или другихъ враговъ иноземныхъ, но народы единоплеменные готовились обagrить Грецію пощоками собспвенной крови; не за славу,

не за свободу и независимость опечества своего предпринимали Греки войну убийственную; но за выгоды частныя, для удовлетворенія власполюбію и мстительности, для низпроверженія свободы и благоденствія племенъ Эллинскихъ. Спарта силилась приобрести первенство и даже владычество надъ Греціею, Аѳины хотѣли сохранить оное. Обѣ республики являли чрезвычайную дѣятельность въ начинающейсѣ брани; обѣ вооружали своихъ союзниковъ спарыхъ, обѣ искали новыхъ друзей; обѣ употребляли все для увеличенія своего могущества.

Сравнительное могущество Спарты и Аѳинъ.

Къ союзу Спартанской республики присоединились почти всѣ обитатели Пелопонеса; кромѣ Аргивцевъ, оставшихся неупрательными, и большей части Ахайцевъ; подъ знамена Спарты спеклись Мегаряне, Віотяне, Локряне, Фокеяне; часть Акарнанійцевъ, и жители городовъ Анакпори и Амвракіи; изъ острововъ Греческихъ стороны Спартанцевъ держались Мелось и Тера, острова южнѣйшіе въ группѣ Цикладъ, и островъ Левкада на Іоническомъ

морь; все ополченіе союзниковъ Спаршанскихъ и самихъ Спаршанцевъ вмѣстѣ проспиралось до 60,000 человекъ; Віоплане, Фокеяне и Локряне выславили войско конное, всѣ прочіе сослаждали пѣхопу—; верховнымъ вождемъ всѣхъ силъ Пелопонезскаго союза провозглашенъ Спаршанскій Царь *Архидамъ*, правитель достойный, воинъ неуспрашимый, гражданинъ добродѣтельный, человекъ умудренный лѣтами и опытноспію, характера спокойнаго, сужденія здраваго и безприспраспнаго. Долго удерживалъ онъ воинспвенные порывы Спаршанцевъ, долго опклонялъ ихъ опъ разрыва съ Аѣинянами, представляя согражданамъ своимъ ужасныя слѣдспвія войны и опасности съ нею сопряженныя. Запальчивый Эфоръ *Сѣнеландъ* уничтожилъ дѣйспвіе благоразумныхъ внушеній Архидама, рѣшилъ Спаршанцевъ къ начашію брани, и Архидамъ будучи ревнишелемъ мира и врагомъ войны повелъ дружины Пелопонезскія, ему ввѣренныя, на бишву съ Аѣинянами; республика возложила на него сію обязанность,—воля его опечеспва была для него священна.

Аѣинская республика была слабѣ числомъ союзниковъ и количеспвомъ войскъ; кромѣ

силъ опечественныхъ она поддерживаема была пособіемъ Эссалійцевъ, связанныхъ съ нею договорами дружбы, Акарнанійцевъ, коихъ большая часть предана была Афинянамъ, Плащанъ и жителей города Навпакта, рѣшившихся до послѣдней крайности соспязаться противъ Спартанцевъ для обороны и спасенія Афинъ. Малоазійскіе Греки, обитатели Эоліи, Іоніи и Каріи, и Греческіе поселенцы на берегахъ Геллеспонта и Фракіи: пребыли также вѣрными союзу съ Афинянами. Острова Корцира, Закинъ, Хіосъ, Лесбосъ и вся группа Цикладъ, кромѣ Мелоса и Теры, обѣщались доставлять имъ помощь кораблями и деньгами. Всѣ военныя силы сухопутныя Афинской республики проеширались свыше 30,000 человекъ, и именно: 13,000 Опличовъ или тяжеловооруженныхъ, 16,000 охраннаго войска или Пелловъ, 1600 Пеллассовъ и 1200 конныхъ воиновъ; флотъ Афинскій состоялъ изъ 300 превосходно оснащенныхъ галеръ. Верховнымъ вождемъ и сухопутныхъ и морскихъ силъ провозглашенъ Периклъ, слѣдственно онъ одинъ вмѣщаль въ себѣ два достоинства: Спратега и Наварха, достоинства, дававшіяся досель двумъ лицамъ раздѣльно.

Неравенство силъ не утешало Перикла; онъ полагался на свой Геній и опытность, на храбрость и мужество своихъ согражданъ, и особенно на могущество флота Афинскаго.

„Афиняне! говорилъ онъ, война не избѣжна; ужели мы покоримся Пелопонесцамъ безъ сопрошивленія? Правда, что враги наши многочисленны и сильнѣе насъ — они могутъ одолѣть насъ при первой встрѣчѣ, въ двухъ или въ нѣсколькихъ сраженіяхъ — но рѣшашъ ли шѣмъ участъ войны? Война будетъ продолжительна — но могутъ ли бытъ продолжительны успѣхи ихъ надъ нами? Они не имѣютъ согласія, интересы ихъ раздѣльны, они недостаточествуютъ въ средствахъ къ поддержанію, они бѣдны деньгами; единственнѣйшій источникъ ихъ богатства сущъ произведенія земли ихъ; у нихъ нѣтъ внѣшнихъ владѣній или богатыхъ колоній, изъ коихъ бы они могли получать денежныя вспоможенія. И сокровища храмовъ Дельфійскаго и Олимпійскаго, ежелибъ Спаршанцы присвоили ихъ себѣ, не въ состояніи доставить имъ столько денегъ, сколько мы имѣемъ въ нашихъ казнохранилищахъ.“

Здѣсь подробно изложилъ Перикль своимъ согражданамъ великія и разнообразныя средства, которыми могли они располагать, представилъ богатство республики и вѣрныя надежды на будущія успѣхи. Въ общесивенной казнѣ хранилось 6000 талантовъ въ монетѣ (болѣе 30,000,000 рублей); ежегодныя подати, платимыя колоніями и подвластными Аѳинамъ землями, доставляють 600 талантовъ (болѣе 3,000,000 рублей); золото и серебро въ слиткахъ или въ украшеніяхъ, въ сосудахъ и разныхъ утваряхъ принесетъ до 500 талантовъ (около 2,500,000 р.); одно убранство на статуѣ Богини Аѳины или Минервы стоить до 40 талантовъ чистаго золота (до 200,000 рублей).

„Съ такими средствами, продолжалъ Перикль, мы можемъ совершить великія дѣла. Предметомъ всѣхъ нашихъ начинаній должно быть сопротивленіе неприятелю не на сухомъ пути, а на морѣ; мы должны, чего бы то ни стоило, уклоняться рѣшительной битвы сухопутной, ибо Пелопонесцы сильнѣе насъ своими арміями; перенесемъ всѣхъ жителей Аппики въ стѣны Аѳинскія, сроемъ ихъ жилища, опустошимъ всю область республики,

докажемъ, сколь мало спрашимся мы грабительствъ и опустошеній, преднамѣреваемыхъ Пелопонесцами; не въ поляхъ и въ селеніяхъ соспоишь сила и могущество Государства, но въ гражданахъ, въ ихъ храброспи, мужеспвѣ и преданности ихъ ко благу опечеспва. Одно спасеніе наше — Флотъ. Многочисленные корабли должны спояшь въ гошовности въ нашихъ портахъ, дабы по мановенію военачальника плышь для раззоренія береговъ Пелопонеса. Что прошивупоспавяшь намъ Пелопонесцы? Мореходцы образуюпся временемъ — Аѳиняне въ морскихъ бпшвахъ давно уже спяжали себѣ славу непобѣдимоспи; Спартянцы и ихъ союзники рѣдко дерзали вспупашь на опасное поприще мореходспва. Ежели они нападушъ на Аппику съ своими арміями; мы успремимся съ нашими кораблями на Лаконію, и съ лихвою вознаградимъ ущербъ; и тогда, какъ они раззорили бы всю Аппику, а мы только не большую часть Пелопонеса, даже и тогда ихъ спрашы были бы несравненно болѣе нашихъ; только изъ Пелопонеса они могутъ ожидать своего продовольспвія; намъ же опкрышы всѣ опсрова и всѣ обласпи матерой земли Греціи.“

Аѳиняне, увлеченные всемогущею силою словъ Перикла, повиновались его волѣ. Ашшика обратилась въ пущыню, поля оставлены, даже дома во многихъ селеніяхъ срыты, и жители оныхъ переселились въ Аѳины проспившись съ своими мирными жилищами, безмолвными свидѣтелями ихъ семейныхъ радостей и счастья.

а. Первый періодъ войны Пелопонезской
отъ 431 до 422 года до Р. Х.

Опустошеніе Ашшики Спаршанцами и Пелопонеса Аѳинянами.

Царь Архидамъ прошедши Пелопонесъ сползалъ уже съ 60,000 арміею на перешейкъ Коринескомъ. Вѣрный своей политикѣ посылалъ онъ еще разъ съ мирными предложеніями къ Аѳинянамъ. Периклъ не хотѣлъ даже и выслушать преобаній посла Архидамова; онъ выпровожденъ за границу Ашшики съ порученіемъ объявить Царю, что Аѳиняне не прежде согласятся говорить о мирѣ, какъ по удаленіи войскъ его во внутренность Лаконіи. Архидамъ видѣлъ послѣ сего неизбежность войны, и пошавшя въ Ашшику, которая представ-

ляла безлюдную и безмолвную пустыню; нигдѣ не встрѣчалъ онъ сопротивленія; разрушивъ все въ священной долинѣ Элевзинской Спарпанцы переходящъ рѣку Цефизъ и располагающійся предъ селеніемъ *Ахарне* въ виду самихъ Аѳинъ. Аѳиняне съ высоты стѣнъ и башенъ своихъ ясно видѣвшіе спавъ непріятельскій пламени бли желаніемъ сразиться съ своими врагами. Могли ли они пребыть равнодушными въ то время, когда облака дыма восходили отъ полей ихъ, когда зарева пожарныя освѣщали развалины прежнихъ жилищъ ихъ? Жаловались, вопиали на Перикла, какъ главнаго виновника ихъ бѣдствій, прѣбовали, чтобы онъ повелъ ихъ на битву съ непріятелями. Периклъ не внималъ ихъ жалобамъ и воцлѣмъ, отвергъ ихъ прѣбованія оспаваясь не колебимымъ въ планахъ своихъ. Небольшіе только отряды всадниковъ посылалъ онъ для опраженія Спарпанцевъ отъ Аѳинъ и для остановленія ихъ на бѣговъ и грабительствъ; сіи всадники разносили ужасъ между Спарпанцами и ихъ союзниками; низлагали многочисленныя толпы враговъ своихъ, и съ торжествомъ, съ честью для республики своей возвращались въ Аѳинъ. Архидамъ не смотря на всѣ свои усилія не могъ вынудить

Аѳинянь къ рѣшишельному бою, безъ успѣха оставиль опустошенную Аттику, и возвратившись въ Пелопонесъ распустиль свою армію.

Между тѣмъ, какъ Архидамъ предавалъ все разрушенію въ Аттикѣ, Перикль снарядивъ флотъ изъ 100 кораблей отправиль оный для опустошенія обласпей Пелопонеса и спранъ союзныхъ Спартъ. Аѳиняне, подкрѣпленные 50 кораблями Корцирянъ, громили берега Лаконіи, Мессеніи и Элиды, овладѣли многими мѣстами въ Эполіи и Акарнаніи; спяжали богатшя добычи и привлекли къ своему союзу жипелей богатаго оспрова Кефалоніи; въ тоже самое время покорены были Локряне, враждебныя Аѳинской республикѣ, разграблена Мегара, и оспровъ Эгина занятъ Аѳинянами; прежніе жипели онаго изгнаны совершенно. Трапы Аѳинскаго народа, понесенныя имъ во время нападенія Архидамова, вознаграждены съ лихвою; по справедливости Аѳиняне могли считаць себя народомъ поржеспвующимъ и долженспвовали славиць мудроспъ и прозорливоспъ Перикла.

Перикль не ограничиваясь успѣхами своего флота и добычами, спяжанными республикою,

радѣль о ея будущей безопасности, спарался укрѣплять своихъ союзниковъ союзами съ народами чуждыми и умножать число друзей Аѣинскаго народа.

Тракпашъ дружбы и союза, заключенный Перикломъ съ Царями Сипалкомъ Фракійскимъ и Пердиккою Македонскимъ, служилъ прекраснѣйшимъ свидѣтельствомъ великаго политическаго таланта и дальновиднаго ума Периклова. Оба Государя, преклоненные на сторону республики, соединили свои войска съ опрядомъ Аѣинянъ, осаждавшихъ городъ Попидею подъ предводительствомъ вождя ихъ, Форміона. Самая счастливая, блестящая будущность открывалась Аѣинянамъ и Периклу, самыми лестными надеждами успѣховъ и побѣдъ упоевались они, и скоро забыли все ими пренебреженное.

Потребальное порожество въ Аѣинахъ.

По прекращеніи неприязненностей Перикль спарался поддерживать воинственность и мужество въ своихъ согражданахъ, хотѣль воспламенить ихъ большею храбростію и рвеніемъ къ защитѣ отечества при возобновленіи

войны. Для сего на основаніи законовъ республики послановилъ онъ воздѣль погребеніе всѣмъ воинамъ, падшимъ за опечесиво въ бою съ Спаршанцами. Сіе погребеніе сопровождалось особенными обрядами и весьма важно по вліянію своему на умы Аевинянъ. Тѣла убитыхъ сожигали. Прахи или бранные остатки ихъ въ продолженіи прехъ дней лежали подъ наметомъ высипавленные для опечесиванія ихъ опъ всѣхъ гражданъ; всякой могъ приближаться къ онымъ, украшать ихъ цвѣтами или приносить другія какія жершвы памяти геросвъ. Въ день погребенія они полагаемы были въ десять кипарисныхъ гробовъ, пригошвенныхъ каждою изъ десци филь или округовъ Аппики, и въ сопровожденіи всѣхъ обшашелей везомы были въ Керамикъ, особенное кладбище въ предмѣстіи Аевинъ, нарочно усроенное для пѣхъ шолько, кои за свои доблести удостоиваемы были погребенія на опечесивенное иждивеніе. Позади слѣдовала погребальная колесница съ пущымъ саркофагомъ въ опечесивеніи гражданъ убитыхъ, но не опшсканныхъ послѣ бою. Печальные опголоски рыданій и пропшжные, мелодическіе звуки погребальной музыки раздавались въ воздухъ и оглуца-

ли городъ и его окрестности. Знаменистѣйшему Орапору поручалось въ заключеніе церемоніи произнести погребальную рѣчь въ похвалу погибшихъ. И при семъ случаѣ Перикль почтенъ былъ сею честью, почто также, какъ нѣсколько времени предъ симъ послѣ войны съ Самосомъ.

Рѣчь, произнесенная въ сей разъ Перикломъ, считается высочайшимъ торжествомъ его неподражаемаго краснорѣчія; отрывки, извлеченные изъ оной, не могутъ показашь намъ въ полной мѣрѣ силы и выпренности шаланша орапора, могутъ только ознакомить насъ, и то слабо, съ содержаніемъ рѣчи. „Сограждане, говорилъ онъ между прочимъ, памяникомъ мужей храбрыхъ и великихъ служивъ дѣлая вселенная; имена ихъ сохраняются не на мраморахъ только, они останутся неизгладимыми въ сердцахъ и въ памяти всѣхъ людей возвышенныхъ и благородныхъ душою. Поревнуемъ падшимъ героямъ—они указали намъ пути къ славѣ и безсмертію. Пребудемъ спокойны и непоколебимы при всѣхъ опасностяхъ войны—счастье наше въ одной свободѣ, а свобода въ величїи духа и неизмѣняемомъ мужествѣ. Не одни несчастные, дѣшленные всѣхъ надеждъ въ жизни, должны оп-

важиваешься на все; жертвовать жизнью больше обязаны ты, которые с переменною состоянія не выигрываютъ, но теряютъ все. Жизнь человѣческая подвержена превращеніямъ. Кто окончилъ ее съ такою славою, какъ наши падшіе сограждане, тотъ достигъ своей цѣли—только живые маются, жребій оставшихся есть скорбь и спраданія; Герои, пораженные въ битвахъ, живутъ жизнью безсмертною въ блаженномъ Элизіумѣ—такъ! они безсмертны, подобно Богамъ нашимъ!“

Моровая язва въ Аѳинахъ.

На другой годъ войны Архидамъ снова являлся въ Аппикъ, проникаетъ до подошвы горы Лаврій, и начинаетъ по прежнему опустошенія; смященные Аѳяне мужаются поддерживаемые Перикломъ; но мужество ихъ слабѣетъ; они изнемогаютъ подъ тяжестью новыхъ, не предвидѣнныхъ бѣдствій, ужаснѣйшихъ и самой войны. Убийственное моровое новшество, свирѣпствовавшее въ Эіопіи, Египтѣ, Сиріи, Персіи и Малой Азіи, занесено въ Аппику и начало губить несчастныхъ Аѳянъ; никакая власть человѣческая, никакія пособія врачей не сильны были остановить

гибельныхъ дѣйствій заразы; тщетны были всѣ религіозныя церемоніи; смолкли оракулы и вѣщатели.

Чрезмѣрное населеніе Аѳинъ или сосредоточеніе всѣхъ жилищей Ашпики въ одномъ семь городѣ способствовало къ усиленію и распространенію язвы. Первыя обнаруженія оной состояли въ нестерпимомъ жарѣ и боли головной, и въ воспаленіи въ глазахъ. Люди, совершенно крѣпкіе въ силахъ и здоровые, внезапно и мгновенно подвергались сему ужасному неопытному бѣдствію. Одержимые заразою чувствовали такой несносной пожигающей ихъ огонь, что и самое легкое платье, самыя понки покрывала сбрасывали они съ себя, какъ бремя ихъ шягопящее и удушающее. Жажда неутолимая и мучительная бессонница лишала страдальцевъ покою. Седьмой или девятой день былъ переломомъ болезни—оспавшійся въ живыхъ послѣ сего времени избавлялся отъ смерти, но не рѣдко сохранялъ неизгладимые слѣды болезни; иные лишались носу, пальцевъ или глазъ, другіе теряли навсегда употребленіе памяти, не узнавали родныхъ, друзей, даже самихъ себя, забывали важнѣйшія событія въ своей жизни. Не было никакого средства оп-

вратишь сіе всеобщее зло; что одному было полезно, другаго не только не изцѣляло, но даже вредило ему.

Люди, постигнутые заразою, казались безчувственными ко всему, ихъ окружающему; и жизнь не имѣла уже въ глазахъ ихъ никакой прелести; къ ужаснѣйшимъ спрдаціямъ своихъ ближнихъ не оказывали они никакого соболезнованія; и здоровые, еще сохраненные опъ язвы, были во все чужды всякаго участія и обыкновенныхъ чувствованій челоѳчсства; родители не внимали воплямъ спраждущихъ дѣшей своихъ; дѣши оставляли безпомощными родителей; супруги съ хладнокровіемъ взирали на погибель женъ своихъ, нѣкогда имъ любезныхъ; цѣлыя фамиліи погибали или пресѣкались опъ недоспашка въ надзорѣ и опъ безпомощности. Впрочемъ и въ сіи времена всеобщаго опчаянія выказывались примѣры великодушныхъ самопожертвованій и рѣдкаго челоѳколюбія; являлись люди, не преспававшие посѣщать друзей и близкихъ своихъ на самомъ смертномъ одрѣ ихъ; души добродѣтельные и благородныя пренебрегали собственными опасностями для спасенія спраждущихъ. Освободившіеся опъ мученій или выздоровѣвшие опъ

заразы были уже совершенно внѣ опасности на будущее время; не было примѣра, что бы одинъ человекъ подвергался два раза гибельнымъ дѣйствіямъ заразы —это только обстоятельство успокоивало Аѳинянь, это одно подавало имъ надежду, что Аѳинскій народъ не въ конецъ испребишся. Благополучно освободившіеся отъ болезней, и мучительныхъ страданій съ ними сопряженныхъ, во глубинѣ сердець своихъ приносили благодаренія Богамъ своимъ за чудесное, неожиданное свое спасеніе. Въ воспоргахъ радости, и въ сознаніи мученій претерпѣваемыхъ ихъ ближними, они безбоязненно рѣшались помогать имъ; отъ нихъ только могли надѣяться сосираданія страждущіе, и получали дѣлительнѣйшее вспоможеніе.

Посреди бѣдствій, опустошавшихъ Аттику, прибылъ въ Аѳины знаменитый врачъ *Илпokratъ* съ оспрова Косъ, мужъ славный своими познаніями, опытноспію и безкорыстною любовію къ опечесшву, опвергшій богатыя предложенія Царя Персидскаго, призывавшаго его въ Персію, гнѣшному несчастіемъ, подобнымъ Аѳинскому; движимый чувспвомъ соблезнованія къ своимъ единоплеменнымъ онъ не устрашился вергнушься въ пропасть, могущую

поглотить и его самого; подобно Генію хранишю онъ разносилъ утѣшенія однимъ, облегчалъ спраданія другихъ, исцѣлялъ многихъ. Аѳиняне чали видѣть въ немъ самаго Аполлона или Эскулапа, сошедшихъ съ высотъ Олимпа на помощь погибающимъ; высокими почестями почпилъ его народъ Аѳинскій; онъ допущень и посвященъ въ сокровенныя таинства Элевзинскія, украшенъ золотымъ вѣнцомъ и облеченъ званіемъ Аѳинскаго гражданина; ему назначено богатое содержаніе изъ суммъ общеспвенныхъ до самаго конца дней его.

Самымъ печальнымъ и гибельнѣйшимъ слѣдствіемъ заразы, свирѣпствовавшей въ Аѳинахъ, было испребленіе доброй нравспвенности, презрѣніе святыни, безбоязненность къ Богамъ, не уваженіе къ законамъ божеспвеннымъ и человѣческимъ и совершенное владычество пороковъ и злодѣяній. Что прежде считалось предосудительнымъ, и дѣлалось тайно и рѣдко, то теперь безъ всякаго зазору производилось открыто и повсечасно. На гибели богатыхъ созидали бѣдные свое крапковременное счастье; всѣ стремились къ чувспвеннымъ и минущимъ наслажденіямъ, ибо и самая жизнь ихъ была для нихъ минушою; никто не былъ увѣ-

рень и въ одномъ днѣ своего существованія; и добродѣтельнымъ и порочнымъ, и невиннымъ и виновнымъ—всѣмъ равно предшюла гибель,—смерть; о безсмертіи, о жизни будущей не помышлялъ никто., Насладимся, пока есть силы, говорили Аѳиняне; судьба не судила намъ жить въ радостяхъ, умремъ по крайней мѣрѣ среди забавъ и удовольствій.“

Вопль карпина ужасная состоянія Аѳинъ, предсавленная Фукидидомъ, сыномъ Олора, и очевидцемъ, и спрадальцемъ, едва не изнѣмогшимъ подъ ударами сего спрашнаго бича.

Несчастія и спраданія Перикла и его кончина.

И ужасы военные, и самое бѣдспвіе, насланное небомъ, приписывали Аѳиняне въ своемъ опчаяніи одному Периклу; на него успремили они всю свою злобу. Видя возспаніе всеобщее и грозный мяшежъ въ Аѳинахъ, Периклъ по званію верховнаго вождя созываетъ народное собраніе не для поддержанія своей власпи, но для успокоенія народа. „Сограждане, говоритъ онъ, непоколебимой твердоспи нашихъ предковъ посреди величайшихъ опасноспей и несчастій одолжена республика своимъ могущеспвомъ и

славою безмерною. Пребудемъ вѣрными характеру и правиламъ опцовъ нашихъ. Перенесемъ съ терпѣніемъ бѣдствія, низпосланныя на насъ Богами, претерпимъ съ мужествомъ опустошенія, причиненныя врагами нашими.“

Неисповые вопли черни заглушили Перикла; никто не внималъ словамъ его; крики и ярость народная сипхли погда только, какъ вождь, нѣкогда любимый всѣми, по общему приговору собранія, низложенъ былъ съ своего поста, лишенъ всѣхъ достоинствъ и осужденъ, какъ пресупникъ, на большую денежную пеню. Равнодушно выслушалъ онъ приговоръ или осужденіе свое; хладнокровно смотрѣлъ на ожесточеніе противъ него народа и на неблагодарность своихъ согражданъ. Несчастія и шрапы семейственные гораздо болѣе бременили его, попрысали его душу всегда твердую доселѣ.

Конецъ славной жизни Перикла ознаменованъ былъ жестокими для него испытаніями; онъ видѣлъ мучительную смерть многихъ друзей своихъ, близкихъ родныхъ, своей сеспры и своего сына *Ксантиппа*; при всѣхъ сихъ шрапахъ онъ являлся спокойнымъ и всегда се-

бѣ равнымъ; безпредѣльная покорность его къ неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія возбуждала удивленіе во всѣхъ его окружающихъ. Перикль и въ сіе ужасное время показывалъ себя достойнымъ ученикомъ Анаксагора, научаваго презирать спрдація, никогда не ропшавъ и не жалованься, и держа въ себя прельше обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ. Но когда и *Паралъ*, любимый сынъ Перикла, процвѣтавшій лѣтами, красотой и умомъ, скончался пораженный язвою; тогда только Перикль изнемогъ подъ тяжестію скорби и опчаянія. *Паралъ* составлялъ единственнаго его утѣшеніе, радовалъ его пріятнѣйшими надеждами. Послѣ его кончины онъ не могъ уже скрывать чувствованій, его терзавшихъ; когда по обычаю Аѣнянъ приближась въ послѣдній разъ къ драгоценному, но бездыханному уже тѣлу юноши хотѣлъ онъ увѣнчать главу его вѣнцемъ смерти, тогда опъ избытка горести невольно произнесъ онъ громкіе жалобные вопли, — и слезы ручьями полились по ланитамъ несчастнаго родителя. Это были первыя и послѣднія слезы, пролившія Перикломъ въ его жизни.

Зрѣлище шаковыхъ бѣдспвій и спраданій, постигшихъ великаго гражданина Афинскаго, подвигло злобспвовавшій народъ къ участію; скоро Афиняне раскаялись въ причиненіи шѣхъ обидъ, копорыми они обременили невиннаго Перикла; скоро увидѣли, что онъ необходимъ для ихъ блага и съ покорностію предложили ему прежнія достоинства, умоляли его первенствовать между ними. Только прозбы Алкивиада и друзей его преклонили Перикла къ принятію власни верховной въ республикѣ. Снова явился Перикль въ народномъ собраніи къ искреннѣйшей радести своихъ согражданъ; онъ убѣждалъ ихъ никогда не опспунаться отъ его правилъ, никогда не начинать войны наступательной на сухомъ пупи, не вспунаться въ бишву рѣшишельную и вовсе не помышлять о завоеваніяхъ, ежели они желаютъ сохранить свою независимость и поддерживать свободу и величіе отечества.

Но пиягоспные шруды государственные, чувствительнѣйшія потери и вліаніе свирѣпствовавшей язвы медленно истощали силы Перикла; болезнь, давно его снѣдавшая, повергла его наконецъ на одрѣ смертнѣй; щещно народъ, спекавшійся каждодневно во храмы,

молилъ Боговъ о выздоровленіи его; наступила послѣдняя минута! Друзья Перикловы, неопшпупно бывшіе при немъ предъ его кончиною, бесѣдовали между собою о его добродѣтеляхъ, о его великихъ талантахъ въ управленіи республикою, о знаменитыхъ подвигахъ, имъ совершенныхъ и о блистательныхъ побѣдахъ его надъ врагами; они думали, что онъ уже не слышитъ ихъ. Умиравшій Периклъ поднялся однакоже пихо, и сказалъ шоржеспвенно къ бесѣдовавшимъ друзьямъ своимъ: „за чѣмъ перечисляя дѣла мои, и заслуги, общія мнѣ съ многими изъ моихъ предшеспвенниковъ, и завиствшія наиболѣе опъ судьбы или опъ счастья, забыли вы наименовать самую ушпшишельную, прекраснѣйшую мою заслугу; за чѣмъ забыли вы сказать о томъ, что во все время правленія моего ни одинъ Аѳинянинъ моею виною или опъ меня не облекался въ печальное одѣяніе?“ Происнесши съ усиліемъ слова сіи повергся онъ на одръ свой, и—скончался. Смерпъ Перикла послѣдовала два года съ половиною спустя послѣ начатія войны Пелопонезской, въ 429 г. до Р. Х.

Вѣспъ, быстро разнесшаяся по Греціи о кончинѣ великаго правителя Аѳинъ, преисполнила

Аѳинянь чувствованіями не припворной горешпи и опчаянія; спихли клевета, ненависть и злоба; спогны Аѳинскія оглушались рыданіями; всѣ граждане республики плакали о Периклѣ, какъ дѣши о нѣжно любимомъ опцѣ своемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кончина Перикла была невозградимою поперею для народа Аѳинскаго; въ шакое бурное, несчастное время онъ одинъ могъ опвраишъ ударъ, гошовившійся сокрупшъ могущеспво и свободу Аѳинъ; никто изъ Аѳинянь не соединялъ никогда съ опличными качеспвами военачальника сполько пронцапельности, глубокихъ соображеній и выпреннаго ума въ правленіи дѣлѣ, всегда запушанныхъ и разнообразныхъ въ республикѣ. Темиспоклѣ и Кимонѣ должны бышъ поспавлены выше Перикла по талантамъ и успѣхамъ воинскимъ; но никто не превосходилъ его въ полишпкѣ, въ любви къ опечеству и въ человѣколюбіи. Сократъ призналъ его мудрымъ, великимъ и образованнѣйшимъ гражданиномъ Греціи. Эужидидъ и Ксенофонпъ, знаменишые Испорики Греческіе, опкрытые прошивники Демократіи, а слѣдспвенно и правилъ Перикла, говоряшъ о немъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ; всѣ вообще лучшіе Испорики, и

Греческіе, и Римскіе, опзываются о немъ единоголасно съ величайшими похвалами. Только во времена новѣйшія Шлёцеръ, Историкъ знаменитый, оспроумный, но часпо не справедливый въ своихъ сужденіяхъ, хопѣлъ омрачить имя Перикла, назвавъ его: *der Zerriichte*.

Клеонъ и Никіасъ.

Ежелибы Аѳиняне согласно съ волею и планами Перикла продолжали тревожить непріятели съ моря, и не предпринимали ничего рѣшительнаго на сухомъ пути ограничившись одною обороною Аѳинъ; ежелибъ они не начинали дѣль дерзновенныхъ въ разныхъ пунктахъ, въ Греціи, во Фракіи и Македоніи, а сосредоточилибы свои силы и обрапили ихъ къ одной цѣли; по несомнѣнно они воспоржесшвовали бы надъ своими противниками. Но по смерти Перикла не было въ Аѳинахъ человѣка, кошорый бы могъ съ равнымъ благоразуміемъ и силою руководить своими согражданами. Чернь или простой народъ Аѳинскій, захвативъ всю власть въ руки свои, хопѣлъ самъ владычествовать безъ руководителя, и скоро сдѣлался игрищемъ буйнаго, опчаяннаго демагога.

Периклу наслѣдовалъ въ управленіи республикою *Клеонъ*, человекъ рожденный для гибели ея почто такъ, какъ нѣкогда *Фемистоклъ*, *Кимонъ* и *Периклъ* для ея возвеличенія. *Клеонъ*, сынъ кожевника, рожденный и воспитанный въ бѣдности, безъ правилъ, безъ нравственности, безъ понятій о чести и благородствѣ, безъ истиннаго таланта, но одаренный необыкновенною силою природнаго краснорѣчія, отличался дерзостію, тщеславіемъ, высокомеріемъ и необузданностію; ненавидѣлъ *Аристократовъ* или богатыхъ гражданъ, презиралъ *Эвпатридовъ* или благородныхъ, и льстилъ, потворствовалъ народу или черни. Сей исповый *Демагогъ* желалъ войны не для славы себѣ и опечесству, но для того, что безпокойная дѣятельность его преобладала насильственныхъ поспрясеній, для того, чтобы опвратить вниманіе гражданъ Аѳинскихъ отъ безпорядковъ жизни своей, и отъ распустиствъ, коимъ онъ предавался, для того, чтобы содѣлать себя необходимымъ въ республикѣ. Съ симъ намѣреніемъ представлялъ онъ Аѳинянамъ съ преувеличеніемъ ихъ могущество и силу, и напрошивъ безсиліе и слабость *Спаршанцевъ* и ихъ союзниковъ. Своими дерзостными криками раз-

дуваль онъ болѣе и болѣе и безъ того не угасавшее пламя войны.

Благомыслящіе граждане Аѣинскіе, спрашившіеся буйныхъ порывовъ Клеона и пререшавшіе гибельныхъ дѣйствій войны, сполько уже ослабившей республику, прописнопоставили ему Никіаса, долженствовавшего хранить равновѣсіе въ государствѣ, поддерживать вліяніе Аристократической стороны и останавлять насильственные мѣры Демократовъ. *Никіасъ*, Аѣинскій гражданинъ, производившій изъ благороднѣйшей, богатой и издревле уваженной фамиліи, имѣлъ умъ пвердый и образованный воспитаніемъ, славился храбростію и мужествомъ въ сраженіяхъ и опытностію въ дѣлахъ управленія, и отличался кропостію, вѣжливымъ обращеніемъ, примѣрною честностію, и утонченнымъ вкусомъ въ наукахъ и искусствахъ; сими отличными качествами спяжалъ онъ себѣ уваженіе не только высшаго класса гражданъ, но и проспаго народа, копорому сверхъ того онъ былъ любезенъ своею щедростію и благотвореніями. Но не смотря на все сіе Никіасъ не могъ играть первой роли въ республикѣ, особенно посреди тѣхъ ужасныхъ перевороповъ, копорые колебали оную; холод-

носпѣ въ рѣчахъ, робоспѣ въ поспупкахъ и застѣнчивоспѣ предѣ народомъ — вопѣ отличительныя свойства Никіаса! онѣ пользовался уваженіемъ, но никогда не заслужилъ полнаго довѣрія отѣ народа, никогда не приобрѣлъ рѣшительнаго надѣ нимѣ вліянія; онѣ не опаснымъ былѣ соперникомъ для Клеона; скоро Клеонѣ одолѣлъ его, и содѣлался, къ несчастію для Аѣинѣ, полнымъ властелиномъ торжествующей партіи народной и распорядителемъ судьбы республики.

Народѣ съ слѣпою довѣренностію къ мнимымъ талантамъ и достоинствамъ Клеона предался влеченію его безразсудныхъ совѣтовъ, и съ покорностію исполнялѣ его волю и всѣ его желанія. Не возможно было и помышлять о примиреніи съ Пелопонесцами; предложенія миролюбивыхъ гражданъ о прекращеніи войны отвергнушы съ негодованіемъ; война продолжалась еще съ большею яростію, и съ большимъ противъ прежняго ожесточеніемъ.

Опустошенія, Аѣинянами произведенныя на О-вѣ Лесбосѣ.

Оспровѣ Лесбосѣ, подвластный Аѣинской республикѣ, опложился отѣ оной по причинѣ

ушѣснительной системы правленія Аѳинскаго. *Пахесъ*, Аѳинянинъ, получилъ порученіе овладѣть островомъ; съ многочисленными войсками осадилъ онъ Мипилену, главный городъ на *Лесбосѣ*; послѣ опчаяннаго, но бесполезнаго сопротивленія жители сего города, подкрѣпляемые вспомогательнымъ войскомъ Спартанскимъ, должны были сдаться торжествующему побѣдителю. Главные виновники возмущенія, числомъ болѣе 1000 человекъ, прспровождены въ Аѳины и казнены по опредѣленію озлобленнаго народа. Жестокій Клеонъ повелѣлъ умертвить и остальныхъ обитателей Мипилены, всѣхъ безъ исключенія; отправлены уже были вооруженныя полчища для совершенія сего ужаснаго приговора; но нашлись еще въ Аѳинахъ достойные граждане, опважившіеся возстать противъ Клеона и пробудившіе въ народѣ чувства человеколюбія; приговоръ опмѣненъ,—и злодѣяніе опспранено почти въ ту самую минуту, когда все было готово къ совершенію онаго. Жители пощажены, но островъ опущошенъ, всѣ укрѣпленія срыты, и земли обращены въ собственность Аѳинянъ. *Лесбосъ* подвергся жестокайшему рабству.

Раззореніе Плашеи Спаршанцами.

Городъ Плашея, всегда ненавистный Фиванцамъ, содѣлался предметомъ злобы и самихъ Спаршанцевъ за неизмѣнную вѣрность его къ Афинянамъ; еще и въ самый первый походъ Архидама въ Ашпику претерпѣлъ округъ сего города большія опустошенія; но Плашеяне постоянно сопротивлялись могуществу Спаршы и переносили великодушно все ужасы войны. Нѣсколько лѣтъ держали Спаршанцы Плашею въ осадѣ, и довели жителей до крайности; надобно было имъ погибнуть или голодною смертію, или отъ мечей неприятельскихъ; часомъ Плашеянь пробилась сквозь армію осаждающихъ съ усиленіемъ необыкновеннымъ; оспальные прибѣгли къ великодушію побѣдителей, рѣшились сдатьсь прося пощады. Спаршанскіе депутаты, прибывшіе въ Плашею выслушавъ условія сдачи и произнесши рѣшеніе надъ судьбою Плашеянь, отвергли ихъ мольбы, и жаждая крови опредѣлили смерть Плашеянамъ — мужамъ, рабство — женамъ и дѣтямъ. Городъ срытъ до основанія. Такимъ образомъ погибла Плашея, городъ знаменитый въ Греціи, увѣнчавшій себя прекраснѣйшими лаврами во время

войнѣ Персидскихъ, уступавшій доблестями и славою развѣ однимъ Аѳинамъ, копорыхъ союзникомъ вѣрнымъ пребылъ онъ до самаго конца своего политическаго существованія. Симъ злодѣйствомъ ознаменовали Спартанцы пятый годъ войны Пелопонезской; разрушеніе Плапей произошло въ 427 году до Р. Х.

Убійства въ Корцирѣ.

Въ семь же самомъ году въ сѣверозападномъ углу Греціи произведены такіе ужасы и злодѣйства, съ копорыми могутъ сравниться въ Новѣйшей Исторіи убійственныя сцены Сицилійской вечерни, Вареломеевской ночи и кровопролитій Санъ-Домингскихъ. Островъ Корцира, раздираемый двумя противными парціями: Аристократическою и Демократическою, былъ шеапромъ сихъ ужасовъ. Яростная чернь, поддерживаемая Аѳинскимъ правительствомъ, возстала противъ богачей и знашнихъ гражданъ, получившихъ вспоможеніе отъ Коринѳявъ; союзники Аристократовъ прогнаны, они сами поражены, — и немилосердые демогаги, подобно разъяреннымъ фуріямъ, бѣгая по пространству острова все разрушали, все предавали огню и мечу, и плавали въ пощокахъ

крови тысячи несчастныхъ Аристократовъ, падшихъ подъ ударами ихъ люмпости. Народъ разнообразилъ до безконечности спрдаданія богатыхъ; въ 425 году наконецъ спихло все въ Корцирѣ—ни одной знаменитой фамиліи не осталось на семь островъ; надолго погрузился онъ въ соспояніе совершеннаго полипического ничпожества. Во всѣхъ сихъ событіяхъ, попрысающихъ душу, принимали непосредственное участіе и Спартанцы, и Аѳиняне, первые какъ защитники Аристократовъ, а впорые какъ поборники спороны Демократической. Злобствуя на поржесиво Кліентовъ Аѳинскихъ въ Корцирѣ, Спартанцы ищущъ покровишельства и помощи при дворѣ Царя Персидскаго съ шѣмъ, чпобы получивши вспоможеніе опъ Персовъ войскомъ и деньгами, шѣмъ вѣрнѣе могли они одолѣть Аѳинянтъ и удовлетворить своему мщенію. Переговоры Спарпы съ Персією были однакожъ безуспѣшны, еще на долгое время. Не смошря на сію неудачу Спартанцы, предводимые Царемъ *Агисомъ*, преемникомъ Архидама, пошли снова на Аттику въ то самое время, какъ Аѳиняне съ сильнымъ флотомъ грозили Целопонесу.

Взятіе Пилоса и Сфактеріи Аѳинянами.

Аѳинскій флотъ, предводимый *Демосѳеномъ*, сыномъ Алкасѳеновымъ, разгромивъ берега Лаконіи приспалъ къ области Мессеніи и расположился въ гавани города Пилоса, нѣкогда славнаго, а теперь оставленнаго и запустѣлаго. Демосѳенъ рѣшился овладѣвъ гаванью возобновить и укрѣпить стѣны Пилоса, и содѣлать сіе мѣсто ключемъ ко входу въ Мессенію и во внутренность самой Лаконіи. Съ неусыпною дѣятельностію производились работы; Спаршанцы, сперва хладнокровно дивившіеся сему начинанію, скоро спали пишутъ справедливыя опасенія. Царь Агисъ ославляетъ быстро Аппику и посылаетъ войска свои для разрушенія работъ въ Пилосѣ и для уничтоженія замысловъ Демосѳеновыхъ. И съ моря, и съ сухаго пути Спаршанцы дѣлають нападенія на Пилосъ,—щещно; они отражены и разбиты подъ укрѣпленными стѣнами города; разсѣяны съ величайшимъ урономъ и корабли ихъ; многіе изъ знаменитѣйшихъ Спаршанцевъ вышедъ изъ спроевъ своихъ бѣжали и заключились на островъ Сфактеріи, лежащемъ насу-

проливъ Пилоса. Неприязненные дѣйствія одинакожь не преспавали; Спаршанцы желали омытъ спыдъ свой и прогнашь враговъ съ береговъ Мессеніи; Аѣиняне ободренные успѣхомъ хошѣли непременно удержашь за собою завоеванное и овладѣшь Сфакшерією и Спаршанцами, тамъ укрывавшимися. Оспровъ окружень Аѣинскими кораблями со всѣхъ споронъ, и взяшь Клеономъ (425 г. до Р. Х.) не смотря на мужеспвенную оборону осажденныхъ. Найденные тамъ Спаршанцы опшведены въ Аѣины военнопльнными; Сфакшерія оспалась во власпи Аѣинянь, копорые предъ возвращеніемъ своимъ въ отечество переселили въ Пилосъ нѣсколько жишелей Навпакпа, первобышнихъ обитащелей Мессеніи и издревле непримиримыхъ враговъ Спаршанской республикѣ. Сіе завоеваніе Пилоса и Сфакшеріи было драгоцѣннымъ приобрѣшеніемъ для Аѣинскаго народа. Спаршанцы смирились и умоляли Аѣинянь о прекращеніи войны и о примиреніи съ ними; благоразумѣйшіе граждане съ воспоргомъ внимали предложеніямъ Спаршанцевъ, надѣялись самымъ выгоднымъ для нихъ миромъ окончить пагубную войну. Никіасъ убѣждалъ своихъ соотечеспвенниковъ согласишься на желанія Спаршанскихъ

посланныхъ; но Клеонъ, обуянный гордоспю и славою побѣды, по расчелпамъ своего пщеславія опвергъ мирныя предложенія—и война должна была длпться къ бѣдспвию Греціи.

Вѣроломное умерщвление Илошовъ Спартанцами.

Спартанцы скорбѣли чрезвычайно о поперѣ Пилоса; они спрашились, чптобы Илошы, по наущенію Мессенянъ Навпакшскихъ, поселившихся въ семь городѣ, не подняли противъ Спаршы опкрытаго возмущенія, и соединившись съ своими единоплемениными не содѣлались опасными для независимости Лаконіи; въ самомъ дѣлѣ многіе Илошы скрылись изъ Спаршы и нашли себѣ убѣжище и покровительство въ Пилосѣ. Для опвращенія предполагаемой опасности Спартанцы не усомнились прибѣгнуть къ вѣроломству; они объявили, что Илошы, опличившіеся усердіемъ и преданностію Спаршѣ въ послѣднюю войну противъ Аѣинянъ, спяжали полное право на вниманіе Спаршанцевъ и заслужили признательность республики и священное званіе Спаршанскихъ гражданъ; для сего вызывали они шаковыхъ въ Спаршу, дабы шамъ предъ лицомъ представи-

шелей республики даровать имъ свободу и причислить ихъ къ сонму гражданства. До 2000 Илоповъ найдены были достойными сей высокой награды; украсивши вѣнками изъ цвѣт-повъ водили ихъ Спартанцы вокругъ храмовъ въ торжественной церемоніи при многочисленномъ спеченіи народа; во время жертвоприношеній, участвуя въ оныхъ наравнѣ съ свободными, они должныствовали получить уже окончательно права гражданъ. Но вскорѣ послѣ сихъ празднествъ они исчезли, безъ сомнѣнія умерщвлены измѣннически своими варварами; смерть ихъ покрыта завѣсою тайны. Сіе вопіющее къ небу злодѣяніе Спартианцевъ совершено въ 424 году до Р. Х. Къ такимъ жестокоствямъ прибѣгали питомцы Ликурга для отстраненія чуждыхъ бѣдъ и опасностей! Сія ужасная мѣра служила самымъ яснымъ доказательствомъ внутреннего безсилія Спартианской республики.

Подвиги Бразида—его завоеванія во Еракіи. Миръ Никіасовъ.

И дѣйствительно по мѣрѣ того, какъ возрастало могущество Аѣнскаго народа, Спартиа упала болѣе и болѣе. Морскія силы Аѣнскія были всегда побѣдоносны; теперь и сухопут-

ныя арміи Аѳинлянъ становились грозными для Спаршанцевъ въ самомъ Пелопонесѣ; сіи послѣдніе едва могли хранить безопасность одной Лаконіи; самая печальная будущность представлялась имъ; скоро, думали они, опягощенъ и надъ ними ненавистное бремя Аѳинскаго владычества. Но тогда, какъ состояніе Спаршанской республики казалось безпомощнымъ, одно обстоятельство возстановляеть упадшее мужество ея гражданъ и одушевляеть ихъ новыми надеждами успѣховъ и побѣдъ.

Греческіе города во Фракіи, спрашась пагубныхъ для ихъ свободы слѣдствій возвеличенія Аѳинской республики и ненависти вліяніе деспотическихъ Аѳинянь, желавшихъ все поработить своей власти, рѣшились заблаговременно обезпечить себя отъ ихъ приязаній, и отклонить удары ихъ власполюбія. Они соединяюшя съ Пердиккою, Царемъ Македонскимъ, хранившимъ досель дружбу съ Аѳинами, но также наскучившимъ дерзосцію и легкомысліемъ Аѳинскаго народа и высокоумными его престоаніями, и для большаго еще усиленія себя предлагають союзъ дружбы Спаршанцамъ, пребуя отъ нихъ вспомогательнаго войска для начатія открышой войны противъ

Аѳинянь. Спаршанцы, восхищенные шаковымъ предложеніемъ, немедленно изгоповляющъ отрядъ храбрыхъ воиновъ — но какъ препроводить оный въ Македонію? Море Эгейское покрыто кораблями Аѳинскими; практъ сухопутный продолжипелень, и ведешъ чрезъ многія спраны, союзныя и преданныя Аѳинянамъ. Какъ одолѣшь сіи препяпспивія? Кто въ соспояннн превозмочъ оныя? Спарша, давно уже бѣдная мужама знаменпшыми, имѣетъ пеперь дешпойнаго гражданина, одного, кошорому она съ довѣріемъ поручаетъ сіе великое дѣло, и кошорый давно уже гошовилъ себя къ совершенію славныхъ подвиговъ и пламенѣлъ спрашпю благородною — воскреситъ умершее мужество своихъ согражданъ. *Бразидъ* провозглашенъ начальникомъ воинспва, назначеннаго къ отправленію въ Македонію.

Бразидъ съ самаго начала войны Пелопонезской поспоянно обращалъ на себя вниманіе своихъ согражданъ; опличался не обыкновенною храбростію своею, присудспвіемъ духа посреди величайшихъ опасностей, предпримчивою дѣяшельностію, плодовиностію ума и благоразумными распоряженіями въ бою съ неприятелами. Съ сими высокими качеспвами

соединялъ онъ любви достойный характеръ, благородство чувствованій, не обильное, но сильное краснорѣчіе и глубокія знанія въ политикѣ, или искусствѣ склоняющъ къ своей цѣли умы другихъ. Важность порученія на него возложеннаго и прудность въ исполненіи онаго не устрашала его. Съ чепырьмя тысячами воиновъ прошелъ онъ изъ Пелопонеса чрезъ Аспику, Віопію и Тессалию, счастливо достигъ владѣній своего новаго союзника, Царя Македонскаго, овладѣлъ подвласными Аѣинамъ городами Аканеомъ и Спагирою, лежащими въ области Халкидикъ, и немедленно приступилъ къ Амфиполю, важнѣйшему и лучшему Аѣинскому поселенію на сѣверныхъ берегахъ Эгейскаго моря. Нечаянность нападенія, рѣшительность и быстрота Бразиды, и медлительность и преступная слабость *Эвклеса*, Аѣинскаго начальника въ Амфиполѣ, скоро доставили Спаршанцамъ побѣду. Бразидъ съ поржесствомъ вступилъ въ городъ, и утвердился въ ономъ не смотря на усилія Фукидида выгнать его оттуда. Фукидидъ, славный вождь и Испорикъ, предводительствовалъ Аѣинскою Эскадрою на островѣ Тазосѣ; услышавъ объ опасности Амфиполя олъ спѣшилъ къ оному на помощь —

но поздно; Эвклесъ былъ уже разбишъ и Амфи-
поль во власни Бразида. Сей знаменитый Спар-
шанецъ покорилъ спраны лежащія по печенію
рѣки Спиримона, и всю обласнь Халкидику под-
вергъ вліянію Спарты. Извѣстія объ успѣхахъ
необыкновенныхъ Бразида преисполнили Спар-
ту радостію, но вмѣстѣ породили зависть въ
душахъ многихъ Спаршанцевъ недовѣрчивыхъ
и гордыхъ; съ шайнымъ негодованіемъ внима-
ли многіе молвъ о доблестяхъ Бразида. Про-
спый Спаршанецъ, не въ родѣ Ираклидовъ рож-
денный, не доспигшій еще лѣтъ спароспи,
успѣлъ поставишъ себя на рядъ съ величай-
шими героями! Эта мысль раздражала и воз-
мущала спокойствіе благородныхъ.

Неудачи Аѳинявъ во Фракіи и потеря Ам-
фиполя смирили ихъ; они просили мира у Спар-
шанцевъ, которые охотно склонились на прозь-
бы униженныхъ враговъ своихъ пѣмъ болѣе,
что завистники Бразида надѣялись чрезъ по-
оспановишъ славное начало его подвиговъ, и
что вообще всѣ Спаршанцы желали видѣшъ
искупленіе изъ плѣна своихъ согражданъ, пѣхъ,
которые содержались въ Аѳинахъ со времени
взятія Сфакперіи Клеономъ. Заключено было
перемиріе на одинъ годъ; но прежде еще не-

печенія срока неприязненности возобновились. Клеонъ наименованъ верховнымъ вождемъ Афинскихъ силъ и морскихъ и сухопутныхъ, и отправленъ во Фракію противъ Бразиды для возвращенія Амфинолы подъ власть Афинской республики. Своею дерзостію, безразсудными распоряженіями и совершеннымъ невѣжествомъ въ дѣлѣ воинскомъ навлекъ на себя Клеонъ всеобщее презрѣніе и неприязней, и своихъ согражданъ; увлекаясь глупою самонадѣянностію онъ подошелъ безъ всякихъ мѣръ предосторожности слишкомъ близко къ стѣнамъ города Амфинолы, защищаемого Бразидомъ, былъ отраженъ, и принужденный вступить въ бой былъ разбитъ, обращенъ въ бѣгство, и преслѣдуемый врагами былъ застигнутъ и убитъ. Смерть его, шоліко постыдная, не можетъ омытъ стѣхъ пресупленій, коими онъ омрачилъ недостойную жизнь свою. Имя его предано справедливому проклятію и современниковъ, и потомства. Афиняне упорно продолжали сраженіе и послѣ смерти своего военачальника. Бразидъ пламенный и неперелбивый сражался въ рядахъ простыхъ воиновъ и былъ жестоко раненъ — Афиняне уступили силѣ и искусству Спаршанцевъ, которые одер-

жали совершенную побѣду. Бразидъ вынесенный съ поля битвы не долго веселился торжеству своему и славъ своего опечесства; ра-на его была смертельна; онъ скоро скончался опъ оной въ 422 году до Р. Х. Плакиваемый своими согражданами и союзниками погребенъ онъ на общеспвенное иждивеніе съ великолѣпнѣйшими церемоніями; республика Спартанская посшановила, опшправляя ежегодно въ честь его публичныя торжества и игры, и приносить богатыя жершвы. „Великой человекъ былъ Бразидъ, говорили Фракійскіе Греки въ упѣшеніе матери его Аргалеонидъ; Спарта не имѣетъ ему подобнаго. Мой сынъ былъ гражданинъ знаменитый, опвѣчала имъ Аргалеонида, но Спарта имѣетъ много мужей, досшойнѣйшихъ, лучшихъ его.“ Мнѣніе Фракійцевъ справедливо — не только въ Спартѣ, но въ цѣлой Греціи не было тогда человека, который могъбы равняться Бразиду—; опвѣтъ Аргалеониды истинно Спартанскій — она не хопѣла думанъ о заслугахъ и славъ сына, забошилась только о славъ и величій своего опечесства.

Смерть Клеона и Бразиды уничтожила всѣ преграды къ заключенію мира, спрастно же-

лаемаго обѣими республиками; обѣ спорныя равно испытывали превращенія военнаго счастья; обѣ равно ослаблены и изнурены. Никіасъ поддерживалъ и усиливалъ миролюбивыя расположенія своихъ согражданъ; онъ открылъ переговоры съ Спартою, и всѣхъ болѣе содѣйствовалъ къ заключенію мира, по его имени названнаго Никіасовымъ. Въ 422 году до Р. Х. въ десятомъ году войны Пелопонезской подписаны условія: хранишь миръ въ продолженіи 50 лѣтъ, выдашь обоюдныхъ плѣнныхъ безъ выкупа, возвратишь все завоеванное и оспариваешь при ихъ владѣніяхъ, каковыя имѣла и она и другая спорона до начатія брани.

в. Второй Періодъ войны Пелопонезской
отъ 422 до 411 года.

Греція на лонѣ мира и тишины начала успокоиваться отъ поспрясеній, такъ долго колебавшихъ ее; Греки надѣялись времени счастливейшихъ по врачеванію глубокихъ ранъ, нанесенныхъ имъ войною; но преходящи были ихъ надежды; миръ былъ непродолжителенъ. Спокойствіе державъ сохраняется взаимными отношеніями народовъ между собою, ихъ намѣ-

реніями и обоюднымъ желаніемъ хранишь миръ; мирные договоры бывають тогда только прочны, когда обѣ враждующія спороны находятъ для себя болѣе выгоды въ сохраненіи, чѣмъ въ нарушеніи мира; между соперничающими республиками миръ тогда только проченъ, когда одна изъ нихъ совершенно унижена и ослаблена такъ, что не въ состояніи возобновить войны.

Миръ Никіасовъ примирилъ Спарту и Аѳины, но многіе изъ союзниковъ обѣихъ сихъ республикъ были не довольны условіями; одни негодовали на своекорыстность Спартианцевъ, другіе жаловались на пренебреженіе къ себѣ Аѳинянь. Коринѳяне, Аргивцы и жипелы Элиды ропсали всѣхъ болѣе и громогласнѣе на злоупотребленіе власти, позволяемое и производимое обоими первенствующими народами Греціи. Въ 419 году до Р. Х. начало уже снова разгораться пламя междуусобій, не совсѣмъ попушенное. Война должна была неминуемо начаться снова особенно потому, что *Алкивιάдъ*, сынъ Клиніаса, приобрѣлъ всемогущее вліяніе на дѣла Аѳинской республики и на судьбу цѣлой Греціи.

Алкивиадъ.

Алкивиадъ, попомокъ Аякса, родственникъ Перикла, близкій по родству всѣмъ Алкмеонидамъ, рано обратилъ на себя взоры своихъ согражданъ. Все поспавляло его на самую видную, высокую степень въ республикѣ: его порода, несмѣнное богатство, обворожающая красота лица его, величественная осанка и поступь, прелестныя шлодвиженія, несравненный гений, сильное, увлекающее краснорѣчіе, и любезное вкрадчивое обращеніе со всѣми. Владычествующею въ немъ страстію было непомерное честолюбіе и стремленіе къ первенству между согражданами и къ совершенію дѣлъ не обыкновенныхъ. Онъ хотѣлъ блистать, жаждалъ славы, и могъ ее достигнуть; онъ былъ самый понкій полникъ, храбрый воинъ, и отличнѣйшій полководецъ; но бывъ выше всѣхъ Аѣянъ по своему происхожденію онъ поидеславился своею породою; обладая несмѣнными сокровищами предавался всѣмъ забавамъ роскоши и велъ жизнь великолѣпную, но развратную; надмѣваясь прелестною своею наружностію онъ позволялъ себѣ все въ кругу женъ Аѣинскихъ, его богопворившихъ, и

нарушала шѣмъ спокойствіе многихъ семействъ; своимъ краснорѣчіемъ направлялъ по своему произволу умы народа, и своимъ необыкновеннымъ умомъ двигалъ одинъ все колесо огромной машины Государственной. Кажется, судьба всей Греціи зависѣла отъ одного Алкивіада; силою своего Генія онъ одинъ возвеличивалъ Аѣинскую республику, онъ же спасилъ ее на край гибели; во всѣхъ своихъ предпріятыяхъ онъ прежде всего помышлялъ о выгодахъ своихъ собственннхъ, прежде заботился о себѣ, а потомъ уже о благе республики.

Знаменипосль Алкивіада, политическое его вліяніе на Аѣинянъ, блистательный родъ жизни его, его любезность и счастье приковали къ шоржественной его колесницѣ цѣлыя толпы поклонниковъ и льстецовъ; граждане Аѣинскіе и ихъ союзники, народы подвласные и чужеземцы—всѣ рабодѣпствовали предъ Алкивіадомъ. По мѣрѣ увеличенія его власти надъ умами увеличивалась и его гордость. Граждане благомыслящіе и хладнокровно наблюдавшие ходъ дѣлъ въ республикѣ роптали въ тишинѣ на своевольство и высокомеріе любимца народнаго, оуждали жизнь его и предсказывали пагубныя слѣдствія всеильнаго влія-

нія Алкивіадова на народъ. Въ самомъ дѣлѣ; злоупотребленіемъ своихъ способностей и власти, и опаснымъ примѣромъ своей жизни Алкивіадъ произвелъ чрезвычайный, погубительный переворотъ въ нравахъ, въ образѣ жизни, въ самыхъ понятіяхъ и поведеніи всѣхъ Аѳинянъ;—онъ способенъ былъ ко всѣмъ добродѣтелямъ, самымъ высокимъ, и ко всѣмъ порокамъ, самымъ гнуснымъ, въ равной мѣрѣ; дѣла его покажутъ намъ, что въ немъ въ послѣдствіи преобладало; онъ имѣлъ всѣ качества, чинобы содѣлать Государство великимъ и счастливымъ, или подорвавъ всѣ основанія онаго низвергнуть его въ пропасть разрушенія и гибели; обстоятельствва и сами Аѳиняне. будущъ руководить Алкивіада по трудному путищу полипической его жизни, только богатой необыкновенными событіями. Все великое имъ начертанное или совершенное было внушеніе его собственнаго генія или плодъ наставленій мудраго Сократа (Алкивіадъ былъ любимый ученикъ его); всѣ неудачи его и несчастія, всѣ бѣдствія, постигшія Аѳинскую республику, были слѣдствіемъ обстоятельствва или случая и плодомъ легкомысленности, не-

поспоянства и безразсудной неблагодарности Аѳинскаго народа.

Въ то время, какъ Алкивіадъ выступивъ на театръ политическій началъ рѣшительно и сильно дѣйствовать въ республикѣ, какъ пламенными рѣчами своими поражалъ Аѳинянъ и скоро приобрѣлъ ихъ довѣренность безпредѣльную къ своимъ талантамъ, въ то время два мужа изъ среды его согражданъ сіяшя остановили порывы его честолюбія и сохранили равновѣсіе въ республикѣ. Никіасъ и *Иперболъ*, люди, другъ на друга во все не похожіе, являющіяся противниками Алкивіада — первый съ намѣреніями чистыми, съ мыслию добра для отечества, второй съ чувствами зависти и поспыднаго ревнованія къ возникающему величію. Скоро Алкивіадъ воспоржествовалъ надъ своими соперниками; добрый, но холодный, слишкомъ оспорожный и не рѣшительный Никіасъ помраченъ совершенно дерзновеннымъ, но блистательнымъ честолюбцемъ. Иперболъ, другъ Клеона, равный ему породю, характеромъ и умомъ, могъ ли долго оспоривать пальму первенства у Алкивіада? немедленно послѣ начатія борьбы онъ изнемогъ въ бою не равномъ. Алкивіадъ оспался

одинъ полнымъ власнелиномъ надъ Аѳинянами, называвшими себя народомъ свободнымъ. Не видя ни высшаго, ни даже равнаго себѣ, увѣренный въ любви къ себѣ большей части народа Алкивіадъ безирепятственно предася влеченію своего честолюбія, соспавляя въ умѣ своемъ планы исполинскіе къ прославленію собственному и къ возвеличенію Аѳинской республики. Завоеваніе острова Сициліи считалъ онъ дѣломъ легкимъ, и средствомъ единственнѣйшимъ къ доставленію Аѳинянамъ первенства не только надъ народами Греціи, но и надъ всеми народами вселенной.

Островъ Сицилія.

Островъ *Сицилія*, отдѣляющійся отъ матерой земли Италіи проливомъ менѣе 4 версты въ ширину имѣющимъ, образуетъ собою треугольникъ, отъ чего онъ слылъ долго подъ именемъ *Тринакрии*. Первобытныя обитатели онаго были народы *Сиканы* и *Сикулы* — отъ послѣднихъ получилъ онъ настоящее свое названіе. Сей островъ, почти на 600 миль простирающійся, есть величайшій изъ всѣхъ острововъ на Средиземномъ морѣ. На цѣломъ земномъ шарѣ, можешь быть, нѣтъ страны,

кошорая бы равнялась Сициліи приапноспію климата, плодоносіемъ и богатствомъ земли и разнообразіемъ прелестнѣйшихъ видовъ; многоразличнѣйшими дарами своей природы она снабжала всѣ страны окрестныя и считалась по справедливости житницею Италіи; древніе Римляне по красотамъ и богатствамъ естественнымъ называли Сицилію *deliciæ generis humani*. Сицилія находится почти въ равномъ распоянїи оупъ восточныхъ и западныхъ краевъ моря Средиземнаго; съ высотъ горы *Этны* опкрывается обипапелямъ сего острова вся Италія; земли на сѣверномъ берегу Африки и владѣнія гордой республики Карфагенской были въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Сициліею. Положеніе сего острова, его величина, плодоносіе и удобныя гавани по берегамъ очень рано содѣлали его драгоцѣннѣйшею спраною въ политическомъ и коммерческомъ отношеніи; очень рано начали селиться въ сей благословенной оупъ природы спранѣ разныя племена народовъ пришлыхъ. Финикіяне первые основали здѣсь свои поселенія, изъ коихъ примѣчательнѣйшими были *Панормъ* (Палермъ) на сѣверномъ берегу, и *Мотія* на западномъ. По паденіи Финикіи и по усиле-

ніи Карфагена въ Африкѣ колоніи Фивикійскія поспунили подъ владычество Карфагенской республики. Карфагеняне спремались къ распрощраненію своего вліянія въ Сициліи. Раздоры и междуусобія природныхъ жителей споществовали намбреніямъ Карфагенянь, и облегчали впорженіе на сей оспровъ и другимъ народамъ. И Греки, во множествѣ оспавлявшіе свое опечество, наполнили воспочные и южные берега Сициліи многочисленными колоніями своими. Знаменишійшія Греческія колоніи были *Селинѣ*, *Агригентѣ*, *Гела* и *Камарина* на южномъ берегу, и *Мессима*, *Катана* и *Сиракузы* на воспочномъ. Карфагеняне и Греки имѣли одно въ виду: исключительное владычество на всемъ проспранствѣ оспрова; Карфагеняне желали выпощенить Грековъ, Греки ненавидя Карфагенянь какъ народъ варварскій прощивосполяли имъ и хотѣли воспоржествовать надъ ними; изъ сего враждебнаго положенія обоихъ народовъ между собою долженствовало неминуемо произойти войны. Оба народа равно ясно понимали, что держава повелѣвающая или владѣющая Сициліею будетъ властвовать на всемъ морѣ Средиземномъ и повелѣвать цѣлою вселенною. И дѣйствительно, еслибы Греки

воспоржествовали вполне и содѣлалибы изъ Сициліи единое нераздѣльное владѣніе, то Каррагенъ обратился бы въ данницу Грековъ; ежелибы Каррагеняне одолѣли Грековъ и утвердились одни на всемъ оспровѣ, то могущество ихъ былобы незыблемо, и Римъ никогда не отважилсябы на борьбу съ Каррагеномъ, и никогда не дерзнулъ бы выступить изъ предѣловъ Италіи. По симъ столь важнымъ соображеніямъ не должны Испорія судить снисходительнѣе Каррагенянь за потоки крови, ими пролитыя въ войнахъ Сицилійскихъ, и за цѣлыя горы золота, копорыя они распочили въ оныхъ для того, чшобы покорить себѣ Сицилію? Каррагеняне достиглибы своей цѣли, завоевалибы сей оспровъ, ежелибы къ несчастію ихъ между городами Греческими въ Сициліи не было Сиракузь, города, довольно сильнаго къ тому, чшобы оспановить успѣхи оружія Каррагенскаго.

Могущество Сиракузь.

Сиракузы, Коринѣская колонія, безъ сомнѣнія первый, знаменипѣйшій городъ Сициліи, возвеличился первоначально отъ обширной торговли и славился попомъ высокимъ образова-

ніемъ своихъ жипелей и успѣхами въ наукахъ и искусстввахъ. И нынѣ еще богатыя развалины свидѣтельствуютъ о минувшемъ величіи и славѣ сего города. Существо правленія въ Сиракузахъ было республиканское; но при обыкновенной зыблемости сего образа правленія часто верховная власпъ доставалась въ руки единаго, предъ которымъ смирялись всѣ, и народъ, и вельможи; правленіе республиканское замѣнялось монархическимъ. Подъ благотворнымъ вліяніемъ Монархіи Сиракузы достигли самой высшей степени политической значительности и силы. *Гелонъ* открываетъ рядъ Государей Сиракузскихъ; онъ есть первый между ними по порядку времени, первый и по достоинству своимъ, по высокимъ качествамъ ума и сердца, Государь мудрый и храбрый, побѣдитель *Каррагенянь*. О великой побѣдѣ одержанной имъ при *Гимерѣ* въ 480 г. до Р. Х., мы замѣтили выше; симъ славнымъ подвигомъ онъ сокрушилъ могущество *Каррагенской* республики и доставилъ Сициліи на цѣлыя 80 лѣтъ спокойствіе и обезпеченіе со стороны высокотѣрныхъ *Каррагенянь*. Не продолжительно было царствованіе *Гелона* — онъ управлялъ Сиракузами только 7 лѣтъ и скончался годъ

спустиа послѣ побѣды Гимерской не достигши
лѣтъ глубокой старости. Долго память о
немъ была любезна Сиракузянамъ; имя его было
еще уважено, что по испеченіи сна лѣтъ,
когда яростная чернь низпровергла всѣ па-
мятники своихъ Государей, изваянія Гелона
одного оспались неприкосновенными.

Гелону наследовалъ братъ его *Гіеронъ*, мужъ
просвѣщенный, Государь крошкѣй и попечи-
тельный, покровитель наукъ и учености.
Дворъ его былъ блистательнѣйшимъ дворомъ
въ тогдашнее время, и украшался особенно
пробываніемъ при немъ славныхъ Поэтовъ,
Эхила, Симонида и Бакхилида. Слава о вели-
кодушій, мудрости и добродѣтеляхъ Гіерона
разнеслась по всей Греціи. Пиндаръ воспѣвалъ
его въ своихъ одахъ, а Ксенофонтъ выслав-
лялъ его образцомъ мудрости и добродѣтели.
Послѣ 11^{ти} лѣтняго царствованія Гіеронъ за-
вѣщалъ престолъ своему брату *Тразивулу*,
во все не похожему на великихъ своихъ пред-
шественниковъ. За жестокость къ народу Тра-
зивуль былъ изгнанъ изъ Сиракузъ въ 463 го-
ду до Р. Х. управляя своимъ народомъ около
4^{хъ} лѣтъ. Сиракузяне по удаленіи Тразивула
избрали демократическую форму правленія, и

гордясь своею свободою они посягали на свободу своихъ сосѣдей, и домогались владычества надъ всѣми городами Сициліи; многіе уже покорялись имъ, даже и богатый Агригенъ, послѣ Сиракузъ важнѣйшее мѣсто сего острова, подвергся зависимости отъ Сиракузянъ; они сдѣлались шолькоже опасны для независимости и свободы городовъ Сицилійскихъ, какъ нѣкогда Карфагеняне.

Возстаніе Эгеспанцовъ прошивъ Сиракузянъ—Планъ Алкивіада къ завоєванію Сициліи.

Таково было состояніе Сициліи въ началѣ войны Пелопонезской! Сиракузяне, попомки Коринѣянъ, слѣдственно Дорическаго происхожденія, показывали себя чрезвычайно лютыми и жестокими прошивъ разныхъ городовъ Сициліи, населенныхъ народами Ионическаго племени; по сему одному уваженію раззорены ими въ конецъ Леонтинцы, ихъ сосѣди, ненавидимые имъ попому шолько, что они были Іоняне по происхожденію. Аѣнныяне, какъ единоплеменные народамъ угнѣщаемымъ, ходатайствовали въ ихъ пользу предъ Сиракузянами;

еще до заключенія мира Никіасова Аѳинская республика вмѣшивалась во внутреннія распри городовъ Сицилійскихъ.

Сіе посредничество Аѳинянъ не произвело однакожь желаннаго успѣха; Сиракузяне продолжали по прежнему припѣснять Сицилійцевъ. Городъ *Сегеста* или *Эгеста*, прошивной Сиракузянамъ по тѣмъже причинамъ разноплеменничества, угрожаемъ былъ разрушеніемъ. Эгеспанцы въ крайности прибѣгли къ кровопролитію Аѳинъ, и въ 416 году оправили посольство къ Аѳинянамъ съ просьбою о помощи противъ припѣснителей. „Когда Сиракузяне, народы Дорическаго произхожденія, поработящъ всѣхъ Іонянъ Сицилійскихъ, говорили послы Эгеспанскіе, падесть свобода и Іонянъ Ашпики; Сиракузяне соединятся съ Спаршанцами, и Аѳиняне изнемогутъ несомнѣнно. Порабощеніе Эгеспы есть вѣрной провозвѣстникъ покоренія и самихъ Аѳинъ.“

Алкивиадъ съ пламеннымъ Энтузіазмомъ подкрѣплялъ доводы Эгеспанцовъ; онъ наставлялъ въ необходимости войны противъ Сиракузь; рѣшительно требовалъ снаряженія флота и достаточной арміи для похода въ Сицилію

предспавляя своимъ согражданамъ легкость завоеванія сего острова и чрезвычайныя оныя отъ того послѣдствія для величія и благоденствія Аѳинъ. Алкивіадъ питалъ увѣренность въ томъ, что при первомъ появленіи силъ Аѳинскихъ на берегахъ Сициліи многіе народы, завидующіе могуществу Сиракузянъ и не довольные ихъ высокомеріемъ, немедленно присоединятся къ Аѳинянамъ и будутъ дѣйствовать совокупно съ ними прошивъ общаго врага. Успѣхъ предпріятія будетъ несомнѣннымъ. Алкивіадъ видѣлъ уже въ воображеніи своемъ Сиракузы падшими, и всю Сицилію во власти Аѳинянъ; отсюда думалъ онъ вести войска свои на Великую Грецію съ одной стороны, и на Каррагенъ съ другой; и сіи земли склонятся подъ иго власти побѣдоноснаго Аѳинскаго народа — можешь ли послѣ того сопротивляться Спарта? По паденіи Сициліи, Испаліи, Каррагена и Спарты, Аѳины содѣлаются великою, всеобщною державою, кою всѣ народы вселенной принесутъ дань покорности и повиновенія. Сею блистательною будущностію очаровалъ Алкивіадъ умы Аѳинянъ; сими мечтаніями, спользуясь льстившими самолюбію народа, воспламе-

нялъ онъ пылокое юношество Афинское. Не смотря на предсавленія благоразумнаго Никіаса и на сопротивленіе оспорожныхъ спартьшинъ Афинскихъ прозѣба Эгеспанцовъ уважена, и наспоянія Алкивіада исполнены. Съ необыкновеннымъ жаромъ гоповили Афиняне сильное ополченіе, вооружали многочисленный флотъ и пригошовляли все нужное къ совершенію такого предпріяшя, послѣ котораго, еслибъ оно счастливо окончилось, Афины, а не Римъ, были бы владыкою вселенной. Никіасъ, Алкивіадъ и Ламахъ наименованы вождями Афинянь въ семъ необыкновенномъ начинаніи; но душою всего былъ Алкивіадъ; онъ одинъ могъ привести въ дѣйство сей исполинскій планъ, ежели только онъ удобоисполнимъ по существу своему.

Обвиненіе Алкивіада.

Все уже было гопово къ опплышю; гавань Пирей полна была кораблями, богато оснащенными и снабженными всемъ нужнымъ съ избыткомъ; давно уже Греція не видѣла такого ополченія огромнаго и такого множества кораблей; назначень былъ день къ отправленію, какъ вдругъ неожиданное приключе-

ніе поражаетъ вниманіе Аѳинянь и грозитъ бѣдою Алкивіаду. Въ одну ночь поруганы были спатуи Бога Гермеса или Меркурія, разсавленные по разны́мъ часнямъ города; весь народъ пламенѣлъ злобою къ неизвѣстнымъ преступникамъ, оскорбителямъ священи; всѣ усилія открыть виновниковъ злодѣянія были тщетны; прошивники и враги Алкивіада воспользовались симъ случаемъ для его погубленія; его и его приверженцевъ обвиняли они въ семъ неслыханномъ доселѣ въ Аѳинахъ преступленіи; на него клеветали сверхъ того, что онъ въ бесѣдѣ съ развращенными своими друзьями издѣвался надъ священными таинствами Элевзинскими. Алкивіадъ былъ безъ сомнѣнія невиненъ въ преступленіяхъ на него возводимыхъ; могъ ли онъ отважиться на такое дѣло, которое не принося ему никакой существенной выгоды могло подорвать къ нему любовь народную и оспановить его въ самомъ началѣ блистательнаго поприща, на которое всступалъ онъ? Вѣроятно, сами обвинители съ скрышою злобою и съ обдуманною злонамѣренностію поругались надъ спатуями Гермеса въ надеждѣ вѣрнаго успѣха — отклонить

вину свою собственную на Алкивиада и чрезъ то погубить его.

Алкивиадъ въ сознаніи невинности своей явился въ народномъ собраніи для опроверженія нелѣпныхъ обвиненій взводимыхъ на него врагами, и для разсѣянія неприятныхъ впечатлѣній пропавъ него полученныхъ Афинянами; онъ предаетъ себя на судъ своимъ согражданамъ, пребуетъ себя смерти, ежели онъ окажется виновнымъ, шоржесивеннаго удовольствіенія за обиду, ежели найдутъ его невиннымъ. Но враги Алкивиада изумленные его безбоязненностію, и опасаясь возстанія войска въ его пользу, предложили отсрочить изслѣдованіе дѣла до возвращенія его изъ преднамѣреннаго похода, и оставивъ его военачальникомъ повелѣвали ему именемъ народа немедленно отправиться съ войскомъ и флотомъ, не перпѣливо ожидавшими отплытія. Алкивиадъ оставляетъ Афины не заботясь объ опасностяхъ будущихъ, не воображая того, что враги его для того только отложили судъ надъ нимъ, чтобы во время его отсутствія тѣмъ вѣрнѣе и легче восшоржесивовать надъ ненавистнымъ своимъ соперникомъ.

Походъ Аѳинянъ на Сицилію.

Войско сухопутное и морское, назначенное въ Сицилію, вмѣщало въ себѣ болѣе 30,000 чело-
 ловѣкъ; флотъ состоялъ изъ 136 большихъ
 кораблей о шрехъ рядахъ весель; изъ сего чи-
 сла 100 кораблей принадлежали Аѳинянамъ, а
 остальные ихъ союзникамъ; кромѣ сего нахо-
 дилось великое число судовъ перевозныхъ для
 помѣщенія войска и припасовъ нужныхъ для
 его содержанія — все количество судовъ упо-
 употребленныхъ въ сей экспедиціи опредѣляется
 до 300. Безчисленное множество гражданъ сопро-
 вождало отправляющихся воиновъ, своихъ со-
 брацій, изъ Аѳинъ до Пирея, откуда флотъ
 при громкихъ восклицаніяхъ народа пустился
 въ море направляясь къ острову Эгинъ. Кор-
 цира назначена была мѣстомъ соединенія всѣхъ
 Аѳинскихъ силъ военныхъ послѣ обхода кру-
 гомъ всей Греціи. Изъ Корциры поплыли
 Аѳиняне къ южнымъ берегамъ Ипаліи, обог-
 нули мысъ *Япигій* въ Калабріи или Мессапіи,
 плыли по водамъ залива Тарентскаго возбуж-
 дал своими посланными города Ипалійскихъ
 Грековъ къ возстанію прошивъ Сиракузъ, за-
 водили переговоры съ Тарентомъ и Локрами,

но не получивъ успѣха достигли пролива Мессинскаго и легли въ гавани города Регіума. Хищрыми переговорами, убѣжденіями и страхомъ умѣлъ Алкивіадъ склонить къ споронѣ Аѳинской многихъ обитателей Сициліи. Города Мессана, Наксъ и Капана на воспокъ и Камарина на югъ, увлекаясь или союзомъ единоплеменничества съ Аѳинянами, или прелеща ихъ могуществомъ, обѣщали свое содѣйствіе, согласились доставлять Алкивіаду нужные для арміи припасы, и пособіе въ деньгахъ и въ войскахъ. Городъ Эгеспа на западѣ Сициліи испощалъ всѣ свои силы, дабы поддержать по возможности своихъ союзниковъ и покровителей. Алкивіадъ съ праведными надеждами въ душѣ смотрѣлъ на будущее и готовился къ открытому нападенію на Сиракузы, и на преданный имъ городъ Селинъ. Изъ Регіума переправился флотъ Аѳинскій въ Капану, и слѣдственно въ сосѣдство Сиракузъ. Грозная пуча висѣла надъ главами изумленныхъ Сиракузянъ. Планъ Алкивіада, казалось, осуществлялся, былъ близокъ уже къ своему исполненію; но легкомысліе Аѳинскаго народа спасло Сиракузы — Аѳиняне сами разрушили дѣло, начатое такъ блистательно и счастливо Алкивіадомъ.

Осужденіе Алкивіада и бѣгство его въ Спаршу.

Въ Сицилію прибыло изъ Аѳинъ судно для возвращенія Алкивіада въ Аѳины. Враги его успѣли встревоживъ умы народа новыми опасеніями, и представивъ своего противника человекомъ спремящимся къ пираниіи и самовласшію въ республикѣ. Опсупспвіе Алкивіада открыло обширное и свободное поле яростной злобѣ неупомимо дѣятельныхъ его зависнниковъ; объявль ложными справами народъ вѣрль всѣмъ навѣшамъ и клеветаніамъ, и въ неразуміи своемъ пребоваль непременно, чтобы Алкивіадъ явился на судъ; но нѣшъ судіи не справедливе, нѣшъ пирана мспительнѣе и ужаснѣе, какъ неисповая чернь, ничѣмъ не обуздываемая. Алкивіадъ зналь характеръ Аѳинянъ, зналь всю силу злобы своихъ непріятелей, и пошому увѣренъ былъ, что его ожидаетъ смерть. Скорбно разспавшись съ воинспвомъ, его богошворившимъ, оставль онъ Сицилію, и въ сопупспвіи своихъ согмадашасевъ опшльль обратшо въ опечеспво; но достигши города Туріума или древняго Сибариса въ Италіи онъ обмануль бдишельность своихъ спр...

жей и скрылся не достигнутый ихъ преслѣдованіями въ Пелопонесѣ; онъ имѣлъ многочисленныхъ друзей и партію, ему преданную въ Аргосѣ; тамъ онъ надѣялся обезопасить себя отъ гоненій и со временемъ при переменѣ обстоятельствъ возвратиться въ Аѣины; но услышавъ, что яросные Аѣиняне, раздраженные его не послушаніемъ, приговорили его заочно къ смерти, онъ бѣжалъ изъ Аргоса въ Спаршу, въ ту землю, которую разрушить было доселѣ любимую, единственную его мыслію. Одно чувство владычествовало теперь въ душѣ Алкивіада—чувство ненависти и мщенія къ Аѣинянамъ.

Спаршанцы охотно отворили ему врата своего города, полагая справедливо, что онъ бывъ доселѣ ужаснѣйшимъ врагомъ Спаршанской республики можетъ содѣлаться теперь полезнѣйшимъ ея другомъ, и своими совѣтами, умомъ и рѣшительностію оказать ей блистательныя услуги. Алкивіадъ открылъ Спаршанцамъ всѣ намѣренія Аѣинянъ, подробно изложилъ имъ великую опасность для самой Спарши въ случаѣ завоеванія ими Сициліи, требовалъ возобновленія войны съ ними и настоялъ въ необходимости помочь Сираку-

зянамъ въ шой крайности, въ какой они находились. По его совѣту отправили Спаршанцы вспомогательное войско въ Сиракузы прошивъ Аѳинянь. *Гилиппъ*, искусный военачальникъ Спаршанскій, предводительствовалъ онымъ; онъ явился на берегахъ Сициліи для избавленія погибавшихъ; никогда Сиракузянамъ не была шакъ нужна помощь—они находились на краю пропасти.

Осада Сиракузъ. Гилиппъ. Бѣдствія, постигшія Аѳинянь въ Сициліи.

По удаленіи Алкивіада Никіасъ повелъ свои войска на сѣверъ Сициліи въ надеждѣ получить себѣ подкрѣпленіе отъ Эгесшанцовъ и отъ коренныхъ жишелей оспрова. Покоривши многія страны внутри онъ подошелъ къ Сиракузамъ съ сухаго пупи, тогда какъ и флотъ его расположился въ виду сего города, и рѣшился осадить его со всѣхъ споронъ; счастье благоприятствовало ему и Аѳинянамъ; Сиракузяне, неопытные въ воинскомъ искусствѣ, не согласные въ мѣрахъ обороны и чуждые военной подчиненности, скоро увидѣли себя въ шполь затруднительномъ положеніи, что не находили другаго средства къ своему спасенію кро-

мъ покорности волю побѣдителей; они вступили уже въ переговоры о сдачу, и Никіасъ сражавшійся противъ своей воли, по повелѣнію республики, заслужилъ бы нехотя безсмертіе подвергнувъ власти Афинянъ такое сильное владѣніе, о которомъ препирались въпомъ могущественнѣйшіе народы Древняго Свѣта. Но Гилиппъ съ Спартианцами и Коринтянами пробрался въ Сиракузы — и дѣла приняли совсемъ другой оборотъ. Никіасъ могъ бы удобно воспрепятствовать въпорженію Гилиппа въ Сицилію; но по неизяснимой слабости онъ пренебрегъ сею предосторожностію, попустилъ Спартианцамъ соединиться съ жителями Сиракузскими—и чрезъ то разрушилъ самъ свое счастье. Прибытіе Гилиппа возстановило унавшее мужество Сиракузянъ и воодушевило ихъ надеждами вѣрнаго спасенія и успѣховъ надъ врагами; не о сдачу уже помышляли они, но о битвахъ съ Афинянами. Гилиппъ научивъ Сиракузянъ Спартианскою тактикою и подчинивъ ихъ самой строгой воинской дисциплиною началъ превозмочь безпрестанными нападеніями Никіаса и его армію, и наконецъ прогналъ его отъ стѣнъ Сиракузскихъ; осада города снята; Афиняне ед-

ва держались еще въ своихъ окопахъ; Ламахъ скончался; самые лучшіе Аѳинскіе воины пали въ бою съ Гилиппомъ; большая часть острова возспала пропивъ Аѳинянь. Переворотъ неожиданный и ужасный, произшедшій въ Сициліи, навелъ прѣпепъ и опчаяніе на умы Аѳинянь, пребывавшихъ въ Аппикѣ.

Правительство Аѳинское опредѣлило послать новыя силы на подкрѣпленіе изнемогающаго Никіаса; сооруженъ новый флотъ изъ 73 кораблей; соспавлено новое войско, проспирившееся числомъ до 20,000 человекъ. Демосѳенъ, славный уже своими подвигами, и *Эвримедонъ* повели сіи вспомогательныя силы въ Сицилію. Ежелибы военачальники съ самаго своего соединенія дѣйствовали обдуманно, рѣшительно и единодушно, то Сиракузяне падали бы подъ ударами мужественныхъ и многочисленныхъ неприятелей своихъ; но не согласіе полководцевъ, дѣятельность Гилиппа, благородіе *Гермократа*, знаменистѣйшаго изъ Сиракузскихъ гражданъ и какая-то неприязненная судьба содѣлывали всѣ напряженія Аѳинянь безуспѣшными. Демосѳенъ, разбишый во многихъ битвахъ, видя, что скоро все море будетъ занято кораблями неприятельскими и

замѣчая, что армія непрерывно уменьшается отъ болезней, свирѣпствовавшихъ въ лагерѣ, совѣщавалъ вовсе оставить погибельное предприятие. Никіасъ упорствовалъ отвергая благоразумное предложеніе Демосеена; но пораженный многократно и на сухомъ пупи, и на морѣ, поперывши весь флотъ свой, и онъ согласился наконецъ, но уже поздно, послѣдовать совѣту своего повариха, и онъ рѣшился оставить Сицилію.

Никіасъ имѣлъ у себя сильное еще числомъ войско, но лишенное мужества и бодрости, изнуренное болезнями и ослабленное неудачами и спораданіями. Шествіе его по пространству острова на югъ отъ Сиракузъ сопровождаемо было чрезвычайными затрудненіями; Сиракузяне преслѣдовали опешупающихъ; во все опшупленіе Аѳинянь бой не преспавалъ. Гилишъ засѣлъ въ ущеліяхъ горъ и своими войсками занялъ мосты и переправы на рѣкахъ; безпреспанные, неопразимые удары враговъ истребляли ополченіе Аѳинское; Демосеень заблудившійся на пупи былъ окруженъ и взятъ военноплѣннымъ оказавши чудеса высокаго героизма. Никіасъ, часто дополь малодушный и слабый, являлъ въ сей крайности испинное

величіе души, забывалъ мученія болезни его одержавшей, забопился не о себѣ, а о своихъ воинахъ, и поддерживалъ ихъ бодрость своимъ участіемъ и мужествомъ необыкновеннымъ; онъ просилъ переговоровъ съ неприятелями— переговоры отвергнушы. Одолжая неслыханныя трудности, воины Никіаса достигли рѣки *Азинара*, изливающейся въ море на юговосточномъ берегу и шомимые жаждою спремипельно бросились въ нее не смотря на то, что утесистые берега сей рѣки покрышы были повсюду необозримыми строеми неприятельскихъ войскъ. Съча ужасная и на берегахъ, и въ самой рѣкѣ; одни захоплены въ волнахъ, другіе поражены мечами враговъ своихъ, не многіе спаслись бѣгствомъ. Въ семъ кровавомъ боѣ погибло до 8000 Аеинянъ, погиблыбы вѣроятно всѣ, но Никіасъ, печальный свидѣшель убійства, въ отчаяніи скорби палькъ спонамъ Гилиппа и умолялъ его о пощадѣ не его, но его несчастныхъ согражданъ. Гилиппъ, потрясенный въ душѣ ужаснымъ зрѣлищемъ несчастій и униженія своего сопровивника, остановилъ убійство, и остальные 7000 человекъ Аеинскихъ воиновъ повлечены въ Сиракузы военнопѣнными— съ ними шелъ

и Никіасъ. Сиракузская чернь вопіяла объ отмщеніи, жаждала крови враговъ своихъ; съ трудомъ исходатайствовали имъ пощаду умереннѣйшіе граждане Сиракузъ; военнопленнымъ даровали жизнь, но осудили ихъ на вѣчное рабство. Храбрый Демосеенъ и крошкѣй Никіасъ должны были умереть; тщетны были мольбы Гилиппа предъ народомъ о ихъ спасеніи— безъ всякаго состраданія они преданы позорной смерти.

Такимъ образомъ кончилось въ 413 году предпріятіе, начавшееся при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ для Аѣинянъ, обольстившее ихъ въ началѣ блистательнѣйшими надеждами. Геній Алкивіада могъ бы возвеличить республику, нерѣшимельность и неразуміе Никіаса погубили ее. Такъ Французы, Аѣиняне временъ новѣйшихъ, быспро завоевали Сицилію въ 1676 году подъ руководствомъ славнаго Дю Кена, еще скорѣе поперяли оную опъ слабоумія недоспойнаго Вивонна. Опъ одинаковыхъ причинъ всегда одинаковыя послѣдствія!

Слѣдствія Сициліянскаго похода.

Слѣдствія Сициліянскаго похода были ужасны для Аѣинской республики. Когда извѣстіе

о погибели и флота и арміи достигло Афинъ, тогда народъ въ изумленіи своемъ не хошълъ въришь разнесшейся молвъ; но когда очевидцы подтвердили печальную истинну, тогда яроспъ народная обратилась прошивъ гадашелей, оракуловъ, жрецовъ и орапоровъ и прошивъ всѣхъ виновниковъ сего несчастнаго начинанія. Неизобразимы спраданія и скорбь Афинянъ, ужасно было соспояніе республики; она лишилась цѣлой прети своихъ гражданъ; флотъ весь испребленъ, армія погибла, казна испощена; союзники колеблюшя, народы покоренные бунтуютъ, непріятели предъ вратами самихъ Афинъ; и ихъ полипическая независимоспъ въ величайшей опасности. Спаршанскій Царь Агисъ съ многочисленнымъ войскомъ споялъ въ Ашшикъ и укрѣпился лагеремъ въ Декеліи, мѣстечкѣ прилежащемъ городу Афинамъ; острова Эвбея, Лесбосъ, Хиосъ и городъ Милешъ, союзные или подвласные доселѣ Афинянамъ, опложились опъ нихъ видя ихъ беспомощноспъ и несчастія, и присоединились къ Спаршанцамъ. Всѣми движеніями многочисленныхъ и сильныхъ враговъ Афинскихъ управлялъ Алкивиадъ, пользовавшійся въ шо время неограниченною довѣренноспію въ Спаршѣ. И самую

Персію воздвигаетъ онъ пропивъ Аѣинъ; Персидскій Монархъ общаетъ Спаршанцамъ пособіе въ деньгахъ и флотъ, слѣдственно въ такихъ предметахъ, въ которыхъ они всего болѣе имѣли нужду.

Бѣгство Алкивіада изъ Спаршы.

Дарій II Нотъ, царствовавшій въ то время въ Персіи (отъ 423 до 404 года до Р. Х.), былъ Государь слабый, безъ дарованій, безъ собственной воли, рабъ своихъ царедворцевъ, игралице Самраповъ, съ безпредѣльною властію управявшихъ въ областяхъ своихъ. Тиссафернъ и Фарнабазъ, Самрапы, управлявшіе, первый Карією и Іонією, а второй Мизією и Фригією, пользовались наибольшимъ довѣріемъ своего Монарха, и по Географическому положенію Самрапій своихъ имѣли великое вліяніе на дѣла Греческихъ республикъ. Алкивіадъ ловкостію своею и вкрадчивостію очаровалъ Тиссаферна и легко склонилъ его на сторону Спаршы. Аѣиняне неминуемо погибли бы, ежели бы не благоразуміе Спаршанцевъ не спасло ихъ. Алкивіадъ изъ изнѣженнаго, сластолюбиваго роскошнаго Аѣинянина переродившійся въ Спаршѣ, въ самаго сиротаго,

воздержнаго и поспояннаго ученика Ликургова приобрѣлъ уваженіе народа Спартанскаго и имѣлъ сильной вѣсъ въ государспвенномъ управленіи республики Спартанской. Знаменитость Алкивіада и его опасное вліяніе возбудили зависть и злобу къ нему въ гордыхъ спарѣйшинахъ Спаршы; Эфоры спрашились, и опъ него ненавидѣли его; самъ Царь Агисъ питалъ къ нему чувства неприязни, не извѣстно точно, попому ли, что величіе сего иноземца умаляло его въ глазахъ народа, или по тому, что безславіе его супруги, соблазненной, говоряшь, Алкивіадомъ, оскорбляло его чувствивительнѣйшимъ образомъ. Заслуги, оказанныя Алкивіадомъ Спаршѣ, были забыты, его таланты не были уже ей нужны; Спартанцы, шеперь могущеспвенные и побѣдоносные, надѣялись и безъ его содѣйствія рѣшительно воспоржеспвовать надъ своими врагами. Агисъ и знатнѣйшіе граждана Спаршанскіе умышляють погубить своего ужаснаго совмѣспника—иноземца, имъ поoliko ненависпнаго. Оспорожный Алкивіадъ проникъ злоумышленіе; изгнанный изъ Аеинъ опъ увидѣлъ себя принужденнымъ бѣжать и изъ Спаршы. Греція не могла сокрышь и защитить его

онъ злобы. Въ Малой Азіи подъ покровомъ Тиссаферна, ему приязненнаго, нашель онъ себѣ безопасное убѣжище.

с. Третій Періодъ войны Пелопонезской
онъ 411 до 404 года до Р. Х.

**Побѣды Алкивіада надъ Спаршанца-
ми и возвращеніе его въ Аѣины.**

Аѣиняне, ослабленные походомъ Сициліянскимъ, изнуренные нападеніями Агиса и доведенные до послѣдней крайности оппаденіемъ своихъ союзниковъ, не перяли однакожъ мужества, истощали оспальныя силы свои къ оборонѣ опечесова и свободы, и продолжали сопротивляясь всѣмъ ударамъ враждебной судьбы своей. Никогда они не являлись споль великими, какъ посреди несчастій теперь ихъ бременившихъ, и своими усиліями, необыкновенными пожертвованіями, великодушіемъ и героизмомъ они умѣли еще надолго поддерживать свою самобытность, и даже первенство надъ народами Греціи. Само счастье, казалось, начало снова благопріятствовать Аѣинянамъ. Алкивіадъ, досель опаснѣйшій ихъ врагъ, рѣшился по удаленіи своемъ изъ Спаршы сохра-

нишь Аѳины опъ совершенной гибели. Новое чувство злобы и мщенія къ Спарпанцамъ подавило въ немъ и самое воспоминаніе о епарой враждѣ его къ согражданамъ. Явившись къ Тиссаферну онъ опклонилъ его опъ союза съ Спарпанцою, представляя ему, что Спарпанцы одолѣвши Аѳинянь могутъ сдѣлаться опасными для самаго Монарха Персидскаго, и что Персы для собственныхъ выгодъ своихъ должны не оспанавливать, но еще болѣе усиливать внутренніе раздоры Греческихъ республикъ; междуусобія Грековъ и всеобщее безсиліе ихъ суть вѣрныя ручательства въ безопасности Персіи, въ незыблемости прона и славы Монарха Персидскаго.

Внушенія Алкивіада произвели сильное впечатлѣніе надъ Тиссаферномъ; съ сихъ поръ смотрѣлъ онъ на Спарпанцевъ, какъ на будущихъ враговъ Персіи. Алкивіадъ содѣлался любимцемъ сего Сатрапа и распорядителемъ его намѣреній и дѣйствій. Увѣренный въ расположеніи Тиссаферна онъ предался свободно сладостной для него мысли — возвратиться въ опечество; для сего онъ вступилъ въ переговоры съ Аѳинскими военачальниками споявшими съ Флопомъ въ Самосѣ, обѣщаль имъ дружбу

Персовъ и вспоможенія Персидскаго Монарха, соглашался самъ возвратиться въ Аѣины, но не прежде, какъ по уничиженіи владычества яроспной черни и по устанавленіи благо-разумнѣйшаго правленія Аристократическаго; онъ помнилъ, что причиною его несчастій было неистовство простаго народа, осудившаго его въ неразуміи своемъ по навѣшамъ демагоговъ, личныхъ враговъ его. Предложенія Алкивіада были приняты. *Антифонъ*, опличнѣйшій изъ правителей Аѣинскихъ, произвелъ перемѣну въ правленіи; Верховному Совѣту, изъ 400 знаменитѣйшихъ гражданъ состоявшему, ввѣрена высочайшая власть, а на мѣсто Народнаго Собранія учрежденъ Комитетъ изъ 5000 членовъ; не прочна и не продолжительна была сія перемѣна; Олигархи употребили во зло власть свою—Аѣины наводнены кровію гражданъ; Верховный Совѣтъ сдѣлался вмѣспилищемъ кровожадныхъ тиранновъ. Онъ уничиженъ; Демократія возстановлена на мудрыхъ правилахъ Солона; беспорядки пресѣклись, вражды стихли—и Аѣиняне всѣ единодушно опредѣлили возвращеніе Алкивіада и провозгласили его верховнымъ вождемъ всѣхъ силъ Аѣинскихъ. Блистательная звѣзда счастья и побѣды являет-

ся на горизонтѣ Аѳинской республики съ самой минутой назначенія Алкивіада.

Аѳинскіе военачальники, *Тразиллъ* и *Тразивулъ*, одерживаютъ рѣшительную поверхность надъ Спаршанскимъ флотомъ при Абидосѣ въ Геллеспонтѣ; самъ Алкивіадъ, желая прибыть въ Аѳины со славою и добычами, поразилъ враговъ опечесства во многихъ битвахъ, унизилъ Тиссаферна, вѣроломно его оставившаго и опять склонившагося на спорону Спаршы, и въ 410 году разбилъ на голову Спаршанцевъ и союзнаго имъ Самрапа Фарнабаза при Кизикѣ; здѣсь совершенно истреблены были и флотъ, и сухопутная армія Спаршанцевъ; самъ ихъ военачальникъ, *Миндаръ*, палъ на мѣстѣ битвы. „Счастлие измѣнило намъ; Миндаръ убитъ; войны шерпящъ голодъ; что дѣлать, не знаемъ.“ Такъ писали Спаршанцы увѣдомляя Эфоровъ о своемъ пораженіи — примѣчательный примѣръ древняго Лаконизма! Республика Спаршанская умоляла Аѳинянь о мирѣ — отвергнушы ея предложенія и прозбы. Аѳиняне въ упоеніи побѣдъ своихъ не думали о превращеніяхъ военнаго счастья, и подъ предводительствомъ Алкивіада считали себя непобѣдимыми. Въ самомъ дѣлѣ они могли, казалось, быть увѣрен-

ными въ своей непобѣдимости; послѣ сраженія при Кизикѣ они возвратили всѣ оппавшіе отъ нихъ острова и владѣнія оппнятыя Спаршанцами, владычеспвовали безъ совмѣспниковъ на Эгейскомъ морѣ, овладѣли Визанціею, Халкедономъ и многими другими важными мѣсптами въ Малой Азіи и во Фракіи, получили не смѣспныя сокровища отъ народовъ побѣжденныхъ, приобрѣли дружбу Фарнабаза и надѣялись союза съ Даріемъ; съ помощію союзниковъ и подвластныхъ имъ народовъ имъ не шрудно было соорудить новый еще огромнѣйшій флотъ, и соспавить новое воинспво. Спаршанцы, пораженные повсюду, безъ флота, безъ войска, безъ денегъ, что могли прошивупоспавить своимъ неприяшелямъ?

Алкивιάдь, совершивши такіе блиспательные подвиги, не шерпѣливо желалъ увидѣть родной свой городъ, и послѣ шесспилѣтняго изгнанія всшупить оппять шоржеспвенно въ спѣсны Аѣнскія. Его прибытіе въ Пірей (въ 408 году), появленіе въ Аѣнахъ, и оправдательная рѣчь, произнесенная имъ къ народу, распроспранили во всей республикѣ Энпузіасмъ живѣйшей радости и восшорговъ; Алкивιάдь принялъ былъ народомъ, какъ Геній спа-

сипель опечесхва и зиждипель будущаго величія Аѣинянь; мѣсто ненависпи, не задолго предъ симъ къ нему пишасмой, всѣ граждане изьявляли чувства неограниченной любви, искренней признапельности и уваженія; всѣ наперерывъ спарались загладить раскаяніемъ своимъ тѣ оскорбленія, копорыя прежде были ему оказаны; поржесшвенно, въ храмахъ предъ лицемъ Боговъ, сняты были по повелѣнію всего народа тѣ прокляшя, коими обременено было имя Алкивіада. Но крашковременно было поржесшво его и счастье.

Аѣиняне въ своей гордоспи мечпали, что весь союзъ Пелопонезскій теперь безпрекословно признаешъ волю ихъ закономъ для себя; они хопѣли совершеннаго испребленія своихъ неприяшелей. Для сего повелѣно было Алкивіаду отправишся съ флотомъ въ Малую Азію для славнаго окончанія войны; имѣя спшо галеръ подъ своимъ управленіемъ и войско многочисленное, не снабженное однакожь нужнымъ для содержанія, онъ приспалъ къ берегамъ Малоазійскимъ, не съ шѣмъ, чшобы не медленно вспунить въ бой съ неприяшелями, но чшобы обезпечить продовольспвіе своихъ воиновъ сборомъ дани съ богашыхъ жипшелей

Каріи и Лидіи и упрочить для Аеинянъ союзъ съ Царемъ Персіи.

Здѣсь къ величайшему огорченію своему узналъ Алкивіадъ, что дворъ Персидской измѣнилъ свое расположеніе къ Аеинянамъ и убѣжденный настояніями Спартианцевъ общалъ симъ послѣднимъ свое покровительство. Дѣятельнѣйшимъ защитникомъ Спарты былъ впрочемъ сынъ Дарія, столько славный въ послѣдствіи подъ именемъ Кира младшаго. Онъ наименованъ былъ отъ пресарѣлаго ошца своего Верховнымъ Повелителемъ всѣхъ странъ Малой Азіи, лежащихъ на западъ отъ рѣки Гались. Киръ облеченъ былъ не ограниченою властію надъ сими обласьями; Тиссафертъ и Фарнабазъ подпали къ нему въ совершенную зависимость; они ничего не могли сдѣлать на пользу Аеинской республики. Алкивіадъ скоро удостовѣрился въ рѣшительномъ уклоненіи Кира отъ всѣхъ дружественныхъ съ нимъ сношеній; надежды на помощь Персовъ разсѣялись; въ одномъ умѣ своемъ онъ долженъ былъ искать средствъ къ одолѣнію враговъ опещества своего.

Бѣгство Алкивіада во Эракію.

Алкивіадъ высадился съ кораблей своихъ близъ Эфеса, и отправился въ Эолію, гдѣ сподобился Тразивулъ съ опрядомъ войска и съ часпю флота; намѣреніе Алкивіада состояло въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ Тразивуломъ начертать планъ дѣйствій противъ непріятеля и чрезъ посредство Тиссаферна дѣйствовать на самаго Кира. Оставляя флотъ онъ ввѣрилъ управленіе онаго на время своего отсутствія Антиоху, строгаго повелѣвъ ему, всячески избѣгать сраженія съ непріятелемъ и уклоняться отъ всякихъ важныхъ дѣлъ. Антиохъ по неразумію или по дерзновенному честолюбію своему нарушилъ повелѣніе верховнаго вождя своего; вспутивши въ бой съ Спарціанцами онъ былъ разбитъ и убитъ; пятнадцать кораблей Аевинскихъ достались въ руки побѣдителей; сраженіе сіе происшедшее въ 407 году по близости Эфеса при мысѣ *Нотіонъ*, незначительно по потерѣ войскъ, но чрезвычайно важно по тому впечатлѣнію, которое оно произвело надъ умами Аевянъ въ Ашшикѣ. Симвъ несчастнымъ случаемъ воспользовались личные враги Алкивіада; его небрежности припи-

сали они пораженіе Антіоха, и легкомысленный народъ, чпившій незадолго предъ симъ Алкивіада, какъ Царя своего, поклонявшійся ему, какъ своему спасителю, лишаешъ его власти, опнимаешъ у него всъ достоинства и почести, и осуждаешъ какъ измѣнника опечесству. Невинный спрадалецъ, великая жертва злобы и легкомыслія, удаляешся Алкивіадъ во Фракію; приученный уже къ несчастіямъ онъ не изнемогаешъ подъ шпажестію оныхъ; и здѣсь посреди варварскаго народа онъ сохраняетъ свое присудствіе духа и швердосшь характера; покоривши вольныхъ Фракійцевъ своей власти онъ пекся о независимоспи и безопасности Фракійскихъ Греческихъ поселеній.

Въ Аѳинахъ блиспаль Алкивіадъ оспроуміемъ, ловкоспію, упонченнымъ въ изящеспвѣ вкусомъ и легкомысліемъ; въ Спаршѣ помрачалъ самыхъ спрогихъ Спарпанцевъ необыкновенною шочноспію въ исполненіи всѣхъ предписаній Ликурга, суровоспію, не преклонноспію и самоопшверженіемъ; въ Малой Азіи при дворѣ Персидскаго Самрапа превосходиль всѣхъ великолѣпиемъ, роскошію, сластоплюбиемъ и изнѣженноспію; во Фракіи въ кругу дикарей, въ бесѣдахъ съ варварами опмичался

прожорствомъ и грубою не воздержностію, и во время охотничьихъ походовъ сопутствуя Фракійцамъ изумлялъ ихъ своею меткостію и искусствомъ въ преслѣдованіи хищныхъ звѣрей, былъ лучшимъ ловцомъ между всѣми Фракійскими юношами—былъ первымъ вездѣ и во всемъ, умѣлъ принимать всѣ возможные виды, всѣ измѣненія сообразно съ обстоятельствомъ и съ духомъ народовъ. Истинный Хамелеонъ—необыкновенное явленіе въ нравственной природѣ!

Сраженіе Аргинузское. Калликрашидъ.

По низложеніи Алкивіада Аѣнныне избирають на его мѣсто десять военачальниковъ съ одинакими правами и съ равною властію. Кононъ былъ отличнѣйшимъ изъ всѣхъ сихъ вождей по своей опытности, дознанному искусству и благоразумію. Загладишь нанесенное при Нопіонѣ пораженіе и воспрепятствовашъ усиленію Пелопонезцовъ въ Малой Азіи—было главнымъ предметомъ заботливости Аѣнскаго правительсва. Островъ Самось назначень сборнымъ мѣстомъ кораблей Аѣнскихъ и главнымъ мѣстопребываніемъ Конона; отсюда разъ-

взжалъ онъ по всѣмъ прибрежнымъ странамъ для сбора подашей съ народовъ подвласныхъ Аѳинской республикѣ; и Кононъ находился въ такомъ же затрудненіи касательно содержанія воиновъ, какъ прежде былъ Алкивіадъ. Предводительствуя 70 кораблями Кононъ оставилъ Самось и направился къ Геллеспонту въ надеждѣ получить пособіе отъ своихъ союзниковъ, тамъ обитавшихъ; на высотѣ острова Лесбоса онъ встрѣченъ былъ многочисленнымъ, изъ 170 кораблей состоявшимъ флотомъ Пелопонескимъ; опасность чрезвычайная предстояла Конону; сраженіе было не избѣжно; потерявши 30 судовъ въ бою слишкомъ не равномъ онъ укрылся съ остаткомъ силъ своихъ въ стѣнахъ и гавани города Митилены, который преслѣдующіе враговъ своихъ Спартанцы осадили и съ сухаго пуня, и съ моря. Съ величайшимъ трудомъ могъ извѣстить Кононъ своихъ согражданъ о потерѣ имъ потерпѣнной и объ опасности, грозившей ему совершенною гибелью.

Аѳиняне при сей роковой вѣсти скорбѣли, но сохраняли обычное имъ мужество; правительство рѣшилось употребить все усилія къ опмщенію за нанесенный ущербъ и къ спасенію Конона; немедленно въ печеніи одного мѣ-

сяца соспавлено новое воинство и снаряженъ новыи флотъ; около 150 кораблей отправлено къ острову Лесбосу.

Спаршанцы усипрашились въ свою очередь услышавъ о приближеніи такою огромнаго флота. Всѣми Спаршанскими силами предводительствоваль *Килликратида*, Спаршанецъ въ спрогомъ, благородномъ значеніи сего слова, образецъ высокихъ республиканскихъ добродѣтелей, не преклонной честиности и неизмѣнной покорности законамъ своего опещства. Упорно продолжалъ онъ осаду Мипилены и въ то время, какъ Афиняне подходили уже въ Лесбосу; наконецъ оставивъ 50 кораблей подъ стѣнами сего города съ прочими 120 онъ вышелъ на встрѣчу своимъ неприятелямъ; въ проливѣ раздѣляющемъ Лесбосъ отъ матерой земли Малой Азіи у мелкихъ острововъ Аргинузскихъ сошлись оба флота. Превосходство силъ было на сторонѣ Афинянъ; 50 кораблей имѣли они болѣе прошиву Спаршанцевъ. Калликратиду опсовѣщывали вступать въ сраженіе съ силами несравненно превосходшими его силы. „Ежели я и погибну, опвѣчалъ онъ съ Спаршанскою пвердостію, то Спарша моею смертію ничего не потеряетъ;

бѣгствомъ же своимъ она потеряешь много— честь свою., Калликрапидъ пропаянулъ все корабли свои въ одну линію промежъ острововъ; Аѣинскіе военачальники, числомъ 8, расположили свой флотъ ошъ острововъ на югъ въ откритомъ морѣ и раздѣлили оный на три линіи: въ центрѣ стояли корабли союзническіе, по бокамъ находились галеры Аѣинскія, бо на каждомъ флангѣ. Спаршанцы отккрыли бой (въ 407 г); началось сраженіе упорнѣйшее, самое кровопролитное можешь бышь изъ всехъ, которыя когдалибо происходили у Грековъ съ Греками; оба спороны сражались равно отчаянно, долго равно успѣшно, сперва цѣлою массою флотовъ, потомъ по частямъ, и наконецъ по одинакѣ корабль сцѣплялся съ кораблемъ. Калликрапидъ, герой достойный лучшей участи, воодушевлявшій своихъ воиновъ примѣромъ чудесной доблести своей, упалъ съ боршпа корабля своего потрясеннаго ударомъ судна непріятельскаго — и погибъ въ волнахъ моря. Смерть его рѣшила судьбу сраженія; флотъ Спаршанскій, скоро послѣ сего разсѣянный, обратился въ бѣгство; 70 кораблей и 10,000 воиновъ потеряли Спаршанцы въ сей ужасной битвѣ; уронъ Аѣинянъ прости-

рался до 25 кораблей. Никогда во все продолжение войны Пелопонезской Афиняне не одерживали столь рѣшительной и столь знаменитой побѣды. Въ слѣдствіе оной островъ Лесбось очищенъ отъ Спартанцевъ, и Ковонъ увидѣлъ себя свободнымъ и спокойнымъ обладашелемъ Мишилены и всего Лесбоса.

Афины, богатая всегда славными полководцами, бѣдны были въ сіе время правителями мудрыми; неисповѣе, подспрѣкаемые завистью Демагоги уничтожили всѣ благошворныя слѣдствія, могшія произойти отъ блистательной побѣды Аргинуской. По наущенію сихъ Демагоговъ, народъ Афинской осудилъ на казнь всѣхъ полководцевъ, участвовавшихъ въ битвѣ, и способствовавшихъ совершенному порженію Афинянъ надъ своими сопровивниками. Подъ предлогомъ, что сіи полководцы пренебрегли священную обязанность предать погребенію падшихъ въ сраженіи воиновъ, смертный приговоръ произнесенъ надъ виновниками славы Афинской; шесть лучшихъ вождей республики были преданы позорной смерти. Афиняне, сильные извнѣ и побѣдоносные надъ врагами внѣшними, были слабы внутри и изнемогали подъ ударами междуусобій.

Лизандръ.

Между шѣмъ Спаршанцы и послѣ великой, ужасной для нихъ бѣгивы Аргинузской не опчаявались въ своемъ спасеніи; не теряли мужества и являли единодушное согласіе и твердость въ своихъ мѣрахъ; а согласіе, мужество и твердость суть вѣрныя ручательства успѣховъ и счастья. По волѣ всей Спаршанской республики и по требованіямъ ея союзниковъ, Лизандръ наименованъ вождемъ новаго флота Спаршанскаго и главою всѣхъ силъ долженствовавшихъ снова пропигуспашъ Аѣинянамъ.

Лизандръ рожденъ былъ съ наклонностями ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, отличающимъ Спаршанцевъ отъ другихъ народовъ Греціи; воспитаніе развило и усилило въ немъ сіи наклонности. Спремленіе къ чести и славъ, внушенное ему съ самыхъ юныхъ лѣтъ, содѣлалось въ послѣдствіи ненасытнымъ честолюбіемъ и необузданною спрастію властвовать. Съ проницашельностію, остроуміемъ и дѣяшельностію *Θемиспокла* соединялъ онъ гибкость и вкрадчивость *Алкивіада*; глубокія познанія и упонченныя нравы его были не обыкновеннымъ явленіемъ между Спаршанцами;

съ чрезвычайнымъ искусствомъ умѣлъ онъ направлять умы своихъ согражданъ къ своей цѣли, хладнокровно изыскивалъ средства ведущія его къ оной; все считалъ для себя дозволеннымъ, лишь бы достигнуть желаемого, все равно, были ли его мѣры честныя и законныя, или предосудительныя и зазорныя; насиліе, обманъ и вѣроломство были основаніемъ его поступковъ и полиптики. „Дѣшею забавлялъ надобно игрушками, говаривалъ Лизандръ, а неприятелей кляпвами; шопъ управляешь народами, кто умѣешь управляешь мечемъ.„ Онъ былъ непримиримъ въ злобѣ, ужасенъ въ мести своей. Онъ хотѣлъ возвеличить Спаршу, но возвеличеніе сей республики долженствовало быть исключительно его дѣломъ; онъ поему препятствовалъ, когда видѣлъ, что другой кто либо желаетъ раздѣлять съ нимъ эту славу. Послѣ Бразиды никто не пользовался такою довѣренностію союзниковъ, никто не обладалъ такою любовію Персидскихъ Сатраповъ, какъ Лизандръ; Киръ младшій, верховный Правитель Малой Азіи, считалъ его своимъ другомъ и снабжалъ его огромными суммами, нужными для содержанія флота и платы воинамъ Спаршанскимъ. Довѣренностію со-

юзниковъ къ Лизандру и дружба его съ Киромъ были главными причинами къ избранію его верховнымъ повелителемъ флота Спаршанскаго; впрочемъ и безъ сихъ побужденій Спаршанцы не могли избрать лучшаго гражданина, который бы болѣе Лизандра достоинъ былъ сей чести; онъ давно уже извѣстенъ былъ своими воинскими подвигами; ему одолжены Спаршанцы побѣдою своею надъ Аѳинянами при Номіонѣ.

Пораженіе Аѳинянъ при Эгосъ-Потамосѣ.

(405 г. до Р. Х.)

Въ 406 году отправился Лизандръ съ флотомъ ему ввѣреннымъ въ Малую Азію; снабдившись всемъ необходимымъ въ Эфесѣ плынулъ онъ къ сѣверу, достигнувъ Геллеспонта и рѣшился овладѣть городами лежащими здѣсь, союзными Аѳинамъ; изъ сиракъ около Понша Эвксинскаго, Пропоншиды и Геллеспонта получали Аѳиняне средства къ своему продовольствію; отсюда доставали они самую большую часть своихъ Государственныхъ доходовъ; для сего Лизандръ намѣренъ былъ отрѣзать имъ всякое сообщеніе съ сими сираками и воспре-

плпшпшовашъ сборъ дани съ земель подвласпныхъ Аенской республикѣ. Важные по богатству и населенію своему города Абидось и Лампсакъ немедленно покорились ему; въ гавани сего послѣдняго спалъ онъ на якорѣ со всѣми своими кораблями.

Аеиняне подъ предводительствомъ шести военачальниковъ спѣшили также въ Геллеспонтъ для изгнанія опшуда своихъ неприятелей. Покушавшись щцетно опнять у Лизандра городъ Лампсакъ они оспавились на противоположной споронѣ пролива въ устьѣ рѣки Эгось-Пошамось; сюда прибылъ и Алквивіадъ, все еще спраспный ко благу своего опечества; онъ совѣшовалъ военачальникамъ оспавивъ берега Эгось-Пошамоса перевести флотъ въ гавань города Сеспа, нѣсколько къ югу лежащаго; шамъ, говорилъ онъ лучше могутъ они обороняцца опъ внезапныхъ нападеній неприятелей и удобнѣе продовольствовашъ своихъ воиновъ. Совѣшъ Алквивіада опвергнушъ— ему повелѣно удалиться. Могли ли гордые Спращеги, не оскорбляясь въ своемъ самолюбіи, внимашъ совѣшамъ изгнанника, вождя опверженнаго народомъ и республикой. Аеинскіе полководцы имѣя 180 кораблей могли въ са-

момъ дѣлѣ, казалось, бытъ увѣренными въ побѣдѣ; Лизандровъ флотъ былъ несравненно слабѣ Аѣинскаго. Посему Лизандръ не отваживался на открышый бой; не силою и храбростію, а хитростію и искусствомъ надѣялся онъ одолѣть враговъ. Четыре дня сряду вызывали его Аѣиняне къ сраженію—онъ не двигался показывая притворную робость и боязнь. Аѣиняне болѣе и болѣе обольщались мыслию своей непобѣдимости. Между тѣмъ Лизандръ дѣйствовалъ неуспынно; каждый разъ при опшупленіи Аѣинскаго флота опъ Лампсака онъ посылалъ нѣсколько судовъ изъ своего флота для наблюденія за поступками Аѣинянь; сіи посланные приносили ему самыя благопріятныя вѣсти о безразсудной безпечности и самонадѣянности непріятелей; Аѣиняне послѣ разѣздовъ своихъ по Геллеспонту выходили съ кораблей своихъ и разсѣявались по всему пространству Херсонеса. На сей дерзновенной самоувѣренности Аѣинянь основалъ Лизандръ успѣхъ своего предпріятія; изгопювивши все къ бою на пятой день снялся онъ съ якорей, быстро переплылъ пространство пролива отъ Лампсака до Эгостъ-Потамоса (не болѣе 3 верстъ) и стремительно напалъ на флотъ непріятель-

ской, во все безоружный и беспомощный. Только Кононь, одинъ изъ шести полководцевъ, намбу же извѣстный изъ предъидущаго, угадывалъ нѣкопорымъ образомъ намбренія Лизандра; онъ одинъ содержалъ опрядь свой всегда въ готовности; къ сожалѣнью, прочіе военачальники не послѣдовали благоразумному его примѣру; не согласіе царствовало между ними; оно погубило ихъ. Новое доказательство того, сколь погибеленъ раздѣлъ власти между многими вождями!—Скоро Лизандръ овладѣлъ всею флотомъ Аѳинскимъ; спаслись только девять кораблей, одинъ принесъ извѣстіе о пораженіи въ Аѳины, а другіе восемь удалились въ Кипръ. Кононь ведшій ихъ нашелъ безопасное убѣжище и покровительство у Эвагора, владѣтеля Кипрскаго. Могъ ли Кононь возвратиться въ отечество послѣ несчастія, постигшаго Аѳинянь при Эгосъ-Пошамосъ. Жестокая смерть онъ опчаянныхъ согражданъ, или ужасное рабство онъ Спаршанцевъ—всѣ что ожидало его въ Аѳинахъ!

Побѣда Эгосъ-Пошамоская, сплжанная Спаршанцами безъ всякихъ усилій и безъ кровопролитія, рѣшила судьбу Аѳинъ и окончила войну Пелопонезскую. Лизандръ торжественно воз-

вращился въ Лампсакъ влача за собою 5000 военнопленныхъ Аѳинскихъ гражданъ, которыхъ повелѣлъ онъ умертвить; всѣ города и области Аѳинскія расположенныя по берегамъ Понпа Эвксинскаго, Пропонпиды, Геллеспонца и моря Эгейскаго, сдались на произволь побѣдителей. Послѣ сего съ 200 кораблей отплылъ Лизандръ отъ береговъ Малой Азіи и явился въ Пирей подъ стѣнами несчастныхъ Аѳинъ. Сей городъ, некогда сильный и богатый, теперь бѣдный, безпомощный и беззащитный, осажденъ немилосерднымъ врагомъ своимъ и съ сухаго суши, и съ моря. Атисъ окружилъ его своею арміею, Лизандръ съ флотомъ грозно стоялъ въ гавани Аѳинской. Аѳиняне не видѣли ни откуда помощи; слѣпая покорность волѣ побѣдителей была единственнымъ средствомъ къ спасенію; они умоляли о мирѣ; посланные Аѳинскіе подъ руководствомъ Терамена прибыли въ Спаршу, дабы въ присутствіи всѣхъ собранныхъ шамъ Депушаповъ Греческихъ выслушать отъ Эфоровъ приговоръ свой: пощаду или гибель своей республики.

Фиванцы, Коринѳяне и нѣкоторыя другіе народы, ожесточеннѣйшіе враги Аѳинянъ, пребывали, чшобы Аѳины были срышы до осно-

занія, и совершенно уничтожена и самая республика Аѣнская, толико зла имъ причинившая. Спаршанцы не согласились на пребыванія Фиванцевъ, защищили Аѣнянъ, сохранили бышіе и независимое существованіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ ужаснобы было испребишь пошь народъ, который спасъ Грецію, и поспавиль Грековъ превыше всѣхъ народовъ земли. Но не симиображеніями руководспвовались Спаршанцы, не изъ великодушія щадили они Аѣнянъ, но попому, что считали ихъ необходимымъ звѣномъ въ цѣпи всего союза Греческаго, попому что Аѣнская республика могла служилъ для нихъ самихъ опломомъ проптивъ злобы, пишасемой къ Спаршѣ Аргивцами, и проптивъ власполубивыхъ припязаній Коринѣянъ и Фиванцевъ.

Аѣнянамъ даровано спасеніе [и предписанъ миръ] на слѣдующихъ условіяхъ: Аѣины, обладашія доселѣ такъ многими землями и островами, лишаются всѣхъ своихъ поспороннихъ владѣній; Аѣняне, повелители морей не смѣютъ содержать болѣе 12 галеръ; республика Аѣнская, надмѣнная соперница Спаршы, обязывается исполнять волю Спаршанцевъ, слѣдовашь подѣ знаменами ихъ во всѣхъ войнахъ

наступательныхъ и оборонительныхъ , на сухомъ пупи и на морѣ; Аѳиняне должны срыть швердыя стѣны, соединявшія городъ ихъ съ Пиреемъ и разрушить укрѣпленія сей гавани; народъ Аѳинской, споль пламенно преданный правленію демократическому, долженъ шеперь покориться владычеству не многихъ, ненависныхъ имъ Олигарховъ; изгнанные во время прежнихъ раздоровъ Эвпатриды возвращены въ Аѳины и вступаютъ во всѣ права свои.

Съ высокоумрѣемъ побѣдителя вступилъ Лизандръ въ Аѳины, и при музыкальныхъ звукахъ, съ изъявленіями безумной радости повелѣлъ разрушить стѣны Аѳинскія и избрать 30 правителей, коихъ онъ облекъ верховною властію надъ народомъ Аѳинскимъ, и копорые преданы будучи интересамъ Спарты содѣлались истинными шираннами, умѣстителями своего отечества.

Конецъ войны Пелопонезской.

Такъ кончилась убійственная 27 лѣтняя брань, разрушившая благоденствіе большей части племень Греческихъ! Спарта вспала опять на шепень первенствующей державы; Аѳиня-

не потеряли права свои на Гегемонію въ союзѣ Греческомъ ровно 75 лѣтъ спустя послѣ битвы Саламинской, которая утвердила и славу, и величіе республики Аѣинской. Аѣиняне часто упопребляли во зло власть свою надъ союзниками, омрачили свое управленіе вопіющими несправедливостями, тысящекратно преступали законы умеренности и правоты — и не смотря на всѣ сіи злоупотребленія власти мы не усомнимся сказать, что Аѣиняне наказаны не по достоинству; наказаніе было жестоко — пресупупленій; скажемъ не обинуясь, что Греція подъ покровительствомъ Аѣинъ была вообще счастлива, могущественна и славна; что угнѣшенія, причиненныя въ частности нѣкоторымъ племенамъ, заглаждались успѣхами Аѣинянъ въ торговлѣ, въ наукахъ и въ искусствахъ, успѣхами, которые опливали благодѣтельные дѣйствія и на прочихъ Грековъ; великіе мужи, выходившіе изъ нѣдръ Аѣинской республики и дѣйствовавшіе на театрѣ свѣта съ такою славою, примиряющъ насъ совершенно съ высокоумнымъ, легкомысленнымъ и часно ширанинскимъ народомъ Аѣинскимъ. Паденіе Аѣинъ есть истинно великое событіе, печальное и несчастное для всей Греціи; на

развалинахъ спѣнь сего города, на гробахъ героевъ республики Аѳинской замѣтно угасаль пламенникъ свободы Эллинской — близка была кончина полипической жизни всѣхъ народовъ Греческихъ! Спарта съ помощію золопа Персидскаго воспоржеспвовавшая надъ своею соперницею гошвила пняжелыя оковы пиранспва, и своею жестокоспію заспавила скоро всѣхъ Грековъ жалѣшь объ Аѳинянахъ, воспоминашь съ любовію о правленіи прежнихъ своихъ повелителей. Греки свергли съ себя иго народа образованнаго для того, чшобъ подвергнушья владычеству народа грубаго, и во всѣхъ мѣрахъ своихъ насильспвеннаго и жестокаго.

Конецъ первой Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПРЕДМЕТОВЪ, СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ ПЕРВОЙ
ЧАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

	<i>Стран.</i>
Вступленіе	1.
Взглядъ на землю Греціи	4.
Первые обитатели Греціи	6.
Части Греціи:	
А. Эссалія	10.
В. Эпиръ	17.
С. Эллада	19.
1. Акарнанія	—
2. Этолія	20.
3. Локрида	21.
4. Дорида	—
5. Фокида	22.
6. Віопсія	23.
7. Апплика	26.
Д. Пелопонесь	34.
1. Коринь	35.
2. Сикіонъ	37.
3. Ахайя	—
4. Элида	38.

	<i>Стран.</i>
5. Мессенія	40.
6. Лаконія	41.
7. Аркадія	43.
8. Арголида	46.
Е. Греческіе острова	49.
Троянское царство	52.
Троянская война	54.
Нашествіе Ираклидовъ	63.
Греческія колоніи	66.
Происхождение республиканскаго правле- нія въ Греціи	70.
Причины національности Греціи	72.
1. Одинаковость языка	—
2. Одинаковость религіи	74.
3. Оракулы	76.
4. Игры	82.
5. Амфиктіонское собраніе	89.
Спаршанская республика	92.
Ликурзь	94.
Законодательство Ликурга	99.
а. Политическіе законы его	—
в. Гражданскіе законы	104.
1. Равенство Спаршанскихъ гражданъ	105.
2. Воспитаніе Спаршанцевъ	109.
3. Военское устройство ихъ	115.

	<i>Стран.</i>
Мессенскія войны	128.
а. Первая Мессенская война	130.
б. Вторая	133.
Афинская республика	142.
Драконъ	149.
Солонъ	151.
Законодательство Солона	153.
Составъ Афинской республики или форма правленія оной.	155.
а. Народное Собрание	—
б. Були или Великій Совѣтъ	160.
с. Ареопагъ	161.
д. Архонты	164.
е. Ораторы	166.
Гражданскіе законы Солона	169.
Воинское устройство Афинской республики.	176.
Путешествія Солона и состояніе Афинъ во время его отсутствія.	181.
Пизистратъ	186.
Иппархъ и Иппій	194.
Малая Азія—Части оной.	201.
а. Мизія	202.
б. Лидія	204.
с. Карія	207.

d. Ликія	209.
e. Памфілія	210.
f. Киликія.	211.
g. Виѳинія.	212.
h. Пафлагонія.	213.
i. Понть	214.
к. Фригія.	216.
l. Каппадокія.	218.
Покореніє Малой Азіи Персами	219.
Возмущеніє Малоазійскихъ Грековъ	223.
Война Персовъ съ Греками Европейскими	229.
Мильпіадъ и Ариспидъ	234.
Мараѳонская битва	237.
Несчастія и кончина Мильпіада.	242.
Θемистокль	245.
Походъ Ксеркса на Грецію.	248.
Леонидъ при Θермопилахъ	253.
Опустошеніє Эллады и разрушеніє Аѳинъ	261.
Сраженіє при Артемизіи	263.
Греки при Саламинѣ	265.
Битва Саламинская	269.
Бѣгство Ксеркса	274.
Побѣда Гелона при Гимерѣ	278.
Неудачная Полипика Мардонія	279.
Мардоній и Павзаній при Платеѣ.	282.

Випва Плашейская	284.
Сраженіе при мысѣ Микале	290.
Слѣдствіе войнъ Персидскихъ	293.
Соперничество Спаршы и Аѣинь	300.
Изгнаніе и смерть Ѳемиспокла	308.
Пресупленія Павзанія и его кончина	312.
Первенство Аѣинянь въ союзѣ Греціи	314.
Кимонъ	317.
Сраженія при Эвримедонѣ	320.
Гордость и самовластительство Аѣинянь— несчастія и униженіе Спаршанцевъ	323.
Кончина Кимона	336.
Перикль	340.
Причины войны Пелопонезской войны и ближайшіе поводы къ началу оной	357.
Вражда Коринянь съ Корцирянами	359.
Осада Попидеи	362.
Война Пелопонезская	367.
Сравнительное могущество Спаршы и Аѣинь	368.
Опустошеніе Аппики Спаршанцами и Пелопонеса Аѣинянами	374.
Погребальное шоржество въ Аѣинахъ	377.
Моровая язва въ Аѣинахъ	380.
Несчастія Перикла и его кончина	385.

	<i>Стран.</i>
Клеонъ и Никіасъ	391.
Опустошенія въ Лесбосѣ	394.
Раззореніе Плапей	396.
Убийства въ Корцирѣ	397.
Взятіе Пилоса и Сфакперіи	399.
Вѣроломное умерщвленіе Илоповъ	401.
Подвиги Бразида—Миръ Никіасовъ	402.
Алкивіадъ	411.
Оспровъ Сицилія	415.
Могущество Сиракузь	418.
Возстаніе Эгеспанцевъ—Планъ Алкивіа- да къ завоеванію Сициліи	421.
Обвиненіе Алкивіада	424.
Походъ Аѳинянь на Сицилію	427.
Осужденіе Алкивіада и бѣгство его въ Спарту	429.
Осада Сиракузь. Гилиппъ. Бѣдствія по- стигшія Аѳинянь въ Сициліи	431.
Слѣдствія Сициліянскаго похода	436.
Бѣгство Алкивіада изъ Спарты	438.
Побѣды Алкивіада надъ Спаршанцами и возвращеніе его въ Аѳины	440.
Бѣгство Алкивіада во Фракію	447.
Сраженіе Аргинузское. Калликрапидъ	449.
Лизандръ	454.

Стран.

Пораженіе Аѳинянь при Эгосъ — По- шамосъ	456.
Конецъ войны Пелопонезской	462.

О П Е Ч А Т К И

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ,

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
4	— 4	снизу ровная	равная
28	— 4	маелинь	маслинь
37	— 7	Ароса	Аргоса
44	— 10	сверху поселяль	поселиль
52	— 17	богашая	богатая
54	— 8	въ возникавшемъ	въ возникавшемъ
107	— 16	миръ	міръ
128	— 12	оборипельную	оборонительную
153	— 3	снизу лучшихъ,	лучшихъ
159	— 15	сверху назначались	назначались
160	— 8	осшавиль	оставиль
161	— 3	снизу въ Великоиъ	въ Великомъ
162	— 16	сверху сложавшихъ	сложившихъ
178	— 2	на тяжелыя, на легкія	ни тяжелыя, ни легкія
186	— 17	блишпательными	блистательными
216	— 4	считались	считалась
219	— 12	Горестъ	Горсть
237	— 15	упиравшемся	управшимся
257	— 18	далѣ	долѣ
258	— 4	начинанія;	начинанія,
— 263	5	всяща	взяща
—	— 3	снизу сирадахъ.	снарадахъ.
264	— 8	сверху опправившись	оправившись
271	— 6	доспигшія	достигшіе
281	— 10	жизнь свободѣ	свободу жизни
295	— 3	снизу Гречеекихъ	Греческихъ
331	— 2	Аеинние	Аеиняне
359	— 10	сверху мира	мира
380	— 11	подобоо	подобно
413	— 15	Аеиняне.	Аеиняне
422	— 9	угрожамя	угрожаемъ
445	— 2	мѣспо	вмѣсто
457	— 18	говориль онъ	говориль онъ,